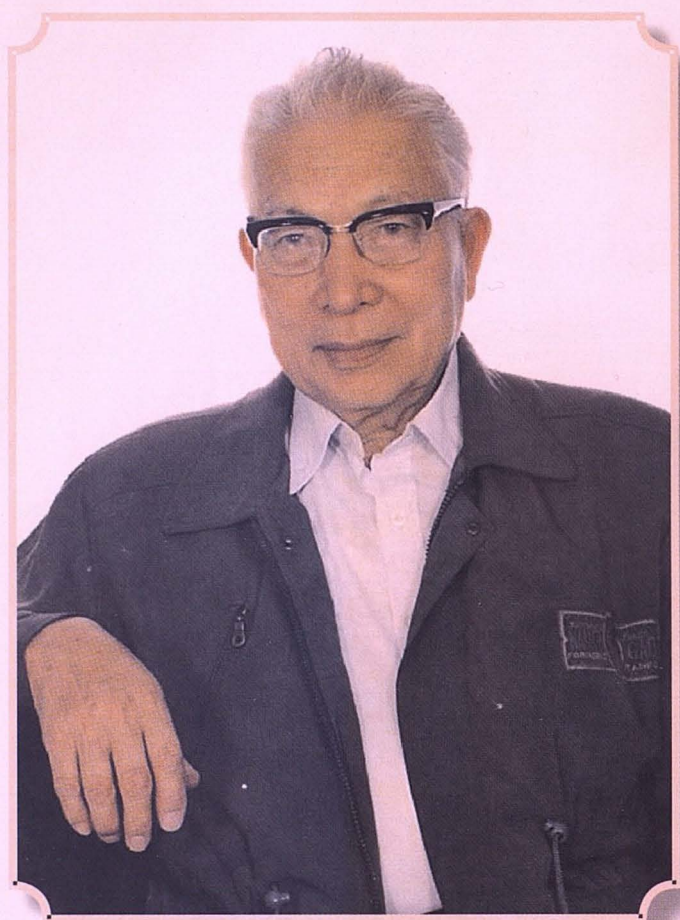

Салык Зиманов

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ
СОЧИНЕНИЙ

ТОМ VII

ЭН02(2009)112

УДК 340
ББК 67.0
3 - 03

**Медиа-корпорация
«ЗАН»**

Алматы «Медиа-корпорация «ЗАН» 2009. VII том - 444 стр.

Руководитель проекта:
Саяфова К.Р. проф., к.и.н.

**Салык
ЗИМАНОВ
ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ
СОЧИНЕНИЙ
ТОМ VII**

В. З. Зиманов. Полное собрание сочинений. Том VII. Алматы: Медиа-корпорация «ЗАН», 2009. 444 с.

ББК 67.0

С 1505000310
00 (02) - 03

© С. Зиманов. 2009
Алматы «Медиа-корпорация «ЗАН» 2009

Алматы
2009

УДК 340
ББК 67.0
З - 62

З - 62 **Салык Зиманов: Полное собрание сочинений. 10 томов.**
Алматы. «Медиа-корпорация «ЗАҢ», 2009. VII том. - 440 стр.

Руководитель проекта:

Сафинов К.Б., проф., д.ю.н.

ISBN 978-601-7043-01-8

ISBN 978-601-7043-08-7

В 7 том десяти томного собрания сочинений С. Зиманова вошли книги С. Зиманова, И. Рейтора «Теоретические вопросы советского национально-государственного строительства», С. Зиманова, К. Идрисова «Общественно-политические взгляды Мухамеджана Сералина», а также научные статьи, опубликованные в 1989 – 1992 годах, в которых исследуются вопросы пенсионного законодательства, законодательства об иммиграции, проблемы правовой культуры Парламента.

С 1202000000
00 (05) - 09

ББК 67.0

ISBN 978-601-7043-01-8
ISBN 978-601-7043-08-7

© С. Зиманов, 2009
© «Медиа-корпорация «ЗАҢ», 2009

С.З. Зиманов, И.К. Рейтор

**ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ СОВЕТСКОГО
НАЦИОНАЛЬНО-ГОСУДАРСТВЕННОГО
СТРОИТЕЛЬСТВА**

В работе исследуются основные направления и тенденции национально-государственного развития в СССР, общее и особенное в организации и функциях национальной советской государственности на современном этапе развития социализма, влияние интернационализации общественной жизни на национально-государственное строительство, проблемы укрепления государственного единства советского народа и использования возможностей федерализма в коммунистическом строительстве.

*Ответственный редактор
член-корреспондент АН КазССР С.С. САПТАЕВ*

ПРЕДИСЛОВИЕ

Современный этап развития социализма есть «этап качественного преобразования общества».¹ В новой редакции Программы КПСС, принятой на XXVII съезде КПСС, отмечалось, что «на новом этапе исторического развития перед нашей партией, советским народом во весь рост встала задача всестороннего совершенствования социалистического общества, более полного и эффективного использования его возможностей и преимуществ в целях дальнейшего продвижения к коммунизму».²

Совершенствование социализма предполагает совершенствование всех его сфер и систем, в том числе и политической, составной частью которой является национальная государственность. В целях успешного развития последней, эффективного использования всех ее возможностей, планомерного воздействия на динамичные общественные процессы, происходящие в области национально-государственного строительства, и управления ими требуется глубокое теоретическое осмысление особенностей их протекания.

С образованием новой социальной и интернациональной общности – советского народа – наступила новая фаза в развитии национальных отношений в СССР.

В настоящее время все больше возрастает экономический и духовный потенциал советских национальных республик. Расширились рамки и содержание самих национальных отношений. Они включают в себя сложные общественные связи – этносоциальные и межнациональные отношения, складывающиеся в ходе интернационализации основных сфер жизнедеятельности наций и народностей, отношения, обусловленные процессами этнотрансформационными, ассимиляции в сфере национальной жизни.

Выдающиеся завоевания социализма в области национальных отношений, однако, не должны создавать представления о беспрепятственности национальных процессов.

¹ Материалы XXVII съезда КПСС. М., 1986. С. 113.

² Там же. С. 128.

Здесь постоянно рождаются проблемы, определяемые самим движением социалистических национальных отношений. В области национально-государственного строительства возникают такие вопросы, решение которых имеет большое значение как в теоретическом, так и в практическом плане. В значительной части они связаны с тем, что глубокие сдвиги, происходящие в социально-экономической и политической областях жизни страны, вызывают существенные изменения и в содержании, структуре национально-государственного строительства. Между тем ряд важных аспектов его остается еще недостаточно изученным. Такое положение не позволяет более полно использовать возможности, заложенные в системе советской национальной государственности, в федеративном устройстве СССР. Поиск оптимальных ответов на назревшие вопросы в области национально-государственного строительства, или научное обеспечение этой сферы, является необходимым условием дальнейшего развития национальных отношений.

Национально-государственное строительство есть важнейшая область национальных отношений. В этом плане оно, с одной стороны, выражает уровень и содержание политического развития последних, а с другой, относясь к одному из структурных образований государственной организации, служит средством их обеспечения. В федеративном социалистическом государстве, построенном на принципах самоопределения наций, каковым является СССР, национально-государственное строительство выступает как ведущий элемент системы социалистического государственного развития в целом. От его характера, содержания и темпа движения зависит и совершенствование единого многонационального социалистического государства.

В национально-государственном строительстве существуют в единстве две его стороны: структурная и функциональная. Первая статична, стремится к стабильности, поэтому и относительно консервативна. Функциональная сторона, напротив, активна, находится в непрерывном взаимодействии с социально-экономической и политической жизнью общества и в силу этого подвижна. Обе эти сторо-

ны взаимосвязаны, действуют, как целое; и в то же время каждая из них имеет свое бытие, свойства, которыми она определяется. Нет функциональной деятельности без и вне структурной организации национальной государственности, и наоборот.

Однако эти две стороны национально-государственного строительства неравнозначны по силе воздействия на общественные отношения, а также и по активности во взаимном воздействии друг на друга. Структурная организация национальной государственности определяется ее назначением и задачами, а следовательно, производна от функциональной ее деятельности и зависит от последней. Динамичность функционального момента обеспечивается стабильностью структурной формы организации власти. В связи с этим возникают проблемы, продиктованные необходимостью создания определенного соотношения этих двух взаимосвязанных сторон в национально-государственном строительстве.

Сущность национально-государственного строительства в СССР и перспективы его совершенствования могут быть правильно осмыслены, если их рассматривать в неразрывной связи с теми принципиальными изменениями, которые происходят в настоящее время во всех сферах общественной жизни, совокупностью задач в области социальной политики партии и государства на данном этапе развития социалистического общества. Этот методологический принцип в одинаковой степени является важным как для определения современного уровня национально-государственного развития, так и для решения различных проблем, возникающих в жизни многонационального государства.

Национально-государственные отношения, будучи связанными со всеми важнейшими сторонами общественной жизни и социальной политики, в первую очередь отражают изменения в области, с одной стороны, национальных отношений, а с другой – государственного строительства в СССР. Национально-государственное строительство по своему функциональному содержанию и организационному обеспечению выходит за рамки собственно национальных отношений, хотя во многом обусловлено ими, служит их развитию.

Советская национальная государственность есть политико-структурный институт национальных отношений, посредством которого реализуются свобода, суверенность и демократическое развитие наций. Вместе с тем она представляет собой национальную форму политической организации социалистического общества. Как организационная форма политического в национальном, советская национальная государственность осуществляет деятельность по функциональному обеспечению развития региона. В силу этого здесь постоянно возникают проблемы, связанные с выработкой форм рационального управления и необходимостью совершенствования его механизма, стиля деятельности в соответствии с изменяющимися социально-экономическими условиями и задачами.

В нашем исследовании рассмотрены некоторые теоретические вопросы советского национально-государственного строительства и сделана попытка проанализировать определенные объективные процессы и тенденции развития национально-государственного строительства в СССР, раскрыть их логику.

Национально-государственное строительство связано с национальными отношениями и служит задачам их развития и в то же время является относительно самостоятельным системным целым. Оно наряду с осуществлением задач, обращенных вовне, – функциональной деятельностью – имеет свои внутренние проблемы, обусловленные необходимостью приведения его содержания, структуры и методов в соответствие с выполняемыми задачами и связанные с эффективностью деятельности его учреждений в динамичных условиях современности.

Наше предыдущее исследование¹ также было посвящено отдельным вопросам теории и практики советского национально-государственного строительства, но в нем мы больше уделяли внимания функциональной стороне деятельности советской национальной государственности, направленной на обеспечение дальнейшего сближения наций и народностей.

¹ Зиманов С.З., Рейтор И.К. Советская национальная государственность и сближение наций. Алма-Ата, 1983.

В связи с этим нам пришлось коснуться и вопроса о возможности и границах государственно-властного контроля и управления развитием национальных отношений в целом и их отдельными сферами.

В данном исследовании основное внимание уделено собственно «внутренним» проблемам самосовершенствования советского национально-государственного строительства, от решения которых зависит во многом его эффективность: рассматриваются в развитии понятие, критерии функциональной емкости и структурные элементы национально-государственного строительства, а также формирующие его факторы в условиях совершенствования социализма; характер противоречий, заключенных в национально-государственных отношениях, и способ их разрешения; единство и различие в содержании и методах социалистического строительства и национально-государственного строительства на автономных территориях; характер и степень отражения в области федеративных отношений и в системе национальной государственности качественно новых явлений, связанных с усилением интернационализации общественной жизни, а также с процессами этнотрансформации и ассимиляции, происходящими в сфере национальных отношений.

Значительное место в исследовании отводится вопросам соотношения интернационального и национального моментов в содержании советского национально-государственного строительства на современном этапе развития общества, а также теоретическим вопросам государственного единства советского народа.

Стимулом, обеспечивающим развитие советской федеративной системы, является тот факт, что, с одной стороны, все возрастает роль национальной государственности в решении интернациональных задач, а с другой – в то же время растет удельный вес интернациональных общих ценностей в содержании самой национальной государственности.

Каждое новое исследование можно считать в определенной степени плодотворным, если оно вобрало в себя достижения в соответствующей области науки и способствовало развитию последней. Только опираясь на достигнутые успехи научного

познания вопросов советского национально-государственного строительства, можно перейти к следующей стадии их осмысления.

Имеется немало исследований, в которых освещены проблемы национальных отношений и перспективы их развития. Особенно здесь следует выделить работы таких ученых, как М.И. Куличенко, Э.А. Баграмов, С.Т. Калтахчян, И.П. Цамерян, М.С. Джунусов.¹ Они помогают правильно ориентироваться в сложных и разноплановых вопросах национальных отношений, в динамике их развития и имеют большое общетеоретическое и методологическое значение для разработки проблем советского национально-государственного строительства.

Значительна и литература, посвященная советскому многонациональному государству, его общим и локальным теоретическим вопросам, его истории, функции, системе и устройству, а также характеру и формам советской федерации.² В ней исследованы исторический путь и преобразующая созидательная деятельность советского многонационального государства в областях экономики, культуры, национальных отношений. Подробно освещены вопросы о научных и орга-

¹ Куличенко М.И. Национальные отношения в СССР и тенденции их развития. М., 1972.; Он же. Расцвет и сближение наций в СССР. Проблемы теории и методологии. М., 1981; Он же. Нация и национальный прогресс. М., 1983; Баграмов Э.А. Ленинская национальная политика: достижения и перспективы. М., 1977.

² Чугаев Д.А. Коммунистическая партия – организатор Союза Советских Социалистических Республик. М., 1972; Цамерян И.П. Теоретические проблемы образования и развития советского многонационального государства. М., 1973; Многонациональное советское государство. М., 1972; Агзамходжаев А., Уразаев Ш. СССР – социалистическое государство народов. Ташкент, 1972; Агзамходжаев А.А. Воплощение советского интернационализма в советском многонациональном государстве. Ташкент, 1984; Златопольский Д.Л. СССР – федеративное государство. М., 1967; Лепешкин А.И. Советский федерализм. М., 1977; Кислицын И.М. Вопросы теории и практики федерального строительства Союза ССР. Пермь, 1969; Копейчиков В.В. Механизм государства в советской федерации. М., 1973; Кириченко М.Г. Единое союзное многонациональное государство. М., 1978; Садыков М.Б. Единство интернациональных и национальных интересов в советском многонациональном государстве (теоретико-методологические проблемы). Казань, 1975; Конституционные основы союзной республики. Алма-Ата, 1985 и др.

низационных принципах и особенностях построения советской федерации, о ее задачах в сфере национальных и межнациональных отношений и ее роли в решении проблемы ликвидации фактического неравенства наций и народностей, в интернациональном сплочении и воспитании советских людей, наций и народностей и т. д.

Собственно проблемы советского национально-государственного строительства, структурным ядром которого являются национально-территориальные автономии, представлены в ряде коллективных работ и исследованиях Э.В. Тадевосяна, С.А.Раджабова, К.Д. Коркмасовой, А.З.Бегиана, С.Е.Макогон, И.А.Коваленко и др.¹ Существует литература и по истории создания и развития союзных и автономных республик в отдельности. В ней содержатся разработки вопроса о суверенитете наций и связи его с правом народов на создание национально-территориальных автономий, о союзных и автономных республиках как национальных формах советской государственности, об их роли и месте в решении общих и региональных, интернациональных и национальных задач, а также о качественных сдвигах, происходящих в содержании и формах советской национальной государственности под влиянием социально-экономического и культурного развития страны, усиливающейся интернационализации общественной

¹ История национально-государственного строительства в ХСР (1917 – 1978). В 2 т. М., 1979; Проблемы национально-государственного строительства в условиях развитого социализма. Свердловск, 1980; Вопросы национально-государственного строительства в Средней Азии и Казахстане. Алма-Ата, 1977; Национальная государственность союзных республик. М., 1968; Проблемы управления строительством советского многонационального государства. М., 1982; Тадевосян Э.В. Советская национальная государственность. М., 1972; Он же. Диалектика интернационального и национального в советской государственности. М., 1979; Раджабов С.А., В.И. Ленин и советская национальная государственность. Душанбе, 1970; Коркмасова К.Д. Национальная государственность в СССР. Ростов-на-Дону, 1970; Она же. Основные государственно-правовые проблемы национальной государственности в СССР: Автореф. дис. докт. юрид. наук. М., 1972.; Бегиан А.З. Ленин и советская национальная государственность. Ереван, 1974; Макогон Е. Вопросы теории и практики национально-государственного строительства в СССР. Киев, 1976; Коваленко А.И. Советская автономия. Ижевск, 1977; Он же. Советская национальная государственность. Минск, 1983.

жизни и укрепления новой социальной и интернациональной общности – советского народа и т. д.

Вместе с тем следует сказать, что разработка вопросов национально-государственного развития существенно отстает от требований практики и ведется не так активно, как изучение других сторон национальных отношений. Пожалуй, существенным недостатком является отсутствие конкретно-социологических исследований в области национально-государственного строительства. Как правило (за редким исключением), ученые чрезмерно увлекаются общими статистическими материалами, абстрактными и бесспорными положениями, полагаются на силу интуиции и воображения, часто споры ведутся вокруг вариантов дефиниций того или иного понятия; содержание национально-государственного строительства сводится к описанию государственного устройства национальностей и тех изменений, которые произошли в этой части за годы Советской власти; к регистрации и изложению содержания законодательных актов, расширяющих права союзных и автономных республик или устанавливающих их компетенции по управлению отраслями народного хозяйства и культурой, к рассмотрению общетеоретических вопросов соотношения и взаимосвязей суверенитета наций и государственного суверенитета, интернационального и национального в развитии многонационального советского государства, и в самом общем плане о роли национальной государственности в социалистическом и коммунистическом строительстве. Много уделяется в литературе внимания вопросам истории национально-государственного строительства, что очень важно. Они должны изучаться. Однако они должны служить и основой для развертывания комплексных исследований теоретических и практических вопросов национально-государственного строительства как развивающейся целостно-системной конкретности со своими внутренними законами и противоречиями. Но такие исследования, как мы уже говорили, проводятся недостаточно интенсивно.

Авторы сознают, что ряд вопросов, поставленных в настоящей работе, нуждается в дальнейшем углубленном изучении,

часть из них носит постановочный и дискуссионный характер. Полностью указанную задачу можно выполнить только усилиями коллективного разума, но в то же время каждый шаг в этом направлении приближает нас к данной цели.

ГЛАВА I

НЕКОТОРЫЕ ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ СОВЕТСКОГО НАЦИОНАЛЬНО- ГОСУДАРСТВЕННОГО СТРОИТЕЛЬСТВА

Понятие советского национально-государственного строительства

Содержание понятия советского национально-государственного строительства постоянно углубляется с развитием общества. Осмысление этого процесса важно не только с точки зрения общепознавательной. Оно необходимо, поскольку имеет большое теоретическое и актуально-прикладное значение для дальнейшего развития советского многонационального государства. В структурном плане наше знание о советском национально-государственном строительстве, которым мы располагаем сегодня, включает, наряду с научными данными, полученными от изучения современного его этапа развития, и историю познания о национально-государственном строительстве.

Разработка понятия советского национально-государственного строительства имеет весьма существенное значение как для раскрытия и понимания содержания и направления его развития, а следовательно, и внутренних возможностей этого процесса, так и для оптимизации механизма сознательного воздействия на него. Не опираясь на научное понятие о национально-государственном строительстве как исходную часть концепции о нем, невозможно осуществлять руководство этим строительством в интересах совершенствования социализма.

Национально-государственное строительство, связанное с национальной политикой КПСС, являясь важнейшей частью социалистического строительства в СССР, обладает всеми свойствами системной целостности, это в известной степени особое явление социально-политической жизни общества.

Оно может быть объектом научной познавательной деятельности, с одной стороны, как часть более общей целостности – социалистического строительства, а с другой – как относительно самостоятельная конкретность.

Несмотря на существенный удельный вес национально-государственного строительства в государственном развитии нашей страны и его значение, изучение его опыта и теоретическая разработка ряда актуальных проблем, связанных с функционированием системы советской национальной государственности, заметно отстают от потребностей жизни. В первую очередь это относится к изучению тенденции развития и структурной организации национально-государственного строительства в СССР.

Содержание, структура и методы последнего изменялись с развитием советского общества. При этом одни его функциональные учреждения, элементы, характерные для первых этапов развития советского общества, в дальнейшем уступали место новым, а другие обогащались, становились более содержательными. Однако при всей динамичности в национально-государственном строительстве сохранились главные черты и свойства, определяющие его как явление социалистического содержания.

Что же входит в понятие «национально-государственное строительство»? В чем его отличие как относительно самостоятельного социально-политического явления от других явлений? Как оно проявляется в жизни союзных и автономных республик и других национально-территориальных образований? Какая роль ему отводится в условиях совершенствования социализма? Эти и другие вопросы ждут научной разработки.

Советскому национально-государственному строительству посвящено немало исследований. В них хотя специально не рассматривались вопросы содержания понятия национально-государственного строительства и структуры его применительно к разным историческим этапам развития советского общества, однако по кругу включенных вопросов можно получить о них определенное представление. Так, Институтом истории Академии наук СССР осуществлены в послевоенные

годы три издания «Истории национально-государственного строительства в СССР».¹ К сожалению, в разделах, специально посвященных этой проблеме, не рассматривается само понятие национально-государственного строительства: видимо, по мнению авторов этих работ, основные вопросы, изложенные в последних, как бы составляют структурные элементы понятия «советское национально-государственное строительство», а их совокупность – содержание этого понятия.

К этим вопросам относятся следующие: национальная политика Советского государства, образование Российской федеративной республики и первых советских республик, военно-политический союз между ними, образование СССР, принятие конституций 1918 и 1924 гг., национально-государственное размежевание в Средней Азии, развитие СССР как союзного государства, Конституция СССР 1936. г. и конституции союзных и автономных республик, перестройка государственного аппарата на их основе и воссоединение народов в составе советских республик в предвоенные годы, расширение прав союзных республик после войны, восстановление государственности балкарского, ингушского, калмыцкого и чеченского народов, изменения в территории и населении союзных республик, вопросы преобразования одних форм национальной государственности в другие.

Как видно, в данном труде содержание национально-государственного строительства, по существу, сведено к вопросам структурно-организационным, становлению и укреплению федерации союзных республик – Союза ССР – и формам национальной государственности, их компетенции и конституционному развитию. Деятельность союзных и автономных республик, автономных областей и округов, направляемая на решение как общих, так и национально-региональных задач, деятельность по реализации национальной политики КПСС и Советского государства применительно к условиям развития национально-территориальных образо-

¹ История национально-государственного строительства в СССР. В 2 т. 1-е изд. М., 1968, 1970; История национально-государственного строительства в СССР. В 2 т. 2-е изд. М., 1970-1972; История национально-государственного строительства в СССР. В 2 т. 3-е изд. М., 1979.

ваний и на различных этапах их развития в этой работе не рассмотрена.

Существует ряд работ по проблемам многонационального Советского государства и социалистического федерализма. В книге «Многонациональное советское государство»¹ имеется раздел «Национально-государственное строительство в СССР в условиях развитого социализма и коммунистического строительства», где отмечается, что «вступление советского общества в период коммунистического строительства оказало существенное воздействие на содержание и характер национально-государственного строительства».² И далее показано, что это выражается в дальнейшем углублении тенденции к всестороннему расцвету социалистических наций и в неуклонном их сближении; в расширении прав советских республик в областях экономической и законодательной, в укреплении их суверенитета. В другой монографии кроме указанных уделено значительное внимание вопросам форм национальной государственности и динамики их изменений.³

В работе С.А. Раджабова, специально посвященной проблемам советской национальной государственности, рассматриваются различные аспекты национально-государственного строительства, образования СССР, союзных и автономных республик, а также других автономий, принципы взаимоотношений Союза ССР и союзных республик, федераций и автономий, их конституционное развитие, вопросы национального и государственного суверенитета, политико-правовой статус каждой советской национальной государственности.⁴

Все эти моменты важны, и их необходимо продолжать исследовать и в дальнейшем. Однако круг этих традиционных вопросов, тесно связанных с советским национально-государственным строительством, далеко не исчерпывает его содержания.

¹ Многонациональное советское государство. М., 1972.

² Там же. С. 80.

³ Союз ССР – содружество равноправных республик. М., 1972. С. 231-243.

⁴ Раджабов С.А. В.И. Ленин и советская национальная государственность. Душанбе, 1970. С. 308 – 487.

Понятие советского национально-государственного строительства так или иначе фиксируется в понятии национальной государственности и в ее функциональной деятельности, в национальном в ней. Попытаемся рассмотреть интересующий нас вопрос и с этой стороны.

Существует ряд определений советской национальной государственности. Одни авторы указывают больше на ее генезис и назначение. Так, К.Д. Коркмасова пишет, что советская национальная государственность является «орудием укрепления союза рабочего класса, трудящихся многочисленных национальностей, орудием преобразования социально-культурной жизни наций и народностей нашей страны на принципах социализма и коммунизма».¹ Другие авторы акцент переносят на федеративные связи: «Советская автономия является социалистическим самоуправлением нации или народности при сохранении ее братской связи с другими народами в системе суверенного советского государства».² В определении Э.В. Тадевосяна выделяется политическая и интернациональная суть советской национальной государственности. Последняя, по его мнению, «это национальная по форме, советская по общеполитической основе, социалистическая по содержанию, политическая власть трудящихся районов компактного проживания наций и народностей СССР». «Она представляет органическое единство интернационального и национального».³ Вместе с тем некоторые исследователи обращают внимание на «национально-специфический характер деятельности советской национальной государственности».⁴ Так, А.И. Коваленко определяет советскую национальную государственность как «всеохватывающую политическую организацию коренной национальности, служащую средством решения социально-экономических проблем, обуслов-

¹ Коркмасова К.Д. Национальная государственность в СССР. Ростов-на-Дону, 1970. С. 165.

² Денисов А.И., Кириченко М.Г. Советское государственное право. М., 1957. С. 132.

³ Тадевосян Э.В. Национально-государственное устройство СССР. М., 1978. С. 50.

⁴ Садыков М.Б. Единство интернациональных и национальных интересов в Советском многонациональном государстве. Казань, 1975. С. 54.

ленных процессом выравнивания уровней развития наций (народностей)».¹ Почти аналогичное положение утверждает и В.Н. Мерквилдзе.²

Все эти разные определения объединяет одно: в них советская национальная государственность рассматривается в контексте политической власти в национальных отношениях. Различие взглядов состоит в том, что одни считают советскую национальную государственность политической властью трудящихся районов компактного проживания наций и народностей СССР. А другие в центр характеристики национальной государственности ставят политическую власть коренной национальности, давшей ей свое имя. Недостатком существующих определений является то, что в них, как правило, национальная государственность рассматривается в статике, вне связи ее с социальным назначением, с общественной практикой.

В литературе недостаточно освещен вопрос о конкретных формах осуществления национально-государственного строительства, через которое реализуется советская национальная государственность. Исследователи, касаясь этой стороны проблемы, как правило, указывают на расширение прав союзных и автономных республик, в особенности в областях экономической и законодательной,³ на кадровую политику.

По Д.Л. Златопольскому и О.И. Чистякову, одним из важных принципов советской автономии является следующий: в ней «все органы государственной власти, органы государственного управления, суда и прокуратуры состоят преимущественно из лиц коренной национальности и действуют, как правило, на языке национальности, образующей автономию».⁴

¹ Коваленко А.И. Советская национальная государственность. Минск, 1983. С. 122.

² Мерквилдзе В.Н. В.И. Ленин и строительство основ советской национальной государственности. Тбилиси, 1959. С. 56.

³ Основные направления изучения национальных отношений в СССР. М., 1979. С. 117.

⁴ Златопольский Д.Л., Чистяков О.И. Образование Союза ССР. М., 1972. С. 29.

Наряду с интернациональным моментом, по Э.В. Тадевосяну, государственность народов СССР в формах своей организации отражает и национальный, который, в частности, выражается «в обеспечении широкого представительства коренных национальностей в органах этой государственности и их аппарате; в функционировании государственных органов на национальных языках; в особом политико-правовом статусе национально-государственных образований, в известном своеобразии применения общесоюзного законодательства и т. д.».¹

Как видно из приведенных здесь высказываний, к составляющим содержание советского национально-государственного строительства относят в основном моменты организационного характера (органы, представительство, кадры, язык и др.). Они касаются статуса, состояния и не охватывают функций и многообразия деятельности национальной государственности.

Государственность народов СССР – это функционирующая система, и она раскрывает свою сущность, свое истинное назначение в полной мере только в действии, т. е. тогда, когда она включена в социальную практику и входит в ткань общественного развития. Именно эта область – область созидания, реализующаяся в содержательной структуре национально-государственного строительства, до сих пор мало исследована.

Между тем связь национально-государственного строительства с национальными отношениями более обширна и простирается на все сферы национальной и социальной жизни народов. В нашей предыдущей работе² мы основное внимание уделяли именно функциональной стороне советской национальной государственности, ее управленческой деятельности в различных сферах общественно-политической жизни республик. В ней отмечалось, что «определение развитого социализма как научно управляемого общества нашло

¹ Тадевосян Э.В. Интернационализм советского многонационального государства // Вопросы философии. 1982. № 11. С. 20.

² Зиманов С.З., Рейтор И.К. Советская национальная государственность и сближение наций. Алма-Ата, 1983.

реальное выражение и в сфере руководства национальными процессами».¹ Место и роль национальной государственности в общественной жизни не сводятся к фиксации посредством институциональных, государственно-правовых форм достигнутого уровня расцвета и сближения наций. Ее следует рассматривать как главное орудие организации жизни национальностей и национальных районов в условиях совершенствования социализма, продвижения общества по пути к коммунистическому будущему.

И это должно найти отражение в разработке понятия советского национально-государственного строительства.

Теоретической и методологической основой при этом является ленинское учение о Советской федерации и автономии, программные документы КПСС по вопросам национальной политики и развития национальных отношений в условиях социалистического и коммунистического строительства. «Целью социализма, – указывал В.И. Ленин, – является не только уничтожение раздробленности человечества на мелкие государства и всякой обособленности наций, не только сближение наций, но и слияние их».² Основанная на принципах социализма, советская федерация возникла как качественно новый тип организации многонационального единства, как форма государственного устройства народов, с необходимостью обеспечивающая свободное и всестороннее их развитие в рамках единства социальных идеалов. «Федерация, которую мы вводим и которую мы будем вводить, – писал В.И. Ленин, – послужит... вернейшим шагом к самому прочному объединению различных национальностей России в единое демократическое централизованное Советское государство».³

Принципиальные направления советского национально-государственного строительства были определены резолюциями X съезда РКП(б) «Об очередных задачах партии в национальном вопросе» и XII съезда РКП(б) «По национальному вопросу», в которых указывалось, что необходимо обеспечить

¹ Там же. С. 6.

² Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 27 С. 256.

³ Там же. Т. 36. С. 151.

экономическое развитие республик и федерации в целом; построить автономию народов сообразно быту, культуре и хозяйственной жизни наций и народностей; «наладить мирное сожителство и братское сотрудничество наций и народностей, связавших так или иначе свою судьбу с судьбой федерации»; обеспечить равенство и участие республик в центральных органах федерации; предоставить им широкие права для государственной-административной, культурной и хозяйственной инициативы; организовать органы республик, чтобы они состояли «по преимуществу из людей местных, знающих язык, быт и нравы и обычаи соответ. - народов»; обеспечить полную свободу употребления национальных языков и прав национальных меньшинств, проживающих в советских республиках, и усилить работу для утверждения «идей братства и солидарности народов».¹ За годы, прошедшие после XII съезда партии, произошли коренные изменения в жизни народов СССР и федеративно-автономных отношениях. Национальный вопрос в том объеме, который был унаследован от Российской империи, сейчас решен полностью. Теперь решаются качественно новые задачи в области национальных отношений, определяющими среди которых являются дальнейший расцвет наций и народностей СССР и углубление процесса их сближения на основе принципов социалистического интернационализма. На данном этапе совершенствования социализма партия выдвигает новые задачи по совершенствованию национальных отношений.² И в то же время ряд принципиальных установок XII съезда РКП(б) не потерял актуальности и в настоящее время.

Руководствуясь основополагающими ленинскими идеями о советской федерации и автономии, мы здесь попытаемся лишь наметить подходы к определению понятия советского национально-государственного строительства, не беря на себя задачу целостной его разработки. Содержание и направление развития национально-государственного строительства невозможно определить без решения вопроса о его месте

¹ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М., 1970. Т. 2. С. 250-251, 440-441.

² Материалы XXVII съезда КПСС. М., 1986. С. 156.

в государственном строительстве СССР. Существует мнение, что поскольку Советское государство есть единое союзное многонациональное государство, объединяющее в своем составе 15 союзных республик, государственное строительство в СССР выступает и как национально-государственное строительство. Аналогично этому в союзных и автономных республиках, поскольку они олицетворяют национальную государственность и многонациональны по составу населения, государственное строительство является в то же время и национально-государственным. На наш взгляд, это неверно. Сторонники данной точки зрения совершенно справедливо считают, что «Советский Союз, будучи федерацией союзных республик, вместе с тем является общей Родиной всех советских людей различных национальностей, выступает в роли государственной формы выражения интернациональной сущности советских наций».¹ Однако это вовсе не предполагает совпадения понятий государственного строительства и национально-государственного строительства в СССР. Они безусловно, взаимосвязаны, едины в социально-экономическом плане, и цели у них общие. Но основания их формирования отличаются по уровню организации, объему задач, и ими охватываются общественные отношения разных масштабов.

Государственное строительство является официальным выражением социалистических общественных отношений в сфере организации и функционирования системы власти и управления, а национально-государственное строительство непосредственно связано с национальными отношениями, исходит из них. Так как социалистические общественные отношения включают и национальные отношения как свой важнейший компонент, то в процессе национально-государственного строительства участвуют и первые, но преимущественно через национальные отношения.

В государственном строительстве СССР первостепенное и определяющее значение имеют общие, общенациональные задачи, а в национально-государственном строительстве — «национальные задачи» интернационального содержания. В

¹ Многонациональное советское государство. М. 1972. С. 95.

то же время эти задачи не отделены друг от друга, тем более не противостоят друг другу. Они тесно взаимосвязаны: общенациональные задачи включают в себя и национальные как свой момент, как особенную структуру. В деятельности советского государства в целом задачи в области национальных отношений выполняются в ходе решения общенациональных, общесоциальных. В то же время и в деятельности собственно национальной государственности решение общенациональных задач не отделено от национальных задач и реализуется в основном в их рамках, то есть путем расширения и обогащения содержания национального общенациональным, общесоциальным.

Связь и соотношение государственного строительства и национально-государственного строительства такие же, как и между единым союзным многонациональным государством и системой национальной государственности. Другими словами, советское национально-государственное строительство как отрасль советского государственного строительства входит в него и всецело определяется им. Второе олицетворяет системное целое, а первое – часть, компонент системного целого.

В связи с изложенным следует учитывать следующий важный методологический принцип при осмыслении понятия национально-государственного строительства: советская национальная государственность, являясь сама системной целостностью, в то же время входит в другую систему более высокого уровня – в социалистическое государство, и по отношению к последнему выступает как его момент, аспект. И она же включает в себя подсистемы, являющиеся ее структурными элементами, и в то же время каждая из них может выступать отдельной системой более низкого и частного уровня организации. Это означает, что национально-государственное развитие национальных регионов необходимо рассматривать в неразрывной связи с развитием социалистического государства в целом, с одной стороны, и «местными» региональными факторами, влияющими на это развитие, – с другой.

Национально-государственное строительство в СССР

имеет несколько уровней в соответствии с существующими национально-территориальными образованиями: это национально-государственное строительство соответственно в масштабе всей страны, в союзных республиках и входящих в них автономных республиках, национальных областях и округах. Объем и содержание, организационные формы и задачи его в каждом из указанных уровней различны, как и конкретные факторы, их объем и соотношение, обуславливающие национально-государственное развитие. Между этими уровнями существуют определенные связь и субординация, которые заключаются в том, что национально-государственное строительство в СССР включает в себя национально-государственное строительство в союзных республиках. Первое объемлет второе, а второе относится к первому как часть к целому и отличается от первого уровнем организации. Следовательно, национально-государственное строительство в национально-территориальных образованиях может быть логически воспроизведено в системной целостности более высокого уровня, в структуру которой оно входит и свойствами которой обладает, то есть в системе национально-государственного строительства в СССР.

В связи с вышесказанным, на наш взгляд, разработка теории национально-государственного строительства в СССР будет плодотворной, если: а) изучать его в контексте конкретной обстановки, в ситуационных формах; б) анализировать практику национально-государственного строительства в национальных регионах с учетом общего и особенного в нем.

Кроме того, эффективность этой работы будет более высокой при рассмотрении национально-государственного строительства в системе общих и отдельных связей, учете определяющих его факторов, что дает возможность адекватно отразить данный объект познания во всей его многогранности, избежать субъективизма при его исследовании. Также важно в системе условий, в которых функционирует национальная государственность, выделить непосредственные, конкретно-определенные и ретроспективные связи и факторы, влияющие на нее прямо или косвенно.

Все это позволяет правильно определить место национально-государственного строительства в сложной взаимосвязи общественных отношений и факторов, влияющих на него, раскрыть его роль в социалистическом развитии, в прогрессе нации, установить динамику и перспективы его развития.

Организационно-структурной основой национально-государственного строительства является советская национальная государственность. Однако оно не может быть сведено (как утверждают некоторые исследователи) к функциональной деятельности последней, охватывающей созидательную деятельность всей системы органов союзных и автономных республик во всех сферах их жизни, а следовательно, превышающей по объему содержание национально-государственного строительства. Имеется и противоположная точка зрения: советская национальная государственность понимается как организационная форма политического самоопределения национальностей или как национальная форма социалистического государства и только. Но в этом случае национально-государственное строительство выступает не как деятельность и созидание, а лишь как организационно-структурная модель этой государственности, что неправомерно.

Национально-государственное строительство, безусловно, охватывает организацию власти и системы органов в союзных и автономных республиках, их конституционный статус и взаимоотношения с союзными органами, а также решает проблемы, связанные с определением территории расселения основной этнической группы, населения и границы как пространственной рамки проявления власти и суверенитета республики. Все это относится к структурно-организационной области национальной государственности. Однако национально-государственное строительство не есть только строительство органов государственной власти. Оно охватывает функцию и деятельность этих органов, направленную на реализацию тех целей и задач, для выполнения которых и создана национальная государственность.

Национально-государственное строительство есть, в пер-

вую очередь, созидательная и утверждающая деятельность, исходящая от органов национальной государственности. Причем, по-видимому, не всякая такая деятельность и ее результаты могут быть отнесены к категории национально-государственного строительства, а только такая, которая имеет национальный оттенок, связана с национальной жизнью, с ее развитием.

Национально-государственное строительство в СССР есть национальное в государственном строительстве в масштабе страны. Это «национальное», понимаемое не как этническое различие, а как движение нации в рамках социальной и интернациональной общности, может быть интерпретировано двояко: с одной стороны, как федеративное устройство государства и его отражение в Конституции СССР, в системе организации союзных органов власти и управления, в их компетенциях и взаимосвязи с органами союзных республик, а с другой – как государственное руководство и управление развитием национальных регионов и национальной жизни в них в рамках национальной политики партии. В этом единстве указанных двух сторон национально-государственного строительства в СССР содержится ключ к его пониманию.

Сложнее обстоит дело с вычленением национального в советской национальной государственности. Вся содержательная область функциональной деятельности последней, связанная с реализацией государственными органами политики партии в национальном вопросе, по развитию национальной жизни в русле идеалов социализма, не только тесно соотносится с национально-государственным строительством в республиках, но, более того, составляет его основное содержание. Она есть национальное в функциях национальной государственности. Но это «национальное» имеет интернациональные мотивы и общесоциальное содержание.

Национальными в национальной государственности являются не только принципы формирования власти и системы органов в республиках и их представительное участие в союзных органах, но и сама деятельность государственных органов, ориентированная на укрепление и развитие социалистических национальных отношений. Государственная политика

по коренизации государственного аппарата и переходу кочевых и полукочевых хозяйств в оседлость, осуществленная в Средней Азии и Казахстане в 20-30-х гг., государственная деятельность по выравниванию уровней экономического, культурного, образовательного развития народов СССР, преодолению препятствий, задерживающих прогресс наций и их сближение, направлены на удовлетворение тех национальных интересов, которые несут в себе интернациональное содержание.

Национально-государственное строительство в союзных и автономных республиках есть единство национального и государственного в развитии национальностей. Только при этом условии можно рассматривать его как форму государственного строительства. Это явление не столько структурно-организационное, статичное, сколько функциональное, созидательное.

Национально-государственное строительство как специфическая форма государственной деятельности присуща только социалистическому государству, в котором возможно решение национального вопроса, осуществление добровольного союза наций и их дальнейшее сближение.

Таким образом, при конституировании указанного понятия следует исходить, по нашему мнению, из следующих положений: а) советское национально-государственное строительство есть специальная отрасль советского государственного строительства; б) оно выполняет ту же фундаментальную задачу, как и советское государство, но только в сфере национальных отношений (и этим определяются методы его); в) оно непосредственно связано с национальными отношениями, задачи развития которых составляют основную функцию его, и г) охватывает отношения федерации и автономий, в которых воспроизводится сложившийся единый экономический комплекс в масштабе всей страны и проявляется государственное единство советского народа; д) организационно-структурную и институциональную основу советского национально-государственного строительства составляет система национальной государственности; е) теоретической и идейной основой его является марксистско-ленинское уче-

ние о социалистическом интернационализме, политико-правовой основой – Конституция СССР, конституции союзных и автономных республик.

Если понятие советского национально-государственного строительства трактовать как совокупность деятельности органов государственной власти и управления в национально-территориальных образованиях, тогда оно совпадает с понятием государственного строительства. Терминологические различия этих понятий становятся формальностью. Такое понимание не имеет ни теоретического, ни практического смысла.

Национально-государственное строительство, на наш взгляд, целесообразнее интерпретировать, исходя из его особого бытия и той функции, которую оно несет, исходя из тех условий, которые делают его необходимостью, и тех целей, на выполнение которых оно направлено.

С учетом этого можно дать следующее определение: национально-государственное строительство есть отрасль советского государственного строительства, реализующая национальную политику КПСС через систему органов федерации и национальной государственности. Оно может быть расширено за счет некоторых основных принципов, которые определяют содержание национально-государственного строительства, но при этом суть определения почти не меняется. Если рассматривать национально-государственное строительство через призму национальных отношений, которые реализуются благодаря ему, и конкретные задачи в этой области, решаемые в условиях совершенствования социализма, то можно остановиться на следующем варианте его определения: национально-государственное строительство есть специальная область деятельности Советского государства, основанная на ленинском учении о советской федерации и автономии, направленная на всестороннее развитие и расцвет наций и народностей СССР и их дальнейшее сближение на основе принципов социалистического интернационализма.

Есть и другой путь конституирования этого понятия: перечисление ряда важных компонентов его содержания, функций

и внешних факторов, определяющих основу и направление его развития. Такое определение было бы наиболее полным, но и громоздким и неудобным.

Наше понимание сущности советского национально-государственного строительства в условиях совершенствования социализма носит во многом постановочный характер.

Место национально-государственного строительства в социалистическом развитии советских республик

Советское национально-государственное строительство создавалось с целью решения определенных задач в основном в области социально-экономических отношений.

За годы Советской власти в результате успешного претворения в жизнь ленинской национальной политики неузнаваемо изменился облик союзных и автономных республик и других национально-территориальных образований: ликвидирована вековая отсталость, произошло выравнивание уровней их экономического, социального и культурного развития. Сегодня эти республики представляют высокоразвитые в экономическом и культурном отношении регионы, а их народы приобщены к ценностям современной цивилизации и, в свою очередь, сами вносят определенный вклад в ее сокровищницу. Таких успехов было бы невозможно достичь без организующей и управленческой деятельности советской национальной государственности, направляемой Коммунистической партией и государством.

Сложные задачи стоят на современном этапе перед советским обществом. Они определены в новой редакции Программы КПСС. На XXVII съезде КПСС отмечалось, что «всесторонний прогресс советского общества, его поступательное движение к коммунизму могут и должны быть обеспечены на путях ускорения социально-экономического развития страны. Это – стратегический курс партии, нацеленный на качественное преобразование всех сторон жизни советского общества: коренное обновление его материально-технической базы на основе достижений научно-технической революции; совершенствование общественных отношений и в первую очередь экономических; глубокие перемены в содержании и характере труда, материальных и духовных условиях жизни людей; активизацию всей системы политических, общественных и идеологических институтов».¹

¹ Материалы XXVII съезда КПСС. М., 1986. С. 139 – 140.

В центре коммунистического строительства находятся вопросы экономического развития страны: намечено на основе интенсификации всех отраслей производства и значительного повышения производительности труда в 2,3 – 2,5 раза в предстоящем пятнадцатилетии, уже к 2000 году, добиться удвоения производственного потенциала страны при его коренном качественном обновлении.¹ В свете концепции ускорения социально-экономического развития страны предусматривается неуклонный рост национального дохода. Темпы его прироста повысятся с 3,1 процента в среднем за год в минувшей, одиннадцатой пятилетке до 5 процентов в четырнадцатой. Суммарная величина произведенного национального дохода за годы трех предстоящих пятилеток составит «примерно 12 триллионов рублей, что больше, чем за все предшествующие годы Советской власти».²

Реализация планов развития страны, намеченных XXVII съездом КПСС, потребует как структурной перестройки всех отраслей и институтов общественного производства, так и переориентации общественного сознания и психологии людей применительно к принципиально новой обстановке. В целях осуществления этих преобразований требуется укрепление единства Советского государства, усиление его регулирующей, организующей и контролирующей роли. Вместе с этим возрастает и значение такой области государственной деятельности, как национально-государственное строительство.

Правомерно возникает вопрос, насколько реальна возможность возрастания роли последнего в условиях утверждения единого народнохозяйственного комплекса в масштабе всей страны, усиления союзного начала во всей государственной системе и государственного единства советского народа? Такой вопрос тем более уместен, что, по мнению ряда исследователей, в настоящее время происходит постепенное убывание национального в системе национальной государственности. Причем, согласно им, этот процесс происходит намного быстрее, чем в других областях общественной жизни национальных территорий.

¹ Там же. С. 142.

² Там же. С. 228.

В советском обществе постоянно идет процесс усиления интернационализации всех сторон его жизни. И в то же время анализ соответствующих фактов свидетельствует о том, что в этих условиях роль федерации и автономии, системы национальной государственности в СССР, а следовательно, и национально-государственного строительства в дальнейшем развитии общества не уменьшается, а возрастает. На наш взгляд, мнение о том, что национально-государственное строительство в союзных и автономных республиках и в особенности в автономных областях и автономных округах якобы идет на убыль, все больше уступая место государственному строительству вообще и административно-управленческому развитию, является по крайней мере преждевременным.

Роль национально-государственного строительства в СССР в развитии общества в целом и национально-территориальных образований в частности определяется в первую очередь эффективностью его воздействия на национальные отношения и на социально-экономическое развитие народов в целом. Если подходить с этой позиции к таковому, то его значение все больше возрастает – таков закон диалектики его развития.

Тенденция к повышению роли национально-государственного строительства в решении общегосударственных и народнохозяйственных задач объективно обусловлена следующими причинами. Во-первых, федеративно-автономные отношения обладают значительными внутренними силами, которые используются в интересах решения задач совершенствования социализма, и их возможности далеко не исчерпаны. Во-вторых, национальная государственность как управленческая система представляет собой налаженный механизм со стабильной организацией, с элементами, необходимыми для решения все усложняющихся задач социально-экономического и культурного развития. В-третьих, дальнейшее развитие национальных отношений, являющихся сферой воздействия национально-государственного строительства, входит в комплекс задач коммунистического строительства, решаемых на современном этапе.

Так, дальнейшее совершенствование политико-правовой области национально-государственного строительства (правильное разграничение компетенций Союза и союзных республик, федеральных органов и автономий, принятие мер, направленных на наиболее полное раскрытие возможностей этих республик, расширение прав в некоторых областях союзных и автономных республик, согласно требованиям социально-экономического развития страны на современном этапе, основанное на единстве принципов советского федерализма и демократического централизма и т. д.) будет способствовать поступательному развитию социалистического общества.

Общественный прогресс зависит и от кадровой политики в союзных и автономных республиках, в частности в той области, которая составляет сферу национально-государственного воздействия. Например, известно, что в некоторых республиках, особенно в восточных, численность кадров национальных рабочих, занятых в промышленности, остается еще незначительной по абсолютным и относительным показателям.¹ По данным Э.А. Баграмова, в 1959 г. среди механизаторов сельского хозяйства Казахстана только 8% составляли казахи.² По данным переписи 1970 г., в СССР инженерно-технические работники составляют 7,3%, а среди русских – 9,1, узбеков – 2,1, казахов – 3,0, молдаван – 1,1, таджиков и киргизов – 1,6, туркменов – 2,2%. Рабочих, имеющих высшее и среднее специальное образование, среди городского населения, занятого физическим трудом, меньше всего в Литве, Казахстане и Таджикистане.³ Учитывая тот факт, что национальные отряды рабочего класса как органическая часть советского рабочего класса играют важную роль в интернационализации жизни масс, создаются все условия для дальнейшего его роста. Решение этих и других «местных» проблем, которое вхо-

¹ Зиманов С.З., Рейтор И. К. Советская национальная государственность и сближение наций. Алма-Ата, 1983. С. 186—195.

² Багримов Э.А. Ленинская национальная политика: достижения и перспективы. М., 1977. С. 129.

³ Джунусов М.С. О некоторых методологических вопросах изучения процесса сближения социально-классовой структуры советских наций // Сближение социально-классовой структуры советских наций и народов. М., 1977. С. 20.

дит в функцию государственности народов СССР, в конечном счете оборачивается весомыми результатами в общественном развитии.

Союзные и автономные республики решают общие и особые задачи. В их функциях сочетаются интернациональное и национальное, они взаимосвязаны. Национальное ориентировано на общее, не «повернуто» на себя, служит решению общих задач национально-специфическими средствами.

Национально-государственное строительство, будучи продуктом национальных отношений, оказывает обратное воздействие на эти отношения, регулирует их и управляет ими. Каждый гражданин СССР является представителем определенной нации. В силу этого он есть носитель и субъект социальных отношений и одновременно является таковым в национальных отношениях. Таким образом, национально-государственное строительство, которым охватывается общее и национальное в национальной государственности, взаимосвязано с другими формами коммунистического социализма.

Национально-государственное строительство как органическая часть коммунистического строительства связано, во-первых, с государственным строительством в СССР, во-вторых, с задачами, возлагаемыми конкретно на советскую национальную государственность, в-третьих, с национальными отношениями, их уровнем развития. Все эти моменты, оказывающие влияние на формирование, структуру и содержание национально-государственного строительства, являются в то же время составными компонентами социалистического строительства.

Понятием «социалистическое развитие национальной республики» охватываются все основные области общественных отношений – экономика, социальная структура, культура, идеология, политическая жизнь. Национально-государственный процесс, будучи составной частью социалистического строительства, протекает не отдельно от других областей общественной жизни, а слит с нею. При этом соответствующий национально-государственный момент существует при реализации каждого из видов общественных отношений. В силу

этого национально-государственное, на практике расчлененное по различным сферам общественной жизни, в совокупности составляет содержание национально-государственного строительства. Например, в экономическом развитии каждой республики условно можно выделить специфически «национальное» – региональное – и общее, отражающее всеобщие интересы страны. В период ликвидации экономической отсталости национальных республик в целях выравнивания их экономических уровней Советское государство принимало меры по ускоренному развитию их экономики, не всегда считаясь с общехозяйственной целесообразностью, ибо в данном случае политические соображения являлись главными. Вместе с тем экономическое развитие национальных регионов осуществлялось и по плану экономического развития страны в целом, основанному на законах размещения и развития производительных сил и расчетах рационального хозяйствования с учетом внутренних и внешних условий СССР. В едином народнохозяйственном плане развития страны эти пути решения задач экономического развития союзных и автономных республик были взаимосвязаны; один из них обусловлен национальной политикой и представлял национальное в экономической политике, а другой – общегосударственными и общенациональными интересами.

Соотношение национального и общенародного (интернационального) в различных сферах общественной жизни союзных и автономных республик было разным на различных этапах социалистического развития. Оно постоянно менялось, так как, с одной стороны, по мере решения национального вопроса, с дальнейшим совершенствованием межнациональных отношений и сложением новой социальной и интернациональной общности – советского народа – рос удельный вес общего и интернационального в прогрессивном развитии республик; а с другой – само национальное обогащается интернациональным содержанием, все больше играет роль дополнения интернационального (что особенно характерно для современного этапа развития социализма).

Как известно, одно и то же явление общественной жизни может быть рассмотрено с разных позиций: экономические

процессы, например, можно изучать с точки зрения государственного их регулирования, именно в этом аспекте они связаны с деятельностью государства, а следовательно, содержанием государственного строительства. А та составная часть государственной деятельности, которая заключается в осуществлении национальной политики и основана на ней, представляет собственно национально-государственное строительство.

Удельный вес национально-государственного строительства в социалистическом развитии вообще, в государственном строительстве в частности в союзных и автономных республиках по мере развития в них национальных и межнациональных отношений как отношений интернациональных связей наций уменьшается.

Национально-государственное строительство в своем содержании несет свойство социалистического строительства, ибо оно не только служит последнему, но и формируется и определяется им. Государственность союзных и автономных республик, понимаемая как организация и функциональная деятельность власти, обеспечивает социалистическое строительство в целом и является важнейшим орудием регулирования, управления, руководства процессом развития общества.

По социалистическому строительству в союзных и автономных республиках существует обширная литература. В ней вопросы национально-государственного строительства освещены в недостаточном объеме. Они сводятся обычно к образованию национальной государственности, ее формам и принятию Конституции в республиках, воссоединению национальных территорий в рамках автономии. В них важные моменты, составляющие содержание национально-государственного строительства (роль и место национальной государственности, взятой как определенная система политической власти, и государственного аппарата в социалистическом строительстве; содержание, формы и методы государственного руководства по осуществлению ленинской национальной политики; соотношение в этой сфере деятельности идеального и реального; изменение удельного веса «национального» в социалистическом развитии и

в государственном строительстве в республиках и др.), не рассматриваются. Пробелы подобного рода присущи и специальным исследованиям, посвященным проблемам национально-государственного строительства в СССР и в союзных и автономных республиках. В литературе отмечается «односторонность» традиционного подхода к проблеме и что «до настоящего времени вопросы советской национальной государственности и федерации освещались в «чисто» конституционном аспекте...».¹

Проблема собственно национально-государственного строительства и его связи с социалистическим строительством в разрезе национальных регионов и по стране в целом в плане воспроизведения структурно-организационных, конституционно-правовых отношений и аспектов национальной государственности ждет своего решения.

Национальная государственность выполняет свою созидательно-творческую роль, только будучи включенной в общественную практику, в практику социалистического строительства. Только в системе предметной деятельности людей и социально-экономических отношений национальная государственность проявляет свое назначение, раскрывает свою суть и содержание, – словом, выражает свое собственное предметное свойство и обретает его. Национально-государственное строительство в союзных и автономных республиках есть национальная государственность в действии. Однако не всякая ее деятельность составляет понятие национально-государственного строительства, а только такая, которая «национальна» в деятельности национальной государственности.

Национально-государственное строительство в структуре социалистического строительства непосредственно и прямо связано с функционированием национальной государственности и обусловлено ею. Наличие последней указывает на наличие процесса национально-государственного строительства. Там, где нет национально-государственных образований или не проявляется деятельность национальной государс-

¹ Макогон С.Е. Вопросы теории и практики национально-государственного строительства в СССР. Киев, 1976. С. 42.

твенности, нет и реального процесса национально-государственного строительства.

Социалистическое строительство и национально-государственное строительство (в отношениях между которыми наблюдается приоритет первого над вторым) имеют и общие задачи, заключающиеся в том, что обеспечение социалистического развития общества выступает как свойство национальной государственности, как назначение и результат деятельности ее учреждений, институтов и органов. Реально это выражается в регулятивной и управленческой роли национальной государственности, которая в процессе ее опредмечивания превращается в свою противоположность и становится тканью социальной действительности. Конечная цель национально-государственного строительства заключается в достижении реального результата в сфере социально-экономических отношений, особенно – материального производства.

Интернационализация общественной жизни является общей закономерностью социализма. Интенсивность этого процесса возрастает в условиях ускорения социально-экономического развития страны. Как это влияет на национальную государственность и на ее деятельность, какие изменения происходят и какие новые явления возникают в национально-государственном строительстве в силу интернационализации всех сфер общественной жизни, в том числе и политической и государственной? Эти вопросы очень важны как в теоретическом, так и в практическом плане.

Интернационализация процесса национально-государственного развития союзных и автономных республик главным образом обусловлена интернационализацией экономической и социальной их структуры. Это объясняется не только тем, что социально-экономические отношения лежат в основе общественного развития в целом и государственности в частности, но и тем, что государственная власть воздействует и на область социально-экономическую в жизни общества, она охватывается государственным управлением и руководством. Указанные отношения являются определяющими в деятельности национальной государственности, а следовательно, и в

национально-государственном строительстве. Качественные и структурные изменения в экономике и социальных отношениях так или иначе изменяют и содержание, характер деятельности национальной государственности.

Национальные отношения могут быть рассмотрены как экономические и социальные явления, в таком ракурсе они входят в структуру социально-экономических отношений. В то же время они относятся к особым явлениям этих отношений, обладающим своими имманентными качествами и внутренней организацией. Именно национальные отношения, их уровень развития и характер связи с другими видами общественных отношений, глубина интернационализации их содержания и соотношение национального и интернационального в них во многом определяют процесс интернационализации содержания национально-государственного строительства в союзных и автономных республиках. Этот процесс более интенсивно протекает в деятельных сферах государственных органов и более медленно – на структурно-организационных уровнях государственности.

Диалектические противоречия в национально-государственном строительстве

Известно, что движущей силой развития любого общественного явления является противоречие. В.И. Ленин, конспектируя «Науку логики» Гегеля, выделил следующие его слова: «Противоречие... есть корень всякого движения и жизни; лишь поскольку нечто имеет в себе самом противоречие, оно движется, обладает импульсом и деятельностью».¹ Ленин здесь же подчеркнул, что противоречие есть «принцип всякого самодвижения».

Национальные процессы подчиняются этому общему закону движения. Как отмечалось на XXVII съезде КПСС, «наши достижения не должны создавать представления о беспроблемности национальных процессов. Противоречия свойственны всякому развитию, неизбежны они и в этой сфере. Главное – видеть постоянно возникающие их аспекты и грани, искать и своевременно давать верные ответы на вопросы, которые выдвигает жизнь».² Источник развития национальной государственности, как и любого другого социального явления, есть противоречие, проявляющееся в единстве и борьбе противоположных моментов, заключенных в самом явлении. «Развитие есть «борьба» противоположностей»,³ и национально-государственное развитие наций и народностей СССР должно быть рассмотрено в первую очередь в плане раскрытия противоречий, возникающих в данном процессе и объективно существующих в нем. Познать национально-государственное строительство – означает познать его в самодвижении. Задача науки заключается прежде всего в том, чтобы выявить, исследовать его внутренние противоречия и определить пути их разрешения.

В имеющейся литературе, как правило, вопросы национально-государственного строительства в СССР или определенной союзной или автономной республике освещаются путем одностороннего подбора только положительных фактов.

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 29. С. 125.

² Материалы XXVII съезда КПСС. М., 1986. С. 53.

³ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 29. С. 317.

Но для познавательной деятельности важна как конечная истина, так и тот путь, который привел к положительным конечным результатам. И научное решение указанной проблемы невозможно без глубокого познания всех сторон и моментов течения процесса национально-государственного строительства, стремления к логическому воспроизведению борьбы различных противоположных мотивов и тенденций, реально возникающих в ходе его и заключенных в нем.

Действительно, источником развития национально-государственного строительства и его отдельных граней так же, как и любого другого явления, является противоречие между старым и новым, консервативным и прогрессивным и т. п. Соотношение его сторон и содержание их менялись на различных этапах развития социалистического общества. Познание противоположных сторон противоречия в самодвижении и развитии национально-государственных явлений и процесса в целом делает наше знание более полным, более конкретным, а следовательно, как практически, так и теоретически, более значимым. Такой подход позволяет совершенствовать «искусство» управления общественной жизнью: ускорять позитивные процессы в обществе, предупреждать возможные отрицательные последствия в движении определенного явления, вовремя снимать несовместимые противоположные моменты, возникающие в ходе развертывания национально-государственного строительства.

На данном этапе развития социализма создаются благоприятные условия не только для познания противоречий, их генезиса и структуры, а главное, для своевременной разработки и принятия эффективных мер по разрешению выявленных коллизий с тем, чтобы обеспечить развитие национально-государственного строительства наций и народностей СССР уже на новом уровне.

Противоречие противоречию рознь: не все противоположные стороны в целом представляют собой диалектическое противоречие, в основе которого лежат имманентные свойства самих явлений. Есть недостатки, которые определяются субъективными факторами. От них порой нельзя застрахо-

ваться при осуществлении определенных планов в масштабе страны, в том числе и при реализации задач национально-государственного строительства. Эти недостатки на практике имели место из-за отдельных недосмотров, неоперативности управления и т. д., т. е. по субъективным причинам. Способами разрешения таких противоречий является устранение этих недочетов путем принятия мер политического, идеологического и организационного плана. Нельзя сказать, что подобные негативные явления не могут возникнуть и в современных условиях, поэтому вопрос о строжайшем соблюдении ленинских принципов и социалистических норм общежития во взаимоотношениях наций и народностей в республиках, особенно там, где имеются компактно проживающие национальные группы или национально-автономные образования, остается всегда актуальным.

Национальная советская государственность имеет свои диалектические противоречия, порождаемые ее движением, разрешаемые каждый раз общими и специальными методами в зависимости от характера и степени их проявления. В условиях социализма существуют объективные факторы, с одной стороны, способствующие установлению надлежащего контроля за проявлением внутренних противоречий в системе советской федерации, а с другой – обеспечивающие их своевременное преодоление и разрешение. В силу этого противоречия в движении национальной государственности играют не разрушительную, а созидательную роль.

Нами рассматриваются здесь лишь некоторые из основных противоречий в советской национальной государственности. Одно из них состоит в том, что всемерное укрепление и развитие последней связано, с одной стороны, с повышением ее значения в решении общих интернациональных задач, а с другой – при выполнении этих задач она сама подвергается процессу интернационализации. Таким образом, развитие национального в содержании национальной государственности сопровождается интернационализацией национально-го. Это противоречие есть диалектическое, присущее самой природе системы советской федерации, которое не может быть снято само собой. Его разрешение осуществляется с

помощью мер, направленных на установление определенных пропорций национального и интернационального в содержании национальной государственности на каждом историческом этапе ее развития.

Практически допустима возможность отставания в отдельные периоды, в отдельных случаях интернационального компонента содержания государственности от национального и наоборот. Но если такая картина наблюдается в течение длительного времени, то это может отрицательно сказаться на содержательном развитии национальной государственности. Если не познавать происходящее и не принимать своевременно меры по устранению образовавшейся диспропорции в развитии компонентов содержания национальной государственности, то борьба противоположных моментов может нарушить внутреннее ее единство и привести к нежелательным, негативным результатам. Вот почему Коммунистическая партия постоянно указывает на необходимость выявлять реальное соотношение интернационального и национального в межнациональных отношениях, а следовательно, и в национально-государственном строительстве, соответствующее требованиям развития многонационального советского общества. Можно привести из истории немало примеров, когда партия своевременно принимала решительные и эффективные меры по преодолению и разрешению противоречий указанного плана в содержании национальной советской государственности.

Обеспечение оптимального развития компонентов в едином содержании национальной советской государственности с учетом их взаимного обогащения и дополнения, в интересах умножения социально-ценного, общего в едином содержании национальной государственности – залог успешного движения вперед всей федеративной системы и социалистической государственности.

Другим видом диалектического противоречия, присущего национальной советской государственности, является противоречие между ее содержанием и формой. В его основе лежит неравномерная динамичность развития двух сторон национально-территориального образования: его содержание

подвижно, динамично, а его форма статична, более консервативна.

Под формой национальной государственности понимается целостный политико-правовой статус образования (их всего четыре: союзная республика, автономная республика, автономная область и автономный округ), а под содержанием – ее социально-экономическое, этническое и культурно-образовательное определение. Форма автономии должна соответствовать ее содержанию и является выражением последнего. Так, при реализации определенным народом права на самоопределение он свободен в выборе форм национальной автономии, однако эта свобода не абсолютна: она обусловлена объективными критериями и факторами, определяющими содержание развития этноса.

Каждая из форм национальной государственности при своей организационной устойчивости обладает содержательной емкостью. В ее пределах обеспечивается движение содержания, предоставляется простор для его всестороннего развития. В жизни советских наций и народностей произошли за годы Советской власти большие изменения. При этом формы национальной государственности в течение длительного времени почти не подвергались изменениям. Это говорит о том, что данные формы обладают большими внутренними возможностями для обеспечения развития ее содержания.

В то же время возможности формы национальной государственности в плане соответствия ее содержанию не беспредельны. Вполне допустимо и возможно, что на определенном этапе развития государственности на ее содержание будет оказано известное давление со стороны формы, и форма национальной автономии, исчерпав свои внутренние возможности, придет в известное противоречие с постоянно находящимся в движении содержанием, организационно-правовым обрамлением которого она является.

История национально-государственного строительства в СССР содержит немало примеров разрешения противоречий путем приведения в соответствие форм национальной государственности их новому содержанию. Так, процесс

образования системы национальных автономий в основном завершился к середине 20-х гг. В дальнейшем в результате успешной реализации ленинской национальной политики и разрешения национального вопроса, унаследованного от царской России, построения социализма произошли качественные перемены в социально-экономической и культурной жизни национальностей и национальных регионов. В этот период начиная с середины 20-х до середины 30-х гг. наряду с осуществлением политики ликвидации фактического неравенства ранее отсталых народов проводилась определенная реорганизация форм национальных автономий. Ряд автономных республик был реорганизован в союзные республики, а отдельные автономные области – в автономные республики.

Противоречие между формой и содержанием национальной государственности выступает одним из источников самодвижения ее и тем самым способствует решению задач по коммунистическому созиданию. Однако это не означает, что оно может разрешаться стихийно в силу существования при социализме объективных факторов, обуславливающих его разрешение. И задача ученых, работающих над решением различных аспектов проблемы национально-государственного строительства, – всемерно содействовать своевременной разработке мер по приведению в соответствие форм автономии ее новому содержанию, если таковая необходимость возникнет в отдельных национальных регионах.

Существует противоречие и в самом содержании советского национально-государственного строительства, которое относится к организации внутренней жизни самой национальной государственности независимо от ее политико-правового статуса – формы конституирования. В содержании национально-государственного строительства можно выделить условно два пласта основных отношений: структурно-организационные и функциональные. Они на практике не отделены друг от друга, выступают вместе, но в то же время являются как бы разными сторонами одного целого. Функциональные отношения присущи организационной структуре, составляют ее деятельную сторону. Они обнаруживают и проявляют

себя только тогда, когда структура включена в общественную практику. Определяющими в содержании советского национально-государственного строительства являются функциональные отношения, в которых реализуются его задачи, в силу этого они представляют собой наиболее ценностный пласт в содержании национально-государственного развития. Структурно-организационные отношения обусловлены функциональной деятельностью государственности.

Организационно-структурная сторона национальной государственности представлена системой центральных и местных органов власти и управления с объемом определенных полномочий и той связью и теми отношениями между этими органами, которые делают их потенциально способными к действию, к деятельности. До тех пор, пока эти связи и отношения определяются только «внутренними» потребностями структуры и тем самым как бы сохраняют ее устойчивость, они остаются «замкнутыми» на себе. Жизненный импульс они приобретают тогда, когда выходят за пределы внутреннего и начинают обслуживать внешнюю функцию структуры. С этого момента начинается и испытание данной организационной структуры в целом и ее отдельных звеньев «на прочность». По каналу обратной связи «реакция» общественной практики на эффективность реализаций данной структуры так или иначе отражается в состоянии системы национально-государственного строительства. Именно здесь возникают противоречия, которые являются противоречиями функционирования и развития национальной государственности.

В основе этих противоречий лежат имманентные свойства компонентов национально-государственного строительства. Его организационно-структурная сторона тяготеет к стабильности, малоподвижности, консервативна, хотя и обладает способностью в достаточной степени гибко реагировать на потребности общественной жизни и в соответствии с этим изменять диапазон своей внешней функции. Функциональные отношения, наоборот, динамичны, более подвижны и изменчивы, так же как общественные отношения, которыми они в конечном счете определяются.

В интересах потребностей общественной практики и развития национально-государственного строительства было бы оптимальным, если бы организационно-структурные отношения изменялись синхронно с функциональной деятельностью национальной государственности. На практике же в силу тех причин, о которых сказано выше, это маловероятно. И поэтому возникает противоречие между возможностями организационной структуры национальной государственности и необходимостью действовать в объеме, определяемом задачами общественного развития. В истории развития национально-государственного строительства в СССР одни способы и формы, посредством которых решались и преодолевались противоречия такого рода, сменялись другими (это происходило за счет перестройки и реорганизации отдельных звеньев системы органов, изменения их компетенции – чаще всего ее расширения, перехода от одной системы связи к другой во внутривнутриструктурных отношениях и т. д.).

Как было сказано, функциональная сторона в содержании национально-государственного строительства является ведущей. Она определяет его структурное построение. Но на этапе становления национальной государственности положение было несколько иным. В период образования различных форм национальной государственности (в рамках последней – системы новых органов, а в масштабе страны – Союза национальных республик) структурно-организационные отношения выдвигались на первый план в национально-государственном строительстве. Однако и при этом они строились с учетом их функциональной перспективы. Первенство функциональной стороны над структурной в национальной государственности вытекало из того, что сама система организации власти, взятая как ее построение, становится жизненной силой только в процессе деятельности, для осуществления которой она создана.

Представляет теоретический и практический интерес в развитии советской национальной государственности (союзных и автономных республик) факт «убывания» национального в характере ее политической структуры. С начала ее создания в советском обществе постоянно идет процесс

укрепления союзных и автономных республик как в экономическом и социальном плане, так и в политико-правовом отношении. Расширились их полномочия, совершенствовались и развивались их функции и структурная организация. Одновременно с укреплением союзных и автономных республик увеличивался их вклад в общее дело социалистического и коммунистического строительства. Они сейчас являются высокоразвитыми элементами единого народнохозяйственного комплекса страны и в этом направлении будут совершенствоваться и дальше. В то же время наблюдается и объективный встречный процесс. Он выражается в постепенном уменьшении удельного веса национального в формах и содержании национальной государственности, в убывании национального в ее политической структуре.

Мы здесь сталкиваемся с диалектически противоречивым фактом: союзная (автономная) республика, представляющая национальную форму советской государственности, укрепляется и развивается, и этот же процесс обуславливает в определенной степени ее «денационализацию». Развитие «национального» в содержании и структуре государственности приводит к ослаблению того же «национального». Такое явление можно объяснить следующим образом. Союзная или автономная республика, во-первых, выступает как форма национальной государственности (это значит, что в ее возникновении и организации этнический признак является ведущим); во-вторых, – как управляющая система, в функцию которой входит не только обеспечение развития национального момента, но и создание условий для нормального функционирования общественной жизни, вне которой «национальное» теряет свое значение. В-третьих, союзная (автономная) республика есть целое в административно-территориальном, народнохозяйственном, социально-культурном, системно-целостном плане, в которое включается национальная государственность как одна из важнейших сторон его содержания. Таким образом, развитие и укрепление союзной (автономной) республики не может быть всецело сведено к укреплению национальной государственности в плане усиления только национального момента. Понятие

«союзная (автономная) республика» намного шире по своему содержанию, чем «форма национальной государственности», хотя более тесно связано с последней, чем с понятием «национальная государственность» в его буквальном смысле. Поэтому вполне правомерно то, что укрепление союзной (автономной) республики не обязательно ведет к укреплению национального в ее содержании и структуре. Наоборот, подлинное укрепление союзной (автономной) республики есть постепенное снятие национального в ней. Только этот путь обеспечивает всестороннее и гармоничное развитие жизни национальностей, ее обогащение достижениями современной цивилизации. Умножение национального, этнически специфического в нациях и народностях в конечном счете приводит к изоляции их. Подлинное их развитие достигается при возрастании в их образе жизни и мышлении общечеловеческих ценностей.

Диалектически противоречива и сфера основной функции советской национальной государственности. Развитие национальных отношений в условиях совершенствования социализма предполагает, с одной стороны, всестороннее развитие социалистических наций и народностей, а с другой – их дальнейшее сближение. На первый взгляд эти процессы не согласованы: нации должны развиваться и расцветать и в то же время должны стираться различия между ними, препятствующие их еще большему сближению. Эта «несогласованность» есть выражение внутреннего диалектического противоречия, свойственного развитию национальных отношений в условиях социализма, когда подлинное совершенствование национального возможно не путем изолированного саморазвития, а только при росте в нем интернационально общезначимого. Таким образом проявляется принцип социалистического интернационализма в развитии национальных отношений. Советская национальная государственность, основной функцией которой является реализация национальной политики партии, отражает в своеобразной форме и указанное противоречие самого объекта ее воздействия.

Но помимо диалектических противоречий в практике национально-государственного строительства в национальных

регионах встречаются, как мы уже говорили, противоречия, обусловленные субъективными факторами: в отдельных случаях возможно возникновение противоречия между общей и местной задачами (при чрезмерном преувеличении значения местных интересов в ущерб интересам общегосударственным и наоборот); между интернациональной природой национальной государственности и узкой национальной политикой властных ее органов, между интересами многонационального состава населения определенной республики и интересами национальных этнических групп, проживающих на ее территории, и др. Эти недостатки появляются вследствие недостаточного учета объективных законов бытия и функционирования советской системы федерации и автономии, ошибок в области регулирования национальных отношений, в работе отдельных отраслей управления. Эти «противоречия» не стимулируют дальнейшего развития национальной государственности и их возникновение в системе советского национально-государственного строительства не обусловлено объективно. Они есть антиподы диалектических противоречий, противостоят им. Способы и методы их разрешения направлены на их устранение и ликвидацию, тогда как диалектические противоречия разрешаются с тем, чтобы противоположные их стороны, по Марксу, слились «в новую категорию».¹

Диалектические противоречия, заключенные в национально-государственном строительстве, с противоречиями, определенными субъективными факторами, связывает один общий момент, поскольку они проявляются в содержании и структуре одного и того же явления: если своевременно не познаются, не раскрываются имманентные противоречия движения национальной государственности, если они не разрешаются вовремя в практике национально-государственного строительства, это может привести к возникновению негативных явлений – противоречий второго плана. Если недостатки в национально-государственном строительстве вовремя не искоренить, они могут оказать влияние и на противоречия, составляющие импульс развития, и

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 4. С. 136.

определенным образом тормозить их проявление и даже исказить их назначение.

Одна из основных задач науки, объектом изучения которой является область национально-государственного строительства, заключается в глубоком осмыслении его внутренних противоречий и максимальном учете особенностей их проявления на каждом этапе исторического развития общества.

Укрепление союзных и автономных республик и национальная форма государственности

Одним из важных теоретических вопросов, выдвигаемых практикой развития советского многонационального государства на современном этапе, является вопрос о влиянии закономерной тенденции укрепления союзных и автономных республик на национальную форму государственности. Известно, что по мере продвижения общества по пути к коммунизму еще больше возрастает экономический и духовный потенциал советских республик и их вклад в ускорение социально-экономического развития страны. Этот процесс сопровождается всемерным укреплением самих этих республик. Такова объективная тенденция их развития. А как этот процесс отразится в национальной государственности, в ее структуре и содержании?

На первый взгляд постановка такого вопроса кажется излишней, так как существует мнение, что союзная или автономная республика есть национальная форма советской государственности и в силу этого отделить их друг от друга невозможно. Эта точка зрения основывается на том, что вышеназванные явления относятся к области национально-государственного устройства, что справедливо. Но ее отличает и некоторая односторонность: развитие наций и народностей в ней рассматривается только через призму их национально-государственной организации.

Между тем союзная или автономная республика может быть представлена в другом ракурсе. Ведь кроме того, что она является национальной формой государственности, она в то же время несет и другую функцию, имеет другое назначение. Она функционирует и как система управления всеми сторонами жизни региона и обеспечения ее всестороннего развития. И при реализации последней функции союзной или автономной республики национальное не всегда является тем главным критерием, который формирует всю совокупную ее деятельность: здесь нередко определяющими оказываются другие моменты.

Отсюда, на наш взгляд, постановка вопроса о том, как отражается укрепление союзных и автономных республик на национальных формах советской государственности, правомерна. Можно ли утверждать, что в течение всего периода существования этих республик будет одновременно укрепляться и национальная форма государственности?

Укрепление союзной и автономной республики как в функциональном, так и организационном планах – это общая закономерность поступательного движения социалистического общества. Эти структуры рассчитаны на долгий срок существования, хотя они не вечны: упразднение их произойдет в результате дальнейшего расцвета наций и народностей, все более тесного их сближения во всех областях жизни. Союзные и автономные республики связаны с национальными отношениями генетически, являются организациями последних. Однако степень и формы этой связи менялись и будут меняться в зависимости от исторических условий, в которых происходит развитие союзных и автономных республик, а также национальных отношений. На начальных этапах истории Советского государства, когда закладывались фундаменты социализма и создавались условия для полной победы социалистических отношений во всех сферах жизни общества, одновременно решался и национальный вопрос во всем его объеме и содержании. Укрепление союзных и автономных республик понималось как выполнение и осуществление двуединой задачи – социально-экономической и специфически национальной. В этих условиях между развитием республик, взятым в первую очередь как функциональное приращение, и национальных форм государственности существовала прямая связь. Развитие одного способствовало развитию другого. С разрешением национального вопроса, оставленного царской Россией, и с развитием и совершенствованием национальных отношений на основе победившего социализма процесс укрепления союзных и автономных республик стал опережать процесс развития национальных форм государственности. Другими словами, соотношение между национальным, с одной стороны, и социально-экономическим, культурным и организационно-структурными моментами, с другой, меняется в пользу последних.

Советские республики представляют собой национальные формы государственности и управленческие системы. При этом они не есть просто административно-территориальные единицы, а являются национально-территориальными образованиями. Однако в том и другом случае они обладают общими свойствами и функциями управленческой структуры. Понятие укрепления союзных республик и автономных образований в основном относится к их деятельности как организующей и созидающей организации. Национальное составляет часть этой деятельности, входит в нее; точнее, оно реализуется через эту деятельность и выступает как ее жизненное проявление. А национальная форма государственности, с одной стороны, играет роль политико-институционального орудия удовлетворения национальных интересов, а с другой – определяется как концентрированное выражение национального в содержании деятельности национально-территориальных автономий на уровне властных отношений.

Допустим теперь, что национальной государственности все меньше и меньше приходится решать сугубо национальные задачи, которые в значительной части реализуются объективным ходом развития социалистического общества и государства в целом. В перспективе такая картина реальна. Это означало бы уменьшение «национальной функции» национальной государственности. Или, допустим, что «национальное» в деятельности союзных и автономных республик стало занимать все меньший и меньший удельный вес. Такое положение привело бы к тому же уменьшению веса национальной формы государственности. Сказанное составляет не предполагаемую или выдуманную ситуацию, а действительность развития многонационального советского государства.

Убывание национального в государственно-властной сфере в союзных и автономных республиках в общетеоретическом плане означает интернационализацию национальных отношений, ее постепенное углубление и в то же время предстает как результат процесса интернационализации всех сфер и сторон общественных отношений, а в практическом плане – последовательное ослабление политики привлечения к управлению

государственными делами и представителей коренных национальностей, постепенно проводимый отказ от политики коренизации структурных звеньев аппарата; уменьшение удельного веса государственно-властных операций, направленных на решение специфических регионально-национальных задач, характерных для современного этапа развития общества.

Мы далеки от мысли, что в нашей стране решены все задачи в области национальных отношений. В Программе КПСС отмечается: «КПСС исходит из того, что в нашем социалистическом многонациональном государстве в процессе совместного труда и жизни более ста наций и народностей закономерно возникают новые задачи по совершенствованию национальных отношений».¹

Характер этих новых задач в области национальных отношений определяется тем, что они формируются на качественно новом этапе общественного прогресса: ускорение охватывает не только область экономики, но и сферы социальной жизни, в том числе и национальные отношения. В этой связи следует выявить пути решения сложных задач совершенствования последних, а это требует глубокого изучения их на современном этапе развития общества.

Содержание понятия укрепления союзных и автономных республик постоянно изменяется, отражая происходящие сдвиги на разных этапах развития социалистического государства. Укрепление национально-территориальных образований в определенное время понималось как действительное их приобщение к решению актуальных задач в различных областях жизни, стоящих в то время перед страной. Укрепление союзных и автономных республик нельзя понимать односторонне – только как решение определенных проблем в области национальных отношений. На более ранних этапах развития Советского государства задачи в области национальных отношений пользовались определенным приоритетом среди многих других задач, и тогда между укреплением национальных автономий и национальной государственности действительно была прямая связь, хотя и тогда первое не сводилось ко второму. Понятие «укрепление союзных и автономных респуб-

¹ Материалы XXVII съезда КПСС. М., 1986. С. 156.

лик» в строгом смысле не совпадает, а следовательно, и не тождественно понятию «укрепление национальной организации государственности».

Укрепление союзных и автономных республик в области национальных отношений более правомерно связывать с расцветом и дальнейшим сближением наций и народностей, укреплением дружбы народов и новой социальной и интернациональной общности – советского народа. Но всевозрастающее значение этого процесса не означает автоматически и движения по восходящей линии национальной формы государственности. Указанные вопросы в области межнациональных отношений в большей части решаются не методами национальной организации государственности, а экономически, социально-политически, т. е. методами воздействия на ведущие общественные факторы, в конечном счете определяющие развитие республик.

Наша мысль о том, что в союзной и автономной республике следует различать две стороны (одна выступает как управляющая система, а другая – как национальная форма государственности), не означает ее раздвоения или отрицания взаимно обуславливающей связи между ними. Они являются свойствами одного явления и существуют внутри целого как его органические компоненты, влияющие друг на друга, частично в чем-то совпадающие и служащие дополнением друг другу. В то же время не всегда изменение одной из этих сторон (или одного из свойств) в содержании союзной и автономной республики автоматически отражается на другой.

Степень уменьшения объема властной функции республик в сфере национальных отношений в условиях развития и расширения деятельности союзных и автономных республик в других сферах общественной жизни имеет свои пределы. В определенные периоды национальная форма организации власти начинает оказывать существенное, а порой и решающее влияние на политико-правовое положение и структуру, в которую она обрамлена. Это может случиться и тогда, когда в далекой перспективе уменьшение объема национального в содержании и функциях национальной государственности достигнет допустимого, а затем критического минимума, и

тем самым существование союзной или автономной республики как формы национальной государственности не будет иметь основания или окажется формальным. Речь идет о постепенном исчерпании возможностей, заложенных в союзной или автономной республике как национальной форме государственности, о выполнении ею своих назначений и задач, для решения которых она создана. При этом она, однако, не только не исчерпает себя как управленческая система, а вполне возможно, станет еще более гибкой и эффективно действующей структурой, но с другими назначениями и функциями. Союзные и автономные республики, теряя одни важнейшие качества как неперемные условия развития и приобретая другие черты и преумножая их, одновременно преобразуют себя качественно.

Здесь хотелось бы рассмотреть еще один вопрос, связанный со значительными изменениями в содержании системы советской автономии и ее структур и необходимостью их адекватного отражения в понятиях советского национально-государственного строительства.

История развития советской федерации совпадает с историей развития Советского государства, которое возникло и утвердилось как федеративное. Однако между понятиями «советское социалистическое государство» и «советское федеративное государство» нельзя ставить знак равенства, хотя они и тождественны. Первое больше указывает на общее, природу и содержание государства и обладает системно-целым, содержательно-общим характером, а второе – на структуру и организационное построение власти и управления в государстве.

С развитием советского общества в соответствии с изменениями его социально-экономического содержания изменялось Советское государство как «официальное выражение» этого общества. Этими процессами обуславливалось и развитие советской федерации и входящих в нее национально-автономных образований. Наличие органической связи между Советским государством в целом и советской федеративной системой не обуславливает синхронности их развития: развитие первого не приводит к адекватному развитию второй. Мо-

гут быть между ними временные отставания, в основном такие же, какие бывают между уровнями развития содержания и формы в социальных явлениях. Эти «различия» возникают внутри системно-целого, поэтому преодоление их осуществляется путем повышения уровня одних элементов до уровня других внутри единого явления.

Система федерации в СССР имеет своеобразную структуру. СССР – единое союзное многонациональное государство – олицетворяет высшую форму федеративного союза в масштабе страны. Среди союзных республик, входящих в состав СССР, в свою очередь есть федеративная республика – РСФСР. Следовательно, в состав большого, системно-единого социалистического федеративного государства может входить другое федеративное государство в качестве его субъекта. СССР как совокупность национально-автономных территорий характеризуется многообразием форм последних: союзная республика, автономная республика, автономная область и автономный округ. Каждое из этих национально-территориальных образований имеет свои свойства, которые динамичны, отражают изменения во внутренних и внешних условиях автономий, а главным образом, в сфере их социально-экономического развития. В соответствии с этими изменениями развиваются и понятия автономных образований, фиксирующие новые их свойства, новые черты.

В науке сложилась система понятий и определений, выражающих различные стороны и совокупные свойства формы и структуры национальных автономий в широком смысле. Одним из таких понятий является «национальная форма государственности». На наш взгляд, крупные качественные сдвиги, происходящие в социально-экономической, идейно-политической, межнациональной и национально-этнической сферах жизни советского общества обуславливают необходимость обогащения этого понятия, как и некоторых других из области советского национально-государственного строительства.

Но сначала рассмотрим вопросы, имеющие непосредственное отношение к понятию о национальной форме советской государственности. «Кто берется за частные вопросы без

предварительного решения общих, – указывал В.И. Ленин, – тот неминуемо будет на каждом шагу бессознательно для себя «натывать» на эти общие вопросы. А натывать слепо на них в каждом частном случае значит обрекать свою политику на худшие шатания и беспринципность».¹

Понятие «национальная государственность» стало сегодня универсальным понятием, охватывающим все формы национально-территориальных единиц – от союзных республик до автономных округов. В то же время наметилась тенденция распространить его в основном на союзные и автономные республики, хотя об этом открыто в литературе еще не говорилось. Насколько же в настоящее время правомерно относить автономные области и автономные округа к группе государственности и рассматривать их как ее разновидности?

Большинство исследователей считают, что союзные и автономные республики являются «национальным государством», а автономные области и округа – «национально-государственными образованиями».² Так, по Э.В. Тадевосяну, «как и союзная республика, автономная республика, автономная область и автономный округ – это различные проявления, различные формы национальной государственности народов СССР».³ Он, однако, различает понятия «национальное государство» и «национальная государственность» и считает последнее по содержанию намного шире, чем первое. Национальная государственность «включает в себя не только национальные государства (например, союзные и автономные республики СССР), но и национально-государственные образования (например, автономные области и национальные округа в СССР), которые не являются национальными государствами».⁴ В свою очередь внутри самой национальной государственности различаются «государственно-политическая» и «административно-полити-

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 15. С. 368.

² Златопольский Д.Л., Чистяков О.И. Образование Союза ССР. М., 1972. С. 48; Союз ССР — содружество равноправных республик. М., 1972. С. 38.

³ Тадевосян Э.В. Национально-государственное устройство СССР. М., 1978. С. 49.

⁴ Там же. С. 56.

ческая» разновидности ее форм. В одной из последних работ Э.В. Тадевосян союзные и автономные республики называет «национально-государственными системами», а автономные области и автономные округа – «национально-государственными образованиями».¹

Но некоторые авторы придерживаются другой точки зрения. «Национально-государственными образованиями», по их мнению, являются союзные и автономные республики, а «национально-административными образованиями» – автономные области и автономные округа.² К.Д. Коркмасова различает два вида советской национальной государственности: государственно-политическую (союзная и автономная республики) и административно-политическую (автономная область и автономный округ).³ Таким образом, по этому вопросу не выработано единого мнения.

В литературе принято считать, что одни из национальных государств обладают государственным суверенитетом (союзная республика), а другие им не обладают (автономная республика).⁴ «Национальное государство выступает либо в форме суверенного государства (союзная республика), либо автономного, т. е. несuverенного государства».⁵

На наш взгляд, некоторые существующие понятия форм советской национальной государственности требуют доработки, так как в них следует отразить те качественные изменения, которые произошли как в содержании ее организационных структур, так и в их внутреннем и внешнем политико-правовом положении, определяемом развитием Советского общества и государства в целом в условиях совершенствования социализма. Кроме того, следует и понятийный аппарат

¹ Тадевосян Э.В. Интернационализм советского многонационального государства/Вопросы философии. 1982. № 11. С. 20.

² Шевцов В.С. Национальный суверенитет. Проблемы теории и методологии: М., 1978. С. 92.

³ Коркмасова К.Д. Основные государственно-правовые проблемы национальной государственности в СССР: Автореф. дис. докт. юрид. наук. М., 1972. С. 18.

⁴ Кириченко М.Г. Единое союзное многонациональное государство. М., 1978. С. 33-34.

⁵ Шевцов В.С. Национальный суверенитет. Проблемы теории и методологии. М., 1978. С. 63.

советского национально-государственного строительства привести в соответствие с содержанием отражаемых им предметов и явлений.

В связи с вопросами о развитии национальных отношений Э.А. Баграмов пишет, что до 60-х гг. «многие труды по национальному вопросу страдали тем, что в них национальные проблемы рассматривались как бы по инерции, по аналогии с процессами прошлых периодов...».¹ Этот недостаток не преодолен, по его словам, полностью и в 70-х гг. Аналогичное явление наблюдается и в ряде трудов по национально-государственному строительству: мы часто оперируем понятиями, взятыми из арсенала прошлых лет, и не всегда обращаем внимание на то, что они в недостаточной степени соответствуют явлениям, которые в них отражаются.

В определенный период в литературе была распространена формула о том, что СССР есть «государства в государстве».² По нашему мнению, она уже не отражает современного уровня экономического и политического развития советского общества, экономического, политического и идеологического единства наций и народностей СССР и их автономных образований. Ею не учитываются все растущие внешние связи советской федерации и интеграционные процессы, происходящие внутри нее. На наш взгляд, положение, согласно которому союзные государства как субъекты союзной федерации представляют собой «самостоятельные суверенные государства», устарело, так как не соответствует главному критерию адекватности его действительности – экономическому уровню развития общества. В СССР создан и укрепляется единый народнохозяйственный комплекс, опирающийся на единую транспортную систему, на единую энергетическую систему, на единую систему газоснабжения и на крупнейшие межотраслевые производственные, топливно-энергетические и сырьевые комплексы. Справедливо считает Г.Т. Таводов, что «по мере коммунистического строительства полнее и глубже

¹ Основные направления изучения национальных отношений в СССР. М., 1979. С. 90.

² Об этом см., например: Коркмасова К.Д. Национальная государственность в СССР. Ростов-на-Дону, 1970. С. 126; Государственное право СССР. М., 1967. С. 279 и др.

будет проявляться интернационалистическая сущность советской национальной государственности».¹

Союзные и автономные республики являются формами советской национальной государственности. Они суверенны в рамках, определенных Конституцией СССР и конституциями союзных республик. Однако рассматривать их как «самостоятельные государства», как «государственность» представляется неправомерным. Понятия «государство» и «государственность» по объему смысловых нагрузок, которые они несут, неоднозначны. «Государственность» больше выражает суть и свойства организации, тогда как «государство» – все стороны (внутренние и внешние), характеризующие ее как системно-целостную конкретность с ее неизменными атрибутами (самостоятельность осуществления высшей власти, суверенитет над государственными границами и др.). Действительно, союзные и автономные республики обладают свойствами государственности: первые в рамках Союза ССР, а вторые в составе союзных республик.

Автономные области и автономные округа, по нашему мнению, не должны охватываться понятием «советская национальная государственность», так как они есть не формы последней, а структуры советской национальной автономии.

Неправомерно объединять их под терминами «национально-государственные» или «политико-административные образования», ибо автономные области и автономные округа, как было указано, не обладают признаками государственности. Кроме того, по содержанию термин «политико-административные образования» шире, чем определяемый ими предмет: он включает в себя и другие формы советской автономии.

Термины «национально-территориальное образование», «национально-территориальная автономия», «советская автономия», выражающие суть всех уровней и форм политического самоопределения народов СССР, являются общими. «Национальная государственность» есть родовое понятие союзных и автономных республик. А автономные области и

¹ Таводов Г.Т. XXVI съезд КПСС о развитии национальных отношений в СССР//Научный коммунизм. 1981. № 5. С. 15.

автономные округа в отличие от национальной государственности представляют собой национально-административные территории (единицы, структуры). Все формы советской автономии являются «политическими» учреждениями и поэтому нет надобности именовать последние «политико-административными образованиями».

Не выяснен окончательно вопрос о правомерности употребления выражения «национально-территориальные автономии» применительно ко всем субъектам советской федерации, начиная от союзной республики и кончая автономным округом. Существует мнение, что в этот круг не входит союзная республика, которая стоит на более высокой ступени организации, чем автономные образования. «Решение национального вопроса в СССР, – пишет А.А. Агзамходжаев, – осуществляется не только через федеративную форму устройства государства, но и через другую форму – советскую автономию».¹ Говоря о значении провозглашения РСФСР в декабре 1922 г. в плане развития форм национально-территориальных образований, автор указывает, что «создание РСФСР на деле доказало возможность образования федеративного государства не только на основе советской автономии, но и на базе независимых социалистических республик».²

Согласно сказанному, союзная республика не охватывается понятием «советская автономия».³ И эта точка зрения обычно основывается на том, что союзная республика: а) является суверенным государством в отличие от автономных образований; б) в отличие от других национально-территориальных образований не именуется в конституционных документах автономной.

На наш взгляд, такое мнение необоснованно. Советская автономия, в основе которой лежит национально-территориальный принцип, есть структура самоопределения народов. Она

¹ Агзамходжаев А.А. Воплощение социалистического интернационализма в советском многонациональном государстве. Ташкент. 1984. С. 15.

² Там же. С. 36.

³ Ниже отмечается, что в советской автономии надо различать две реформы: «политическую автономию, которую составляют автономные республики как социалистические государства, и административную автономию, куда входят автономные области и автономные округа» (Там же. С. 15).

состоит из нескольких подструктур, отличающихся по уровню организации, и наиболее высоким уровнем в ней является союзная республика. Союзная республика и собственно автономная республика представляют разные уровни организации советской автономии. Первую можно было бы называть союзной автономной республикой, и таковой она является по своему содержанию. Общепринятый в литературе термин правильно передает особенности обозначаемого явления, при этом общий момент как само собой подразумевающийся в нем опущен.

«Автономия» выражает самоуправление, относительную самостоятельность в осуществлении политической власти и управления в регионе. Эта самостоятельность может быть обрамлена и выражена институциональными учреждениями различных уровня и формы. Одной из таких форм и является союзная республика, которая вместе с другими входит в систему советской автономии.

Внешне структурные различия между СССР и РСФСР как федеративными государственными системами надо искать не в том, что одна из них состоит из автономных республик в отличие от другой (ибо элементами обеих являются национально-территориальные автономии), а в том, что составляющие их – это республики различного уровня организации. Федерация обязательно предполагает наличие автономных территорий и наоборот: если государство состоит из автономных образований – оно является федеративным. Но государство, включающее в себя отдельные автономии как неосновные его деления, может и не являться федеративным.

В работах В.И. Ленина федерация и автономия характеризуются соответственно как общее и его часть: федерация состоит из автономий, а автономия – это образующая федерацию единица.

Касаясь вопроса о демократическом централизме, он писал: «Противники централизма постоянно выдвигают автономию и федерацию, как средства борьбы со случайностями централизма. На самом деле демократический централизм нисколько не исключает автономию, а, напротив, предполагает ее необходимость. На самом деле даже федерация, если

она проведена в разумных, с экономической точки зрения, пределах, если она основывается на серьезных национальных отличиях, вызывающих действительную необходимость в известной государственной обособленности, – даже федерация нисколько не противоречит демократическому централизму».¹ В разработанном В.И. Лениным Проекте постановления Политбюро ЦК РКП (б) по вопросу о задачах РКП (б) в местностях, населенных восточными народами, было следующее положение: «Признать необходимым проведение в жизнь автономии, в соответствующих конкретным условиям формах, для тех восточных национальностей, которые не имеют еще автономных учреждений, в первую голову для калмыков и бурят-монголов...».²

В суждениях некоторых авторов часто высказывается мысль о том, что советская национальная государственность, элементом которой является и союзная республика, реально выступает в форме автономных образований. Так, было отмечено, что нельзя представлять развитие советской национальной государственности «как обязательное преобразование одних форм автономии в другие».³ По мнению К.Д. Кормасовой, советское национально-государственное образование есть «реализация народностью национального суверенитета, выраженного в форме административно-политической автономии».⁴ Такой позиции придерживается и М.Г. Кириченко: «Советская автономия является социалистическим самоопределением нации и народности при сохранении ее братской связи с другими народами в системе суверенного Советского государства».⁵

На современном этапе развития советского общества общенародное государство выступает как главное орудие совершенствования социализма. Вопросы его развития, все более

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 36. С. 151.

² Там же. Т. 41. С. 342.

³ Национальные отношения в развитом социалистическом обществе. М., 1977. С. 123.

⁴ Кормасова К.Д. Основные государственно-правовые проблемы национальной государственности... С. 18.

⁵ Кириченко М.Г. Единое союзное многонациональное государство. С. 32.

полного раскрытия его демократического характера и повышения его созидательной роли занимают центральное место в политике партии. В этих условиях укрепление системы советской национальной государственности и использование ее внутренних возможностей в целях ускорения всестороннего прогресса страны являются закономерным процессом. С возрастанием роли республик, автономных областей и автономных округов в решении общенародных задач, с дальнейшим повышением активности трудящихся всех национальностей произойдут одновременно качественно-ценностные изменения и в самом содержании национально-государственного строительства.

Советская национальная государственность и нация

Вопросы развития интернационального содержания национальной государственности и повышения роли в ней нации, давшей ей имя, о национальном в национальной государственности в современных условиях, о новых тенденциях в развитии национальных форм социалистической государственности, могущих привести в будущем к качественно новым изменениям содержания и структуры национальной государственности, являются актуальными. Они выдвигаются самой жизнью государственного развития наций и народностей СССР. Их логическое осмысление в равной степени обогащает как теорию, так и практику советского национально-государственного строительства.

Большим значением научной разработки указанных вопросов объясняется наличие в литературе множества различных, порой противоположных вариантов их истолкования, что правомерно на этапе поиска более оптимального ответа. Встречаются и такие высказывания, оценка которых имеет принципиальное значение для науки и практики.

Реальностью, видимо, следует считать то, что удельный вес национального в функциональной деятельности и организационном построении национальной государственности по мере ее развития убывает. Но сам факт возрастания роли общих, интернациональных черт и характеристик в жизни наций и народностей в СССР очевиден. Спор вызывает оценка изменений в соотношениях особенного и общего, национального и интернационального в жизнедеятельности наций и их последствий в данном случае в области национально-государственного строительства.

В связи со значительными качественными изменениями, происходящими как в содержании, так и в формах учреждений и институтов национальной государственности, с усилением интернационализации всех сторон общественной жизни, в том числе и в области национальных отношений, в литературе предпринимаются попытки новой интерпретации

понятия советской национальной государственности. Одним из основных при этом является вопрос о национальном в национальной государственности. По мнению одних исследователей, этнический фактор остается самым важным признаком советской национальной государственности; согласно другим, национальный состав является не основным, а учитывается в национально-государственном строительстве наряду с другими факторами социально-экономической, культурной жизни общества.

Еще два десятилетия тому назад определилась крайняя позиция в подходе к указанному вопросу. Так, по мнению П.Г. Семенова, в результате решения национального вопроса в СССР и крупных сдвигов в развитии интернациональных связей между нациями происходит процесс денационализации в национально-государственных отношениях: «Взаимная ассимиляция наций, по сути дела, денационализирует национально-территориальные автономии и даже союзные республики, приближая и с этой стороны советское общество к пункту, за которым полное государственно-правовое слияние наций станет делом обозримого будущего».¹ Что касается советской федерации и национальной государственности, то они, согласно этой точке зрения, близки к исчерпанию своих функций. В результате всего этого, считает автор, интерес нации к своей национально-государственной организации «неизбежно также должен испаряться, пропадать».² Он писал: «Если раньше степень федерирования, характер национальной государственности, юридическое содержание национально-государственных границ имели значение гарантии национальной свободы, то теперь они, по существу, не имеют больше такого смысла».³ Эта позиция подверглась острой критике со стороны многих исследователей национальных отношений. В ответ на эту критику он опубликовал спустя пять лет новую статью. В ней он пытался обосновать идею о развитии национальной государственной системы «по затухающей линии».

¹ Семенов П.Г. Программа КПСС о развитии советских национально-государственных отношений // Советское государство и право. 1961. № 12. С. 25.

² Там же. С. 25.

³ Там же. С. 23.

Для точки зрения П.Г. Семенова характерны забегание вперед, преувеличенное представление о тех изменениях, которые произошли и происходят в жизни национальностей, а главное, их неадекватная оценка. Употребление таких реально не отражающих происходящие процессы выражений, как «денационализация» национальной государственности и ее развитие «по затухающей линии», не способствует верному решению вопроса. В связи с этим правильно указывает Э.А. Баграмов, что при выдвигании каких-либо идей «нужно придерживаться выдвинутого В.И. Лениным методологического принципа – в национальном вопросе ставить во главу угла не абстрактные и не формальные принципы, а точный учет исторически конкретной обстановки».¹

Хотя указанная точка зрения методологически не обоснована, она все еще не изжила себя. И сейчас в литературе существует мнение, по сути своей близкое к позиции П.Г. Семенова. Согласно ей, союзные и автономные республики теперь выполняют исключительно задачи экономического и культурного развития, а задачи собственно национальные, вопросы жизнедеятельности наций и народностей разрешены якобы полностью, так как специфически национальные интересы, осуществляемые в рамках национально-государственного образования, более не существуют – они стали частью общегосударственных интересов. По логике указанной точки зрения легко прийти к утверждению «о затухании» национального в национальной государственности.

В центре дискуссии находится вопрос об этническом факторе. Одни ученые признают ведущее значение последнего в советской национальной государственности, а другие полагают, что в результате развития государственность в союзных и автономных республиках перестала быть государственностью нации, давшей ей имя, а стала государственностью всех наций и народностей, населяющих территорию республики, как по содержанию, так и по форме.

С самого начала следует внести ясность в содержание предмета суждений. Всеми исследователями признается

¹ Баграмов Э.А. Ленинская национальная политика: достижения и перспективы. М., 1977. С. 146-147.

бесспорным положение о том, что социалистическая государственность, а следовательно и советская национальная государственность, изначально по своей природе глубоко интернациональна: она есть родина и государственность всех народов, населяющих территорию СССР, независимо от того, имеет ли тот или иной народ свою национальную автономию или нет.

«Советская республика объединяет трудящихся всех наций и отстаивает интересы трудящихся без различия наций»;¹ в этом смысле и союзная, и автономная республики, будучи национально-территориальными автономиями определенных наций и народностей, в то же время олицетворяют государственность всех живущих в них народов.

Спор вызывает другой момент. Есть мнение, что в силу интернационализации всех сфер жизнедеятельности республик (в том числе и государственной структуры), обусловленной самой природой социалистической государственности и объективными факторами его развития, национальное в национальной государственности уступает место государственности многонационального профиля. Отражает ли оно реальный процесс в национально-государственном строительстве сегодня? Мы не будем отрицать возможности возникновения такого явления в будущем, но считаем, что преждевременно указывать на наличие таких процессов в национально-государственных отношениях на современном этапе развития нашего общества. По этому поводу Э.А. Баграмов справедливо отмечает, что «отдельные наши ученые поспешно сбрасывают со счетов национальное как нечто, с их точки зрения, архаичное».²

Национальная государственность олицетворяет реализованное право определенного народа на самоопределение, и каждая ее конкретная организационная форма носит имя той нации или народности, которая является субъектом такого самоопределения. Является ли национальная принадлежность национальной государственности ее недостатком, который

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 36. С. 536.

² Баграмов Э.А. Ленинская национальная политика: достижения и перспективы. М., 1977. С. 151-152.

надо преодолеть и изжить, или ее неотъемлемым свойством? Национальное в национальной государственности есть не только ее форма, но и ее содержание. Национальное не противостоит интернациональному, а, наоборот, служит его углублению. Касаясь вопроса о рабочем движении, Ф. Энгельс писал, что «подлинно национальные идеи... в то же время всегда являются и подлинно интернациональными идеями».¹ Мы часто употребляем выражение о том, что в национальной государственности национальна только форма, а содержание интернационально. Как известно, это означает, что советская автономия строится по национальному признаку, и он наиболее выпукло отражается в ее организационной структуре. Но это понимание, на наш взгляд, имеет свои недостатки.

И это выявляется, если рассматривать этот вопрос под другим углом зрения: национальна ли только форма в советской государственности? Правомерно ли исключать национальное из содержательной деятельности институтов и органов национальной государственности и не наличествует ли оно в той или иной мере во всей системе общественных отношений в национальных автономиях? Ведь интернациональное в жизни национальностей рождается не само по себе, не параллельно, а в тесном взаимодействии с национальным, обогащает последнее, формирует и развивает в нем всеобщие ценности.

Какова структура национального в национально-государственном строительстве? Э.В. Тадевосян пишет по этому поводу, что «национальное в государственности народов СССР находит свое выражение прежде всего в организации и функционировании тех или иных форм этой государственности. Национальная форма советской государственности проявляется в следующих основных моментах: во-первых, в том, что национальная государственность строится на базе областей, отличающейся своеобразием национального состава населения, компактно проживающего на данной территории; во-вторых, в формировании государственных органов преимущественно из представителей коренных национальностей, а в тех случаях, когда эти национальности не составляют

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 33. С. 374.

большинства населения, – в обеспечении их широкого представительства в этих органах; в-третьих, в осуществлении делопроизводства, всей работы органов власти национальных районов, как правило, на соответствующих национальных языках, на языках большинства (по национальному признаку) населения данных районов или же одновременно на двух языках, особенно в многонациональных районах; в-четвертых, в издании специальных законодательных актов, определяющих политико-правовое положение соответствующих автономных государственных образований (Закон об автономной области, Закон об автономных округах); в-пятых, в принятии законов и других актов Советского союзного многонационального государства с учетом особенностей национальных районов; в-шестых, в институте представительства советских национальных республик, автономных национально-государственных образований в органах единого союзного государства».¹

Национальное в национальной государственности рассматривается Э. Тадевосяном в основном в плане организации и функционирования системы политического аппарата и сведено к формированию органов власти из лиц коренных национальностей, к участию представителей республик в союзных органах, к полномочию республик принимать законодательные акты в пределах своей конституционной компетенции, осуществлять делопроизводство на местных языках и на языках большинства населения.

Против указанных возможностей и прав союзных и автономных республик возражать трудно. И в то же время такое понимание несколько суживает содержание национального в государственном строительстве, в союзных и автономных республиках, так как существует множество областей в социально-экономической и культурной жизни наций и народностей, которые охватываются и должны быть охвачены управленческой деятельностью в рамках национально-государственного строительства. В понятие национально-государственного строительства, как мы уже говорили, входит не

¹ Тадевосян Э.В. Национально-государственное устройство СССР. М., 1978. С. 50-51. Об этом см. также: Советская национальная государственность и сближение наций. Алма-Ата, 1983.

только структура органов и принципы их формирования, но и сама созидательная деятельность этих органов, ради которой они сконструированы.

Все национально-территориальные автономии в момент их образования обладали национальной определенностью. Этот признак со временем подвергся некоторым изменениям. Однако суть осталась неизменной: автономные территории, лишенные национальной определенности, не могут существовать как национальные автономные образования.

По признакам национальной принадлежности существующую систему национально-территориальных автономий можно разделить на несколько групп: одно-, двух-, много- и «безнациональные». К первой группе относится большинство национальных республик (Украинская ССР, Казахская ССР, Татарская АССР, Марийская АССР и др.), все те, в каждой из которых реализовала свое право на самоопределение одна конкретная нация или народность; ко второй – такие, как Чечено-Ингушская АССР, Кабардино-Балкарская АССР, Карачаево-Черкесская автономная область, Ханты-Мансийский автономный округ (в каждой из которых две народности дали свое имя автономии); к третьей – Дагестанская АССР, Алтайский край, Хакасская автономная область, Ямало-Ненецкий, Агинский, Бурятский национальные округа, и в каждой из них самоопределялось несколько народностей. «Безнациональными» ныне являются такие национальные образования, как Аджарская АССР, Нахичеванская АССР, Горно-Бадахшанская автономная область и др., в которых живут коренные национальности союзных республик самоопределившихся наций. В большинстве случаев такие автономии носят названия местностей, в которых эти народности живут. При всем этом национальная принадлежность независимо от числа самоопределившихся наций и народностей в рамках данной автономной территории остается главнейшим признаком национальной государственности.

В истории развития нации, как известно, государственность играла важнейшую роль. Образование и развитие буржуазных наций шло одновременно с образованием и развити-

ем буржуазных государств. В прогрессе наций и народностей СССР выдающуюся роль сыграли ленинское учение о праве нации на самоопределение и его воплощение в условиях советской действительности.

Связь между нацией и государственностью несомненна. А каков характер этой связи, в каких пределах они взаимодействуют и взаимно дополняют друг друга? Является ли государственность имманентным свойством нации, ее признаком, неотъемлемым компонентом? Богатый исторический опыт решения национального вопроса и дальнейшего развития национальных отношений в условиях социализма в СССР содержит во многом ответы на эти вопросы.

В 1966 – 1968 гг. на страницах журнала «Вопросы истории» была проведена дискуссия о понятии нации, в ходе которой были выявлены разные мнения по данной теме и которая способствовала выработке научной концепции нации вообще, социалистической нации в особенности. Основным вопросом, вокруг которого развернулся активный обмен мнениями, был вопрос о признаках нации, определяющих ее конкретность. При этом так или иначе затрагивалась и интересующая нас проблема о соотношении нации и государственности. Рассмотрим материалы этой дискуссии по данному вопросу, позволяющие получить представление о состоянии его разработки.

П.М. Рогачев, М.А. Свердлин при выявлении признаков, составляющих понятие нации, пришли к выводу, что государственность есть один из ее признаков, не всегда реализуемый в условиях капитализма, но являющийся реальностью при социализме: «Понятие территориальной общности предполагает не только географическую близость, но и проживание людей в рамках одного государства, нераздельность их государственными границами...».¹

А что касается «социалистических наций, то национальная государственность является их признаком».² Почти одновременно с ними эту точку зрения изложил В.В. Руднев. По его

¹ Рогачев П.М., Свердлин М.А. О понятии «нация» // Вопросы истории. 1966. №1. С. 37.

² Там же.

мнению, для определения «понятия социалистической нации признак государственности является обязательным».¹

Указанное положение подверглось в дальнейшем подробному обсуждению и критическому анализу. М.С. Джунусов не поддержал эту позицию. По его мнению, «не следует отождествлять представление о границах административно-территориального деления с представлением о наличии или отсутствии общности территории. Границы государственных образований могут совпадать и не совпадать с этнической территорией»,² и более того, «этнические границы будут существовать еще долго и после исчезновения государственных границ».³

С.Т. Калтахчян же поддерживает мнение о том, что национальная государственность является одним из признаков нации. Он считает, что без государственных границ право нации на самоопределение «превращается вообще в фикцию».⁴ В определение социалистической нации, наряду с такими признаками, как общность людей, имеющих единый язык, территорию, общность экономических интересов и единую культуру, он включал и государственность.

П.Г. Семенов занял определенно отрицательную позицию по отношению к положению В.В. Руднева, П.М. Рогачева и М.А. Свердлина. Он аргументировал свой тезис о том, что «принципиально возможно существование социалистической нации и без национальной государственности».⁵

М.О. Мнацакян критически отнесся к позиции П.Г. Семенова. По его мнению, роль национальных государств в жизни нации исключительно велика. Однако их образование в условиях капитализма тормозилось. Он считал общей закономерностью тот факт, что «ни одна нация в своем длительном

¹ Руднев В.В. К вопросу об определении понятия социалистической нации // Украинский исторический журнал. 1966. №1. С. 57.

² Джунусов М.С. Нация как социально-этническая общность людей // Вопросы истории. 1966. № 4. С. 29.

³ Там же.

⁴ Калтахчян С.Т. К вопросу о понятии «нация» // Вопросы истории, 1966. № 6. С.42

⁵ Семенов П.Г. Нация и национальная государственность в СССР // Вопросы истории. 1966. № 7. С. 77.

историческом развитии не минует важнейший исторический этап своей самостоятельной государственной жизни.

Национальная государственность – это не просто огромного значения прогрессивный фактор, влияющий на национальную жизнь, условия, способствующие национальной консолидации. Она – важный составной элемент нации, определяющий ее сущность, ее имманентное свойство».¹ М. Мнацакян обосновывает свою позицию тем, что «В.И. Ленин так же, как К. Маркс и Ф. Энгельс, рассматривал национальное государство... как составной элемент нации, ее признак».² Ученым предложено определение нации с включением в него государственности как свойства нации.³ Он считал, что социалистическая нация формируется «в рамках своей государственности на основе общности языка, территории, социально-экономической, идейно-политической и культурной жизни».⁴

Против включения национальной государственности в признак нации выступали Т.Ю. Бурмистрова,⁵ И.П. Цамерян. Последний писал, что «при социалистическом строе национальная государственность, играющая важную роль во всестороннем развитии социалистических наций и их сближении друг с другом, не является обязательным признаком нации».⁶

«Серединную» позицию в этом вопросе занял В.И. Козлов. С одной стороны, он не соглашался с мнением, согласно которому в понятие территориальной общности нации включаются и «государственные границы».⁷ А с другой стороны, по его мнению, экономическая общность «свойственна не столько

¹ Мнацакян М.О. Нация и национальная государственность // Вопросы истории. 1966. № 9. С. 30.

² Там же. С. 29.

³ «Нация, – писал он, – это исторически сложившаяся устойчивая общность людей, имеющих общий язык, общую территорию, общие хозяйственные связи и общее государственное устройство» (Там же. С. 35).

⁴ Там же. С. 36.

⁵ Бурмистрова Т.Ю. Некоторые вопросы теории нации // Вопросы истории. 1966. № 12. С.108.

⁶ Цамерян И.П. Актуальные вопросы марксистско-ленинской теории нации // Вопросы истории. 1967. № 6. С. 114.

⁷ См.: Козлов В.И. Некоторые проблемы теории нации // Вопросы истории. 1967. № 1. С. 92.

нации, сколько государству и определяется не национальными, а политическими границами».¹ Он при этом употребляет выражение «строго обязательные признаки нации» (видимо, в отличие от признаков нации вообще), в число которых не включаются ни «экономическая общность», ни «национальная государственность». «Наличие собственного государства, — пишет В.И. Козлов, — не может считаться строго обязательным признаком нации... Однако роль фактора государственности в образовании нации и стремление нации к своему политико-территориальному оформлению настолько велики, что на практике при решении вопроса о том, является данный народ нацией, именно наличие таких государственных образований или направленных на территориальную автономизацию национально-политических движений, в которые вовлечены основные классы данного народа, обычно служит признаком того, что мы имеем дело с формирующейся или уже сформировавшейся нацией».²

Итак, в ходе дискуссии было выявлено, что а) нация и государственность тесно взаимосвязаны, б) национальная государственность представляет собой важнейший фактор и является мощной основой для прогресса нации, в) стремление нации к созданию национальной государственности есть проявление ее суверенитета и имеет исторический характер, т. е. развитие нации в рамках национальных государственных границ обусловлено конкретно-историческими условиями, г) национальная государственность, по мнению большинства ученых, не является имманентным свойством, признаком нации, без которой она не сможет существовать как таковая. Иначе: в определенной социально-политической ситуации на определенных этапах своего развития нация может в принципе успешно развиваться и без национальной государственности.

Мнения исследователей, выступающих против признания государственности как признака нации, разделились в оценке перспективы развития социалистических наций и советской национальной государственности. Одни из них, исходя

¹ Козлов В.И. Некоторые проблемы теории нации // Вопросы истории. 1967. № 1. С. 94.

² Там же. С. 99.

из указанного правильного положения, пришли к выводу о постепенном «затухании» национальной государственности в СССР и об ее «снятии» с исторической сцены в обозримом будущем еще задолго до слияния и исчезновения наций; а другие – к тому, что национальная государственность в СССР исчезнет вместе с социалистической или даже коммунистической государственностью. На наш взгляд, эти выводы в значительной степени построены на абстрактных суждениях. Реальная жизнедеятельность наций и народностей СССР, ее содержание и структура, ее тенденции развития, факторы, обуславливающие ее, – все эти существенные моменты, без анализа которых нельзя ответить на указанные вопросы, остались вне поля зрения большинства ученых, разделяющих это мнение.

Справедливо положение о том, что специфически национальное в национальных автономиях, в различных сферах жизнедеятельности наций уменьшается и ослабевает, все больше обогащаясь общечеловеческими ценностями. Такие изменения объективно обусловлены всем ходом их развития, интернационализацией общественной жизни наций и имеют устойчивый характер. И в сфере национальной государственности происходят аналогичные сдвиги и изменения, возможно, только в другом темпе и масштабе.

В литературе получила распространение точка зрения, согласно которой союзная или автономная республика или любая другая форма советской автономии не является более государственностью только того народа, который в порядке реализации своего права на политическое самоопределение образовал ее. Она стала в настоящее время являться государственностью всех наций и народностей, проживающих на территории автономной единицы. По логике этой мысли, отныне уже нельзя трактовать, допустим, Украинскую ССР или Узбекскую ССР как государственность соответственно украинского или узбекского народа, ибо они стали государственностью всех народов, населяющих их территории.

Г.Т. Тавадов пишет, что «советская национальная государственность, будучи интернациональной по своей сущности, представляет собой государственность трудящихся всех

национальностей, проживающих в данной республике, а не только той нации или народности, которая дала ей имя».¹

Другие же исследователи полагают, что «национальный характер государственности народов СССР проявляется в том, что она служит государственно-правовым выражением суверенности нации (народности), имя которой носит данная национально-государственная единица».² Один из сторонников этого мнения А.И. Коваленко справедливо считает, что при изучении проблемы советской национальной государственности следует исходить из следующего методологического принципа диалектики: «При познании всякого явления надо принимать во внимание, что оно обязано своим происхождением и существованием какому-то субстанциональному отношению. И пока воспроизводится это отношение, функционирует и изучаемая реальность».³

Таким отношением, политико-государственным обрамлением которого выступает советская национальная государственность, являются национальные отношения, а их основным и конкретным носителем, определяющим необходимость существования этой государственности, – коренная национальность. «Советская национальная государственность, – отмечает А.И. Коваленко, – возникла как форма существования коренной национальной общности».⁴ По его мнению, выводы об исчезновении различий между «коренными» и «некоренными» национальностями в республиках и об устарелости понятия «коренной национальности» являются поспешными, а «исчезновение или отсутствие «коренной» национальной общности неиз-

¹ Тавадов Г.Т. Интернациональное и национальное в советской социалистической федерации // Научный коммунизм. 1982. № 5. С. 22. Об этом см. также: Исаев К.И., Левитин Л.И. Советская Конституция – воплощение неразрывного единства интернационального и, национального // Научный коммунизм. 1982. № 5. С. 5.

² Коркмасова К.Д. Основные государственно-правовые проблемы национальной государственности в СССР: Автореф. дис. докт. юрид. наук. М., 1972. С. 15.

³ Коваленко А.И. Советская автономия: (на материалах Удмуртской АССР). Ижевск, 1977. С. 63; Он же. Советская национальная государственность. Минск, 1983. С. 8.

⁴ Советская национальная государственность. Минск, 1983. С. 12.

бежно влечет за собой и упразднение национальной государственности».¹

На наш взгляд, данная точка зрения является наиболее аргументированной, хотя в ней не учтены новые качественные процессы, происходящие в современных условиях в жизнедеятельности наций, в национальных отношениях в СССР и в республиках, которые оказывают существенное влияние на систему Советской федерации и национальной государственности. Однако анализ этих процессов на данном этапе развития социализма не дает, по нашему мнению, основания для вывода о перерастании Советской национальной государственности в государственность «всех наций». Такой вывод является ошибочным в теоретическом плане и не отражает действительного состояния советского национально-государственного строительства, не служит интересам его развития.

Доводы же сторонников точки зрения, согласно которой советская национальная государственность есть государственность всех народов, обычно основываются на том, что природа национальной государственности интернациональна и состав автономных территорий многонационален. Сами по себе эти факты действительно определяют сегодня суть и содержание советской национальной государственности. Но, к сожалению, сторонники этого положения, как правило, ограничиваются простой его констатацией, но не излагают логику движения и развития этой мысли.

Само признание национальной государственности государственностью всех наций и народностей объективно (вопреки всем субъективным намерениям) означает, что ее перерастание из государственности нации или народности, давшей ей имя, в безнациональную или многонациональную государственность есть реальный факт; так же, как и отпадение в далекой перспективе национального в национальной государственности, т. е. преобразование последней в государственность вообще. По сути это есть не что иное, как «денационализация» советской национальной государственности, хотя некоторые из сторонников этого взгляда выступают

¹ Там же. С. 43 (см. также с. 42).

против такой терминологической трактовки. В связи с этим И.П. Цамерян писал: «Пропаганда взглядов о «денационализации», «затухании» национальной государственности, о ликвидации в ближайшей перспективе национальных республик и автономий не может не вызвать оживления и усиления пережитков местного национализма. По существу, этот взгляд, какие бы благие намерения ни были у его авторов, является проявлением пережитков великодержавного шовинизма».¹

При утрате национального признака национальная государственность будет преобразована в свою противоположность – в безнациональную государственность. Это произойдет в далеком будущем, в процессе слияния наций. Однако говорить об этом как о реальном моменте современного этапа развития национальных отношений и национально-государственного строительства преждевременно.

При рассмотрении вопроса о соотношении советской национальной государственности и нации следует исходить из основного положения о том, что нация составляет, с одной стороны, главнейший компонент советской автономии, а с другой – она есть та социально-историческая общность, на которой базируется эта автономия. И здесь, по В.И. Ленину, основным является следующий вопрос: «К кому применяется автономия?».² А советская автономия должна применяться, по его мнению, к нации как социально-исторической общности. В ряде партийных решений и документов, составленных с участием В.И. Ленина, эта идея проходит красной нитью.³ Мы полагаем, что время для пересмотра основополагающего принципа организации советской автономии, основанной на самоопределении нации, еще не наступило.

¹ Цамерян И.П. Воплощение и обогащение идей пролетарского интернационализма на исторически первом опыте разрешения национального вопроса в СССР. М., 1968. С. 45; См. об этом: Куличенко М.И. Национальные отношения в СССР и тенденции их развития. М., 1972. С. 422 и др.

² Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 7. С. 427.

³ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 8 изд. М., 1970. Т. 1. С. 63, 387-388, 448-449 и др.

ГЛАВА II

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО ЕДИНСТВА СОВЕТСКОГО НАРОДА

Становление и развитие новой социальной и интернациональной общности людей происходит путем движения демократических форм организации и функционирования общенародной власти. Это движение проявляется двояким образом в качестве процесса: 1) политического властвования, то есть через совокупную деятельность государства и всех субъектов политических отношений, всех компонентов взаимодействия политически организованного народа; 2) изменения субъектов и, соответственно, форм и методов их властвования, то есть через преодоление политического характера власти.

Объективный процесс интернационализации общественной жизни и процесс развития народовластия можно представить в качестве двух взаимопологающих начал формирования и развития советского народа на современном этапе. Эта общность самоосвобождающихся людей различных национальностей основывается на развивающемся фундаменте обобществления и интернационализации производительных сил, становления непосредственно-общественного производства как необходимой предпосылки соединения на деле общественной собственности и общественной власти.

На этой объективной основе практически воспроизводится революционно-преобразующая жизнедеятельность советского народа, составляющих его социальных, национальных сил, конкретных индивидуальностей, их объединение как реальных субъектов развивающихся властных отношений. В отрыве же от нее процесс становления общности советского народа связывается преимущественно с расширением «социальной базы» власти, не конкретизированным в ее действительных социальных и национальных носителях. Субъекты власти при этом не предстают с объективно фиксированными реальными

мотивами их властной деятельности, и, соответственно, действительные истоки их социальной ответственности не лежат на поверхности.

Необходимо, следовательно, сам процесс политического властвования советского народа рассматривать в двух взаимопологающих началах: в качестве функций народа, всех его составных компонентов по отношению к государству и функций самого государства по отношению к народу, - взятых в конкретной мере и форме их единства на всех уровнях осуществления народовластия. При этом важно само развитие форм народовластия представить в качестве проявления деятельных отношений людей и их многообразных объединений, общностей, составляющих советский народ, то есть выразить процесс формирования народа в его подлинно субъектных началах и в формах реального проявления этой субъектности. Иначе говоря, следует, на наш взгляд, преодолеть сугубо «объектное» видение путей государственной организации единства народа.

Государство, будучи концентрированной формой выражения исторически определенного характера общества, в своей структуре, в механизме организации власти отражает с той или иной степенью адекватности социальную и национальную структуру общества, характер его социального единства. Поэтому анализ интересующего нас вопроса только через призму отражения в научных понятиях наличного бытия государственных институтов и норм целесообразен лишь на уровне первоначальной фиксации внешних определений объекта исследования. Невозможно данную теоретическую задачу полностью решить таким путем, так как он не позволяет выявить реальные основания, движущие силы, определяющие тенденцию развития действительной системы государственного единства, системы народовластия и в конечном итоге приводит к предельно узкой трактовке государственного единства, понимаемого как единство аппарата публичного властвования, и как крайнему своему проявлению – к апологии государства в его статичности.

Действительно, полное теоретическое отражение государственного единства советского народа – это есть не только и не

столько отражение наличного бытия государственных институтов и норм (механизм государства), сколько рассмотрение самого процесса развития и функционирования этих институтов и норм в деятельных отношениях людей, в качестве исторически развивающегося и переходящего способа организации их совместной, социально и национально разделенной деятельности.

Выработка адекватного понимания единства деятельных отношений советских людей как единства их саморазвития предполагает выход за рамки анализа государственных институтов и норм, во-первых, в сферу базисных, системообразующих отношений, во-вторых, в сферу более общих надструктурных отношений (прежде всего – соционормативных), сферу политического, правового и нравственного сознания в их всеобщих и национально-специфических формах и, в-третьих, в сферу общих социальных и национальных целей и задач. Это обусловлено тем, что жизнедеятельность советского народа в качестве развивающейся общности не может быть редуцирована к одной, пусть и весьма важной форме ее организации и функционирования. Это единство должно быть рассмотрено с точки зрения стратегической линии развития политической системы общества, состоящей «в совершенствовании советской демократии, все более полном осуществлении социалистического самоуправления народа на основе активного и действенного участия трудящихся, их коллективов и организаций в решении вопросов государственной и общественной жизни».¹

¹ Материалы XXVII съезда КПСС. М., 1986. С. 158.

Понятие государственного единства советского народа и вопросы его определения

При определении понятия любого явления (предмета) необходимо прежде всего выявить то место, которое занимает данное явление (предмет) в системе более общих и в этом смысле определяющих (порождающих) его отношений. Определение понятия, по существу, есть раскрытие способа формирования рассматриваемого предмета (причем как сам способ формирования, так и содержание предмета должны быть поняты и выражены в их необходимости). Общим вопросом, который нужно прежде всего решить при выявлении сути государственного единства советского народа, является вопрос о характере, содержании единства народа вообще.

Поскольку в самом общем смысле под единством народа понимается способ совместного бытия людей, то абстрактное определение заключается в следующем: государственное единство советского народа есть особый способ совместного бытия составляющих этот народ социальных групп, наций и народностей. Определенность же совместного бытия людей выступает в их целенаправленной деятельности, взятой в исторически конкретной форме. Единство предметно-практической деятельности составляет общую предпосылку единства социального, данного в специфических для рассматриваемого общества формах взаимосвязи различных видов деятельности. Различие же между видами деятельности и, соответственно, между индивидами разных социальных слоев, представителями классов, наций и народностей на нынешнем этапе общественного развития таково, что единство их не выступает в форме непосредственных отношений, но полагает необходимость специфических, внешних форм обеспечения. Государство и выступает такой специфической организующей силой, и общество при этом – как государственная организация, как определенный политико-правовой союз, общность.

Согласно определению государственного единства как особого способа совместного бытия людей, отношения которых опосредованы особыми политико-правовыми институтами и

нормами, есть или возможен некий всеобщий способ такого бытия, способ, соответствующий субстанциональным определениям самого человека как существа свободного и универсального, политическое бытие которого выступает лишь одним из возможных способов его исторического бытия.

Аристотелевское определение человека как существа политического с ретроспективной точки зрения, имело тот смысл, что в античном полисе, по существу, совпадали понятия «свободный» и «политикос», что объяснялось господством общей собственности членов города-государства. Эпоха же господства частной собственности сформулировала совершенно иное определение человека и его свободы, которая стала пониматься как независимость индивида в качестве частного собственника от государства. Теоретическое определение государства как наличного бытия свободы и «Философии права» Гегеля в этом смысле соответствовало действительности, но при этом подразумевалась свобода, достигаемая немногими за счет несвободы всех.

С развитием предметно-практической и духовной деятельности человека шло его собственное развитие и, соответственно, постоянное преодоление его наличного социального статуса, что с необходимостью сопровождалось постоянным изменением структуры социальных отношений, их форм. И чем больше человек постигает и овладевает общим (не ограниченным рамками его наличной, конкретной, а точнее, определенной предметной деятельности) способом развития материальной и духовной культуры, иначе говоря, чем больше он становится личностью, тем меньше он нуждается во внешних определениях своего бытия, то есть обретает свободу в обществе и посредством общества. «Свобода состоит в том, – писал К. Маркс, – чтобы превратить государство из органа, стоящего над обществом, в орган, этому обществу всецело подчиненный».¹

В этом состоит коренное отличие взглядов Маркса и Гегеля на природу и назначение государства. Гегель рассматривал исторический процесс как прогресс в формообразованиях государства и, соответственно, государство как определенность

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 19. С. 26.

свободы. Маркс же писал, что там, где есть государство, нет свободы, и высмеивал идею так называемого «свободного государства», означавшую на деле государство, свободное от общества, то есть тираническое государство.

В этом и заключается конечная цель государственного единства советского народа. Для достижения ее используется государство, его механизм в качестве средства преобразования социальных отношений на началах действительного равенства и свободы развития людей как условия их подлинного единства.

Необходимой предпосылкой и условием становления ассоциации свободных производителей как конечной цели социалистического переустройства общества является наличие непосредственных отношений независимых общественных индивидов. Имманентной формой таких отношений выступает непосредственное народовластие, т. е. самоуправление народа, понимаемое как процесс и форма самоосвобождения и самоосуществления трудящихся в качестве полновластного субъекта исторического развития.

Самоуправление народа – не абстрактная модель желаемого будущего. С ростом эффективности методов самоуправления уменьшается необходимость в государственно-правовом воздействии. Обретая силу уже в статусе реальности субъективной, объективно самоуправление утверждается в качестве имманентной формы такой деятельности и таких отношений, внешнее управление которыми, по существу, невозможно. Являясь реальной возможностью и предпосылкой к коммунистическому общественному устройству, оно находится в сложной взаимосвязи с существующей политической системой многонационального советского общества. Противоречивость развивающихся здесь процессов, поляризация в нем демократических и бюрократических сил делает открытый диалог идей в этой области необходимым условием укрепления единства советского народа.

Проблема теоретического воспроизведения содержания государственного единства советского народа является составной частью и логическим развитием проблемы государственно-правового регулирования межнациональных от-

ношений. Основываясь на марксистско-ленинском учении о путях и формах достижения межнационального общества при социализме, советское государственное устройство с его первых шагов было ориентировано на теоретическое обоснование государственного устройства национальностей как устройства развивающегося единства. Вместе с тем в силу ряда причин единство это рассматривалось по преимуществу с позиций государственного устройства в целом, соотношения социалистического унитаризма и федерализма, его форм и т. д. Раньше преобладающим был внешний анализ многонационального государства с точки зрения организации и функционирования его основных структур. С возникновением советского народа вопрос о природе его государственного единства потребовал более адекватного теоретического отражения, тем более что это связано с путями и формами его дальнейшего развития, с истоками активизации всех социальных и национальных сил общества.

Не исключено, что это заставит переосмыслить некоторые устоявшиеся в науке советского национально-государственного строительства представления и понятия в соответствии с современными национальными процессами. Достаточно задать вопрос о том, идентично ли понятие государственного единства советских наций и народностей понятию государственного единства советского народа, чтобы понять необходимость исследования объективного содержания и специфических форм выражения последнего, его объективной и субъективной (субъектной) определенности. В общеметодологическом плане очевидно, что качественная определенность исторически новой общности людей может быть адекватно выражена не в теоретических понятиях и категориях общности более низкого исторического уровня, а при условии правильного определения специфических системообразующих связей, свойственных новой реальности, основного принципа ее функционирования и развития.

Поскольку же эта общность формировалась и продолжает развиваться в целостной системе социалистических общественных отношений, она с необходимостью включает в собственное содержание качественную определенность и

закономерности развития и функционирования этой более общей системы.

Диалектико-материалистическая философия обосновала необходимость применения принципа монизма не только в области философских идей, но и в области всякой другой науки.¹ Монистический взгляд на общество и государство зрелого социализма предполагает, следовательно, объяснение государственного единства советского народа, исходя из общего, определяющего принципа. Единство государства вообще предстает для познающего субъекта в его «наличном бытии», эмпирически, в самых многообразных формах и сторонах проявления, в соответствии с которыми и складывается первоначальное представление о нем. Но уже в самом элементарном восприятии и представлении присутствует всеобщий момент – единство власти, на поверхности выступающей в самом простейшем факте подчинения всех общественных элементов, всех индивидов общим началам, общим требованиям и установлениям. Однако, в отличие от эмпирического восприятия и сознания, теоретическое мышление должно подняться на более высокую ступень понимания и выразить данные «факты» в их необходимости, разумности.

Согласно Гегелю, «мышление состоит в том, чтобы все многообразие приводить в единство», чтобы «постигнуть и выразить многообразие в единстве».² Отсюда теоретическое постижение и выражение государственного единства в его многообразных проявлениях может считаться осуществленным только при условии их сведения к общему принципу и развития этого определяющего принципа. Иначе говоря, следует выявить те всеобщие начала, детерминанты, которые, проявляясь в многообразии «фактов» государственной жизни, образуют необходимую, закономерную взаимосвязь целого, составляющего предметную область государствоведческой науки.

Но это не означает, что предметная область исследования должна быть охвачена в едином определении понятия.

¹ Принципы материалистической диалектики как теории познания. М, 1984. С. 89 и др.

² Гегель. Работы разных лет. М., 1973. Т. 2. С. 92.

Напротив, «монизм может быть реализован только в системе теоретических определений предмета».¹ Несмотря на то, что имеющиеся в научной литературе разработки отдельных аспектов проблемы государственного единства советского народа не сведены в единую систему теоретического знания, предпосылки для этого есть.

Разработаны: общее понятие власти в ее общесоциальном, публичном, политико-правовом, государственно-управленческом проявлениях, что дает возможность выявить качественную определенность государственного единства народа как единства власти в специфических формах ее проявления и проследить взаимодействие и тенденции развития этих форм; теория политической системы социализма, системы социалистической демократии, позволяющей выявить новые качественные характеристики общенародного государства в контексте более общих политико-управленческих отношений, раскрыть его интегративные свойства и пределы интегрированности; определение социалистического общенародного государства, отражающее его отношение с новой общностью людей социалистического типа, что даст возможность фиксировать исходные (абстрактные) отношения в анализе государственного единства. Решена проблема противоречивой взаимосвязи двух качественных определенностей государства – политико-правовой общности и аппарата властвования (это позволяет рассматривать проблему государственного единства в качестве динамически развивающегося отношения публичного властвования в его основных тенденциях и перспективах). Развита взгляд на государство как на социальную управляющую систему, в связи с чем государственное единство предстает как единство управления.

Начата интенсивная работа над решением проблем самоуправления как существенного момента общественно-политического управления на данном этапе развития социалистического общества (в свете этих разработок проблема государственного единства советского народа предстает в единстве ее объективных и субъективных начал). Создана более или менее завершенная теория функций общенародного

¹ Принципы материалистической диалектики. С. 90.

государства в их системной целостности, позволяющая интерпретировать государственное единство как систему государственной деятельности в основных, определяющих социальное и интернациональное единство общества направлениях. Проведено многоаспектное исследование формы общенародного государства и в особенности формы государственного устройства, тенденций развития социалистического федерализма, национальных форм государственности, что составляет особую государствоведческую специализацию, непосредственно связанную с государственно-правовыми проблемами решения национального вопроса. Имеются разработки проблем отношения государства и личности, позволяющие ставить вопрос о субъективных моментах, субъективной, личностной определенности в развитии государственного единства на различных уровнях и в различных формах его проявления. Предпринята, наконец, попытка общей систематизации основных понятий и категорий государствоведения, позволяющая теоретически определить понятие «государство» через развертывание системы соответствующих определений.

Перечисленные выше моменты относятся к основным элементам единой системы теоретического знания по интересующему нас вопросу.

В теории государства вместе с тем существует проблема, без решения которой невозможно объединить имеющиеся определения в общую систему, отражающую содержание государственного единства народа, реализовать принцип монизма, это проблема исходного основания или «основной клетки» теоретического рассмотрения государства в его целостности.

Очевидно, что такое исходное основание не может быть обнаружено в «недрах» самого государства, взятого в его относительной самостоятельности в качестве организованного, институционализированного целого (механизма), ибо государство не может быть понято «из самого себя». «Первоклеточка» несет в себе общее системообразующее, системообразующее отношение. Во всеобщей (абстрактной) форме это отношение представлено как отношение общества и государства, в котором исторически и генетически первичным выступает общество.

Государство в этом смысле «подчинено» обществу, будучи его творением. На эмпирическом уровне существование этого отношения не является очевидным. Обыденное сознание в реальной жизни находит нечто прямо противоположное (непосредственно «акт рождения» государства обществом эмпирическое сознание наблюдает достаточно редко). С «воздействием» же государства, власти на общество оно сталкивается повседневно. И, сталкиваясь с «конкретным», «живым» проявлением этого «факта», далеко не всегда для него «удобным», «эмпирический индивид» не во всех ситуациях склонен рассматривать его как «собственное порождение». Эта противоречивость вытекает из двойственности природы самого государства, в полной мере с обществом не совпадающего. Мера совпадения и несовпадения при этом по-разному фиксируется теоретическим и обыденным сознанием. Но именно этим определяется и на ней выстраивается достаточно сложная, многообразно структурированная система государственно-властных, социально-политических отношений. Во взаимоотношении двух начал, образующих взаимосвязь политически организованного общества, происходит постоянное возобновление и постоянное функционирование жизни «государственной первоклеточки». На самом высоком уровне ее развития государство предстает как политическая форма самоопределения народа, форма выражения его всеобщей воли, форма бытия его наличной свободы. В этих условиях каждый индивид будет осознанно относиться к конкретным формам государственной жизни как к своему творению.

Но такую способность индивид приобретает не сразу и не путем теоретических умозаключений, она рождается в практике общественно-преобразовательной деятельности. В многообразии общественных отношений, равно многообразию форм предметной деятельности, проявляется нечто общее всем элементам социума – это господствующий при данном социально-экономическом типе разделения труда способ его соединения. Поскольку содержанием всякой формы экономической связи является «обмен деятельностью и способностей» и этот обмен осуществляется либо непосредственно-стихийно, либо посредством рыночной конкуренции, либо в непосредственно-общественных формах (соответственно типам

формаций – первичной, вторичной и третичной, по Марксу), постольку последний в этом ряду социалистический тип соединения труда возникает на такой стадии развития производительных сил общества, когда на смену стихийно-природному¹ и внешнему регулированию его приходит господство «коллективного разума» и важнейшим способом соединения труда становится его сознательное социальное регулирование.

Главные принципы этого регулирования и образуют господствующий тип социальных связей, определяющий практически все социальные звенья, все их соединения и пр. И именно в многообразии эмпирически наблюдаемых и значимых форм его проявления основной регулятивный принцип взаимосвязи разделенного в данном обществе труда обретает свое действительное существование. На этом же уровне выявляется неадекватность отдельных его форм, в связи с чем происходит их преобразование.

Для конкретного понимания государственного единства советского народа недостаточно соотносить две абстракции «народ» – «государство» и отсюда выводить определяющее и определяемое и констатировать их взаимодействие и т. д. Хотя теоретические абстракции такого уровня обобщения необходимы для целостного воспроизведения предмета рассмотрения, они являются лишь самой общей предпосылкой его анализа в более конкретных понятиях, в более содержательных и в этом смысле более живых, жизненных определениях. Очевидно, что недостаточно констатировать расширение массовой базы государственной власти как политико-управляющей системы в связи с формированием советского народа.² Необходимо наряду с фиксацией нового качества этой общности рассматривать ее структурные и функциональные связи с системой власти.

Мы уже ранее отмечали следующее: государственное единство советского народа есть специфическая политико-

¹ «Стихийное» здесь не потому, что в природе не существует закономерных связей, а потому что они еще не познаны, не освоены рационально.

² Тихомиров Ю.А. Развитие концепции социалистического государства// Актуальные проблемы теории социалистического государства и права. М., 1974. С. 90, 91.

правовая форма его самоопределения в качестве новой социальной и интернациональной общности; оно является высшей формой выражения суверенитета, то есть независимости и верховенства советского народа как целостного субъекта исторического развития; советское общенародное государство, будучи результатом и продуктом развития советского народа, обладает в своей организации и деятельности в значительной степени способностью целенаправленно воздействовать на его развитие в целом, на развитие составляющих его наций, народностей, социальных и национальных групп; государственное единство в его внешнем проявлении выступает как единая система народного представительства, централизованного государственного аппарата, общей правовой системы, или общей системы законодательства, общей судебной системы и системы контроля и находит свое отражение в политическом и правовом сознании советского народа как составной части его мировоззрения.

Государственное единство представлено в этих определениях в его «данности», статичности, как некоторое организованное целое. Это то, что дано нашему сознанию отчасти в качестве самых общих теоретических представлений, отчасти же — в качестве непосредственно существующего предмета. И в том и в другом случае познающий и действующий субъект первоначально рассматривает его в виде внешнего, противостоящего ему объекта, предмета, как некую данность, с которой он должен считаться не только теоретически, но и взаимодействовать практическим образом. Исследование этой данности предполагает, следовательно, необходимость другой, более высокой ступени постижения и теоретического воспроизведения государственного единства народа; такой ступени, на которой это единство было бы представлено не только в его внешней определенности и целесообразности, но так, чтобы стать доступным для специалиста-государствоведа, рассматривающего государство в качестве предмета своей теоретической деятельности, и для любого социального субъекта, способного увидеть в нем свой собственный жизненный интерес.

При этом важно подчеркнуть, что успехи в достижении единства советского народа не должны приводить к выводу

о беспроблемности национальных процессов.¹ Теоретическое воспроизведение единства народа должно считаться, таким образом, как с несомненными достижениями в этой области, так и с нерешенными пока проблемами в области национальных отношений, намечать пути их решения. Обязательным условием этого является объективное воспроизведение теорией реальных общественных процессов. В этой связи к ней вполне приложимы слова о том, что «полуправда, стыдливо обходящая острые углы, тормозит выработку реальной политики, мешает нашему движению вперед».² При этом задача теории не сводится к тому, чтобы противопоставить реальности отношений идеальность возможной более совершенной формы. Она заключается, следовательно, в том, чтобы противоположности, противоречия нашей реальности разрешить в теоретически осмысленной форме.

Деятельность действительно общественных индивидов должна быть при этом выражена и как субъективно значимая и субъективно определяемая и как значимая социально, общественно и соответственно общественно-определяемая и регулируемая. Применительно к предмету нашего исследования это означает, что деятельность составляющих советский народ индивидов, социальных групп, народностей, наций должна быть теоретически реконструирована и представлена таким образом, чтобы в каждой ее особенной форме (в особенной организации) был отражен и личностный и общезначимый смысл и интерес, личная и всеобщая социально-созидательная воля.

Как известно, в общественных науках анализ общественных явлений предполагает с необходимостью рассмотрение отношения «индивид – общность» (И – О). В связи с этим политико-правовое выражение содержания государственного единства советского народа следует представить первоначально как отношение индивида, государства и общества (общности) (И – Г – О), что обусловлено всеобщностью политико-правовых связей советского народа как общности становящейся, формирующейся. Непосредственно общественные,

¹ Материалы XXVII съезда КПСС. М., 1986. С. 53.

² Там же. С. 23.

«органические» связи индивидов здесь еще не стали общим способом, формой их отношений.¹

Но сказанное о всеобщности отношения И – Г – О не означает, что все элементы, все индивиды, составляющие общность, находятся в однозначных отношениях, что все богатство человеческих связей сводится к связям политико-правовым.² Здесь речь идет о том, что эта форма связи является системообразующей, структурно-функциональной, и в качестве таковой она на современном этапе закономерна.

Всеобщность политико-правовой формы в становлении и развитии советского народа – это всеобщность «особого рода», она не тождественна содержанию тех действительно всеобщих отношений, которые выражают сущностные силы, составляющие эту общность людей. Это всеобщность социальной власти, причем взятая в ее исторически конкретной политической определенности. В этом качестве она есть не только самостоятельная и в этом смысле специфическая функция общества, народа по организации, руководству, управлению совместной деятельностью, но и особая организация и форма деятельности особого круга лиц.

Политико-правовая форма отношений советского народа на современной ступени его развития есть всеобщая в том смысле, что она в качестве общей формы связи создает условия, при которых развитие всех и каждого становится возможным и необходимым. Но она не является всеобщей в том

¹ Обозначенная самая общая модель отношений может быть отчасти продемонстрирована на тех отношениях, которые складываются в государственно-правовых отраслях: в государственным праве, регулирующем отношения гражданина и государства; административном, регулирующем отношения гражданина и государственного аппарата; советском строительстве, раскрывающем конкретный механизм этих связей.

² Как говорил Маркс, «человек более бесконечен, чем гражданин государства...» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 1. С. 447). Развивая положение о дальнейшем сближении общества и государства, Ю.А. Тихомиров пишет, что «государство служит универсальной формой объединения граждан» (Разработка проблем теории социалистического государства // Социалистическое государство и право. 1983. № 7. С. 66.). Это положение является верным только при учете отмеченного Марксом различия между человеком и гражданином, которое сохраняет свою силу постольку, поскольку общество и государство не совпадают.

плане, что непосредственно выражает волю и интересы всех в их многообразных связях. Совпадение всеобщей воли с волей всех привело бы к снятию политической формы ее выражения, а это станет реальностью лишь в отдаленной перспективе развития народовластия.

Понятия социальной власти, политической и государственной форм ее организации и осуществления являются отправными для понимания государственного единства советского народа. Многоаспектность представленных в научной литературе определений отражает сложность самого феномена власти. По И.М. Степанову, категория власти настолько многопланова, что с равным основанием может считаться предпосылкой к управлению или самим управлением, способностью к подчинению или самим подчинением, — здесь все зависит от того, под каким углом зрения исследуется этот вопрос. И действительно, в литературе понятие и содержание власти рассматривается с точки зрения социологической (т. е. как авторитет, обладающий возможностью принуждения), социальных функций (т. е. через категории управления, руководства), специфического социально-психологического феномена (понимаемого как способность определить поведение других, осуществить свою волю и т. д.).

В нашу задачу не входит анализ всех существующих мнений о природе социальной власти и т. д. Для нас важно рассмотреть конкретное содержание государственной власти с точки зрения детерминирующего ее социально-экономического основания с тем, чтобы определить суть государственной власти и тем самым избежать редукции ее к формам и способам ее осуществления.

Власть может быть понята и выражена только в качестве отношения, представленного в деятельности социальных субъектов, в качестве различающейся деятельности. Отношение это реализуется в соответствующих организационных формах, государственных учреждениях, институтах и нормах, которые рассматриваются как материальные носители, объективированные формы власти. Но последние отнюдь не тождественны власти как специфическому идеальному отношению. Специфичность здесь заключается в том, что стороны

последнего соотносятся как господствующая (руководящая) и подчиненная. То есть оно представлено как взаимосвязь властвующих и подвластных. Причем эта взаимосвязь, ее характер и формы даны уже в качестве предпосылки в наличных производительных силах, в соответствующем разделении труда и способах его соединения, т. е. в достигнутом уровне обобществления производства.

Высказанные в литературе суждения о совпадении в общенародном государстве властвующих и управляемых с точки зрения научного познания неправомерны, так как подлинное соединение властвующих и подвластных, соединение на деле, а не в теоретических представлениях возможно только при отмирании государства и становлении коммунистического самоуправления свободных ассоциированных производителей. Сегодня же речь идет о выявлении той оптимальной меры совпадения, которая необходима для нормального функционирования наличной политической системы, в рамках которой идет развитие существующих и становление новых форм и начал самоуправления, отнюдь не тождественных государственному управлению.

С точки зрения государствоведения проблема государственного единства советского народа предстает чаще всего как проблема формы установления оптимального соотношения частей внешнего объединения социалистических наций и народностей – федеративного и унитарного. При этом принято полагать, что унитарная форма государства выражает более «тесное» единство. Так, А.И. Коваленко пишет: «В нормальных условиях многонациональное социалистическое государство обретает унитарную форму государственного устройства», федерация же «обладает такими чертами, которые делают ее менее результативной».¹ Критерий результативности названных форм при этом усматривается во внутреннем тождестве содержания социально-экономической системы и формы территориальной организации власти.²

¹ Коваленко А.И. Советская национальная государственность. Минск, 1983. С. 125.

² Там же. С. 128.

Это правильно, но при условии, что социально-экономическая система берется в ее целом, с точки зрения ее общего смысла, а не через призму одного определяющего (для какого-то периода развития общества) начала. В качестве такого начала А.И. Коваленко рассматривает хозяйственную целостность и из логики ее концентрации непосредственно выводит необходимость политической централизации.¹ Анализируя советскую федерацию «с позиции функционального бытия социалистического государства как такового», он видит основу целостного единства субъектов федерации «в их специфических хозяйственных определениях», которые таким образом «служат формой выражения всеобщей универсальной связи всей федерации».²

Но, на наш взгляд, смысл государственного единства советского народа не может быть выявлен, а историческое изменение его форм³ – адекватно исследовано, если его рассматривать отдельно с «точки зрения национальных отношений», «с позиции функционального бытия социалистического государства как такового», сводимого по сути к «хозяйственному бытию», и основанной на этом бытии «взаимной зависимости субъектов федерации». Здесь следует прежде всего определить назначение всех преходящих форм объединения, от обособленного анализа каждой из них подняться к целям, коим они призваны служить, от отношений зависимости обозначить путь к отношениям свободы. Смысл подлинного социалистического единства наций состоит отнюдь не в усилении их «взаимной зависимости», а в их взаимодействии в качестве свободных субъектов исторического развития.

Абсолютизация любых социально-переходных форм (хозяйственно-экономических, политических, культурных, морально-правовых, национально-унитарных, интернациональ-

¹ Там же. С. 129.

² Там же. С. 136, 137, 142, 154.

³ Р.И. Косолапов обратил внимание на настоятельную необходимость теоретической разработки проблем переходного периода освобождения наций, его начала и конца, совпадения и различий с переходным периодом диктатуры пролетариата (см.: Косолапов Р.И. Классовые и национальные отношения на этапе развитого социализма // Социальная политика и национальные отношения. М., 1982. С. 9, 10).

но-федеративных) не позволяет содействовать объективному движению прогресса. Все эти и бесконечное множество иных форм в их движении суть формы развития человеческой индивидуальности, личности, не сводимой ни к одной из этих форм, переходных по своей сути и назначению, как дискретно во времени и пространстве любое развивающееся явление. Воспроизводство общественного человека в качестве имманентной цели социалистической формации и есть то всеобщее и универсальное основание, на развитие которого направлены усилия экономики, науки и т. д. Соответственно и государственное единство советского народа, взятое как в целом, так и в его национальных и социально-классовых компонентах, есть в конечном итоге не более как средство для развития названного всеобщего, абсолютно значимого содержания.

Следовательно, как бы мы ни определяли понятие государственной власти: социологически (то есть с точки зрения целого и его дифференциации и интеграции), функционально (со стороны его социальной роли, назначения) или социально-психологически (в аспекте общей и индивидуальной воли и т. д.), – мы должны рассматривать ее, во-первых, как специфическую переходную форму, особый способ связи общества, разделение труда, которое закреплено в соответствующих социальных и национальных структурах, и, во-вторых, отметить двойственный характер власти, вытекающий из двойственности всякой специализированной деятельности в условиях социального разделения труда.

В этих условиях всякая деятельность несет в себе потенциально следующие начала: всеобщности (поскольку она социально необходима, социально детерминирована, и поскольку она как таковая есть человеческая деятельность); единичности (так как обуславливается частными, личными потребностями и интересами); особенностями, специфичности (здесь соединяются всеобщие и единичные начала, разрешается противоречие между ними). Такое различие начал прослеживается в деятельности индивидов, их объединений, групп, классов и т. д. Конкретная, реальная мера всеобщности той или иной деятельности определяется характером социального разделения труда, прежде всего труда физического и умственного.

Властно-организационную деятельность принято относить к сфере труда потенциально всеобщего. Однако эта всеобщность, будучи основанной на социальном отчуждении, сама подлежит «снятию» в историческом развитии по мере обретения характера всеобщности всеми формами человеческого труда.

Двойственный характер власти имеет и более глубокие, определяющие основания в самом общественно-производственном процессе, взятом в его целом, на уровне всего общества и в этом смысле – и в отношениях собственности. В марксизме связь собственности и власти рассматривается, по существу, как конституирующая для вторичной эпохи общественно-исторического развития. Маркс писал, что экономическая власть является источником, основой политической, государственной власти. «Собственность... тоже представляет собой своего рода власть. Экономисты, например, называют капитал – властью над чужим трудом».¹ Политическая власть здесь также есть форма проявления двойственной, всеобщей и специфической власти капитала как формы соединения труда и собственности в целостном общественном производстве и как формы производства и присвоения прибавочной стоимости. Взаимосвязь труда, собственности и власти здесь имеет конечным основанием обмен деятельностью в ее овеществленной объективной форме – в вещах, учреждениях и нормах.

Всеобщим способом такого обмена является конкурентная борьба;² в буржуазном, как и феодальном, обществе власть, таким образом, является атрибутом собственности.³

Определенная ступень обобществления собственности в условиях социализма означает вместе с тем соответствующую ступень обобществления власти. Однако взаимосвязь отношений собственности и отношений власти здесь утрачивает свойственный для вторичной формации непосредственно конституирующий характер. Хотя характер власти и остается в конечном итоге производным от характера отношений

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 4. С. 297. См. так же: Там же Т. 23. С. 238; Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 33. С. 340.

² Там же. Т. 46. Ч. 2. С. 155.

³ Там же. Т. 23. С. 344.

собственности, последние постепенно по мере развития социализма утрачивают функцию основной детерминанты, однозначно определяющей структуру и отношения власти. Они «уходят в основание» этой власти, все больше обуславливаемой, общими социальными процессами, развитие которых становится все более ориентированным не на производство «вещей», а на «производство людей», производство человека в его общественных отношениях. Сами способы детерминации человеческой деятельности, способы и формы ее связи здесь становятся качественно иными.¹

На XXVII съезде КПСС отмечалось, что «отношение к собственности формируется прежде всего теми реальными условиями, в которые поставлен человек, возможностями его влияния на организацию производства, распределение и использование результатов труда. Проблема, таким образом, заключается в дальнейшем углублении социалистического самоуправления в экономике».²

Здесь, по существу, обозначен путь от «политэкономии собственности» к «политэкономии труда» (по Марксу), через самоуправление в экономике. Реальность такого самоуправления предопределяется состоянием социалистического самоуправления в целом, мерой и характером его связи с собственно государственным, профессиональным управлением.

Соответственно переходу от «политэкономии собственности» к «политэкономии труда», от социальной структуры собственности к структуре социальных способностей и к распределению самого труда в зависимости от способностей меняются и качественная определенность власти, способы и формы ее конституирования и осуществления, ее социальная значимость. Существенно возрастают требования и к самому механизму властвования и к его субъектам, чья деятельность носит непосредственно общественный характер. Вместе с тем двойственный характер государственно-властной деятельности сохраняется и при социализме, поскольку здесь

¹ Об этом см.: Мазур В. К непосредственно-общественному производству – сущность скачка и этапы становления // Коммунист. 1984. № 15. С. 37, 49.

² Материалы XXVII съезда КПСС. С. 39.

остается непреодоленным социальное разделение труда, в силу которого профессиональный труд по руководству и труд непосредственно производительный остаются разъединенными функционально и в их социальных носителях, и, соответственно, в организационных формах социальной и национальной структуры общества. Это разделение и фиксируется в самом общем плане как различие общества и государства, управляющей и управляемой системы.

Дело общественного самоуправления должно быть, следовательно, поставлено так, чтобы усилить ответственность управляющих за действительное состояние общественной жизни, общественных отношений социализма как отношений действительно гуманистических, обращенных непосредственно к человеку.

На основании данного различия само понятие государственной власти в теории зачастую рассматривается как тождественное управлению в широком смысле слова. Согласно этой логике, государственное единство советского народа следовало бы рассматривать как единство управления, то есть через призму развития управляющей системы общества. Но нам такой способ рассмотрения представляется малопримлемым, и вот почему.

Управление в самом общем смысле есть процесс целенаправленного воздействия субъекта на объект. То есть имеет место субъект-объектное отношение, характерное для отношения человека к природе, когда человек как субъект предметно-практической преобразующей деятельности имеет в качестве ее предмета природный мир. По существу, управление связано преимущественно с процессом производства вещей, с организацией этого производства и имеет отношение к человеку, к людям лишь в той мере, в которой они выступают агентами этого производственного процесса. Всеобщность управления как системообразующего отношения свойственна обществу, основанному на товарном производстве, то есть, по Марксу, – вторичной формации. Но так как индивиды выступают не только в качестве рабочей силы, агентов производственного процесса, но и в качестве самосознающих личностей, субъектов своей собственной деятельности, отношения власти реализуются

в иных формах (руководство, организации, саморегуляция и т. д.). Как видно, вопрос об отождествлении или различении содержания субъект-объектных отношений (управление) и отношений субъект-субъектных (руководство, координация, самоорганизация, согласование) не сводится к терминологическим предпочтениям, а к существу рассматриваемого процесса, определяющих его отношений.

Это становится очевидным, если обратиться от чисто теоретических абстракций к ситуациям, где связь «субъект – объект» представлена в живых человеческих отношениях. Здесь субъектность есть олицетворение достоинства, подлинно нравственных устремлений и ответственности человека за себя и за те социумы, в которых протекает его жизнедеятельность. В свою очередь объектность равна его безответственности, социальной пассивности и часто ведет к поискам путей утверждения человеком своей «субъектности» вне, а подчас и вопреки нормам и ценностям, разделяемым общностями, к которым он принадлежит.

Разумеется, рассматриваемые явления взяты здесь в их крайних состояниях, однако именно в этих крайностях находит отражение реальная теоретическая и практическая проблема, решение которой в каждом конкретном случае будет способствовать значительному совершенствованию соответствующих сфер социальной практики.

Если посмотреть на субъект-объектные и субъект-субъектные связи в движении их исторических форм, то однозначное проявление их было исторической, объективной реальностью. Субъект-объектное отношение в чистом и в этом смысле «классическом» виде было достоянием эпохи рабовладения. Раб, как известно, здесь был равен «чистому объекту» – вещи, орудию. В эту эпоху существовало и деление народов на «людей» и «нелюдей», эллинов и варваров, египтян и «пришлых» и т. д. и т. п. Субъект-субъектные отношения в их «чистом», завершенном виде, целью которых является не производство вещей (равно производству условий жизни), а производство самих людей как свободных субъектов столь же свободных отношений, будут принадлежностью коммунистической эпохи. Исторические эпохи, находящиеся между указанными

полярными в данном плане точками, различаются по конкретной мере, отражающей соотношение субъект-объектных и субъект-субъектных отношений, взятых в различных формах и на разных уровнях социального устройства общества.

Соответствующая мера присуща социалистической фазе коммунистической эпохи, и эта мера в ее объективной обусловленности и субъективной определенности представлена, фиксирована в отношениях и организации власти, в ее институтах и нормах, в формах и методах осуществления. Наиболее общее выражение она находит в основном принципе – принципе демократического централизма. В нем она выступает как мера свободы и зависимости индивидов и их объединений в рамках целостной организации общества. Конкретная же определенность этой меры, ее качественное и количественное выражение в различных областях, сферах социальных связей проявляется эмпирически в соответствующих формах и способах осуществления власти.

Исходя из того, что переход от субъект-объектных к субъект-субъектным связям предстает как последовательно изменяющийся ряд способов и форм организации и функционирования общественной (политической) власти, есть основания полагать, что общая историческая тенденция в этой области общественных отношений заключается в постепенном переходе от внешнего управления к внутренней саморегуляции индивидов, их объединений и общества в целом. Очевиден тот факт, что в силу демократической природы социалистического общества органы государственной власти образуются путем всенародных выборов, а в Советах народных депутатов в качестве формы такой власти сочетаются начала государственной и общественной организации власти. Это, однако, не меняет в настоящее время того общего положения, что общество и государство все еще составляют две относительно самостоятельные системы – управляемую и управляющую с соответствующими им законами функционирования, воспроизводства и т. д.

При характеристике общенародного государства констатируется тот объективный факт, что государство выражает волю и интересы всего народа. Но это не означает, что в го-

сударственной деятельности представлена непосредственно воля каждого и что гражданин является непосредственно членом государства как специфической организации власти. Между тем в литературе встречается такая точка зрения. Так, Б.М. Лазарев утверждает, что «есть основания считать гражданина членом Советского государства как организации», и это обосновывается тем, что «из граждан и состоит та историческая общность, которую мы зовем советским народом», и что каждый гражданин обладает правом участвовать в управлении делами государства.¹ Но очевидно, что право участвовать в управлении и реальное управление суть не одно и то же. В условиях общенародного государства основной формой управленческой деятельности остается еще деятельность профессиональная, то есть она выступает как особая функция «особого слоя людей».²

Граждане социалистического государства действительно участвуют в его деятельности, но эта часть не настолько значительна, чтобы считать, что они управляют непосредственно делами государства, являются его непосредственными членами сегодня.

По мнению Б.М. Лазарева, предложенная им трактовка советского общенародного государства и положения граждан в нем «позволяет развивать институты непосредственной демократии» и это согласуется с характеристикой советского государства как главной формы самоуправления народа на современном этапе.³ На наш взгляд, эта трактовка не отражает реальных процессов, протекающих в действительности. Положения же о государстве как форме современного самоуправления народа нуждаются в иной содержательной интерпретации.

Здесь более правомерно было бы говорить о поиске путей, способов, форм такого самоуправления, которое обуславливается необходимостью дальнейшего развития социалистической всенародной организации власти. При этом проблема

¹ Разработка проблем теории социалистического государства. // Советское государство и право. 1983. № 9. С. 48.

² Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 33. С. 50; Т. 1. С. 439. Т. 39.

³ Разработка проблем теории социалистического государства. С. 48.

соотношения начал централизованного государственного управления и начал саморегуляции, самоуправления в каждой сфере общественных отношений, на всех их уровнях и во всех звеньях, всех «ячейках» общества выдвигается на передний план государственоведческой науки. Отмечая, что в решении этой проблемы возможен альтернативный подход, исследователи пишут, что «мы находимся перед необходимостью сделать выбор».¹ Проблема выбора, нахождения меры государственного управления, централизованного государственного воздействия на общественные процессы и меры внутреннего самоуправления, саморегуляции во всех звеньях социально-профессиональной и национальной структуры советского общества, советского народа и предстает как проблема основного содержания государственного единства советского народа на сегодняшнем этапе его развития.

Решение этой проблемы, как мы пытались показать в изложенных выше теоретических и методологических фрагментах, сводится прежде всего к выявлению и пониманию действительно системообразующего принципа, определяющего всеобщие социальные связи, принципа, противоречивые стороны которого образуют так называемые основные, исходные «клеточки» общественного организма. Подобно тому, как в буржуазном товарном способе производства «первоклеточкой» выступает товар не столько в его внешней оболочке – в форме потребительной стоимости, сколько в качестве общественного отношения, общественной связи (меновая стоимость), «первоклеточкой», несущей в себе всеобщность связей социалистического способа производства и соответственно способа социальных отношений, выступает организация социалистического народовластия, соединяющая начала государственного управления и самоуправления. Их противоречивое единство, конкретная мера сочетания составляют специфику многообразных социальных и национальных связей, подчиненных основному принципу демократического централизма. Эти связи выражают также и соответствующую меру самоопределения их субъектов или меру свободы и необходимости, сво-

¹ Пискотин М.И. Социализм и гос. управление. М., 1983. С. 5.

боды и зависимости составляющих народ индивидов и их объединений.

Следовательно, если мы берем в качестве отправного пункта определения государственного единства советского народа характер отношений социалистического общества и государства, взятых в их целом в основном принципе взаимосвязи, то, исходя из этого начала, можно осуществить его систематическое развертывание во всех элементах, во всех составных частях, образующих целостное социально-политическое образование – советский народ.

Если при этом осуществлять движение от общих определений к более конкретным, более содержательным, представленным в реальных жизненных связях, то мы должны будем пройти путь от общего определения общенародного государства и государственного единства народа в целом до определения характера властно-организационных и функциональных связей самых низовых ячеек общества, до трудовых коллективов всех уровней, полинациональных по своему составу. При этом общая модель системообразующих связей «И – Г – О» будет по необходимости включать в себя общности различного уровня – нации, народности, территориально-административные объединения, трудовые коллективы в их властно-организационном оформлении в качестве опосредующих звеньев общей системы связей, образующих советский народ.

Общий принцип организации и функционирования власти советского народа находит специфическую организационно-институциональную и нормативную форму выражения и осуществляется в формах и методах, соответствующих характеру, природе общностей и объединений, составляющих в их взаимосвязях единый советский народ.

Если государственное единство этого народа в самом общем абстрактном смысле определяется как политическая (политико-правовая) форма его самоопределения, форма республиканская (советская) по характеру правления, федеративная по характеру устройства и демократическая по общему режиму властвования (политический режим), то и начала самоопределяемости, ее меру и способ осуществления необходимо

проследить во всех составных частях, элементах рассматриваемой общности.

Такой подход позволит на каждом уровне отношений выявить меру возможной и необходимой самостоятельности индивидов и их объединений как условие их ответственности за собственное и общее развитие, как условие свободного развития всех и каждого. Этого требует Основной закон государства. Такой подход позволит дать содержательное определение государственного единства, которое в научной литературе пока еще не выработано.

Чаще всего государственное единство определяется в узком смысле через форму государственного устройства, то есть как единое союзное многонациональное государство, образованное на основе принципа социалистического федерализма (ст. 70 Конституции СССР). Однако во второй части той же статьи сказано, что «СССР олицетворяет государственное единство советского народа». Очевидно, что олицетворение единства и содержание этого единства – не одно и то же. Олицетворять – значит представлять форму выражения определенного содержания. Содержание это и должно быть раскрыто во всей его полноте. Совершенно ясно, что оно не может быть сведено к области сугубо национально-государственных отношений, тем более – к их внешней форме. Известно, что подлинное определение может быть дано не в дефиниции, а в развертывании существа дела. Вместе с тем «сказать ясно, что представляет собой «предмет», в котором мы хотели обнаружить его внутреннее необходимое членение, мы... обязаны наперед».¹

Итак, исходное абстрактное определение государственного единства советского народа заключается в следующем: оно есть определяемый конкретно-историческим соотношением социалистического общества и общенародного государства специфический публично-правовой способ совместного бытия советского народа, порождающий особый порядок конституирования и деятельности государственно-правовой надстройки как целостной системы, обеспечивающей в своем

¹ Ильенков Э.В. Диалектическая логика. Очерки истории и теории. М, 1974. С. 6.

развитии социальное и интернациональное единство советского общества. Оно выступает предпосылкой того подлинного единства, которое установится при коммунизме.

Противоречивость государственного единства советского народа состоит в том, что, будучи публично-правовым по своему внешнему характеру и форме организации, оно направлено на становление и развитие непосредственного социального и интернационального единства общества, его самоуправления. Будучи общенародной властью народа, советская государственная власть осуществляется не непосредственно народом, а «от имени» и «для» народа, то есть преимущественно через представителей. «Коллизии социалистической демократии во многом связаны с ошибочным утверждением, будто власть рабочего класса, власть трудящихся не осуществима иначе, как только через их представителей».¹ В то время как адекватной сущности социализма формой осуществления народовластия является самоуправление народа.

Конкретно-историческая определенность этого единства раскрывается только через анализ конкретного содержания всех звеньев государственно организованного народа, и только через этот путь возможно разрешение имманентных его противоречий в осуществлении государственных задач и выполнении необходимых функций.

¹ Разработка проблем социалистического государства // Советское государство и право. 1983. № 8. С. 48.

Отражение государственного единства советского народа в системе политико-правовых институтов и норм

Отразить государственное единство советского народа в системе политико-правовых институтов и норм – это значит данный предмет изучения в его идеальности представить в объективированной форме выражения. Иначе говоря, идея государственного единства должна быть выражена в ее личном бытии как целостная государственная правовая организация, в объективных и субъективных факторах ее функционирования и основных тенденциях развития.

Поскольку определяющей идеей государственного единства является свобода и равенство людей как всеобщее условие развития их сущностных сил, совместной деятельности, то существующая государственно-правовая система и должна быть рассмотрена через призму организационного и функционального обеспечения условий такого развития. В силу сохраняющихся еще социальных и национальных различий, определенных форм социального неравенства на данном этапе развития социалистического общества в организационной структуре и деятельности государства с необходимостью отражается противоречивое сочетание равенства общих прав и свобод с различием политико-правовых статусов субъектов государственных, политико-правовых отношений.

Причем мера совпадения и различий этих двух начал, ее объективная обусловленность и субъективная определенность зависят от уровня институционализации социальных и межнациональных отношений, норм, их регулирующих. Поскольку же свобода развития при сохраняющемся указанном неравенстве приводит к соответствующей ему определенной дифференциации, социалистическое государство берет на себя обязанность определения возможной меры свободы, связанной с необходимостью достижения реального равенства. Решение этой нелегкой задачи в условиях многонационального общества в известной мере усложняется спецификой,

многообразием национальных форм развития и т. д. Между тем государство должно выразить реальную меру свободы и равенства в форме закона, то есть как меру всеобщую, равную для всех. Эта противоречивая задача решается им в политико-правовых формах, отражающих всеобщность и особенность развития советского народа. Мера эта не есть нечто постоянное, раз и навсегда данное. Содержание ее и соответственно формы проявления и соответствующие им противоречия постоянно изменяются с развитием общества.

Тенденция этих изменений такова: в ходе социалистического строительства, адекватного решения национального вопроса, проблема меры свободы и равенства постепенно перемещается из уровня отношений наций и народностей как целостных социально-этнических общностей к уровню социально-профессиональных отношений национальных групп и далее – к межнациональным отношениям индивидуального уровня. В соответствии с этим усиливается и всеобщий характер регулирования национальных отношений, возрастает значимость общедемократических, общенормативных форм. Изменяются роль и назначение национально-государственных форм решения национального вопроса и повышается значение формы социалистического государства в целом (политического режима народовластия, формы правления, характера соотношения представительной и непосредственной демократии на всех уровнях осуществления власти). Происходят и соответствующие изменения во всей нормативно-регулятивной системе общества.

Эта же проблема в аспекте механизма функционирования власти предстает как проблема соотношения начал централизованного управления и начал саморегуляции, самоуправления на различных уровнях политико-правовой системы. Она наиболее рельефно выявляется в низовых звеньях, где властеотношения непосредственно смыкаются с социальными и производственными отношениями.

Общее положение о том, что характер единства советского народа как новой социальной и интернациональной общности людей с необходимостью отражается в системе политико-правовых отношений, институтов и норм, в определенном

содержании и форме единства последних, практически не вызывает возражений. Политико-правовая определенность советского народа фиксируется в понятии «советский народ», а в определениях понятия советского общенародного государства советский народ рассматривается в качестве его социальной базы. При этом отмечается связь рассматриваемых образований, которая основывается на том, что социалистическому обществу на данном этапе его развития и сформировавшейся в его рамках новой общности людей соответствует адекватная политическая форма – общенародное социалистическое государство. Разногласия же возникают при рассмотрении конкретных политико-правовых проявлений развития и жизнедеятельности новой общности людей.

Литература, посвященная анализу природы, содержания и закономерностей развития советского народа, весьма обширна.¹ Остановимся на наиболее существенных аспектах данной проблемы, значимых для политико-правового анализа развития и функционирования новой общности людей.

Основы формирования новой общности зафиксированы в Основном законе государства, где советское общество рассматривается как «общество зрелых социалистических общественных отношений, в котором на основе сближения всех классов и социальных слоев, юридического и фактического равенства всех наций и народностей, их братского сотрудничества сложилась новая историческая общность людей – советский народ».² В новой редакции Программы КПСС указывается, что «на базе общих интересов рабочего класса, колхозного крестьянства, народной интеллигенции, трудящихся всех национальностей сложилось социально-политическое и идейное единство советского общества».³

¹ Новая историческая общность людей: сущность, формирование, развитие. М., 1976; Развитие советского народа – новая историческая общность. М., 1980; Ким М.П. Советский народ – новая историческая общность. М., 1972; Куличенко М.И. Нация и социальный прогресс. М., 1983; Коммунизм и нации. М., 1985 и др. Историографию вопроса см. в кн.: Разработка проблем новой исторической общности в советской историографии // Основные направления изучения национальных отношений в СССР. М., 1979. С. 29, 84.

² Конституция и законы Союза ССР. М., 1983. С. 6.

³ Материалы XXVII съезда КПСС. М., 1986. С. 125.

Советский народ определяется исследователями как утвердившаяся в результате неуклонного развития социалистического общества «принципиально новая, невиданная еще в истории, устойчивая, всеохватывающая социально-многонациональная, интернациональная общность людей. Она характеризуется наличием объединяющей базы зрелой социалистической собственности, в подавляющей части представленной общенародной собственностью, и мощного единого народно-хозяйственного комплекса страны, единством повсеместно утвердившихся и развитых форм экономической, социально-политической и культурной жизни, марксистско-ленинской идеологии, коренных интересов и целей, общностью исторических судеб. Социальным ядром советского народа выступает рабочий класс – ведущая социально-производительная сила советского общества».¹

В литературе советский народ рассматривается и как «особая социально-классовая и интернациональная организация членов развитого социалистического общества, которая образуется как результат единства всех социалистических классов в главных сферах его деятельности: социально-экономической, идейно-политической, культурно-образовательной и морально-психологической».² На XXVII съезде КПСС была дана следующая формулировка этого понятия: «Советский народ выступает как качественно новая социальная и интернациональная общность, спаянная единством экономических интересов, идеологии и политических целей».³

Теперь попытаемся раскрыть конкретное содержание тех социальных и межнациональных отношений, которые в своем развитии и образовали данную общность людей и данную форму ее жизнедеятельности. Существенным при этом является вопрос о характере взаимосвязи входящих в советский народ общностей. Она определяется как единство классов и других социальных групп, с одной стороны, и как интернациональное единство народов СССР – с другой. Причем

¹ Семенов В.С. Диалектика развития социальной структуры советского общества. М., 1977. С. 108.

² Новая историческая общность людей: сущность, формирование, развитие. С. 301.

³ Материалы XXVII съезда КПСС. С. 53.

определяющую роль здесь играет социально-классовое единство советского народа. Такую точку зрения разделяет большинство исследователей,¹ отмечающих, что социально-классовые связи являются первоосновой, притом не только потому, что нации включают в себя и классы, и социальные слои, но и потому что социальное составляет эпицентр практически всех этнических процессов.

Для выработки адекватной теории политико-правовой формы развития новой общности важна не только общая констатация экономического, социально-классового, духовного, культурного, интернационального и других аспектов единства, но и объяснение его через взаимосвязь и взаимополагание различий (что далеко не всегда прослеживается в теоретических разработках, акцентирующих свое внимание преимущественно на единстве вообще). Только при этих условиях в государственно-правовой теории будет реально отражен предмет изучения. Иначе нельзя выйти за круг внешних определений. Так, по указанной причине при рассмотрении экономической общности советского народа часто не учитывается экономическая основа национальной общности, а при изучении единой социально-классовой структуры – структура нации, вследствие чего трудно представить целостную общность в ее конкретных составляющих элементах, их взаимосвязь и решить вопрос о государственно-правовых аспектах их преобразования.

Возникновение и развитие советского народа связывается с действием как общесоциологических закономерностей, так и закономерностей, свойственных только социалистическому обществу. К числу первых относится: а) обусловленность существующих общностей людей и их форм уровнем развития производительных сил и соответствующих им производственных отношений; б) проявление всемирно-исторической тенденции постепенного укрупнения общностей людей как важнейшего условия прогресса че-

¹ Советский народ – новая историческая общность людей. Волгоград, 1969; Ким М.П. Советский народ – новая историческая общность; Калтахчян С.Т. Ленинизм о сущности наций и пути образования интернациональной общности людей. М., 1976; Шерстобитов В.П. Советский народ – монолитная общность строителей коммунизма. М., 1976 и др.

ловечества; в) возрастание роли народных масс в истории.¹ Отмечается и действие в области национальных отношений превалирующей роли общесоциологического закона объективных факторов по отношению к субъективным. При этом исследователи пишут, что в образовании и развитии советского народа роль субъективного фактора несколько выше по сравнению с его ролью в формировании и жизни наций.²

Закономерность повышения роли субъективного фактора в формировании и развитии новой социальной и интернациональной общности людей имеет конкретно-социальные формы проявления, специфической определенностью которых является форма политическая. Советский народ выступает как общность, субъективный фактор развития и функционирования которой в ряде основополагающих аспектов обретает политико-правовую форму. Исследование общих закономерностей последней как предмет теории национально-государственного строительства на нынешнем этапе развития советского общества не должно ограничиваться, как уже отмечалось, изучением собственно национально-государственных форм, функциональной характеристики национальной государственности, так как они не выражают всего содержания исследуемого процесса. На этих вопросах мы остановимся ниже. Здесь следует лишь заметить, что общая задача изучения соотношения объективных и субъективных факторов в различных сферах бытия советского народа³ весьма актуальна именно в сфере политико-правовой.

К числу закономерностей, присущих только социалистическому обществу и влияющих на образование и развитие советского народа, относятся, в частности, ликвидация противоположностей между городом и деревней, умственным и физическим трудом, укрепление дружбы народов и превращение ее в движущую силу развития общества и др.⁴

В литературе предпринята также попытка выделить главные социально-образующие признаки советского народа. Но

¹ Куличенко М.И. Расцвет и сближение наций в СССР. М., 1981, С. 174

² Там же. С. 176.

³ Там же. С. 188, 189.

⁴ Там же. С. 177.

при этом ни в приведенном анализе общих закономерностей, ни в анализе социально-образующих признаков советского народа политико-правовая реальность его бытия не рассматривается, хотя уже выработано, как мы говорили выше, положение о социально-политическом характере рассматриваемой общности. Между тем совершенно очевидно, что и общенародная собственность и интегрированная экономика в качестве базисных явлений в условиях социалистической организации производства не мыслимы без властно-организационных форм их развития.

Сам закон о двух тенденциях в развитии национальных отношений, очевидно, не может проявляться стихийно, как он проявляется в условиях буржуазной формации на основе развития товарного производства и обмена. Тенденция к сближению, единению здесь развивается на основе становления непосредственно общественного производства и соответствующего ему характера власти. Национальная жизнь и межнациональные отношения все больше перемещаются в область социально-культурного развития¹ и находят свое наиболее концентрированное выражение в сфере властно-организационной деятельности, в функционировании политико-правовых институтов и норм, в осуществлении собственно государственной власти.

М.И. Куличенко рассматривает советский народ как социально-политическую общность, объясняя это и тем, «что в этом случае отпадает необходимость считать ее также и государственной общностью» и что поскольку государство является орудием прежде всего политической власти, можно ограничиться данной характеристикой советского народа.² Логика этого суждения приводит к следующему парадоксальному выводу: якобы существует некая политическая власть вне государства, орудием которой оно является, само же государство не есть форма организации и развития советского народа. В то же время ниже отмечается, что общность политической жизни предопределяется природой общенародного

¹ Коммунизм и нации. С. 81, 87 и др.

² Основные направления изучения национальных отношений в СССР. М., 1979. С. 76.

социалистического государства, принципом демократического централизма.

Тогда возникает вопрос: можно ли на нынешней стадии развития советского общества раскрыть процесс исторического образования новой общности вне закономерностей государственного руководства общим процессом коммунистического строительства, одним из существенных моментов которого является развитие советского народа.

Поскольку формирование и развитие советского народа относится к первой фазе коммунистической формации, особую значимость приобретает политическая, государственно-правовая определенность этой общности, политическая форма обеспечения ее единства. В.И. Ленин особо обращал внимание на политический характер различий между социализмом и коммунизмом: «Политически различие между первой или низшей и высшей фазой коммунизма со временем будет, вероятно, громадно...».¹ Несомненно, что общность советского народа, генетически связанного в своем формировании и развитии с первой фазой коммунистической формации, — эта общность политико-правовая по объективной форме своего бытия.

Сказанное, однако, не означает, что содержание единства новой общности людей тождественно единству государственному. Определенное «единство» наций было и в условиях царской России, но «единство» это было сугубо государственным, обеспечиваемым силой внешнего принуждения. Внешнее, преимущественно насильственное объединение различных народов в одном государстве с одной господствующей нацией никогда в истории не приводило к образованию их внутренней органической общности, к действительному общенародному единству. Этническое неравенство, зависимость сохранились даже там, где сформировались так называемые общенациональные, общенародные черты.

Они трансформировались в кастовые, социально-корпоративные, классовые и иные формы неравенства и зависимости. Социализм коренным образом изменил общий характер единства, его основания, государственную форму его обеспечения, «меру государственного» в этом единстве и «качество»

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 33. С. 98.

государственного единства, проявляющегося в его содержании.

Социалистическая идея государственного единства народа как единства равноправных и свободных граждан, их объединений и организаций нашла наиболее общее и полное выражение в Основном законе советского общенародного государства.¹

Конституция СССР фиксирует это единство в его организационной институционализированной форме и конкретных принципах построения. В ст. 70 Конституции сказано, что «СССР олицетворяет государственное единство советского народа» и представляет собой «единое союзное многонациональное государство, образованное на основе принципа социалистического федерализма в результате свободного самоопределения наций и добровольного объединения равноправных социалистических республик». В ней СССР определяется как «социалистическое общенародное государство» (ст. 1). Статья 2 закрепляет представительный характер власти народа в форме Советов, а статьи 3 и 4 – принципы демократического централизма и социалистической законности в качестве всеобщих начал организации и деятельности государства. Статья 5 определяет главные формы непосредственного народовластия.

Здесь указаны те основные начала, на которых зиждутся отношения общества (народа) и государства (реальные и определяющие начала, принципы объединения всех социальных сил, элементов новой общности, олицетворением которой является Союз ССР, определены вместе с тем как общие начала конституирования общенародной государственной власти). Соответствующим образом закреплены общие начала отношений на уровне союзных и автономных республик, автономных областей и округов, всех звеньев Советов, управленческих, судебных и контрольных органов, трудовых коллективов; и они конкретизированы в определенных социально-политических правах и свободах граждан всех национальностей.

¹ Абдулатипов Р.Г., Бурмистрова Т.Ю. Конституция СССР и национальные отношения на современном этапе М., 1978, С. 51-62.

Таким образом, Основной закон отражает государственное единство советского народа в основных началах построения и функционирования общенародной власти, взятой в ее целом, и в основных сферах организации и регулирования социальных и межнациональных отношений. Он определяет также социально-экономическую базу и генеральное направление развития этого единства, основы его обеспечения, институты и нормы осуществления народовластия. Определяя организацию и нормативный порядок функционирования всей идеологической надстройки советского общества, Конституция СССР тем самым задала общие параметры, общую модель развития социально-политического единства советского народа в целом, единства всех его социальных и национальных элементов, социальных групп, индивидов.

Основной закон определяет вместе с тем и специфику организации и порядок функционирования общностей различного уровня в рамках единой организации государственной власти, в частности национальных общностей. Порядок их конституирования, внутренней саморегуляции внешних отношений выделен в специальный раздел Конституции. Очевидно, что содержание государственного единства советского народа может быть раскрыто только при условии правильного постижения взаимной связи этих общих, определяющих и специфических начал и институтов конституционного регулирования.

Между тем до недавнего времени государственно-правовые вопросы единства советского народа изучались преимущественно как вопросы национально-государственного устройства.

Для такого подхода есть определенное формально-логическое и нормативные основания. Дело в том, что в Конституции СССР вопросы социальной и политической демократии, и в том числе общесоциальные аспекты демократии, рассматриваются преимущественно в I и II разделах, вопрос же национально-государственного устройства выделен специально в III раздел. Однако это не противоречит тому, что мысль должна исходить из природы предмета изучения. Неправомерно государственное единство советского народа отождествлять с

государственным объединением наций, конституировавшихся в соответствующие национально-государственные формы, при этом упускается из виду, что советский народ представляет собой не только интернациональную (межнациональную), но и социальную общность, характер государственного единства которой нельзя раскрыть только через характеристику собственно национально-государственных отношений.

В последние годы в связи с интенсивной разработкой проблем развития новой общности людей в государствоведении наметился более широкий подход к трактовке вопроса о политико-правовой форме этой общности. В частности, отмечается, что изменения, происходящие в общенародном государстве, затрагивают его содержание, форму и организацию, т. е. наблюдается системное, комплексное изменение всех элементов государства.¹

Прежде всего констатируется, что демократия превратилась из классовой в общенародную,² а государство – в орган всенародной воли, изменились задачи, функции и методы деятельности государства. Относительно формы государства отмечается, что республика Советов стала общенародной Республикой Советов, чему предшествовало изменение национально-государственного устройства. Увеличилось число союзных республик; завершилась реорганизация административно-территориального деления; произошли изменения в политическом режиме. Названные изменения характеризуются в литературе одними авторами как новое в форме общенародного государства, отличающее ее от формы государства диктатуры пролетариата,³ другими – как расширение массовости власти.⁴

Какие же методологические и фактические основания по-

¹ Советское государство в условиях развитого социалистического общества. М., 1981. С. 15.

² Косицын А.П. Социалистическое государство. М., 1970. С. 288-300.

³ Чиркин В.Е. К вопросу о форме советского общенародного социалистического государства //Актуальные проблемы теории социалистического государства и права. М., 1974. С. 104-110; Социалистическое государство: сущность, функции и форма. М., 1976. С. 16-20.

⁴ Советское государство в условиях развитого социалистического общества... С.16.

лагаются в качестве отправных при анализе формы государства на данном этапе развития социализма и соответственно формы единства новой общности?

Некоторые исследователи при анализе формы социалистического государства выделяют общеполитический и специально-юридический аспекты.¹ В первом случае дается анализ соотношения формы и содержания и делается заключение о том, что изменение содержания советского государства, превращение его в общенародное «не может не оказывать решающего влияния на особенности изменения формы».² При этом указывается, что возникающие здесь несоответствия систематически устраняются партией и государством путем преобразования структуры государственного механизма, совершенствования взаимоотношений органов государства, развития социалистической демократии. Дальнейшие же основания изменения формы государства усматриваются во взаимосвязи сущности и содержания социалистического государства, «в том, что сущность детерминирует содержание...».³ В анализе юридического аспекта проблемы высказана мысль о том, что Конституция 1936 г. «означала закрепление юридических основ для создания формы социалистического общенародного государства в будущем, для ее дальнейшего развития».⁴ В этом суждении, на наш взгляд, объективные основания развития формы государства подменяются нормативно-волевыми. Одна из причин таких умозаключений, очевидно, заключается в слишком обобщенном, абстрактном анализе соотношения сущности, содержания и формы государства в «философском аспекте».

Системный подход, используемый для анализа формы общенародного государства, согласно вышеуказанной точке зрения, фиксирует лишь одну сторону данных изменений – государственно-правовую (юридическую). И соответственно при этом делается вывод, что наиболее существенные изменения в форме государства связаны «не с организационной

¹ Чиркин В.Е. К вопросу о форме советского общенародного социалистического государства... С. 104.

² Там же. С. 104-106.

³ Там же. С. 104-106.

⁴ Там же. С. 106-107.

структурой органов государства.., а с изменением взаимоотношений этих органов, с изменениями в государственном (политическом) режиме, обусловленными развитием социалистической демократии».¹ Но приведенные положения по сути не «выводятся» из объективных оснований. В результате разрыва «философского» и «юридического» аспектов изучения формы государства в первом случае постулируется некое должное (так должно быть), а во втором констатируется соответствующее сущее (так есть).

Между тем, чтобы констатировать совпадение отмеченных абстрактных посылок с реальной практикой народовластия, с реальными формами политической жизни, необходим конкретный анализ социальных и национальных процессов, социального и национального структурирования советского общества (советского народа) и соответствующей организационной структуры государственной власти.

Но такое исследование на сегодняшний день сопряжено с трудностями, так как фактически отсутствуют обобщенные данные о социальной и национальной структуре общества в их конкретных соотношениях в соответствующих национальных республиках. Публикующиеся данные о национальном и социальном составе народных депутатов хотя и показательны сами по себе, но для анализа тенденций развития структуры власти (внутренняя форма государства) недостаточны.

Поэтому более конкретно вопросы о характере изменений и тенденции развития формы государственного единства будут поставлены в связи с анализом формы и функций общенародного государства в развитии единства советского народа. Ниже мы попытаемся определить лишь самые общие положения об отражении содержания государственного единства советского народа в форме общенародного государства.

В условиях нынешнего этапа развития социализма внешних изменений в форме организации государственного единства не произошло. С развитием социальной основы власти, с формированием новой общности людей народовластие продолжает развиваться в форме Советов, а государственное устройство

¹ Чиркин В.Е. К вопросу о форме советского общенародного социалистического государства. С. 108.

– в форме федеративного объединения национальных республик, укрепление связи которых проявляется в усилении союзных начал государства, роли союзных республик в решении общих задач. Развитие политического режима народовластия осуществляется на утвердившихся началах демократического централизма.

Особую значимость для развития организационных форм государственного единства советского народа в последнее время приобрела интернационализация внутриреспубликанских социальных и национальных отношений. В настоящее время организация власти в национальных республиках основывается на общедемократических и социалистических принципах и нормах национальных отношений. В общем плане собственно национальная (этническая) общность не обязательно должна иметь особый политико-правовой статус.¹ При этом регулирование межнациональных отношений носит в значительной мере общеправовой характер, хотя в ряде случаев имеет место специальное политическое регулирование. В этих условиях совершенствование политического режима общенародной демократии приобретает большое значение для дальнейшего развития и сближения наций в многонациональных республиках, хотя проблема совершенствования национальных отношений этим не снимается. И здесь требуется политико-правовое регулирование.

Казалось бы, что в связи с обозначенным выше процессом переноса проблемы национального развития и межнациональных отношений внутрь национальных республик они и должны рассматриваться в рамках традиционного предмета национально-государственного строительства.

Однако в действительности такая специализация становится все менее оправданной. Требуется выход в сферу более общих отношений и соответственно анализа более общих начал их регулирования.

Такой выход необходим прежде всего потому, что общность советского народа, составляющих его наций и народностей, классов, социально-профессиональных групп и индивидов

¹ Исключения составляют республики, в состав которых входят автономные, областные и окружные национально-государственные образования.

достигла такого уровня развития и, следовательно, усложненности отношений, когда категориальный аппарат теории национально-государственного строительства не может охватить и адекватно выразить все эти процессы. Прежде всего уже недостаточно, только опираясь на конституционно-нормативную основу национально-государственных отношений, закрепленных в Конституции СССР (III раздел), раскрыть содержание и тенденции развития межнациональных отношений, требующих как специального, так и общенормативного регулирования.

Иначе говоря, источник самодвижения, развития единства советского народа и соответственно источник изменений в политико-правовом, государственном опосредовании (регулировании) этого развития может быть выявлен в более общей области деятельных взаимосвязей граждан советского многонационального государства, важнейшие начала и нормы которых выражены в Основном законе, взятом в его целом.

И сама Конституция СССР во всей полноте ее норм, в совокупности ее составных частей представляет собой определенный результат развития общества. И закрепленные в ней институты и нормы государственного развития советского народа должны соотноситься с реальными потребностями и интересами этого развития. Общеконституционные институты и нормы – лишь один из способов объективного выражения этих потребностей и интересов. И дело не только в том, что первые для своей реализации нуждаются в механизме процессуализации, которого сама Конституция не содержит (она предполагает конкретизацию своих норм в материальном и процессуальном праве – законодательстве, соответствующих отраслях правовой системы). То есть она не сводится к общей проблеме реализации конституционных норм в их интегративных свойствах, хотя такая проблема и существует. Если все компоненты политической системы действительно функционируют на основе и во исполнение Конституции, то на этом, казалось бы, вопрос о политико-правовой форме интеграции советского народа исчерпывается единством конституционно-правового регулирования. Но дело в том, что

единство это в самом себе несет моменты различия, которые предстают уже в самом общем виде как различие (а на определенных уровнях – противоположность) между политической и государственной системой единства общества.

Положение о том, что природа и содержание государственного единства советского народа могут быть поняты только исходя из действительной природы самого народа, таким образом, выражает лишь часть истины. Вторая часть ее заключается в том, что само государственное единство в его конкретности, жизненности может быть понято только в связи с более общим политико-правовым единством общества, то есть в рамках его политической системы. Не случайно некоторые государствоведы выражают тревогу в связи с тем, что теория социалистического государства начинает терять свои собственные предмет и методы в связи с активными исследованиями в области политических систем.¹ Не случайно, ибо реальные (теоретические) проблемы столь же реальных отношений политической власти на всех уровнях ее функционирования действительно переносятся в сферу, выходящую за собственно государственные институты и нормы их функционирования в сегодняшнем социалистическом обществе. Это положение упоминается здесь только в качестве объективного «факта», основания и причины которого требуют специального рассмотрения. Для целей нашего исследования необходимо лишь отметить тот факт, что собственно государственная сфера властной деятельности не может «вобрать» в себя все проявления, все аспекты социально-политического движения всех социальных и национальных сил нашего времени, нашего общества. Более того, противоречия этого движения перерастают собственно государственно-правовые формы их развертывания и разрешения. Так, уже проблема соотношения меры государственного управления и самоуправления, саморегуляции выходит за рамки сугубо государственно-правовых отношений. Но именно от ее решения зависит ответ на вопрос о конкретном содержании и оптимальной форме общенародного государства, о формах национально-государственного устройства и, наконец, о

¹ Советское государство и право. М., 1983. № 7. С. 61.

направленности, тенденциях развития советской социалистической государственности в целом в условиях нынешнего этапа развития социализма.

Вопрос о целостном отражении государственного единства советского народа в системе политико-правовых институтов и норм, рассматриваемый в качестве общедемократического процесса институционализации определяющих для этой общности отношений, таким образом, не может быть сведен к проблеме национально-государственного устройства и к проблеме развития самого государства, в традиционном смысле этого понятия. По крайней мере, должны быть с достаточной определенностью обозначены действительное место и роль общенародного государства в системе социалистической демократии, в политической системе общества. То есть в системе реально функционирующей власти социалистического общества, взятой в ее целом.

Системное отражение рассматриваемого процесса с необходимостью должно включать следующие основные компоненты:

1. Закрепленный в Основном законе общий порядок демократического конструирования всех институтов власти, – создания норм, регламентирующих их деятельность, а также организации реального всенародного контроля за осуществлением власти профессиональным аппаратом. По существу, речь идет об общеконституционном уровне, о конституционной модели самоопределения народа, реализации его суверенитета. Известное теоретическое положение о самоопределении народа, его суверенитете становится практической реальностью народовластия только в том случае, если он находит конкретное материальное и процессуальное выражение в нормах конституционного права, в реально существующем механизме их реализации. Понятно, что для этого должны быть созданы и необходимые материальные и соответствующие социальные, культурные и духовные предпосылки, достигнут соответствующий уровень общедемократического и общеправового сознания.

2. Далее, это вопрос о конкретном содержании и осуществлении всенародной демократии и в ее рамках – основного сис-

темообразующего принципа народовластия – принципа демократического централизма и специфике его действия в условиях социалистического федерализма. Основная проблема совершенствования демократии развитого социалистического общества – это нахождение оптимальной формы демократического централизма как основополагающего принципа деятельности советского государства, всей политической системы социализма.¹ Оптимальная же форма демократического централизма должна выразить необходимую меру централизованного государственного управления и самоуправления, саморегуляции на всех уровнях политической системы – от высшего уровня международной организации в рамках союзного государства до самых низовых ячеек в организации народовластия.

Так, на XXVII съезде КПСС было отмечено, что в решении ряда вопросов местного значения возможности Советов пока ограничены, что здесь существует чрезмерная централизация. В связи с этим было принято решение внести изменения в их деятельность.²

Необходимость определения оптимальной формы демократического централизма детерминирована обстоятельством двоякого рода. «От соотношения демократизма и централизма в тот или иной период строительства социализма и коммунизма зависит уровень свободы личности»,³ вместе с тем свобода личности является необходимой предпосылкой и условием нормального функционирования народовластия, условием, без которого государственное единство народа будет развиваться односторонне как единство государственного аппарата, «самовозрастающего» до гипертрофированных размеров. Постановка проблем саморегуляции, самоуправления в настоящее время обретает все большую практическую значимость, развитие социалистической демократии достигло той ступени, когда «задачу развития механизмов самоорганизации, самоуправления, саморегулирования нужно решать».⁴ Причем эта задача имеет как общесоциальный,

¹ Развитой социализм: проблемы теории и практики М., 1982. С. 246.

² Материалы XXVII съезда КПСС. М., 1986. С. 56 – 57.

³ Развитой социализм: проблемы теории и практики... С. 246.

⁴ Пискотин М.И. Социализм и государственное управление... С. 235.

общеполитический, так и национальный аспект и, таким образом, является существенной частью проблемы развития государственного единства советского народа.

3. Государственное единство советского народа в его практическом осуществлении предполагает функционирование системы права в ее относительной целостности. В этом аспекте оно, следовательно, должно быть представлено как в качестве общесоюзной, так и национальной правовой системы,¹ взятой как на уровне общеправовой регламентации социальных и межнациональных отношений, так и на уровне регламентации специальной, целевой.

4. Государственно-правовое единство советского народа отражается в установлении правового статуса субъектов государственно-правовых отношений. В зависимости от характера субъектов различается статус индивидов (гражданство и вытекающие из него политические правомочия) и статус общностей различного уровня (право на политическое самоопределение их и компетенция в случае практической реализации этого права). Различие характера правомочий индивидов и общностей имеет важное значение для понимания содержания государственного единства советского народа в целом.

5. Существенным элементом теоретического воспроизведения государственного единства советского народа является проблема отражения этого единства в политическом и правовом сознании народа в целом, в национальном, классовом, социально-групповом и индивидуальном сознании. Эта проблема менее разработана в советском государствоведении, между тем как без анализа политического и правового сознания выразить действительное содержание государственного единства в его субъективной (субъектной) определенности практически невозможно.

Особого анализа требует также проблема места и роли неформализованных отношений и структур в государственном единстве, их отражения в политическом сознании.

Содержание названных основных компонентов политико-правового единства народа, естественно, не может быть здесь выявлено в полном объеме. В той или иной мере мы будем их

¹ Алексеев С.С. Общая теория права. М., 1981. С. 107 – 122.

касаться при рассмотрении вопроса о демократических основах обеспечения государственного единства, о роли форм и функций общенародного государства в этом процессе и, соответственно, вопроса о национальной советской государственности.

Демократические основы развития государственного единства советского народа

Социалистическая демократия как высший тип ее развития есть истинный образ человеческого общежития свободных людей. Она ориентирована на будущее и предстает в общественном сознании как стремление к коммунистическому самоуправлению. В качестве реальности социалистическая демократия есть основание этих стремлений, их эмпирическая возможность и вместе с тем и процесс их осуществления.

Демократия есть форма устройства общественной жизни, всеобщая форма общественных отношений. В условиях социально-классового расчленения общества она существует прежде всего как форма государства и как форма политического (государственного) режима. Демократия как форма государства, по Марксу, «относится ко всем другим формам государственного строя, как род относится к своим видам».¹ В то же время эта форма исчерпывает себя в развитии («видов», поскольку конечная цель коммунистического движения «есть преодоление всего государства, а, следовательно, также и демократии»,² и достижение полной политической демократии означает ее снятие, преодоление как формы государственного строя, переход к коммунистическому самоуправлению.

Социалистическая демократия, взятая в контексте исторического движения ее форм есть форма, переходная к этому самоуправлению. В целом (а не только в качестве формы государства) она выступает как форма социалистического самоуправления народа.

В литературе при исследовании вопроса «советский народ как новая общность людей» уже обращалось внимание на взаимозависимость процесса формирования и развития советского народа, режима всенародной демократии и общенародного государства. Указывалось на определенное совпаде-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 1. С. 252.

² Там же. Т. 22. С. 435.

ние степени развития государственного единства общества, народа и уровня развития демократии. Это тем более верно, что в социалистическом обществе сама идея народовластия «не просто вытекает из доктрины, а является необходимостью, обусловленной нуждами экономического и политического развития»;¹ и демократия выступает имманентной формой развития социалистического общества в целом.² Но, кроме этого, для понимания действительных социально-политических процессов, в которых воспроизводится государственное единство советского народа, необходим конкретный анализ режима власти в ее реально действующих формах и методах осуществления.

Демократия как «понятие в себе» дает лишь самое общее представление об определенном характере власти, ее особой общественной, государственной форме, основанной на признании народа в качестве источника власти. Конкретно-политическая, государственно-правовая определенность этой формы может быть понята только в качестве специфической, исторически-определенной формы.³

Демократия в ее исторически развитой форме предстает как относительно целостная система политико-правовых, государственных институтов и норм практического осуществления народовластия. В связи с интересующим нас вопросом отметим лишь наиболее существенные аспекты режима социалистической демократии как практической сферы осуществления государственного единства советского народа.

Общепризнанная демократия в настоящее время охватывает все основные сферы жизнедеятельности всего советского

¹ Современные проблемы социалистической демократии и перспективы ее развития. Прага, 1975. С. 125.

² Марксистско-ленинская общая теория государства и права: основные институты и понятия. М., 1970. С. 335.

³ Вот показательный пример соотношения содержания и формы демократии: когда в Древней Греции демос (народ) пришел к власти, то в силу его неумения управлять собой очень скоро родилось нечто противоположное народовластию – тирания. Тиранин стал представителем и выразителем воли народа. Благо демоса объявлялось целью политики, и справедливым считалось все, что укрепляло могущество тиранина – предводителя народа. Тирания сокрушила господство родовой знати, но демос при этом не стал «господином».

народа и выражает общие начала его государственного единства. Эти общие начала становятся специфически определенными, реализуются в определенных формах в конкретных сферах социальных и национальных (интернациональных) отношений и соответственно в тех социальных и национальных общностях, которые образуют единый советский народ.

Именно в сфере отдельных, конкретных отношений и практической социальной деятельности эти начала обретают не только объективную данность (политические институты, учреждения, нормы, общие понятия), но и субъективный смысл и, следовательно, побудительные мотивы социально-политической (демократической) активности, источник которой содержится в потребностях конкретных индивидов и их объединений. Взаимосвязь этих конкретных (единичных, отдельных) форм бытия социалистической демократии основывается на совпадении в определенной степени единства (и различия) интересов, выражаемых как непосредственно, так и представляемых через специфическую организацию (непосредственная и представительная демократия).

В демократической деятельности, осуществляющей государственное единство советского народа, в целях анализа условно мы выделяем два аспекта: 1) функции советского народа по отношению к демократической организации власти (государства) и 2) функции политической системы (общенародного государства прежде всего) по отношению к народу. Эти два аспекта в их противоречивом единстве и составляют реальный режим общенародной демократии.

В целом ясно, что функция народа по отношению к власти состоит в том, что народ является ее источником, как это определено в Основном законе нашего государства. Вопрос здесь заключается в том, как практически народ (в нашем исследовании – многонациональный народ) создает государственную власть и как ее осуществляет на всех уровнях своих многообразных отношений, иначе говоря, каким путем политическая власть становится средством самовыражения народа в целом и всех составляющих его членов, их объединений, в чем заключается реальный смысл политической свободы народа.

Общепризнанным является положение о том, что социалистическая демократия составляет необходимое политическое условие решения национального вопроса.¹ Выразительно эту мысль сформулировал М. Андреев: «Политическая свобода создает такой государственный организм, в котором имеются пути и средства самовыражения для всех существующих социальных слоев, политическое рабство сводит государство к самовыражению его главы».

Возникновение национальной государственности трактуется не только как проявление социалистического демократизма, но и как его необходимая, а порой и единственно возможная в многонациональной стране форма конституирования и опосредования межнациональных отношений.

Положение о том, что социалистическая демократия, являясь социально-политической основой решения национального вопроса, определяет все национально-государственные формы,² вытекает из исторического смысла развития народовластия. Обоснование этому было дано В.И. Лениным, выявившим связь демократии с социально-экономическим развитием вообще и развитием собственно национальных отношений.³ Поэтому вывод о том, что главным направлением развития самой советской национальной государственности является углубление и расширение демократии, имеет как исторические, так и конкретные социально-экономические основания.

Но, на наш взгляд, не оправдана встречающаяся в литературе однозначная интерпретация связи демократии с национально-государственными формами. Во-первых, демократическое решение вопросов национальных отношений возможно и вне национально-государственного конституирования наций, которое является в данных исторических

¹ Национальные отношения и государство в современный период. М., 1972. С. 29, 37 и др.

² Критику «параллельного» рассмотрения демократических и национально-государственных форм решения национального вопроса см.: Тадевосян Э.В. В.И. Ленин о государственных формах решения национального вопроса. М., 1968. С. 16 – 17.

³ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 23. С. 38 – 39; 58 – 59; Т. 30. С. 111, 128; Т. 31. С. 167 – 168; Т. 33. С. 38 – 79; Т. 38. С. 160 – 161 и др.

условиях основным, но не единственным способом регулирования межнациональных связей.

Существование национальной государственности не обусловливается непосредственно сущностью социалистической демократии.

Интернациональный характер социалистической демократии предполагает возможность регулирования национальных отношений, реализации национальных интересов в общедемократических институтах. Во-вторых, следствием развития демократии является укрепление народного и соответственно национального суверенитета. Означает ли это необходимость укрепления и национально-государственного суверенитета? В. Коломазник пишет, что «развитие социалистической демократии направлено на обеспечение полного суверенитета народа в социалистическом государстве и суверенитета наций в государствах федеративных»¹ (в последнем случае речь идет о суверенитете национально-государственном). Если первое положение правильно, то второе требует конкретизации, особенно в контексте общих рассуждений этого исследователя, который делает вывод, что право на национальный суверенитет зависит от вклада нации в развитие демократии. Следовательно, согласно ему, чем более развито общество, тем полнее в нем выражается демократия, тем больше в нем развит национально-государственный суверенитет, от чего, в свою очередь, зависит вклад нации в строительство социализма и коммунизма.²

Логически продолжая эту мысль, некоторые авторы пытаются рассматривать национальную государственность как один из основных признаков нации, что обосновывается правом наций на самоопределение.³ Но последнее не пред-

¹ Коломазник В. Ленинское теоретическое наследие и некоторые вопросы социалистической демократии // В. И. Ленин о социалистическом государстве и праве. М., 1969. С. 364. Об этом см. также: Чхиквадзе В. М. Развитие Лениным марксистского учения о государстве и праве // Там же. С. 75 – 77.

² Там же.

³ Коркмасова К. Советская национальная государственность – важный фактор единства народов СССР // Советское государство и право. 1976. № 8.

полагает обязательно самостоятельное государственное конституирование, более того, не может быть основанием возникновения государства.

Оно создает лишь юридическую предпосылку такого возникновения и закрепляет соответствующий факт.

Существенным требованием демократии в национальном вопросе действительно является свобода самоопределения, рассматриваемая как предпосылка формирования национальных государств. Но эта предпосылка не приводит с необходимостью к этому процессу, она также не означает, что национальный суверенитет должен быть реализован именно в форме национального государства. Из национального суверенитета требование национальной государственности принципиально не вытекает и соответственно не сводится к последнему.

Приведенная выше интерпретация демократии является неправомерной, поскольку здесь фактическое состояние определенного, исторически переходного периода дается в качестве исторической перспективы, и, таким образом, преувеличен один из моментов в развитии демократии.¹ Недостаточность этого взгляда состоит в том, что с точки зрения демократического процесса развития государственного единства советского народа в осуществлении его имеет значение вся организация политической власти в стране, а не только особенности институциональной связи национальной структуры с политической системой, выраженные в форме государственного устройства. Не случайно задача совершенствования национальной советской государственности на современном этапе рассматривается в качестве неотъемлемой части всестороннего развития всей политической системы советского общества.

¹ К прямо противоположному выводу относительно влияния развития демократии на национально-государственные институты пришли румынские ученые. Обосновывая упразднение Муреш-Венгерской области (автономной) в 1968 г., они писали, что развитие социалистической демократии в Румынии сделало излишним статус территорий с преобладанием венгерского населения (см.: Национальные отношения и государство в современный период. М., 1972. С. 187-188). Не вдаваясь в суждения о том, насколько было обосновано подобное объяснение в этом конкретном случае, заметим, что данная точка зрения также несостоятельна.

Хотя демократический процесс осуществления и развития государственного единства советского народа теоретически не может быть в полной мере воспроизведен в рамках анализа собственно национально-государственной сферы развития, не следует недооценивать значимость этой области исследования. Речь идет о том, что в целях более адекватного отражения места и роли национально-государственных форм в функционировании социалистической системы демократии их необходимо рассматривать в контексте более общей системы отношений и выражающих их понятий.

Объективная необходимость выхода за рамки собственно национально-государственных отношений состоит в том, что советский народ как общность характеризуется не только особыми формами национальных отношений, но и отношениями социально-классовыми, определяющими в целом содержание этой общности и направление ее развития. Кроме того, национальные интересы целого ряда национальных общностей, групп и отдельных индивидов далеко не всегда реализуются через национально-государственные институты. Рассмотрим этот момент более подробно.

Известно, что единство общества, данное прежде всего в определенном единстве практически-предметной и духовной деятельности, непосредственно выступает в различных конкретных ее формах, так что связь их обнаруживается эмпирически, с одной стороны, посредством соответствующих форм обмена овеществленной деятельностью (рынок, планируемый обмен и др.), с другой – посредством соответствующих способов выражения и согласования групповых (социальных, классовых, национальных и др.) интересов. В классовом обществе эти две формы существования и обнаружения связей объективно разделены так, что одна часть его занимается практически-предметным созиданием единства общества, а другая – политическим (групповые интересы в современном мире имеют реальную значимость для общества лишь будучи представленными в системе общих политических отношений). На каждой данной ступени развития общества складываются определенные политические связи, отношения, на основании которых образует-

ся соответствующая публично-правовая общность, союз.¹ Политические отношения выражаются в политической деятельности классов, наций, социальных групп, партий и т. д.; деятельности, направленной в конечном итоге на осуществление государственной власти, реализующей соответствующие интересы.

Двойкий характер интегрирующей социальной деятельности преодолевается лишь исторически, притом это происходит как через развитие и изменение объекта (предмета) этой деятельности, так и ее субъектов. Постепенно субъектами политической деятельности становятся в той или иной мере все члены общества, интересы которых признаются в качестве общих. Признание же интересов той или иной группы, класса, нации в качестве общезначимых – это результат политической борьбы. В антагонистических обществах это борьба за то, чтобы придать частному интересу форму всеобщего, представить его как всеобщий. Лишь с выходом на историческую арену рабочего класса, с завоеванием им политической власти особый классовый интерес постепенно приобретает не только форму, но и содержание всеобщности, соединяющей все особенные классовые и национальные интересы. Здесь осуществляется переход от отрицательного единства, вызванного противопоставлением классовых и национальных интересов (единство отрицания), к единству положительному, единству разделенной деятельности по освоению природы и собственного мира человеческой деятельности – мира культуры. С преодолением антагонизма классов изменяется непосредственный объект и содержание политической деятельности и соответственно характер политического единства, все более совпадающего с единством непосредственно демократическим.

Собственно политический аспект управления, уже начиная с нового времени, не сводился только к управлению людьми, только к разрешению споров. Он постепенно стал включать в себя и управление процессами производства как вида государственной деятельности, «управление вещами».

¹ Мамут Л.С. Проблемы теории государства в современной идеологической борьбе. М., 1976. С. 41 и др.

Ф. Энгельс отмечал все более усиливающуюся тенденцию политического развития, сводящуюся к тому, что «на место управления лицами становится управление вещами и руководство производственными процессами».¹ Таким образом, в ход политического развития включаются все более широкие народные массы, что закономерно приводит к постепенному преодолению политики как особого вида деятельности особого социального слоя и выдвижению демократии как общего способа и формы выражения социального и интернационального единства общества. Политическое управление людьми сменяет «распоряжение вещами и... руководство процессами производства»,² т. е. политика, будучи порождением классового общества, приобретает качественно новое свойство – она связывается с выполнением «общих дел, вытекающих из природы всякого общества»,³ т. е. становится по мере исторического развития и революционных преобразований действительно общим делом, так что ведение общих дел выступает не только как право, борьба за которое имела место во все эпохи классового развития общества, но и как обязанность каждого, как это было в античном государстве – полисе (в отношениях между свободными гражданами).

В ряде работ В.И. Ленина анализируется вопрос о трансформации характера политики. Известно, что В.И. Ленин рассматривал социалистическое государство как «полугосударство»,⁴ в котором «все граждане становятся служащими и рабочими одного всенародного, государственного «синдиката».⁵ Здесь демократическое развитие приводит к тому, что «надобность в особой машине для подавления начинает исчезать».⁶ И в обществе, реализующем принцип «каждому по потребностям, от каждого по способностям», государство отмирает, но отмирание его как собственно политической организации власти и управления, как аппарата принуждения

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 20. С. 292.

² Там же. Т. 20. С. 270. См. также: Там же. С. 291, 292.

³ Там же. Т. 25. Ч. 1. С. 422.

⁴ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 33. С. 18.

⁵ Там же. С. 101.

⁶ Там же. С. 91.

отнюдь не означает ликвидации социального регулирования, аппарата регулирования, необходимость которого диктуется потребностью «выполнения общих дел, вытекающих из природы всякого общества». В.И. Ленин замечает, что «аппарату типа высшего совета народного хозяйства суждено расти, развиваться и крепнуть, заполняя собой всю главнейшую деятельность организованного общества».¹

В настоящее время вопрос о дальнейшей трансформации характера общеполитической (демократической) деятельности, об устройстве и управлении в сфере политических отношений, предопределяемых процессом труда, изучен еще недостаточно.² В имеющихся разработках, касающихся общих социально-политических и непосредственно управленческих функций рабочего класса и народной интеллигенции,³ недостаточно уделено внимания этой проблеме, для решения которой требуется анализ социальной и национальной структуры власти, путей и тенденций ее «естественного» развития и необходимых целенаправленных изменений в этой сфере (так как реальная политическая активность, реальный демократический процесс представительства и реализации интересов связан не только с общедемократическими правами и свободами, но и определяется местом данной социальной или национальной группы в системе социалистической демократии и, в частности, в системе национально-государственной организации власти).

Развитие политического режима социалистической демократии проявляется как в соответствующих институтах национально-государственной организации, так и в методах осуществления власти, в системе политических и социальных прав и свобод, определяющих меру и возможности политической активности трудящихся всех национальностей, конкретные формы проявления этой активности.

Режим общенародной демократии, свойственной общенародному государству, должен соответственно проявляться и

¹ Там же. Т. 36. С. 378.

² Перфильев М.И. Общественные отношения. Л., 1974. С. 204.

³ Семенов В.С. Диалектика развития социальной структуры советского общества. М., 1977. С. 22-334 и др.

в сфере национально-политической жизни. Равенство всех социальных классов, слоев и групп населения, территориальных и трудовых коллективов в отношении государственной власти как существенный момент общенародной демократии означает, что им на деле представляется возможность участия как в формировании государственных органов, так и в осуществлении последними своих функций.

Национально-политический аспект общенародной демократии проявляется в наличии возможности национальных общностей различной степени организованности участвовать в формировании и осуществлении власти в формах, соответствующих их общим и специфическим интересам. Решения XXVII съезда КПСС направлены именно на расширение возможностей реального участия всех национальных общностей в осуществлении всенародной власти независимо от места их проживания, характера организованности и т. д. Как отмечалось на XXVII съезде КПСС, «на основе творческого применения ленинских принципов социалистического федерализма и демократического централизма будут обогащаться формы межнациональных отношений в интересах всего советского народа и каждой нации и народности».¹

Общедемократические институты, нормы, специфическая организация власти создают возможность участия в общеполитической и национально-государственной жизни, в управлении делами в различных территориальных, производственных и иных трудовых коллективах представителей всех национальностей страны.

Но их деятельностью в этой области не охватываются все проблемы национальных отношений. В частности, речь идет о сохраняющемся стремлении национальных общностей, не конституировавшихся в специфические национально-государственные формы бытия, к самосохранению и развитию себя как целостной общности, к сохранению своей национальной культуры, традиций, утвердившихся норм внутринациональных отношений.

«Проблемы национальных отношений в сегодняшних условиях, – отмечает Ю.В. Арутюнян, – это преимущест-

¹ Материалы XXVII съезда КПСС. М., 1986. С. 156 – 157.

венно политические проблемы». В исследовании культуры наций, предметом которого является социально-этнически нормированное человеческое самовыражение, он исходит из того, что признаком здорового развития национальной культуры является ее интернационализация. При этом существенен и вывод о том, что возможное в ходе «вестернизации» и урбанизации культуры отмирание культуры национальной не является оптимальным вариантом.¹ Оптимальным является абсолютное расширение культурного диапазона индивида, освоение мирового фонда культуры при сохранении прогрессивных элементов собственной культуры.²

Абсолютное расширение диапазона культуры, равно как и сохранение элементов (и системы) культуры национальных общностей, однако, не есть акт только свободного желания, субъективной воли.³ Оно также объективно задано уровнем социально-экономического развития, разделением общественного труда (с учетом традиционного вида деятельности определенного населения) и прежде всего разделением сфер материального и духовного производства, и происходит оно в рамках определенных организационных форм. В рассмотрении этого вопроса исследователи исходят из неравномерного развития производства, духовной культуры, управления и экономики на современном этапе развития нашего общества и усматривают причину этого в несовпадении ролевых функций (в настоящее время это совпадение и невозможно) индивида как члена производственного коллектива и как гражданина. Духовная же культура должна отвечать самым разным общественным требованиям⁴ независимо от источников ее формирования.

¹ Арутюнян Ю.В. Этносоциологическое исследование наций //Актуальные проблемы национальных отношений в свете Конституции СССР. М., 1981. С. 190

² Там же. С. 193.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс писали о бессилии моральных заповедей, о невозможности путем простой моральной заповеди вещественные силы, возникшие из разделения труда, превратить в личные (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 3. С. 337).

⁴ Арутюнян Ю.В. Этносоциологическое исследование наций. С. 193.

Преодоление диспропорций, противоречий в этой области, установление определенного равновесия между этими сферами предполагают наличие не только четко отработанного общего механизма выявления и реализации интересов различных социальных и национальных общностей, групп и индивидов, но и необходимость поиска и выработки особых организационных форм, вне которых спонтанное развитие названных процессов не является оптимальным с точки зрения как общегосударственной, общедемократической, так и носителей этих особых интересов.

При анализе политического режима народовластия как основы государственного единства следует раскрыть вторую из выделенных нами в ходе исследования сторон демократического процесса, то есть демократическую определенность функций общенародного государства по отношению к новой общности.

В государственном (политическом) режиме власти, по существу, дан конкретный способ, механизм обеспечения государственного единства советского народа, который воспроизводится в системе функций государства, в деятельности его аппарата. В чем же заключается демократическая определенность этого механизма? Как мы уже говорили, посредством понятия «политический режим» выясняются отношения аппарата социалистической государственной власти с классами, гражданами и их массовыми общественными организациями,¹ то есть с обществом в целом, раскрывается уровень развития демократии. Исходными и основополагающими при этом являются методы осуществления государственной власти.² Далее, выявляется роль партии в осуществлении власти, прав и свободы граждан и их организаций, организационного и функционального механизма в реализации социалистической государственной власти³ и т. д.

¹ Марксистско-ленинская общая теория государства и права // Социалистическое государство. М., 1972. С. 273.

² «Политический режим, как бы широко он ни рассматривался, главными основными своими сторонами всегда выражает методы осуществления государственной власти...» (Марксистско-ленинская общая теория государства и права. М., 1972. С. 274).

³ Там же. С. 274, 275.

Последовательное теоретическое развертывание конкретного содержания политического режима с необходимостью приводит к анализу политико-правового аспекта национальных отношений и межнационального единства.¹ Господствующая на каждом данном этапе развития социалистического государства форма организации власти и методы ее осуществления, способы обеспечения связи с различными слоями населения приобретают специфическую определенность в сфере организации внутринациональной жизни и межнационального взаимодействия, обеспечения прав и свобод как политически организованных этносов, так и не конституированных в особые организационные формы политической жизни.

Система национальных прав и свобод, принятые формы организации национального единства, другие общезначимые параметры национальной жизни и межнациональных отношений, по существу, являются модификациями, специфическими проявлениями господствующих на данном этапе общественного развития политических отношений, политического режима. Только в контексте его демократического развития осуществляется глобальное решение национальных проблем как внутреннего, так и внешнего порядка. В этом смысле, очевидно, и следует понимать положение К. Маркса о том, что национальный вопрос нельзя решить «особой национальной политикой».²

Хотя национальная политика и остается весьма существенным моментом общесоциальной политики, это не означает, однако, что политический режим в сфере национальных отношений идентичен, тождествен общеполитическому режиму в его конкретных проявлениях, организационно-правовых формах, способах вовлечения народных масс в осуществление власти и т. д. Такое совпадение означало бы отрицание национально-государственного строительства

¹ В существующей по этому вопросу литературе вопросы политического режима в аспекте национальных отношений мало разработаны. В имеющейся классификации политических режимов по характеру отношений данной политической власти к другим суверенным властям указывается лишь так называемый «независимый национальный режим».

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 2. С. 122 – 131.

как особой демократической формы, средства преобразования исторически сложившихся особенностей национальной жизни и национальных отношений. Оно сделало бы излишней и конституционно-правовую регуляцию национальных отношений различных уровней – от национально-государственного, группового до национально-индивидуального – и теоретическое рассмотрение тех проблем, о которых мы говорили выше.

«Развитие демократии в плане национальных отношений, – отмечают исследователи, – есть постоянная величина, не исчезающая даже после решения национального вопроса, прямая обязанность каждого многонационального социалистического государства».¹ Действительно, сейчас не снимаются проблемы развития межнациональных отношений, конкретных политико-правовых демократических форм их регулирования.

В этих условиях по-новому ставится общая проблема соотношения общедемократических, общенормативных и специально-политических регуляторов развивающихся процессов интернационализации общественной жизни: она проявляется как проблема конкретной формы и функции (механизма) осуществления социалистического народовластия, механизма обеспечения государственного единства советского народа.

¹ Национальные отношения и государство в советский период. Л., 1972. С. 33.

Форма и функции (механизм) общенародного государства в обеспечении единства советского народа

Вопрос о роли формы и функций общенародного государства в обеспечении единства советского народа, по существу, тождественен вопросу о способах обеспечения такого единства, о его механизме. Государственно-правовой механизм осуществления народовластия в структурном отношении включает два основных элемента – властно-организационный (способ, форма организации власти) и функциональный (система основных направлений властной деятельности, форм и методов ее осуществления). Взаимосвязь этих элементов в их содержательном и нормативно-правовом выражении и представляет тот общий механизм, который обеспечивает социальное и межнациональное единство советского общества. Выделение же организационного и функционального аспектов имеет целью как раз нечто противоположное этому внешнему разделению: раскрытие их противоречивой взаимосвязи, способа формирования, организации единства государственной власти и обеспечения единства в основных направлениях государственной деятельности.

В предельно обобщенном виде такая взаимосвязь может быть представлена как исторически конкретная мера взаимопределяемости функций народа по отношению к государству и функций государства по отношению к народу.

Как мы уже говорили, социалистическая демократия в качестве формы государства не есть чисто политологическая «идеальная» конструкция, что, напротив, она предполагает наличие реально действующего механизма осуществления народовластия, суверенитета народа, его представительства в органах власти и непосредственного осуществления властной деятельности в определенных законом формах. Содержание функций народа по отношению к государству в этой связи предстает как процесс формообразования самого государства, народного конституирования власти, выражение процесса «объективирования» этой власти в соответствующих

институтах, формах ее организации, нормах функционирования. Этот процесс включает в себя также способы, пути, формы контроля народа над деятельностью образованной им власти, поскольку она носит непрямой, представительный характер. Наконец, он предполагает наличие каналов реального участия народа в самом процессе осуществления, реализации власти и включает в себе соответствующую меру такого участия.

Содержание функций государства по отношению к народу проявляется в целом в процессе обеспечения общих (внешних и внутренних) условий его совместной жизнедеятельности, его развития. Здесь осуществляется цель государственного конституирования народа, то, ради чего народ самоопределился в соответствующую форму государственного бытия. Необходимость и разумность государства здесь находит объективную оценку не только в зависимости от объема выполняемых им функций, но и от способа его деятельности, личностного, ценностного смысла ее.¹

Чтобы ответить, как проявляется конкретно обозначенный выше процесс взаимоопределяемости названных функций, необходимо соотнести социальную и национальную структуру советского народа (с учетом основных тенденций и детерминирующих факторов ее развития) с организационной и функциональной структурой государственной власти, власти политической (рассмотренной как в целом, так и на всех ее структурных уровнях).

Это дает возможность выразить содержание, способ и меру самоопределяемости и внешней детерминации всех компонентов, всех социальных и национальных сил, образующих в своих взаимосвязях советский народ, их реальное участие как в «формообразовании государства» во всех его звеньях, так и в их функционировании. Это позволит выявить характер и степень причастности названных общественных сил к организации и осуществлению власти

¹ Начавшаяся в последние годы разработка вопросов «целостного отношения» к праву и государству ориентирована не только на их социальный, но и личностный субъективный смысл, насколько они способствуют самоосуществлению индивидуальности.

и, следовательно, пути повышения гражданской активности. Истоки этой активности заключаются не только в том, что гражданин государства, определенный коллектив и т. д. осознают связь их наиболее существенных жизненных интересов со всеобщностью государственной воли, выраженной в государственных законах и иных общих установлениях, но и в том, что каждый гражданин государства в определенной области жизни, где он действует, проявляет свою волю непосредственно в качестве выражающей его повседневные интересы и нужды решающей воли. Без такого соединения, взаимоположения всеобщей и особенной воли гражданская активность, а вместе с тем и гражданская ответственность невозможны.

Советский народ – это общность многообразно структурированная в производственном, классовом, социально-профессиональном, национальном, территориальном и других отношениях. Реальная всеобщность интересов и воли в таких условиях предполагает, что каждый индивид в своей микрообщности обретает такое пространство для свободного и решающего проявления своей воли, которое обеспечивало бы ему возможность саморазвития, возможность осуществления своей субъектности. Недостаточно человеку только осознавать свою принадлежность к советскому народу, к определенной нации, народности, группе, к определенному коллективу и т. д., чтобы быть деятельным членом этой общности. Ему важно знать, что его деятельность, проявления его воли реально значимы не только для него самого, его статуса в общности, но и для самой общности, ее статуса. Об участии в делах государства, в осуществлении народовластия можно говорить тогда, когда оно имеет место на всех уровнях социального бытия советского народа, во всех его «микрообщностях».

Функция народа по отношению к социалистическому государству, таким образом, составляет существенный момент функций самого государства по отношению к обществу (народу), поскольку предопределяет пределы (границы), а также формы и методы его деятельности, способы осуществления властного регулирования общественной жизни.

Общественная жизнь, взятая в конкретной определенности социально-экономических и политических отношений, отношений межнациональных, уровня культурного развития, общественно-политического и правового сознания, сознания нравственного, в характере развития личностного начала, предполагает соответствующие способы организации и пути осуществления государственной власти, то есть определенную форму и функции государства.

Когда власть рассматривается в качестве важнейшего компонента в понятии государства, олицетворяющего его сущность, то эта сущность часто соотносится только с функциями как ее проявлениями, ее основным выражением. Отсюда некоторые исследователи делают вывод: «власть, следовательно, не может выступать в качестве формы государства».¹

Далее они утверждают, что всеобщий и универсальный характер государственной власти при социализме выражается главным образом в правовой форме и обеспечивается государственно-правовыми методами.² Но при этом неясно, каким образом всеобщность государственной воли, будучи выраженной в форме закона, может быть обеспечена, не будучи выраженной в организации власти, в ее институтах, которые, подобно нормам права, представляют собой реальное бытие властеотношений.³

Аналогичная ситуация, когда форма изучается отдельно от функций, создалась в теории права: только там так называемый «нормативистский» подход к праву основывается на том, что право есть система норм, но не отношений. Здесь же государственная власть рассматривается в качестве деятельности, но не в качестве формы организации этой деятельности. Такое «разделение» объективной, эмпирически наблюдаемой формы существования отношений (отношений

¹ Марксистско-ленинская общая теория государства и права// Социалистическое государство. М., 1972. С. 291.

² Там же. Противоположная позиция изложена в кн.: Николаев В.В. Советское социалистическое государство. М., 1968. С. 70.

³ Форма организации власти не является пассивной по отношению к ее осуществлению. Политическая «форма существенна» для политической властной деятельности.

властной деятельности) и деятельных отношений власти наблюдается и в решении вопроса о «первоклеточке» государства.¹ Последняя усматривается в одном случае в органе государства, а в другом – в публично-властном отношении.²

Представляется, что такой взгляд не случаен: он возник в результате чрезмерного увлечения сущностной характеристикой государства и перспективами его отмирания, преобразования в органы общественного самоуправления, которые в то же время воспринимались, как достаточно отдаленные, чтобы вопрос о самоуправлении рассматривать с достаточной конкретностью. Сейчас такой подход преодолен, и в понимание социалистического государства как государства отмирающего были внесены соответствующие коррективы. Начавшаяся интенсивная разработка проблем общенародного государства направлена на исследование его управленческих функций. Но анализ формы государства, взятой в ее основных аспектах (форма правления, форма государственного устройства и политический (государственный) режим), до сих пор в недостаточной мере увязывается с основными направлениями государственной деятельности, с формами и методами ее осуществления.³ Сущность, содержание и форма общенародного государства и его функции рассматриваются по-прежнему относительно обособленно, хотя и в качестве категориально-иерархических ступеней познания государства. Реальным остается тот факт, что «и теоретики, и практики не всегда устанавливают зависимость между преобразованием и теми изменениями в структуре и содержании государственной деятельности, которые с этим связаны».

¹ В.О. Тененбаум пишет, что «для теории государства элементарным неделимым объектом является орган государства» (Введение в общую теорию государства. Саратов, 1976. С. 35.).

² Мамут С.В. Рецензия //Советское государство и право. 1978. № 1. С. 143.

³ Так, работа «Советское государство в условиях развитого социалистического общества» (М., 1978) состоит из двух разделов: «Социальная природа и основные институты общенародного государства» и «Содержание деятельности общенародного государства». В ней только в одном параграфе («Совершенствование государственной организации») затрагиваются вопросы формы общенародного государства. Они при этом рассматриваются с точки зрения структуры государства, понимаемой как политико-управляющая система (с. 40, 50).

Предпринята попытка изучить развитие и функционирование общенародного государства посредством анализа элементов комплексного понятия «государственная организация» – национально-государственного устройства, административно-территориального деления, государственного аппарата и государственных институтов демократии (с тем, чтобы «соединить все элементы внутренней структуры государства, выявить их органическую связь и соотношение между собой»)¹.

Но, на наш взгляд, сторонники этой точки зрения не смогли показать наличие органической связи между «государственными институтами демократии» в качестве «элемента» государственной организации с другими его элементами. И общее положение о том, что «наблюдается своеобразная структурная интеграция, выражающая демократизацию государственной организации и дальнейшее сближение ее с социальными, национальными, территориальными и производственными общностями людей»,² осталось содержательно не раскрытым.

Результатом такой «разобщенности» исследований явилось наметившееся преувеличенное представление о возможностях управленческого воздействия государства на развитие социальных и национальных процессов, на духовное развитие общества вообще и его составных компонентов и, наконец, и в процесс формирования самого человека.

В связи с этим, очевидно, не случаен «во многом стихийный» рост государственного аппарата (по М.И. Пискотину). Уже было обращено внимание другими исследователями на то, что в литературе проводится мысль, будто в условиях социализма все социальные процессы подлежат управляющему воздействию. «Между тем, – пишет Д.А. Керимов, – в нашем обществе имеются и такие процессы, которые успешно протекают на основе саморегулирования и менее всего нуждаются во вмешательстве механизма управления».³ Внешнее

¹ Там же. С. 40 и далее.

² Там же. С. 49.

³ Керимов Д.А. Государство развитого социализма //XXVI съезд КПСС и развитие советского государства и права. М., 1982. С. 47.

воздействие на такие отношения может отрицательно сказаться на их развитии.

Очевидно, что вопрос касается не только объективной возможности управлять данными общественными отношениями (или объективной «управляемости» процесса), но прежде всего объективной необходимости управлять государственно-правовыми методами. «Правильный подход при анализе функций любого государства заключается в том, что при установлении его функций необходимо выявить не все направления его деятельности, а только такие из них, без которых данное государство на данном историческом этапе либо на всем протяжении своего развития обойтись не может».¹

Определение объективно необходимой меры государственного воздействия на социальные и национальные процессы, являющиеся составной частью диалектики объективного и субъективного в функциях государства, обретает особую значимость в сфере регулирования межнациональных отношений.² И именно диалектика объективного и субъективного в процессе формообразования государства (в создании государственных институтов и их системы в целом) и в процессе его функционирования остается сегодня недостаточно разработанной. А это является одной из причин того факта, что в теоретической модели общенародного государства не всегда учитывается субъект, хотя народ в его абстрактной определенности в качестве источника государственной воли, суверенитета и т. д. и присутствует. Но как раз в силу этой абстрактной определенности он зачастую представлен как «широкий социальный фон нашей действительности», на котором происходит развитие государственных институтов³.

В связи с тем, что «в современный период очень многое зависит от реальной готовности личности и ее заинтересованности непосредственно решать государственные задачи»,

¹ Марксистско-ленинская общая теория государства и права: Основные институты и понятия... С. 219.

² Материалы XXVI съезда КПСС. М., 1981. С. 64 – 68.

³ Советское государство в условиях развитого социализма. С. 42.

выработки «устойчивых стимулов участия граждан в государственном управлении»,¹ возросла актуальность вопроса о форме государства в целом и его субъективной «конкретно субъектной» определенности. В его решении следует исходить из того, что «устойчивые стимулы участия» должны быть выявлены в самой форме организации народовластия, на всех уровнях его осуществления.

В этой же форме, а не вне ее, а затем уже в форме внешнего идеологического воздействия, воспитания, очевидно, нужно искать истоки развития политического сознания. Действительная перестройка, изменение общественного сознания вообще никогда не совершаются в качестве чисто идеологического акта, без соответствующих изменений форм деятельных отношений. Отсюда концепция всеобщего участия в делах государства, в государственном управлении будет полностью реализована при условии, что формы такого участия будут непосредственно совпадать с формой государства. А такое совпадение предполагает, что «участие» не является дополнительной нагрузкой к основной работе, а составляет ее собственный момент. Поэтому здесь следует определить соответственно и сферы, области сугубо профессиональной властной деятельности, ее необходимые пределы и способы. Иначе говоря, все это требует нахождения необходимой меры самоуправляемости и профессионально-управленческой деятельности во всех звеньях социально-политической организации и выражения этой меры в соответствующей организационной структуре власти, то есть в форме государства.

Это должно означать, что не только государство выступает «организатором демократических процессов»,² но и что сами демократические процессы лежат в основании государственной организации. Закономерности такой взаимообуславливающей связи присущи демократической природе социалистического государства, имманентное содержание которого представлено в его форме. Форма эта есть выражение развивающегося содержания народовластия. Это означа-

¹ Там же. С. 29.

² Там же. С. 30.

ет также, что сближение общества (народа) и государства на данном этапе развития социализма проявляется не только и не столько в том, что государство «управляет от имени общества» и «в интересах общества»¹ (в буржуазных республиках государство якобы тоже «управляет» от имени народа,² но по сути дела это управление направлено против интересов большинства). Это сближение предполагает непосредственную деятельность народа по организации и осуществлению власти в такой мере, какая не возможна ни в одной буржуазной республике, то есть возрастание «удельного веса власти, осуществляемой «через» народ, переход от уже реализованной задачи осуществления власти «от имени» трудящихся и «для» трудящихся к осуществлению ее через самих трудящихся».³ В этом и состоит одна из особенностей, одна из закономерностей развития социалистического народовластия сегодня.

Необходимость различать закономерности возникновения, развития и функционирования социалистического государства⁴ объясняется тем, что с переходом социалистического общества к развитию на собственной основе дальнейшее совершенствование государства происходит на основе совершенствования всех основных сторон социальной и национальной жизни. Это и нашло нормативное закрепление в Основном законе государства.

Организационно-институциональное его выражение в действующем механизме осуществления политической власти, в механизме принятия и исполнения политических решений, их гласности и подконтрольности является необходимой

¹ Там же. С. 18.

² Так, 2 ст. Конституции Франции провозглашает, что принципом республики является «правительство народа, по воле народа и для народа», а ст. 1 Конституции Итальянской республики – принадлежность суверенитета народу. Ст. 20 (2) Основного закона ФРГ утверждает, что «вся власть исходит от народа». Ст. 1 Конституции Греции указывает, что «народный суверенитет составляет основу политического режима» и «вся власть исходит от народа, существует для народа и нации»... и т. д. (см.: Конституции буржуазных государств. М., 1982. С. 90, 124, 178, 340).

³ Об этом подробнее см.: Разработка проблем социалистического государства // Советское государство и право. 1983. № 8. С. 48-49.

⁴ Разработка проблем социалистического государства // Советское государство и право. 1983. № 3.

предпосылкой и условием жизненности этого всеобщего основания политической и государственной жизни советского народа. Эти начала являются также и критерием различения политических деклараций, политических программ, отражающих общие закономерности и основные тенденции, цели развития, от уже реально действующих законов, которые регламентируют процесс этого развития.

Усиление внимания партии к практике советского строительства, к повышению роли Советов народных депутатов на всех уровнях их организации и деятельности является одним из существенных проявлений процесса развития этого общего основания власти в советском обществе. Причем речь идет об усилении роли Советов в качестве органов самоуправления, то есть усилении их общественных начал, их контроля над исполнительными (профессионально-управленческими) органами.

Этот процесс постепенно разворачивается и на других уровнях, в других областях социального и национального развития и, прежде всего, в области производственной, в трудовых коллективах.

Последние теоретически и в законодательстве рассматриваются в качестве основной ячейки социалистического общества и его политической системы (организации). И именно здесь, как об этом свидетельствует практика реализации Закона о трудовых коллективах, обнаруживаются значительные сложности, связанные с перестройкой содержания и характера сложившихся стереотипов отношений администрации и коллектива.¹ Здесь выявилась и недостаточная согласованность в нормативном и властно-организационном планах, и недостаточная конкретность имеющихся теоретических разработок.

При всем различии конкретных проблем развития представительных органов власти и трудовых коллективов, специфичности задач их деятельности имеется здесь и общая проблема и, следовательно, общая основа ее разрешения. Она заключается в обеспечении реального приоритета коллек-

¹ Масленников В.А. Трудовой коллектив: правовые основы организации и деятельности. М., 1984.

тивных начал в решении наиболее важных вопросов организации и функционирования власти, оптимального сочетания общественных и профессиональных форм ее осуществления во всех компонентах политической системы общества.

В путях решения этих вопросов отражаются основное содержание, суть сегодняшнего этапа развития социалистического народовластия, общая модель взаимосвязи советского народа и общенародного государства, тенденции политического развития общества.

Сущность и конкретное содержание отношений советского народа и общенародного государства как способа, формы организации единства его жизнедеятельности, взаимосвязи образующих его компонентов в их специфической организации и деятельности с наибольшей определенностью выступает в функциях государства, в основных направлениях его деятельности, взятых в целом, в органическом единстве.

Функции государства вообще являются системообразующим фактором, политическим средством интеграции классового общества на началах и принципах, соответствующих характеру и уровню его исторического развития, особенностям национальной жизни и межнациональных отношений.¹ С точки зрения диалектической концепции систем в качестве исходного пункта вычленения и объяснения системы берется вообще не совокупность элементов, а тип взаимосвязей,² то есть в содержательном плане функциональный ее аспект, который и является главным для системы, детерминирующим ее развитие началом.

К. Маркс подчеркивал, что «государство не может рассматриваться просто как действительность, оно должно рассматриваться как деятельность, как различная деятельность».³ Самое общее содержание этой деятельности, основная суть ее заключаются в том, чтобы обеспечить «производство и воспроизводство непосредственной жизни».⁴ Характер же

¹ Каск Л.И. Функции и структура государства. Л., 1969. С. 10. и др.

² Фофанов В.П. Социальная деятельность как система. Новосибирск, 1981. С. 31.

³ Маркс. К., Энгельс Ф. Соч. Т. 1. С. 234.

⁴ Там же. Т. 21. С. 25 – 26.

и виды этой деятельности, формы ее осуществления обуславливаются характером отношений общества и природы (уровень развития производительных сил) и характером внутриобщественного разделения труда (отношения по производству условий жизни и по производству самого человека в его общественных связях). Соответственно выделяются общие функции государства, вытекающие из жизнедеятельности общества (народов) в целом, и функции специфические, вытекающие из характера разделения труда, из его структуры и соответствующей ему социальной (национальной – как существенного момента разделения труда) структуры.

Содержательное, конкретно-историческое рассмотрение системы функций государства поэтому приводит к решению не только общего вопроса о назначении и целях государственной деятельности, государственного объединения индивидов и их общностей в целом, но и более конкретных вопросов о социально-классовом содержании этой деятельности, ее способах и формах, о соответствии последних провозглашаемым общим целям и т. д.

Функции советского общенародного государства, рассматриваемые под углом зрения интеграции общества (народа) на публично-правовых началах, выступают как властеотношения, складывающиеся в основных сферах взаимодействия общества и государства. В функциях государства, в формах и методах их реализации проявляется публично-правовой союз, государственная общность советского народа.

В этом смысле они выступают в качестве единой системы деятельности, сориентированной на достижение основной цели данной интернациональной общности.

Вопрос о том, что же положено в основание системности функций и соответственно их расчленения и порядка взаимосвязей, относится к дискуссионным. Самым общим является здесь положение о том, что таким основанием является система социальных отношений, основные сферы отношений, предметные области которых и выступают в качестве объектов государственно-правового воздействия. В связи с этим выделяются соответственно две сферы: сфера внешних отношений, где государство действует в качестве суверенного

и независимого образования и выступает как представитель общества (народа), взятого в его целом, и сфера внутренних отношений, где государство осуществляет суверенитет и верховенство власти по отношению ко всем компонентам (общностям, группам и индивидам), образующим в своих взаимосвязях общество (народ) на определенной стадии развития его единства.

Если с точки зрения таких оснований подойти к вопросу о функциональном обеспечении государственного единства советского народа, то при этом внешние функции государства, его внешнеполитическая деятельность в сегодняшних условиях обострившегося противоборства двух мировых систем будут определяющими для рассматриваемого единства. Поскольку речь идет об обеспечении мира между народами как условия не только свободного и самостоятельного развития людей, народов, государств, но и условия сохранения жизни на планете, то внешние функции (функция борьбы за мир, за мирное сосуществование государств с различным общественным строем, функция обороны, взаимопомощи и братского сотрудничества со странами социалистического содружества, функция помощи государствам, освободившимся от колониальной зависимости и ведущим борьбу против империализма) и представляют такой вид деятельности общенародного государства, который выступает объективно как действительно деятельность всеобщего значения независимо от того, как она воспринимается субъективно. Речь идет, таким образом, о самосохранении народа, и общество здесь действует через государство и в государстве как целое.

По отношению к этой государственной деятельности советский народ выступает как монолитное целое, как единый социальный организм.

Исследование социально-психологического механизма такого явления имеет существенное значение не только для этой сферы общенародной, общесоциальной жизни, но и для других ее сфер, поскольку здесь дана весьма показательная модель совпадения внешних и внутренних детерминант человеческого поведения и человеческой солидарности.

Система внешних функций общенародного государства построена по принципу их органического взаимодействия, что отражается также и в организационных формах их осуществления. Но будучи едиными в своих глобальных целях, эти функции различаются по их значимости, которая изменялась на различных этапах развития международных отношений, международной деятельности советского государства, что также имеет определенное значение для характеристики государственного единства советского народа, взятой под углом зрения внешних отношений. Так, в 60-х гг., в период разрядки международной напряженности, особое значение приобрела проблема развития стран, освободившихся от колониальной зависимости. В этих условиях в международную деятельность Советского государства были внесены соответствующие коррективы, что нашло отражение в теории функций социалистического государства. Функция помощи государствам, освободившимся от колониальной зависимости, в ряде исследований стала рассматриваться в качестве основной внешней функции.¹ После 60-х гг. к основным стала относиться функция обороны страны. В настоящее время в качестве таковой выступает функция борьбы за мир, обеспечение мирного сосуществования. Другие функции, будучи весьма важными сами по себе, все же предстают в качестве подчиненных этой основной, глобальной по своей значимости функции. Так они и воспринимаются современным общественным сознанием.

В соответствии с назначением и характером внешнеполитической деятельности строятся ее организационные формы. Будучи взяты по отношению к внутренней организации общенародного государства, они представляют его наиболее централизованную область, хотя мера централизации здесь различается в зависимости от основных направлений внешнеполитической деятельности. Рассмотрим область обороны страны. Это одна из наиболее централизованных

¹ Чхиквадзе В.М. Государство, демократия, законность. М., 1967. С. 119; Щетинин Б.В. Мир, демократия, социализм. М., 1967. С. 150; Фарберов Н.П. Новый этап развития социалистического государства // Проблемы советского социалистического государства и права в современный период. М., 1969. С. 45 и др.

областей государственной деятельности, что означает «сосредоточение всех функций общего руководства и контроля в центральных высших органах, строгую обязательность приказов и директив вышестоящих военных органов для нижестоящих, подчиненность органов военного управления только вышестоящим военным органам».¹ Государственное единство народа в этой области государственной деятельности проявляется не только в том, что обеспечение обороны страны осуществляется на началах централизованного управления, единого командования и т. д., но и в том (согласно Закону «О всеобщей воинской обязанности» 1967 г.), что защита социалистического отечества является делом всего народа.

Здесь единство заключается в строгом подчинении всех единым установлениям, хотя этим оно, конечно, не исчерпывается. Как мы уже говорили, внешние функции общенародного государства в известном смысле являются определяющими в государственном единстве советского народа. Здесь имеется в виду прежде всего тот факт, что они обеспечивают в современных условиях сохранение самой жизни народа как в ее целостности, так и в относительно обособленном личностном и коллективном существовании. В данном исследовании нам важно провести анализ внутреннего механизма функционального обеспечения единства народа. В этом механизме одним из существенных детерминант сегодня выступает внешнеполитическая деятельность государства, накладывающая соответствующий отпечаток на внутреннее функционирование государства в целом, на его организационные формы, социально-психологические, нормативные установки и т. д.

Если же рассматривать проблему определяющих начал государственного единства в аспекте внешне- и внутренне-политической функциональной детерминации в целом, то внутренние функции окажутся в конечном итоге определяющими, так как сущность социалистического общества, социалистического миропонимания и жизнедеятельности находит

¹ Марксистско-ленинская общая теория государства и права// Социалистическое государство М., 1972. С. 336.

реальное выражение в характере и направлениях государственной деятельности.

И здесь предметная область государственной деятельности в ее расчлененности и относительной обособленности выступает в то же время как единая область. Данное единство при этом дано государству не просто в качестве объекта его воздействия (установившиеся связи, отношения между составными частями которого нуждаются в определенном упорядочении, регуляции), но и в качестве цели его преобразовательной деятельности, цели, изменяющей не только порядок общественных отношений, но и порядок осуществления самой этой деятельности. Здесь «цель... как закон определяет способ и характер» деятельности субъекта, подчиняет себе его волю.¹

Для понимания сути функционального обеспечения государственного единства советского народа, таким образом, необходимо рассмотреть основные направления государственной деятельности не только в их предметной определенности (сферы, области государственной деятельности), но и в определенности общих и специфических целей в их единстве.² Если исходить из предметной определенности государственной деятельности, то она в целом обуславливается характером и уровнем развития производительных сил общества и соответствующим ему социальным и международным разделением труда. В этом смысле она носит объективный характер. Положение об объективной заданности государственных функций, которое является весьма важным при выявлении их содержания и тенденций развития, не следует, однако, понимать в плане однозначной и жесткой детерминации объективными законами социально-экономического развития. Эти законы сами есть законы человеческой предметной деятельности, то есть деятельности, по существу, целеполагающей, субъективной. Соответственно здесь сохраняется возможность сознательного определения

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., Т. 23. С. 189.

² Исследователи пишут, что «основанием для выделения функций государства как направлений его деятельности является определенная система целей, служащая достижению главной цели государственно-организованного общества» (Теория государства и права. Л., 1982. С. 174.).

как направлений, видов деятельности, так и способов, форм их организации и распределения этой деятельности в рамках организованного как целое сообщества людей, народа.

В соответствии с объективной, предметно заданной социально-экономическими законами социализма расчлененностью сфер общественно-производственной деятельности, с их социальной значимостью и выделяются основные внутренние функции государства. Применительно к государству общенародному основной функцией, соответствующей задачам общества и государства на нынешнем этапе его развития, считается хозяйственно-организаторская функция. Реализация ее есть процесс созидания общих условий жизни и развития общества, народа, т. е. процесс решения первой конституционной задачи общенародного государства – создание материально-технической базы коммунизма.

Организационные формы осуществления этой функции, представленные прежде всего в аппарате государственного управления и в правовом механизме народнохозяйственных связей, подчиненных единому принципу планового ведения народного хозяйства, началам сочетания отраслевого и территориального управления и т. д., являют собой тот внешний «каркас», в рамках которого развивается процесс соединения всех производительных сил общества, всех наций, всего народа. Плановое ведение народного хозяйства и есть основная государственно-правовая форма экономической общности советского народа. Здесь решаются наиболее принципиальные вопросы сочетания общих и специфических интересов экономического развития всех национальных и территориальных общностей, производственно-трудовых коллективов и других элементов, входящих в единый народнохозяйственный комплекс.

Если исходить из самого общего деления жизнедеятельности общества, то хозяйственно-организаторская функция относится преимущественно к области отношений общества и природы и смысл ее заключается в производстве средств существования и необходимых для этого орудий. К ней примыкает непосредственно функция охраны природы, или экологическая функция, значение которой становится все более

важным в силу того, что есть объективные границы воздействия на природу, в пределах которых можно гарантировать возможность существования человека. Очевидно, что здесь выявляется и один из основных аспектов межнационального взаимодействия.

Как бы ни была важна означенная выше сфера государственной деятельности, какое бы значение ей ни придавали на том или ином этапе социалистического строительства, в конечном итоге системосозидающей для социалистической (коммунистической) формации является не она, а деятельность по воспроизводству самого общества, в том числе деятельность по «производству человека» в его общественных связях, или (что сформулировано в качестве конституционных задач общенародного государства) «совершенствование социалистических отношений и их преобразование в коммунистические, воспитание человека коммунистического общества» (преамбула Конституции СССР).

В рамках этого основного направления в государственной деятельности разворачивается наиболее значимая функция общенародного государства – функция социальной и межнациональной интеграции советского народа в качестве общности свободных и равноправных индивидов, и выделяются относительно обособленные функции общенародного государства, конкретизирующие эту всеобщую функцию применительно к соответствующим сферам и уровням развития общности.

В этой связи представляется мало приемлемой такая интерпретация общенародного характера внутренних функций социалистического государства, при которой «общенародность» понимается как расширение частной, подчиненной функции государства. Совершенно ясно, что расширение общей сферы государственной деятельности, вытекающей из жизни всякого общества, применительно к общенародному государству должно означать нечто качественно новое по сравнению с функциями государства любого другого типа и формы. То есть оно должно означать, что государство берет на себя, а точнее, общество «вверяет» государству функцию «строительства» общественных (социальных, межнациональ-

ных) отношений как отношений действительно свободных субъектов, свободных личностей (разумеется, в той мере и в такой форме, какая объективно и субъективно подготовлена его «предысторией»).

Только в контексте этого самого общего понимания функционального назначения общенародного государства могут быть правильно поняты все основные направления его деятельности и проведена их конкретизация применительно к этапам его развития.

Наиболее существенными в этой связи представляются вопросы о содержании функции регулирования меры труда и меры потребления. Согласно принятой сегодня трактовке, осуществление этой функции, тесно связанной с функцией хозяйственно-организаторской, «призвано обеспечить строжайшее проведение в жизнь социалистических принципов: всеобщности труда в отношении всех трудоспособных членов общества; распределения по труду и удовлетворения личных потребностей за счет общественных фондов потребления».¹ Здесь требуют решения проблема меры соотношения потребления по труду и пользования общественными фондами и вопросы, связанные с распределительными отношениями. При этом, однако, последние исследуются обособленно от отношений производства, взятых в характерной для отношений социалистической собственности форме. Государственная деятельность соответственно рассматривается через призму распределения продуктов труда в различных формах.

Дело, однако, заключается в том, что в условиях обобществления собственности, все большего сближения ее основных форм, собственность как таковая перестает быть «автоматически действующим» регулятором труда. Общее подразделение собственности на общегосударственную и колхозно-кооперативную не может выступать в качестве начала, детерминирующего сложный процесс социального разделения труда. Социалистический (коммунистический) способ производства, по существу, есть переход от «политэкономии собственности» к «политэкономии труда». А это

¹ Марксистско-ленинская общая теория государства и права// Социалистическое государство. С. 170.

означает, что функцию непосредственного регулирования труда берет на себя общество (государство) как ассоциированный производитель.

Из этого следуют весьма существенные выводы относительно функции общенародного государства: социалистическое государство должно обеспечивать не только справедливую оплату по количеству и качеству труда (оплата «по труду» по сути есть буржуазный принцип и основание буржуазной справедливости), но и справедливое распределение самого труда. Принцип «от каждого по способности» становится реальностью при условии, что труд распределяется тоже «по способностям». При этом ясно, что функции и задачи государства в этой области являются определяющими, основополагающими для эффективного выполнения им и остальных направлений деятельности. Определяющими потому, что именно здесь заключается начало и основа социальной справедливости социалистического типа, именно здесь закладывается всеобщее основание собственно коммунистического труда и коммунистического отношения к труду со всеми вытекающими отсюда следствиями.

Это сфера особой, предельно ответственной деятельности общенародного государства, ее «предметная область» охватывает распределение труда «по способностям» на всех его уровнях – от межреспубликанского, межнационального до внутриколлективного. В ней взаимодействуют объективные и субъективные начала, и это взаимодействие очень влияет на межнациональные отношения, ибо здесь проблема сочетания интересов менее всего может решаться абстрактным принципом «примата» общего над особенным.

Государственно-правовой, политический механизм осуществления этой функции – явление исключительной сложности, поскольку способ выявления «способностей», общественная структура социальных и национальных способностей не предстают в качестве чего-то внешне данного, эмпирически, однозначно фиксируемого. В этой функции более всего важно действительное сближение общества (народа) и государства, своеобразное «смыкание» функций народа по отношению к государству, социального руководс-

тва, регулирования и функций государства по отношению к народу. Только в сближении, соединении государственных и общественных начал возможна выработка действенного политического и морально-правового механизма, форм и методов распределения труда и, в соответствии с реальной структурой социальных способностей, осуществление подлинной социальной справедливости. В связи с вышеизложенным есть основания полагать, что функция регулирования меры труда и меры потребления на сегодняшнем этапе развития социалистического общества приобретает качественно новое содержание, в соответствии с которым она в первом приближении может быть определена как функция распределения общественного труда по способностям и общественного потребления по труду. Этот вопрос требует специальной разработки, что не входит в нашу задачу.

Вместе с тем видно, что данная функция по мере совершенствования социализма станет центральной, главной во всей внутренней деятельности общенародного государства. Исследование современных проблем труда, отношения к нему показало, что ценности собственно материальной жизни все более уступают место ценностям социально-нравственного характера. Труд по способностям становится все более мотивирующим началом, определяющим сегодня социальную мобильность.¹ Здесь возникают и основные проблемы социальных и межнациональных отношений. Проблемы их регулирования выдвигаются соответственно на передний план.

В конкретном труде по способностям и должно происходить соединение двух его абстрактных определенностей, выступавших в историческом разъединении в качестве производительного и управленческого труда. Таким образом, будет достигнута действительная его всеобщность. Производительный труд возвращает, наконец, принадлежащую ему исторически отчужденную всеобщность деятельности, ее самоорганизованность. В организационных формах такого труда, способе его регуляции должна обрести адекватную

¹ Ядов В.А. Мотивация труда: проблемы пути развития исследований //Советская социология. М., 1982. Т. 2. С. 29, 38; Чангли И.И. Труд//Там же, М., 1973.

форму социально-производительная (трудовой коллектив) и социально-организационная, социально-властная ячейка (Советы народных депутатов) общества.

Есть основания (как теоретического, так и практического плана) полагать, что без надлежащего, отлаженного механизма реализации данной функции не может быть эффективным выполнение других функций государства и прежде всего функции культурно-воспитательной. По существу, эффективность всей идеологической деятельности определяется в значительной мере характером практической деятельности государства и общества в этой области. Здесь, на наш взгляд, сосредоточиваются и самые существенные вопросы, касающиеся дальнейших путей укрепления государственного единства советского народа, соответствующее значение они приобретают и в деятельности национальной советской государственности.

Рассмотренные выше аспекты функциональной характеристики государственного единства советского народа, разумеется, не представляют собой систематизированного, целостного знания о том, как происходит процесс государственного единения новой социальной и интернациональной общности людей во всех его проявлениях. Для целей нашего исследования, предметом которого является прежде всего структурно-функциональная характеристика национальной советской государственности в этом единстве, было важно хотя бы в первом приближении определить общую системообразующую основу государственного единства советского народа. При этом следует иметь в виду, во-первых, что такой основой может быть только определенный тип социальных отношений, обуславливающий характер деятельности образующих данный народ социальных сил; и, во-вторых, что в этой основе должно быть заложено имманентное для системы рассматриваемых отношений противоречие как ее движущее начало.

Поскольку деятельность любого рода определяется единством и различием объективного и субъективного начал, необходимо выяснить, как диалектика этого отношения развивается в основных сферах государственной деятельности,

взятых в целом, и на различных уровнях складывающихся здесь отношений с тем, чтобы выявить ее специфику на уровне национально-государственного развития. Важным также представляется вопрос, возможно ли посредством анализа основных направлений деятельности государства и характеристики форм и методов их осуществления, отражающих в целом содержание социального и интернационального единства общества, определить объективную меру, оптимальные формы и методы политико-правового (государственного) опосредования единства советского народа и какие функции здесь являются наиболее существенными.

Интернационализация национально-государственной жизни и укрепление государственного единства советского народа

В качестве объективного процесса социалистическая интернационализация есть становление межнациональной общности людей. В качестве процесса «субъектного», деятельного она есть способ преодоления локально-национальных рамок общественного развития и включения всех его субъектов в более общую систему социальных отношений. Будучи явлением всеобщим и позитивным в своей интегрирующей функции, в условиях сохраняющейся еще «сложной картины социального неравенства между общественными классами, между ними и слоем интеллигенции и служащих, между городом и деревней, неравенства между группами внутри общественных классов»,¹ при сохранении в настоящее время социально-культурных различий отдельных наций, народностей, национальных и этнических групп,² интернационализация с необходимостью влечет усложнение социальных и национальных процессов и соответственно способов и форм их регулирования, усложнение и перестройку всей социально-нормативной системы.

Поскольку на нынешнем этапе социалистического строительства практически все социально-значимые процессы и отношения выражаются в соответствующей политико-правовой форме и тем самым включаются в функционирование общей системы политической надстройки социалистического общества, процесс интернационализации общественной жизни с необходимостью обретает специфическую политико-правовую определенность. Он оказывает влияние на всю систему социалистической демократии, ее специфические институты и нормы, и, естественно, сам испытывает их воздействие. Самое непосредственное и многостороннее отражение этот про-

¹ Сменов В.С. К обществу без классов. М., 1965. С. 8.

² Арутюнян Ю.В. Этносоциологическое исследование наций//Актуальные проблемы исследования национальных отношений в свете Конституции СССР. М., 1981. С. 185-207.

цесс находит в сфере национально-государственного строительства.

Процесс интернационализации общественной жизни, исследуемый в обществоведении как в общетеоретическом плане, так и применительно к основным сферам социальных и национальных отношений, здесь будет рассмотрен преимущественно через призму общих политико-правовых и национально-государственных форм его проявления. Эмпирические основания такого подхода заключаются в том, что наиболее значимые результаты интернационализации фиксируются прежде всего в сфере властно-организационных, политико-правовых, нормативных вообще отношений, то есть в сфере политико-правовой надстройки общества. Именно здесь находятся основные «индикаторы», выявляющие и регистрирующие проблемы и противоречия, возникающие в процессе интернационализации, так как они касаются сферы взаимосвязи общих и специфических интересов социального и национального развития. Теоретико-методологическая обоснованность этого подхода состоит в том, что адекватное понимание любого явления общественной жизни предполагает рассмотрение его в единстве процесса его формирования и результата, представленного в объективной форме. Интернационализация общественной жизни в качестве объективного процесса развивается в формах сознательной, целенаправленной деятельности и соответственно в формах организованного политико-правового государственного руководства. Роль субъективного фактора, таким образом, здесь не сводится к простой фиксации результатов интернационализации и отражению их в соответствующих структурах политической системы, а проявляется в качестве существенного момента данного процесса. Причем значимость этого момента все возрастает в связи с усложнением проблем социальной регуляции в условиях всеохватывающей интернационализации общественной жизни.

Ниже мы рассмотрим наиболее общие теоретические проблемы взаимосвязи интернационализации общественной жизни с национально-государственным строительством и усилением государственного единства советского народа.

Так как характерной особенностью социалистического типа интернационализации является прямая зависимость процессов интернационализации от уровня демократизации общественной жизни, необходимо выявить их определяющие связи в целом и специфические проявления в основных сферах социальной и национальной жизни. Наиболее существенной здесь является проблема соотношения и взаимодействия общедемократических институтов и норм со специфическими национально-государственными институтами в политической системе советского общества, проблема меры общеправового и специально-политического регулирования межнациональных отношений на основных уровнях и в основных сферах их развития.

Поскольку интернационализация вызывает значительные изменения в социальной и национальной структуре советских национальных республик, возникает проблема определения характера и особенностей осуществления здесь народовластия, путей реализации общих и специфических интересов полинационального населения в деятельности политической системы национально-республиканского уровня.

Для решения этих проблем необходимо выявить содержание самого процесса интернационализации, суть этого понятия в его конкретной определенности как диалектической взаимосвязи противоположностей, каковыми в данном случае выступают интернациональный и национальный способы бытия единого советского народа, объективированные в соответствующих государственных институтах и нормах.

Процесс интернационализации сейчас охватывает практически все основные сферы общественной жизни, оказывает влияние не только на социально-классовые, национальные, групповые интересы и отношения, но и на личность, на межличностные отношения. Он коснулся не только сферы общественного, национального сознания, но и сознания индивидуального. Интернационализация вносит изменения, порой существенные, в устоявшийся, традиционный образ жизни, привычные отношения, жизненные ориентиры, вызывает перестройку в сфере материального и духовного бытия народов, что порождает противоречия как объективного, так и субъек-

тивного порядка в общественной и личной жизни. Поэтому исследование сущности интернационализации, ее оснований и следствий, форм непосредственных и опосредованных проявлений, факторов, влияющих на ее развитие, – объективная необходимость социального познания; без этого невозможна сознательная социальная деятельность и прежде всего – деятельность государственная.

На современном этапе основные явления интернационализации следующие: развитие единого народнохозяйственного комплекса страны; формирование социальной однородности общества; сближение наций и народностей; развитие морально-политического, государственно-правового единства общества; утверждение единой марксистско-ленинской идеологии, общего мировоззрения; развитие единой по духу и принципиальному содержанию и многообразной по форме интернациональной культуры; общность территории проживания многочисленных наций и народностей; развитие общего языка межнационального общения; утверждение общих принципов социального воспитания; формирование самосознания общности и т. д. Явления интернационализации общественной жизни сегодня столь разнообразны, что полное перечисление их практически невозможно и теоретически нецелесообразно. Главное здесь – объяснить суть интересующего нас предмета, раскрыть процесс образования исследуемых явлений, показать их в качестве естественных результатов порождающего их объективного процесса, к каковому и относится интернационализация общественной жизни.

В литературе содержание этого процесса в наиболее общем виде определяется как становление единства всемирно-исторического процесса развития человечества, а применительно к советскому обществу – как «объективная тенденция общественного развития, выражающая процесс растущего единения всех наций и народностей на материально-технической основе крупного машинного (механизированного и автоматизированного) производства, которая в конечном итоге должна привести к слиянию всех наций и народностей в едином безнациональном коммунистическом человечестве».

М.И. Куличенко считает, что «сущность и историческое предназначение интернационализации – обеспечение благоприятных условий развития производительных сил народов, совершенствование разделения труда между ними, усиление обмена продукцией, достижениями науки и техники, накопленным опытом и знаниями».¹ Как видно, в первом случае акцент делается на единении народов, а во-втором – на развитии и усилении обмена между ними, то есть только на одном из ограниченных исторически способов этого единения.

Общепризнанным является положение о том, что основой интернационализации является развитие производительных сил.² Но некоторые исследователи не всегда последовательно придерживаются этого положения: интернационализация общественной жизни иногда сводится к сфере собственно национальных отношений, рассматривается либо в качестве их главной особенности на нынешнем этапе развития общества, либо в качестве закономерности объединения двух основных тенденций в национальных отношениях.³

Различие отмеченных подходов, на первый взгляд, представляется формальным, однако, при углубленном теоретическом изучении процесса, особенно при выявлении соотношения объективных и субъективных факторов интернационализации это различие проявляется как содержательное. Мы уделяем этому большое внимание, поскольку для целей нашего исследования принципиальным является решение вопроса о значении базисных и надстроечных факторов, о соотношении объективного и субъективного в интернационализации. Этот вопрос касается также и меры политико-правового опосредования этого процесса, способов и форм его обеспечения. Иначе говоря, вопрос заключается в том, относится ли процесс

¹ Куличенко М.И. Расцвет и сближение наций в СССР. М. 1981. С. 387.

² Новая историческая общность людей: сущность, формирование, развитие. М., 1976. С. 347; Интернационализация: сущность, тенденции, перспективы... С. 9-10; Куличенко М.И. Расцвет и сближение наций в СССР. С. 386-387; Интернационализм советского народа: История и современность. М., 1982. С. 322-370.

³ Подробнее см.: Куличенко М.И. Расцвет и сближение наций в СССР. С. 386.

интернационализации на нынешнем этапе его развития преимущественно к области материальных, производственных отношений, данных в межнациональном разделении труда, и поэтому лишь опосредованно воздействует на область отношений надстроечных, или он находит в последних специфическое основание и специфические проявления.

Отчасти ответ на этот вопрос содержится в литературе, посвященной основным проявлениям интернационализации в определяющих сферах общественной жизни – экономической, социально-политической, культурной.

Интернационализация в сфере экономической жизни в соответствии с общим определением ее рассматривается как основанный на развитии производительных сил и совершенствовании производственных отношений процесс углубления и расширения народнохозяйственных связей, который привел к формированию единого народнохозяйственного комплекса страны. Существенным моментом интернационализации экономической жизни союзного государства является то, что процесс создания общесоюзной экономической системы не сопровождается разрушением комплексности хозяйственного организма национальных республик. Исследователи отмечают, что «в сложном едином интернациональном народнохозяйственном организме, какой является экономика СССР, все союзные и автономные республики, области, края и округа представлены через определенную систему территориального разделения труда и экономического районирования. Это означает, что каждая республика имеет свое «лицо», свою специализацию в общественном разделении труда».¹ Межреспубликанская специализация и кооперирование при этом рассматриваются в качестве мощного фактора интернационализации экономической жизни народов.²

Конкретные проявления интернационализации экономической жизни народов нашей страны исследуются в специальной

¹ Великая сила интернационального единства. Киев, 1979. С. 109. Л.И. Коваленко во взаимодополняющих, различающихся экономических характеристиках субъектов федерации видит основание их целостности (Коваленко А.И. Советская национальная государственность. С. 138-139).

² Великая сила интернационального единства... С. 108-148.

литературе, и подробное воспроизведение их не входит в нашу задачу. Отметим лишь наиболее существенные моменты, рассматриваемые в литературе как проблемные.

Несмотря на то что в условиях совершенствования социализма уже в основном решена задача выравнивания уровней экономического развития республик и создалась возможность подходить к экономическим вопросам прежде всего с точки зрения интересов государства в целом, национальные республики имеют особые экономические интересы, и их экономические проблемы требуют в ряде случаев особых решений.

Сама проблема выравнивания окончательно еще не снята. Сохраняются еще определенные различия между республиками по ряду социально-экономических показателей. В этой связи в литературе исследуются проблемы поиска критериев выравнивания, путей и способов достижения его, в том числе и государственно-правовых решений в этой области.

Кроме того, в литературе отмечаются проблема целесообразного размещения производительных сил (в известной мере смыкающаяся с вопросами выравнивания уровней экономического развития республик и профессионально-кадрового обеспечения производства) и проблема рационального перераспределения национального дохода и связанная с ним задача выравнивания уровней доходов на душу населения в различных регионах страны.

Как видно из вышесказанного, собственно экономические отношения имеют соответствующий национальный аспект, предполагающий необходимость учета не только экономических закономерностей, экономических целей, но и специфических закономерностей национальных отношений. Между тем, ввиду отсутствия систематических исследований экономических аспектов национальных отношений, не вполне ясен механизм взаимодействия экономических отношений и развития национальных и интернациональных процессов.¹

Наиболее общие взаимосвязи названных процессов можно проследить в том, что уровень развития производительных сил обуславливает: а) отраслевую структуру производства,

¹ Развитие национальных отношений в СССР в свете решений XXVI съезда КПСС. С. 13-14.

общий характер разделения труда и специфику производственной деятельности в различных отраслях и тем самым определяет общий характер национальной деятельности в сфере производства, влияет на особенности межнационального разделения этой деятельности; б) профессиональную дифференциацию и интеграцию населения в плане его отраслевой и квалификационной структуры и тем самым вносит «коррективы» в «традиционные» сферы производственной деятельности нации; в) особенности территориального размещения населения в соответствии с преимущественными сферами производственной деятельности, что в значительной мере предопределяет особенности и характер межэтнических контактов и межэтнического взаимодействия; г) характер и степень разделения собственно «производящей» и «руководящей» деятельности и таким образом влияет на способы обеспечения национальной консолидации и межнациональных отношений (именно здесь находятся наиболее чувствительные индикаторы состояния межнациональной жизни).

Уровень экономического развития, таким образом, в конечном итоге определяет особенности развития всех сфер национальной жизни и характер межнационального взаимодействия. Однако прямых, непосредственных связей и зависимостей здесь не наблюдается. Так, создание и функционирование единого народнохозяйственного комплекса страны не вызвало ощутимых изменений государственно-правовых форм межнациональных отношений, во всяком случае изменений структурных. Усиление интенсивности протекания экономических процессов в стране не повлекло за собой непосредственной политической централизации, изменения форм организации государственного единства советского народа.

Этот факт нуждается в объяснении, тем более что экономическое обоснование национального единства является основным в ленинской теории нации. В.И. Ленин писал, что нация должна быть объяснена исторически и экономически. Относительно советского народа исследователи также фиксируют в качестве его экономической основы единый народнохозяйственный комплекс и единую общенародную социалистическую собственность.

Прежде всего подлежит выяснению, является ли экономическая общность системообразующим, конституирующим началом для общности советского народа? Если гипотетически ответить на этот вопрос положительно, то следует объяснить, каким образом на одной и той же основе функционируют две исторически различающиеся общности? Логически совершенно ясно, что либо системообразующим началом в этом случае выступает нечто иное, либо речь идет об экономических общностях различного уровня и соответственно о различном характере экономических связей.

Проанализируем кратко последнюю гипотезу. Исходной предпосылкой здесь выступает марксистское положение о том, что производительные силы страны в целом являются общей основой расширения межнациональных связей и становления межнационального единства. Развитие производительных сил СССР привело к такому уровню экономических связей, при котором образовался единый народнохозяйственный комплекс. Вместе с тем следует констатировать, что развитие производительных сил страны осуществляется не только на общесоюзном уровне, но и в рамках национальных республик. При этом развитие республиканских производительных сил как составного элемента единого народнохозяйственного комплекса помимо создания базы, предпосылки свободного развития и единения наций и народностей имеет задачей обеспечение комплексности национального экономического развития на уровне современного научно-технического прогресса.¹

Развитие и укрепление общности экономической жизни, укрепление единой общенародной собственности осуществляются на основе усиливающейся специализации и кооперирования труда, углубления его разделения во всесоюзном масштабе, а не только во внутриреспубликанском. Исходя из этого иногда делаются выводы о слиянии наций в области экономики, что происходит, по-видимому, вследствие смешения экономического и юридического содержания собственности,

¹ Положение К. Маркса о том, что взаимоотношения между нациями зависят от того, насколько каждая из них развила свои производительные силы, разделение труда и внутреннее общение.

недостаточно конкретного изучения характера экономических связей национальных республик и государственно-правового механизма их регулирования.

Для правильной интерпретации экономических процессов, лежащих в основе сближения советских наций, необходимо экономическое развитие рассматривать также в его государственно-правовом опосредовании, соблюдая ленинское требование анализа национальных отношений в единстве экономического фундамента и демократической организации государства,¹ учитывая относительную самостоятельность юридической формы собственности.² Безусловно то, что общенародная собственность как экономическая предпосылка специфического для коммунизма исходного общественного отношения – прямого членства в общенародном коллективе – обуславливает не только социально-классовое, но и межнациональное единство членов общества. Это со всей определенностью вытекает как из теории марксизма-ленинизма, так и из практики коммунистического строительства.

В первой фазе коммунизма, однако, в силу недостаточной развитости производительных сил разнородность и разнокачественность труда³ требуют и соответствующих организационно-управленческих форм его опосредования, относительно отделенных от собственно производительного труда. Первичной такой формой является трудовой коллектив, осуществляющий полномочия собственника в форме оперативного управления. Национальная советская государственность под этим углом зрения выступает в качестве вторичной формы опосредования экономических связей индивидов, их членства в общенародном коллективе, осуществляя полномочия собственника на территории национальной республики.⁴

Национальные республики в своей производственной деятельности и соответственно в отношениях распределения,

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 30. С. 22.

² Шкредов В.П. Экономика и право. С. 178.

³ Подробнее см.: Кронрод Я.А. Законы политической экономии социализма. М., 1966. С. 403-404.

⁴ Об этом см.: Мухитдинов Н.Б. Право государственной собственности на природные ресурсы//Правовая охрана природы в Казахской ССР. Алма-Ата, 1977. С. 28-44.

обмена и потребления постоянно воспроизводят национальную экономическую общность, развивают и воспроизводят внутриреспубликанское разделение труда и комплексность хозяйства.

В.И. Ленин считал, что осуществление последней необходимо в каждой области, в каждом районе. Оно нашло конституционное закрепление применительно ко всем формам национальной советской государственности (см.: Конституция СССР, ст. 77, 83 и соответствующие статьи Конституций союзных и автономных республик).

Будучи включенной в экономические связи более широкой общности и воспроизводя последнюю в своей экономической деятельности, национальная республика сохраняет и целостность собственной экономической жизни, выступающей исторически первичной по отношению к целостности союзной.

В экономической теории К. Маркса национальные отношения, рассматриваемые в качестве особого вида производственных отношений, трактуются именно как межобщественные отношения, т. е. как отношения целостных социально-экономических общностей. К. Маркс определял эти отношения как «вторичные и третичные, вообще производные, перенесенные, непервичные производственные отношения».¹

Новый качественный уровень исторического развития межнациональных производственных отношений характеризуется тем, что экономическая общность нации, ее внутренние производственные отношения выступают особым моментом союзной экономической общности. Ф. Энгельс отмечал, что «экономические отношения каждого данного общества проявляются прежде всего как интересы».² Общие национальные интересы имеют своим реальным основанием общие экономические отношения, комплексность хозяйства республики. Оптимально сочетаясь со специализацией³ в союзном разделении труда, комплексное хозяйство республик обес-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 46. Ч. 1. С. 46, 173.

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 18. С. 271.

³ С.Т. Калтахчян, на наш взгляд, правильно отметил, что две тенденции в сфере экономики проявляются в качестве тенденций к комплексному развитию хозяйства республики и тенденции к углублению специализации между ними (Калтахчян С.Т. Ленинизм о сущности нации. С. 294, 335).

печивает основу воспроизводства национальной общности в различных областях социальной деятельности, национальных отношений, развитие органической целостности более высокого уровня.

Такая интерпретация вопроса об экономических основаниях общностей национального и межнационального уровня все же не дает окончательного ответа на вопрос о системообразующих началах воспроизводства целостности национальной и интернациональной общностей. Она показывает только, что национальная общность не утратила экономических оснований своего бытия, что возрастание роли общесоюзных начал в руководстве социально-экономическим развитием страны имеет объективные основания (в усилении концентрации производства, являющейся объективным законом развития производительных сил).

Как известно, концентрация производства и собственности с необходимостью ведет к усилению централизации управления. Этот процесс, с одной стороны, способствует активизации деятельности всей политической системы общества в качестве единой системы управления, с другой – обуславливает в равной мере и усиление деятельности национальной советской государственности, призванной обеспечить условия свободного развития наций, реализации интересов советского народа, моментом развития которого она является. Интегративная функция союзной государственности, таким образом, неразрывно связана с совершенствованием организации и деятельности всех форм национальной советской государственности.

Приведенное суждение, однако, нуждается в глубоком обосновании, так как из общего постулата об усилении роли политической надстройки в целом усиление роли национальной государственности с объективной необходимостью не вытекает. Обратимся к исследованиям, касающимся проблемы интернационализации в области социально-классовых и собственно национальных отношений.

Интернационализация в сфере социально-классового развития в самом общем плане определяется как процесс формирования социальной однородности общества, бесклассовой

однотипной структуры всех наций и народностей, стирания граней между физическим и умственным трудом. Проблема формирования социальной однородности общества в контексте объективного процесса интернационализации выступает прежде всего как проблема преодоления классовых различий на основе развития производительных сил общества, сближения двух форм собственности, преодоления существенных различий между городом и деревней, физическим и умственным трудом. Применительно к сфере национального развития и национальных отношений она формулируется как задача выравнивания социальных структур наций и народностей.

В этой связи важно определить конкретное содержание социальной однородности общества, его социальной структуры, степень развития которых играет существенную роль для совершенствования национальных отношений. Качество однородности общества означает, что составляющие его элементы не подразделяются в зависимости от своего происхождения в генетическом плане. В своей социальной роли, в своих социальных функциях они образуют единое целое, в рамках которого происходят не только социально-фиксированное взаимодействие, но и взаимопереход, взаимополагание социальных ролей.

Относительно генетического аспекта социальной однородности исследователи отмечают, что на современном этапе развития социализма «социальная структура упрочилась на собственной основе, стала зрелой. Она отражает процессы сближения дружественных трудящихся классов и слоев, укрепления их внутреннего социального единства, упрочения социальной однородности».¹ Исследования последних лет подтверждают эту мысль.

Положение о наличии социальной однородности советского общества отражает лишь общую направленность социального процесса, его перспективу. В обществе реального социализма социальная неоднородность еще не преодолена. Исходя из этого научное исследование должно фиксировать все системообразующие элементы действительной структуры

¹ Семенов В.С. Диалектика развития социальной структуры советского общества. М., 1977. С. 5.

общества, их реальное соотношение, ведущие тенденции их изменения.

В.И. Ленин отмечал, что «социальная структура общества и власти характеризуется изменениями, без уяснения которых нельзя сделать ни шагу в какой угодно области общественной деятельности. От уяснения этих изменений зависит вопрос о перспективах, понимая под этим, конечно, не пустые гадания насчет того, чего не ведает никто, а основные тенденции экономического и политического развития – те тенденции, равнодействующая которых определяет ближайшее будущее страны, те тенденции, которые определяют задачи, направление и характер деятельности всякого сознательного общественного деятеля».¹ Исследования социальной структуры советского общества² показывают, что интернационализация в сфере социальной жизни по различным регионам, национальным республикам и областям отражает в целом общие закономерности, свойственные всей стране. Вместе с тем обнаруживаются и особенности процесса, обусловленные характером и уровнем национального развития, спецификой разделения труда, традиционностью ряда отраслей хозяйственной деятельности наций, особенностями социальных связей и др.

В сфере интернационализации собственно национальной жизни прежде всего отмечается, что данный процесс не сопровождается разрушением целостности национальной жизни, уменьшением роли и значимости национальной формы социального общежития. Более того, охватывая практически все общезначимые сферы национального бытия, он усиливает значение национальных факторов как в развитии самих наций, так и в решении общих задач коммунистического строительства.

Усиление роли национальных факторов в совершенствовании общесоциальной интеграции объясняется тем, что интернационализация способствует обновлению содержания национальной жизни.

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 20. С. 186.

² Амвросов А.А. Социальная структура советского общества. М., 1975; Семенов В.С. Диалектика развития социальной структуры советского общества. М., 1977. С. 21-87.

Национальная же форма организации социальной жизни, выработавшая и закрепившая в ходе исторического развития оптимальные способы социального взаимодействия, объединения различных элементов национальной структуры в целостный национальный организм со свойственной ему системой саморегулирования, являющаяся отлаженным механизмом соединения членов общности с помощью общих интересов материального существования, прочной духовной, нравственной связью, выполняет и сегодня ряд жизненно важных функций.

«Место и роль национальных общностей и их развитие предопределяются тем, что они способствуют: а) большему сплочению всего общества, б) созданию новых материальных и духовных ценностей, в) увеличению многообразия, дифференцированности мировой культуры, г) повышению ее социальной активности», – пишет М.И. Куличенко.¹ На современном этапе развития трудно переоценить значение национальной общности в совершенствовании социалистических общественных отношений, в воспитании подрастающего поколения, в формировании нового человека.² Г.Е. Глезерман вполне обоснованно пишет, что «расовые и национальные различия способны в разумно устроенном обществе увеличить многообразие жизни, сделать ее ярче и многокрасочнее. Но это возможно тогда, когда социальный строй обеспечивает равенство и свободное развитие всех народов».³

Под влиянием нарастающего воздействия интернационализации в определенной степени усиливается роль национальных факторов в жизни советского общества при ведущей тенденции укрепления собственно интернациональных начал. При этом под «национальным» в контексте процесса интернационализации подразумевается не «старое», «отживающее», а новое социалистическое содержание, обеспечивающее полноценную в своей целостности национальную жизнь. Парадоксальное на первый взгляд положение об усилении на сов-

¹ Куличенко М.И. Расцвет и сближение наций в СССР. М., 1981. С. 226-227.

² Там же. С. 227.

³ Глезерман Г.Е. Классы и нации. М., 1977. С. 94.

ременном этапе роли национальной организации социальной жизни имеет под собой вполне объективные основания – развитие социальной однородности наций, преодоление внутринациональных социально-классовых противоречий.

Это значит, что жизненная энергия нации направлена к созиданию, преобразованию своей жизни на началах социальной справедливости, равенства, свободного развития каждого и всех. В этом, в частности, и заключается один из основных источников стремления к самостоятельности в решении проблем внутринациональной жизни в рамках единой семьи советских народов.

Относительное повышение роли национального фактора – явление не однозначное, противоречивое: в нем заключен прогрессивный момент преобразования национальной жизни на началах интернациональных, коммунистических. И в то же время оно объективно несет в себе известную ограниченность собственно национальной сферы бытия. В силу данной противоречивости для развития этого явления в оптимальном направлении требуется воздействие субъективного фактора.

Здесь имеются в виду не «волевые, субъективные решения», а прежде всего интернациональное воспитание или воспитание интернациональной практикой, интернациональной организацией жизни многонационального общества.

На основании того, что социалистическая интернационализация имеет своим необходимым следствием формирование социальной однородности общества, выравнивание социальной структуры всех наций и народностей, в исследованиях в этой области представлена картина, отражающая как общие явления, так и различия в развитии социальной структуры наций и народностей.¹

Наиболее существенным моментом характеристики интернационализации социальной структуры наций являются показатели количественного и качественного состава рабочего

¹ См., например, следующие работы, посвященные теоретическим проблемам интернационализации: Джунусов М.С. Сближение наций в условиях развитого социализма // Социологические исследования. 1976. № 4; Современные этнические процессы в СССР. М., 1977; Сближение социально-классовой структуры советских наций и народностей. М., 1977 и др.

класса национальных республик в целом и определенного национального рабочего класса как основной интернационализирующей силы советского общества.¹

В существующей литературе по этому вопросу распространена точка зрения, согласно которой увеличение численности и повышение квалификации национального рабочего класса является существенным моментом национального развития, процесса интернационализации национальной структуры в целом, усиления процесса сближения наций и народностей.² Особое значение при этом придается росту профессиональной квалификации национального рабочего класса. В этой связи в ходе конкретно-социологических исследований в Казахстане было выявлено, что различия в уровне образования рабочих коренной и некоренной национальностей (в основном русских) фактически ликвидированы. Анализ этого явления по другим регионам показал, что выравнивание уровней образования кадров различных национальностей идет быстрее, чем квалификационных уровней. Имеются соответствующие данные, характеризующие численность и качественный состав колхозного крестьянства, интеллигенции, отмечается общая тенденция выравнивания уровней социальной структуры национальных республик и в этой части.³

Ниже мы попытаемся выделить те политико-правовые проблемы интернационализации, которые существуют в области социальной структуры наций и народностей.

Элементы «стихийного саморегулирования» в сфере включения представителей различных этносов в доминирующие социальные процессы, в предпочтительные виды объективно заданного разделения труда, сопровождаемые исторически сложившейся специализацией этносов, а также весьма существенными, порой субъективными устремлени-

¹ Социальная политика и национальные отношения. М., 1982. С. 13-19; Интернационализм советского народа. С. 370-397. (Соответствующие данные приводятся в первой главе настоящей работы.)

² Тезис о необязательности анализа структуры рабочего класса в обществе, интернациональном по составу, в свое время выдвинутый Л.А. Сураткиной, был подвергнут обоснованной критике.

³ См., например: Национальные отношения в развитом социалистическом обществе. М., 1977. С. 92-101 и др.

ями и предпочтениями, которые заданы культурно-исторической шкалой социальных ценностей, способны в условиях многонациональной структуры советских республик вывести некоторые национальные группы на периферию доминирующих социальных процессов. Названные обстоятельства требуют, следовательно, сведения к минимуму механизмов такой «саморегуляции» в рассматриваемой области и проведения целенаправленной политики, обеспечивающей реальное включение всех национальных групп во все основные сферы государственной и общественной жизни. Причем не только на уровне функционирования общих представительных институтов власти, обеспечения равного представительства и т.п., на всех уровнях функционирования социально-профессиональной и политической структуры республик.

К сожалению, имеющиеся в нашем распоряжении материалы по республикам не дают возможности выявить все причины возникновения этой проблемы, поскольку республики многонациональны, а численный и конкретно-социальный состав коренных наций и всего населения в них, естественно, не совпадает. Тем не менее проблема осознается и фиксируется в специальных исследованиях.

Интернационализация в сфере социального развития наций предполагает выравнивание их социальных структур. Однако такое выравнивание не является самоцелью и интернационализация не сводится к нему. Принципиальным является вопрос о функциональных связях основных элементов этой структуры. Интернационализация вносит изменение в принципы их взаимосвязи. Дело в том, что она осуществляется прежде всего в ходе процесса качественного изменения существующего разделения труда (умственного и физического, творческого и репродуктивного, производительного и управленческого, промышленного и аграрного), которое сопровождается изменением способов и форм его «соединения», обобществления, то есть изменением в сфере социального управления (последняя становится все более притягательной в качестве профессиональной деятельности, что объективно связано как с ее творческим характером, так и с социальной

значимостью, престижностью и другими факторами объективного и субъективного порядка).

Собственно межнациональный аспект проблемы здесь очевиден, и его решение предполагает как общесоциальное (вопросы меры соотношения управления и самоуправления на различных уровнях и т. д.), так и «национальное» политико-правовое регулирование (национальный аспект кадровой политики).

Основной движущей силой процесса интернационализации в области развития социальной структуры является рабочий класс. Обозначенная выше проблема роста национального рабочего класса, повышения уровня его профессиональной квалификации, оптимизации отраслевой структуры его самым прямым образом связана с проблемой его руководящей роли и экономического и общесоциального управления. По существу, речь идет о диалектике производительной и управленческой функции рабочего класса в условиях растущей социальной однородности общества.

Таким образом, в ходе процесса интернационализации в области социально-экономической и национальной структуры республик выдвигается в качестве ключевой проблема социального разделения и распределения труда и соответственно способов его соединения, интеграции на всех уровнях общественно-производственной деятельности.

Решение этой проблемы позволит глубже понять процесс функционального обеспечения государственного единства советского народа и более полно выявить политико-правовые следствия, вытекающие из процесса социалистической интернационализации. Поскольку в условиях социализма оба эти процесса, будучи объективными в своих основаниях, развиваются под целенаправленным субъективным воздействием, содержание их должно быть выражено с достаточной определенностью. Это тем более необходимо, что объективность процессов не исключает альтернативы выбора конкретного пути в сознательном регулировании их проявлений.

В начале 60-х гг. была поднята проблема разделения труда в связи с проблемой всестороннего развития личности. В ходе состоявшейся дискуссии о том, в какой мере существующее

разделение труда определяет характер развития личности и его исторические перспективы,¹ были рассмотрены вопросы, касающиеся действия закона разделения труда и закона перемены труда, их объективных и субъективных начал в условиях социализма и перехода к коммунизму.

Хотя в дискуссии проблема разделения труда в интересующем нас плане интернационализации производительных сил и социально-этнических процессов не ставилась, в ее материалах содержатся некоторые положения, имеющие принципиальное значение для понимания нашего вопроса. К ним относятся положения: 1) о необходимости различать примененные К. Марксом понятия «разделения труда» (*Teilung der Arbeit*) и «распределения труда» (*Verteilung Arbeit*);² 2) о понимании разделения труда: а) как обусловленной уровнем развития производительных сил качественной дифференциации видов человеческой деятельности (разделение форм труда в определенных пропорциях между отраслями производства и сферами общественной жизни) и б) как закрепления отдельных людей и целых социальных групп за определенным видом деятельности – распределение труда между людьми, их социальными и профессиональными группами и т. д. (здесь речь идет о необходимости отличать специализацию труда и специализацию людей);³ 3) о задаче организованного распределения труда и регулировании рабочего времени, его подконтрольности обществу и управленческим органам;⁴ 4) об особенностях действия закона перемены труда при социализме, о возможностях перехода работника из сферы основного производства к занятиям в сфере общественного

¹ Вопросы философии. 1961. № 11; 1962. № 10; 1963. № 3; 1964. № 8; 1965. № 3.

² Об этом см.: Струмилин С.Г. Коммунизм и разделение труда // Вопросы философии. 1963. № 3. С. 38-40.

³ Емельянов В.Я. Всестороннее развитие личности предполагает уничтожение разделения труда между людьми // Вопросы философии. 1962. №10. С. 25-29.

⁴ Струмилин Г.С. Коммунизм и разделение труда. С. 48; Новоселов Н.С. Разделение труда при коммунизме не исключает возможности перемены труда и всестороннего развития личности // Вопросы философии. 1963. № 3. С. 49-50.

управления.¹ Разработка проблем разделения труда осуществлялась и в последующие годы, но преимущественно в экономических аспектах. Важные положения о распределении общественного труда в соответствии со структурой собственности и структурой способностей были развиты В. Мазуром.² Действие объективного закона разделения труда обуславливает его общественно-необходимые пропорции и соответствующие формы осуществления, но отнюдь не предполагает однозначного закрепления последних за определенным кругом лиц или однозначной общественной формы соединения различных видов труда. Он не детерминирует, следовательно, ни однозначного характера интегративной (преимущественно управленческой) деятельности, ни способа распределения и осуществления последней. Находясь в противоречивом единстве с законом перемены труда, значение которого возрастает по мере расширения социалистических преобразований, закон социалистического разделения труда все больше проявляется как закон сознательного, целенаправленного регулирования его в интересах развития всех его субъектов. Поскольку развитие последних возможно только через их саморазвитие, а последовательное осуществление закона разделения труда означает его переход в закон перемены труда,³ то логика развития соответственно человека и его производительных сил приводит к необходимости такого соединения разделенного труда, которое означает переход от преимущественно внешнего управления к самоуправлению, то есть к преодолению существующего разделения умственного и физического, управленческого и исполнительского труда (так, Советы в качестве формы народовластия в процессе развития должны стать «работающей корпорацией», соединяющей исполнительский и руководящий труд). Каждый этап социалистического строительства нуждается в определенной степени

¹ Вопросы философии. 1963. № 3. С. 50; Курылев А.К. Разделение труда и всестороннее развитие личности в период перехода от социализма к коммунизму//Там же. 1962. № 10. С. 24-25.

² Мазур В. К непосредственно-общественному производству – сущность скачка и этапы становления//Коммунист. 1984. № 15.

³ Емельянов В.Я. Всестороннее развитие личности предполагает уничтожение разделения труда между людьми... С. 29.

профессионализации управленческого аппарата, выявлении соответствующей объективной меры управления и самоуправления, различной на восходящих к коммунизму уровнях развития социалистической общественной системы, в том числе и на уровне национальном и межнациональном, между и внутри полинациональных республик.

Существует определенная зависимость уровня исторического развития и характера разделения труда и соответственно характера его социальной интеграции. В ходе социалистического строительства осуществляется процесс постепенного становления органической интеграции труда, при которой труд производительный и труд руководящий постепенно сливаются и не только на уровне общества, взятого в целом (самоуправление общества посредством государства), но и на уровне всех общественных компонентов, всех носителей общественного труда. Содержательное же осуществление действительной интеграции должно утвердить реальное самоуправление во всех основных компонентах общественного организма.

В литературе отмечается доминирующая роль интеграции труда. И при этом последнюю часто представляют в форме политико-управленческой и в этом смысле внешней по отношению к особым формам труда и особым формам его локального соединения. Между тем основная задача заключается в том, чтобы найти необходимую меру внешнего и внутреннего соединения разделенного труда.

В условиях усиливающейся интернационализации общественной жизни проблема распределения и интеграции труда в соответствии со структурой способностей особую значимость приобретает в многонациональных республиках, где разделение труда непосредственно предстает как разделение условий развития. Здесь она выступает в более усложненном варианте, чем в относительно равных по национальному составу районах страны, поскольку так или иначе приобретает внешнюю форму межнациональных отношений. Как писал К. Маркс, «некоторое духовное и телесное уродование неизбежно даже при разделении труда внутри всего общества в целом».¹ В обществе многонациональном при сохраняющейся

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 23. С. 376.

еще неравноценности труда, наличии исторически сложившейся специфики национальных видов труда, национальной ориентированности на определенный труд и т. д. решение проблемы объективно сложившегося разделения труда и его регулирования, распределения сопряжено с очень большими сложностями.

Она имеет весьма важный социально-регулятивный аспект. В этой связи в литературе уже отмечалось, что противоречия между работниками умственного и физического труда связаны со взаимоотношениями между руководящими и руководимыми работниками в процессе производства, причем работники умственного труда являются в данном случае полномочными представителями социалистического государства.¹ Очевидно, что разрешение этого противоречия путем вовлечения трудящихся масс в управление производством, развития форм участия в нем коллектива трудящихся, расширения прав профсоюзных организаций, повышения роли производственных совещаний и т. д. не решает всего комплекса возникающих здесь проблем, особенно в многонациональных производственных структурах.

Ставя вопрос о пропорциях общецелевого и специально направленного планового распределения интеллектуального труда, исследователи вместе с тем исходят из реального факта различия дарования и вкусов людей. «Гармоническое развитие каждой личности, — писал С.Г. Струмилин, — предполагает не равное, а, скорее, пропорциональное этим дарованиям углубление в них и развитие».² Соответственно решение проблемы слияния функций умственного и физического, руководящего и исполнительского труда выходит за рамки сугубо производительной сферы общественных отношений и требует анализа общей проблемы социально-культурного развития. Интернационализация этой области общественной жизни выдвигает ряд дополнительных проблем. Исследование проблемы интернационализации в области культуры в последние годы вышло за традиционные рамки рассмотре-

¹ Маневич Е.Л. Социально-экономические основы всестороннего развития личности при коммунизме // Вопросы философии 1962. № 10. С. 33.

² Струмилин С.Г. Коммунизм и разделение труда... С. 47.

ния соотношения национального и интернационального в отдельных локально-национальных культурах и понимания ее преимущественно как формы взаимообмена культурными достижениями, культурными ценностями. Сама проблема соотношения интернационального и национального в культуре обретает более конкретную, реальную основу, выходит из области общего умозрения в область исследования практических духовных процессов. Идет поиск их действительных детерминант.

Этому способствует выработка более глубокого понимания самой культуры, не сводимой к совокупности достижений общества в его материальном и духовном развитии. В философской литературе все более утверждается такое понимание культуры, в основу которого кладется историческая активная, творческая деятельность человека и соответственно развитие самого человека в качестве субъекта этой деятельности.¹ Культура, с этой точки зрения, определяется как «творческая, созидательная деятельность человека, как прошлая, воплощенная, опредмеченная в ценностях, традициях, нормах и т. д., передающих от поколения к поколению исторический опыт человечества, так и прежде всего настоящая, основывающаяся на распределении этих ценностей, норм и т. д., т. е. актуализирующая содержание этого опыта в творческих способностях индивидов в процессе преобразования человеком его собственного предметного мира и мира его общественных отношений».²

Понимание культуры как меры деятельностного отношения между индивидами существенным образом изменяет и взгляд на процесс культурного взаимодействия народов, на проблему интеграции специфических культурно-исторических форм развития. Культура при этом находит свое наиболее адекватное и всестороннее выражение в личности,

¹ Коммунизм и культура. М., 1966; Культура – человек – философия: К проблемам интеграции и развития // Вопросы философии. 1982. № 1. С. 33-51; Межуев В.М. Культура как философская проблема // Вопросы философии. 1982. № 10. С. 42-52; Ликач И. По-разному ли идут часы? // Там же. С. 65-75.

² Культура – человек – философия: к проблеме интеграции и развития. С. 37.

в типе индивидуальности, характеризующем данное общество, данную нацию и в равной мере степень развития самого общества. Соответственно этому определяются возможные пути межнационального взаимодействия, интеграции. Здесь более зримо, чем в понимании культуры как продукта материальной и духовной деятельности, вырисовываются реальные, собственно человеческие связи как связи сотворчества, направленного как на преобразование внешнего, так и внутреннего мира человека, его саморазвития и адекватного ему общественного развития. Очевидно, одинаковое отношение к отдельным ценностям культуры различных этносов еще не создает их культурной общности. Последняя предполагает общность миропонимания, общность целей и путей их достижения.

Указанный теоретический подход позволяет выявить действительные основы единства в многообразии социокультурного развития народов. При этом главный принцип культурной интеграции характеризуется «не самим по себе фактом обмена и распространения в мире достижений и ценностей разных народов (это в той или иной мере происходило всегда), а направленностью этого процесса в интересах общественного прогресса, развития человека, личности. Тем самым интеграция оказывается не только возможной, но и закономерно вытекающей как из внутренней логики развития каждой культуры, так и социально-исторического процесса в целом».¹

Практическая задача поиска таких путей и создания таких механизмов межнациональной культурной интеграции, которые способствовали бы и сохранению уникальности культурно-исторического опыта народов, их культурному развитию и плодотворному взаимодействию, очевидно, может быть решена на вышеуказанной теоретической основе.

В литературе по вопросам интернационализации в сфере культурного развития советских наций и народностей обычно указывается, что взаимовлияние, взаимообогащение, сближение национальных культур является важнейшей закономер-

¹ Культура – человек – философия: проблемы интеграции и развития. С. 37.

ностью их развития.¹ Таким образом, основание интернационализации культурных процессов усматривается в самом развитии национальных культур.² Этот вывод вытекает из положения о том, что при социализме национальная энергия становится подлинной интернациональной силой. Вместе с тем отмечается, что в основе закономерностей развития советской многонациональной культуры лежит более широкая и более глубокая по своему влиянию на жизнь народов интернационализация всех сторон их жизни.³

Рассматривая общность духовной жизни наций и народностей в качестве фундамента укрепления и развития советского народа, исследователи вместе с тем замечают, что темпы сближения наций в духовной сфере не совпадают с таковыми в экономической и политической.

Отмечается, что «здесь сказывается и специфичность этой сферы, и наиболее существенное отражение в ней национальных факторов».⁴

Решение указанного выше вопроса о различии в содержании и темпах интернационализации в разных сферах общественной жизни зависит от понимания основания, движущей силы интернационализации, соотношения субъективных и объективных факторов, обуславливающих ее. Поскольку интернационализация общественной жизни логически предполагает изменения в соотношении национального и интернационального, то возникает вопрос, чем определяется это соотношение.

¹ Развитие национальных отношений в СССР в свете решений XXVI съезда КПСС. С. 268 – 291.

² Развитие всех национальных культур, их взаимообообщение являются единственно правильным путем формирования общесоветской культуры. Возникновение общесоветской культуры – исторически неизбежный процесс, естественным образом проистекающий из закономерностей развития национальных культур при социализме (Ханазаров К.Х. Национальное и интернациональное в советской культуре // Развитие национальных отношений в СССР в свете решений XXVI съезда КПСС. С. 283.

³ Развитие национальных отношений в СССР в свете решений XXVI съезда КПСС. С. 269.

⁴ М.И. Возрастание роли советской культуры в дальнейшем укреплении духовной общности наций и народностей СССР // Развитие национальных отношений в свете решений XXVI съезда КПСС. С. 279.

К.Х. Ханазаров пишет, что «внутренней движущей силой изменения соотношения национального и интернационального является производство». Применительно к культуре проводится прямая зависимость: отмечается рост степени интернациональности, межнациональности производительных сил и интернациональности национальных культур и что «это изменение происходит только в одном направлении – в сторону укрепления интернационального».¹ Очевидно, что если бы дело обстояло действительно таким образом, то проблема интернационализации общественной жизни не была бы столь многосложной и решалась бы «экономическими методами».

Конкретные исследования в этой области показывают, что зависимости здесь не столь прямые, однозначные и однонаправленные. Сложность вопроса состоит в том, что культуру понимают двояко, о чем говорилось выше. В первом случае «класс культурных явлений» рассматривается наряду с классами иных явлений, в том числе производственных. Здесь обозначенная проблема решается с помощью дифференцированного подхода. Материальная культура, согласно этой точке зрения, более непосредственно связана с производством; и способ производства не только обуславливает общий уровень материальной культуры, но и сам частично входит в нее на уровне производительных сил.² Что касается духовной культуры, то определяющей основой ее развития выступают производственные отношения.³

Воздействие базисных отношений на развитие духовной культуры рассматривается также дифференцированно по степени приближенности непосредственно к базису: «Если политические и правовые (соционормативные) компоненты духовной культуры в значительной мере непосредственно отражают экономический строй общества, – пишет Ю.В. Бромлей, – то, скажем, философия или искусство отражают изменения, происходящие в ходе экономического развития,

¹ Ханазаров К.Х. Национальное и интернациональное в советской культуре. С. 286.

² Бромлей Ю.В. Очерки теории этноса. М, 1983. С. 142.

³ Там же.

лишь опосредованным образом».¹ Отсюда и делается вывод о том, что многие компоненты духовной культуры обладают в своем развитии определенной самостоятельностью.

Применительно к проблеме межнациональных (межэтнических вообще) отношений из вышеприведенных положений делаются два основных вывода. Во-первых, относительная самостоятельность духовной культуры выступает важнейшим условием для возникновения этнических различий, особенно между народами, принадлежащими к одному и тому же культурно-хозяйственному типу. Во-вторых, в силу отсутствия прямой зависимости между отдельными компонентами культуры названный фактор рассматривается в качестве существенной предпосылки взаимовлияния культур различных народов, т. е. тенденции межэтнической интеграции.

Из этих противоположных посылок делается следующий вывод: «Диалектика функционирования культуры такова, что она одновременно может выступать и как средство общения, и как средство разобщения людей».² Следовательно, культура в данном понимании предстает как «класс явлений», всецело определяемых иными процессами. В то же время делается вывод о том, что в условиях социализма «базисные (экономические) компоненты этносоциальных общностей все более утрачивают этнодифференцирующие черты, проявляющиеся, главным образом, в хозяйственной жизни народов».³

Итак, если экономике принадлежит исключительно интегрирующая функция, а культура в известном смысле нейтральна по отношению к направленности движения этносов, то где находится основание его самостоятельности? Такое основание усматривается в культуре. Интегративные процессы здесь развиваются на базе социально-экономической и идейно-политической общности.⁴ В самой культуре этноса различают три основных компонента: собственно этническое

¹ Там же.

² Там же. С. 143.

³ Там же. С. 388.

⁴ Там же. С. 356-357.

(язык, обычаи, обряды, народное творчество, материальная культура и др.), межэтническое (в том числе общечеловеческое) и иноэтническое (то, что не освоено этносом, потребляется им, но не создается).¹ Действительное значение их для судеб этноса различно. «По мере технического, а соответственно и социального прогресса сфера проявления этнических свойств культуры начинает сужаться». Этническая специфика все более исчезает из сферы материальной культуры. «Она перемещается в сферу поведения и духовной культуры, включая общественное сознание».² В этой же связи отмечается положение о том, что, хотя в культурных достижениях народов СССР происходит увеличение удельного веса общесоюзных черт,³ «во многих возрастающих по своему объему сферах культуры абсолютные размеры национально-специфического, этнического остаются значительными, подчас даже расширяются».⁴

Понимание культуры как сознательной творческой деятельности человека позволяет более ясно и определенно интерпретировать процесс интернационализации, определить место основных компонентов культуры (в том числе компонентов соционормативных, политико-правовых) в ее развитии. Дело при этом не сводится к теоретическим нюансам и тонкостям той или иной исследовательской позиции. Речь идет о реальной конкретности современного состояния культурного процесса, теоретическое определение которого должно носить столь же конкретно-исторический характер.

По существу, здесь требуется решить задачу адекватного отражения созидательной, интегративной функции социалистической многонациональной культуры, т. е. не в качестве особой, профессиональной деятельности отдельных творческих личностей и потребления ее результатов народными массами, приобщения последних к готовым образцам, символам и нормам, а в качестве всеобщего процесса формиро-

¹ Там же. С. 124.

² Там же. С. 140.

³ Ханазаров К.Х. Интернациональное и национальное в советской культуре. С.283.

⁴ Бромлей Ю.В. Очерки теории этноса... С. 389-390.

вания идеального и материального мира человека и самого человека, самосозидания его самого и его отношений. В.Н. Малинин в связи с этим пишет: «Магистральная линия социального прогресса – приобщение масс к ценностям культуры и ее развитие через самодеятельность масс».¹

Эмпирические предпосылки такого теоретического подхода заключены, во-первых, в том, что на современном этапе развития социализма идет интенсивный процесс преодоления ограниченного (исторически) классового характера культуры, равно как и других идеологических форм; во-вторых, в том, что национальная и вообще локальная культура все более преодолевает этноцентристскую ориентацию и локально-интегративную функцию.² В этих условиях само понятие «культура» даже в обыденном сознании приобретает значение общего масштаба жизнедеятельности, поведения, отношения. В-третьих, в условиях сформировавшейся и укрепившейся единой общенародной собственности культура становится преобладающей областью реализации творческих потенций и самовыражения наций, народностей, этнических групп, индивидов.³

Теоретическое осмысление этих и ряда других явлений национально- и общекультурных процессов предполагает соответствующий уровень рефлексии. Она сейчас не может быть уже ограничена сугубо профессиональной точкой зрения и предполагает всеобщую философскую форму. Только на этом уровне может быть понято как культурно-историческое содержание индивидуального, национального и интернационального сознания, так и содержание и конкретный смысл

¹ Малинин В.А. Прогресс духовной культуры и философии // Вопросы философии. 1983. № 8. С. 87.

² Для периода сугубо национальных ориентации «интернациональное» вообще выступает как внешне чуждое. «Интернациональное, – отмечает К.Х. Ханазаров, – было чем-то лежащим вне нации, ее культуры. Оно было понятно крайне незначительной части каждой нации и народности» (см.: Ханазаров К.Х. Интернациональное и национальное в советской культуре... С. 289).

³ Говоря о непродуцированной сфере в целом, С.Г. Струмилин отмечал, что «она обгоняет в своем росте производственную, а наиболее культурные кадры творческого труда растут в ней быстрее всех остальных» (Струмилин С.Г. Коммунизм и разделение труда... С. 48).

соответствующих форм культурной деятельности, социокультурных ценностей, институтов и норм. В конечном же итоге только на такой общей основе может развиваться адекватная ей культурная практика и межкультурная интеграция народов.¹

Развитие культуры в условиях классового общества всегда осуществляется в контексте его общего социально-исторического движения под воздействием господствующих идеологических концепций.

Поскольку идеологической духовной доминантой нашей эпохи является политика, политическое сознание,² сама культура обретает политическую определенность и не может рассматриваться как сугубо автономное явление. Политическая определенность культуры как национального, так и интернационального уровня предстает двояким образом: во-первых, в форме культурной политики, во-вторых, в форме общей политической культуры. Эти формы соотносятся друг с другом и имеют свое общее основание на уровне демократического развития наций и народностей, советского народа в целом.

Конспективное рассмотрение проявлений процесса интернационализации в основных сферах общественной жизни показывает, что эти проявления как будто развиваются на автономных основаниях, хотя теоретически предполагается и общая детерминирующая роль производительных сил. Очевидно, что дело заключается не в недостаточности теоретического проникновения в предмет исследования (что отчасти тоже имеет место), а в действительной, объективной неоднозначности взаимосвязей процессов социального движения.

Выше уже отмечалось, что экономика сама по себе непосредственно не определяет путей культурного, социально-политического, правового, нравственного и прочего развития.

¹ Что касается юридической, политико-правовой точки зрения, то она пока стоит на позициях узкого понимания культуры. Законодательное регулирование культуры традиционно включает в себя народное образование, физкультуру и спорт, собственно культурные учреждения. (Система советского законодательства. М., 1980. С. 121-122).

² Культура – человек – философия: К проблеме интеграции и развития... С. 48.

Она создает лишь определенные условия, в рамках которых осуществляется их относительно самостоятельное движение. Следовательно, рассмотрение процесса интернационализации только через экономическую причинную обусловленность не является в настоящее время оптимальным. Очевидно, необходимо выявить сущность интернационализации как единого процесса, включающего экономические, социально-политические, духовные и иные проявления в качестве своих моментов. Названные проявления – это лишь особые формы эмпирического проявления процесса интернационализации, сущность которого несводима к их сумме.

Указание на путь к раскрытию имманентной сущности процесса интернационализации мы находим у К. Маркса: «Точка зрения старого материализма есть «гражданское» общество; точка зрения нового материализма есть человеческое общество, или обобществившееся человечество».¹ Социалистическая интернационализация по своей сути есть процесс обобществления социальной и межнациональной жизни людей на началах и в формах, обеспечивающих свободу их развития.

Осуществление этой свободы не есть простое следствие расширения и интеграции социальных и национальных общностей, независимое от способа объединения и характера социально-культурного развития образующих эти общности индивидов. В равной мере оно не есть лишь только акт расширяющегося теоретического сознания, мысленно включающего себя во всеобщую взаимосвязь мира людей и мира природы. В истории всегда «внутренняя природа» людей, их сознание соответствовало определенному способу их объединения. И даже тогда, когда казалось, что общество основано на «внешнем принуждении», «внутренняя природа» людей соответствовала этому «внешнему принуждению».²

Вот почему конституирование «внешней» политической общности, «внешнего» объединения индивидов – национального, межнационального или даже общечеловеческого

¹ Маркс. К., Энгельс Ф. Соч. Т. 3. С. 4.

² Там же. Т. 3. С. 484.

уровня – не рассматривается в марксизме в качестве идеального состояния и практической цели. К. Маркс, формулируя проблему перехода от точки зрения «гражданского общества» к точке зрения «человеческого общества», связывает ее решение с практическим изменением мира «внешней природы» (сфера производственной деятельности человека) и мира «внутренней природы» (сферы его общественных отношений). И в том и в другом случае деятельной практической силой, которая изменяет как «органическое тело природы», так и «неорганическое тело цивилизации», в том числе и ее общественные формы, являются индивиды. Разумеется, не абстрактные индивиды абстрактного рода «человек», а индивиды, принадлежащие к определенной общественной форме – национальной, политической и т. д.

Необходимо поэтому подчеркнуть, что интернационализация не есть некий безличностный процесс, на объективной основе которого осуществляется субъективная социально-культурная, политическая, нравственная, эстетическая и иные формы интеграции национальных и иных общностей людей. Она не есть некая самостоятельная сила, с проявлениями которой необходимо лишь считаться как с объективной данностью. Другое дело, что интернационализация в той форме, как она проявлялась на начальных этапах развития (и проявляется отчасти и сейчас), не всегда осознавалась в ее «человеческой» сущности и рассматривалась лишь как некий симптом всеобщей связи исторического развития народов, обнаруженный в ходе развития их производительных сил.¹

Действительно, именно в развитии производительных сил как всеобщего способа отношения мира человека к миру природы эмпирически зримо обнаружилась всеобщая глубокая связь людей, несмотря на существенные различия национальных и локальных культур, идеологических форм, механизмов и норм взаимодействия и т. д.

Вместе с тем интернационализация общественной жизни в качестве объективно-исторического процесса в ходе развития

¹ Маркс в данном случае говорит о стихийно развившемся разделении труда между различными нациями (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 3. С. 45).

все более определялась сознательной целенаправленной деятельностью. Характер и формы этой деятельности обуславливаются в конечном итоге содержанием общественно-экономического и политического строя. Этот процесс порождает либо действительные формы человеческой коллективности, либо ее суррогаты в зависимости от господствующих в обществе сил. Рассматривая историю как процесс развития производительных сил и самих индивидов, Маркс говорит вместе с тем и о развитии связного ряда форм общения, которые являлись историческими условиями самодеятельности индивидов.¹

Социалистическая интернационализация есть процесс создания таких условий самодеятельности индивидов различных национальностей, при которых форма их объединения будет видоизменяться в зависимости от всевозрастающей степени сознательного взаимодействия их как свободных индивидов. Это, в частности, означает преобразование внешнего характера политического объединения, политической власти, преодоление всех ограниченных форм общения и переход к такой форме самоорганизации, при которой деятельность индивидов как субъектов культурно-исторического процесса все меньше будет определяться безличными социальными силами и, следовательно, выступит как их самодеятельность. Политический акт завоевания власти пролетариатом был актом интернациональным как по своей сущности и целям, так и по конкретным формам проявления (организация власти в форме Советов и федеративное объединение национально-государственных форм бытия многонациональной страны).

В этих взаимосвязанных формах было зафиксировано исходное политическое единство многонационального общества и запрограммировано общее направление социальной и межнациональной интеграции общества в ходе социалистического строительства.

В существующих исследованиях этих процессов зафиксировано положение, согласно которому социалистическая интернационализация сопровождается усилением политического единства общества.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 3. С. 73.

Это общее положение интерпретируется далее в понятиях интернационализации собственно политических отношений, интернационализации государственно-правовой жизни, интернационализации национальной советской государственности и др., которые также определяются через категории «единство», «общее», «общность». Таким образом, понятие «интернационализация» в сфере политико-правовых отношений фактически отождествляется с понятием процесса развития и укрепления политико-правового, государственного единства советского народа, составляющих его наций и народностей.

Такой взгляд отражает действительную тенденцию развития советского общества и его политико-правовой надстройки, отражает существенное в рассматриваемом процессе и фиксирует совпадение его различных определенностей. Но это совпадение не означает их абсолютного тождества, отсутствия различий, а, напротив, предполагает необходимость последних.

Интернационализация, понимаемая вообще как процесс развития связей, становления общности жизни объективно существующих относительно обособленных автономных человеческих общностей, и прежде всего общностей национальных, отправным моментом своего движения имеет факт «известной автономности» названных локальных общностей, связь между которыми и осуществляется как закономерность их же развития, самодвижения, преодолевающего границы их собственного бытия. Интернационализация, следовательно, имеет место только там и тогда, где и когда существует соответствующая данной исторической ступени развития народов определенная целостность и самостоятельность национальной жизни, определенная свобода.

Таким образом, очевидна необходимость определения меры свободы и зависимости индивидов в их групповом, национальном, межнациональном и ином бытии, реальных практических путей их интеграции на расширяющейся основе свободного развития. Определение названной меры, разумеется, также не является как актом чисто теоретической деятельности, так и актом субъективных желаний, субъектив-

ного выбора. Субъект воспринимает свою принадлежность к определенной нации, народу, государству как данность, объективность, требованиям которой он вынужден подчиниться. В них же он находит меру своего подчинения и меру своего свободного усмотрения. Они и выступают исходным пунктом его собственного развития, его «самоопределяемости».

Самоопределяемость индивида в качестве акта общественного отношения всегда осуществляется, таким образом, в определенной общественной форме, через взаимодействие с общностью, к которой он принадлежит. Принадлежность индивида к исторически определенной форме общества как исходный пункт освоения им своей «родовой сущности» обуславливает его деятельное, практическое отношение к миру. И именно это практическое целеполагающее отношение позволяет ему раздвигать первоначальные границы и формировать отношения в соответствии со своей развитой сущностью. Таким образом, формируется общность, членом которой является определенный индивид, общность, соответствующая его сущности, характеру и уровню его развития. В этом процессе взаимной определяемости и взаимополагаемости индивида и общества и заключается источник развития человеческих общностей, преодоления локальных ограниченных форм национального и иного частичного бытия людей.

В эту картину существенные поправки вносит факт неравномерного развития индивидов и соответственно факт одновременной принадлежности их общностям различного уровня, существования различных форм и способов организации их взаимодействия. Таким образом, индивиды в одном отношении, в одной общности (семья, класс, нация, партия и т. п.) выступают как субъекты, а в другом – в качестве управляемых членов, в качестве «объектов» деятельности, влияния и т. д. Обозначенная противоречивость существования и сущности индивидов находит и более общие формы выражения в отношениях тех общностей, к которым они принадлежат.

Поскольку историческое развитие предстает как процесс формообразования человеческих общностей, характер общности высшего исторического типа определяет и характер отношений сохраняющихся иных форм развития индивидов,

модифицирует их. Наиболее важным здесь является вопрос о характере и мере внешней детерминации и внутренней самоопределяемости в развитии общностей и индивидов, причастных к движению этого «связного ряда общностей» и включенных в той или иной мере и форме в общность высшего исторического уровня.

Существующие разноуровневые общности (нации, народности, национальные, этнические группы) включаются в интегративную социальную полинациональную организацию сегодня через политическую систему. Общим принципом ее функционирования является демократический централизм, то есть такой способ организации народовластия, при котором осуществляется объективно обусловленная мера самостоятельности функционирования различных разноуровневых общностей и мера их подчиненности целям и интересам общего развития. В этой мере находит свое отражение качественная и количественная определенность взаимодействующих общностей и составляющих их индивидов.

Политический смысл и суть этой качественной определенности заключается в характере внутренних и внешних взаимосвязей рассматриваемых общностей. То есть вопрос состоит в том, насколько эти взаимосвязи являются органичными, внутренне детерминированными их развитием и в какой мере сохраняются потребность в их внешнем обеспечении, внешняя необходимость соединения. Или (если рассматривать его более конкретно) насколько реально (в количественном выражении) индивиды, составляющие локальные общности, поднялись до уровня практического осознания и практического включения в деятельные отношения интегрированной общности и интересы какой части этого множества не выходят за рамки функционирования данной локальной общности.¹ Здесь находится та объектив-

¹ В имеющихся научных исследованиях проблема эта рассматривается как соотношение интернационального и национального в различных сферах и на разных уровнях национальных отношений. (Социальное и национальное: Опыт этносоциологических исследований по материалам Татарской АССР. М., 1973. С. 38.). При этом установлено, что решающим фактором национальных и межнациональных ориентаций в конечном счете оказывается социально-профессиональная принадлежность (Там же. С. 296-298).

ная основа, которая обуславливает меру «политического» как межнационального, так и национального уровня. В соответствии с этой мерой определяются и определенные формы и методы политического регулирования, политического управления и самоуправления.¹

Управление и самоуправление выступают как два взаимопологающих начала функционирования всех социальных общностей, различных исторических их форм и уровней. Взаимодействие этих начал в соответствующей мере и форме представлено и в функционировании рассматриваемой нами межнациональной формы общности. Однако их основания не идентичны, генетически не однопорядковы. Если в первом случае основание дано в характере преимущественно непосредственных межличностных связей, то во втором – в связях, опосредованных соответствующими формами общностей, способами их организации, иерархией их внутренних отношений, т. е. связях преимущественно институциональных.²

Характер и способ названного опосредования определяются, таким образом, уровнем развития интегрирующих основных общностей (в данном случае – наций и народностей),³ но не всецело зависят от них. Относительная независимость и «самоопределенность» развития межнациональных объединений имеют своим основанием качественно иной, высший уровень обобщения интересов и целей совместного развития, и они обретают соответствующие силы и ресурсы в самих же интегрирующих общностях, в их индивидах и объединениях.

И может создаться представление, будто интеграция, объединение является целью развития всех предшествующих и в данном случае национальных форм общностей. Такое представление опасно тем, что в нем нижеуровневые общности поневоле воспринимаются в качестве «средства» достижения

¹ Поскольку национальные ориентации всегда имеют свой социальный эпицентр, вопрос о социальной мобильности (т. е. о способности и возможности социального продвижения и т. п.) различных национальностей является важным аспектом национальной политики.

² Социальное и национальное: опыт этносоциологических исследований по материалам Татарской АССР. С. 7 и др.

³ Бромлей Ю.В. Очерки теории этноса... М., 1983.

каких-то высших целей. При таком понимании нации и народности рассматриваются под углом зрения развития материальной, социальной, культурной, политической и прочей деятельности, имеющей лишь общее, а не субъективно-значимое значение. Между тем цель и общий смысл интеграции, интернационализации принципиально иные. В марксизме наиболее общей и определяющей целью всех социальных движений и объединений выступает человек. Собственно коммунизм и есть общество свободно объединившихся индивидов в целях свободного развития и свободного общения.

С этой точки зрения представленное выше соотношение оборачивается таким образом, что такие «объективные основания» интернационализации, как производительные силы, экономические, социальные, институциональные, правовые, моральные и т. д. моменты, рассматриваются и предстают в их действительной ценности, то есть в качестве средств обеспечения развития свободной личности. Задача теории и практики состоит в том, чтобы находить приемлемые опосредующие формы связей многообразных общностей, формы таких связей, которые отвечали бы целям возвышения человека над ограниченностью его наличного бытия.

Марксизм исходит из понимания того непреложного факта, что человек должен практически выработать все свои связи и отношения к миру, все «нормы», «правила» и «институты» этих отношений. Ему нельзя их навязывать извне, какими бы ценными и значимыми они объективно не представлялись. Практическую выработку этих отношений можно ускорить внешним влиянием – политическим, нравственным, правовым и т. д. воспитанием, но отменить ее нельзя. Они останутся чужими, внешними для индивида, пока не будут распределены, освоены и преобразованы в его собственной практической деятельности и практическими отношениями.

В сфере межнациональных отношений такие явления более всего опасны: они могут породить представление о национальном развитии национальной жизни в узком смысле этого слова (и как крайнее его проявление – рецидивы этноцентризма). На современном этапе все усложняющиеся задачи в области социально-экономической жизни невозможно

решить без адекватного понимания общественных процессов, в данном случае без выявления реальных отношений многообразных, различающихся по характеру и уровню развития национальных, многонациональных и межнациональных общностей, составляющих интернациональную общность. В литературе в основном представлена позитивная сторона ее развития, и это необходимый момент в исследовании этого вопроса. Но такой подход не позволяет представить положение дел в полном объеме, здесь требуется анализировать негативные явления, вскрывать противоречия в действительном движении этой общности.

Особую вредность могут принести рецидивы национальной неприязни. Национальная неприязнь разрушительным образом действует на собственную нацию. И это неизбежно происходит в силу того, что при этом формируется общая модель негативного отношения ко всем, кто выходит за рамки национальных представлений и стереотипов.

В исследованиях, касающихся национально-государственных форм решения национального вопроса, значительное внимание уделяется проблеме национального самоопределения. Последнее при этом понимается как выбор нацией формы ее политического, государственного бытия, как свобода отделения, равно как и объединения. Иначе говоря, это акт решения нации, касающийся ее отношений с другими нациями. При этом, естественно, резюмируется, что это акт свободного выбора, который имеет значение основания как для настоящих, так и будущих отношений. Характер последних, таким образом, связывается с актом свободной воли нации, зафиксированной в определенный момент национального развития. Вместе с тем предполагается сохранение права самоопределения и на будущее.

Поскольку все нации и народности так или иначе самоопределились в рамках единого союзного государства, то вопрос о самоопределении в современных условиях как бы снимается сам собою. Об этом имеются соответствующие теоретические суждения, аргументы и т. д.

Представленная таким образом проблема действительно выглядит теоретически исчерпанной. Однако она имеет и

иную сторону, иной аспект, если ее рассмотреть в контексте развивающегося процесса интернационализации общественной жизни на основе углубления процесса демократизации. Проблема национального самоопределения смыкается с проблемой управления и самоуправления.

Взаимосвязь начал управления как специфического субъект-объектного (построенного по принципу: команда и исполнение) отношения и самоуправления как отношения субъект-субъектного присуща всем социальным системам. Конкретное же соотношение этих начал характеризует степень исторической развитости системы, поскольку ею определяются основные начала, способы и формы взаимодействия составляющих ее компонентов.

Усиление начал внутренней самоуправляемости компонентов и самоопределяемости их внешних отношений свидетельствует о том, что система вступила в развитую фазу своего становления. Названное соотношение определяющих начал, по существу, есть объективный показатель состояния субъективного или, точнее говоря, «субъектного» развития общества. Оно выражает меру того, насколько составляющие общество (нацию, народность, общность) индивиды стали субъектами социально-исторического процесса развития, равно как и процесса своего собственного становления в качестве самосознающих и самоопределяемых личностей. Оно фиксирует современное состояние дел в историческом переходе от «коллективного субъекта» к субъекту «индивидуальному».¹ Сама перестройка отношений социальной системы на коллективистских началах имеет своей необходимой предпосылкой развитие индивида как субъекта определяющих отношений. Без этого он столь же необходимо становится объектом вне его стоящего «субъективного начала».

Раздвоение объекта и субъекта власти в развитии социальной системы есть продукт и следствие разделения материальной и духовной деятельности, подлежащего историческому «снятию». Поскольку такое снятие не происходит в резуль-

¹ Маркс рассматривал господство «коллективного субъекта» как свидетельство неразвитости социальных отношений (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 3. С. 76-77).

тате волевого, субъективного решения, оно осуществляется опосредованно через развитие производительных сил как материальной основы совершенствования всей общественной жизни, в том числе и национальных отношений. Развитие производительных сил вместе с тем выступает и как основание интернационализации.

Это взаимодействие оснований имеет в качестве общего следствия тенденцию к усилению союзных начал в регулировании общих социально-экономических процессов.

Однако общие начала регулирования в демократической организации системы власти не тождественны началам централизации управления. Последние составляют лишь одну из сторон первых, причем ту сторону, которая связана преимущественно с областью развития производительных сил (область отношения к природе). Характер этих отношений предполагает необходимость концентрации общих усилий на выполнение общих задач.

Демократический способ обеспечения централизации совместного руководства опять-таки имеет в качестве своей основной, необходимой предпосылки в высокой степени развитую индивидуальность и коллективность. Ибо «сообщество профессионально-ограниченных людей органически не способно решить ту задачу, которую властно поставила перед человечеством экономика – задачу наладить непосредственно-общественное, планомерно-централизованное управление производительными силами в больших масштабах».¹ В самой экономике, таким образом, заложена необходимость выхода индивидов и их объединений из сферы «частных профессий» в общую сферу политики. Необходимость «всеобщего» выхода в последнюю вносит существенные поправки в само содержание централизации управления: в этом процессе должны быть отражены не только общие, глобальные интересы, но и интересы «местные», специфические. Многообразие различий в саморазвитии мест предполагает их самоуправление.

Выражением этой общей необходимости на высших уровнях организации государственного управления является

¹ Ильенков Э.В. Об идолах и идеалах. М., 1968.

тенденция расширения национально-республиканского представительства в общесоюзных органах. Эта же тенденция наблюдается в самых низовых звеньях в форме бригадного самоуправления. Именно здесь наиболее ярко проявляются как действительно демократические закономерности взаимосвязей общего и особенного, так и необходимость их развертывания во всей системе, во всех компонентах единого централизованного руководства.

Обозначенная общая тенденция вносит также существенные коррективы в характер современного собственно национального развития и межнациональных отношений. Прежде всего она проявляется в потребности повысить степень самоорганизованности нации как общности, усилить ее внутренние, непосредственные связи.

Предпосылкой и условием усиления непосредственных внутренних связей нации является углубление социалистической демократии, развитие ее непосредственных форм. Для постоянного же совершенствования этих связей нужны понимание их конечного смысла и цели и осознанная преобразующая деятельность всех и каждого. При этом выявляется необходимое сочетание общих и специфических интересов, конституирование их иерархий на каждом этапе развития общества. Утверждается конкретная определенность национального бытия, форма ее самоопределения как общности. Самоопределение нации с такой точки зрения предстает как постоянный процесс ее развития и самоосуществления в качестве общности на основе углубляющегося процесса интернационализации и демократизации общественной жизни. Процесс этот развивается в соответствующих формах организационно-политических и нормативных преобразований.

Самоопределение нации – понятие политическое. С изменением содержания политической жизни, политических отношений изменяется конкретно исторический и политический смысл его. Политическое самоопределение социалистических наций в период их становления понималось, по существу, как государственное самоопределение, как обретение особой формы собственно государственного существования и соответственно межгосударственных связей.

При самоопределении нации учитывались соответствующие государственно-правовые определенности: территориально-экономическая целостность, достаточная численность и компактность этноса, уровень его социально-классовой дифференцированности и организованности и др. Политико-правовые и социально-экономические основания нынешнего этапа строительства социализма обуславливают становление и утверждение более содержательных, более конкретных (в смысле развитости, всесторонности, полноты) форм самоопределяемости социалистических наций и народностей, всех этносов. Реализация потенциалов национальных общностей, потенциалов, направленных прежде всего на культурно-историческое творчество, создание гуманистических общественных отношений, сегодня опосредуется политической формой, значительно более содержательной, чем форма собственно государственная в узком смысле слова.¹

Система социалистической демократии, выраженная в организационно-нормативной форме как политическая система советского общества, выступает той универсальной на сегодняшний день формой, в которой как национальные, так и межнациональные общности всех уровней утверждают свою социальную, историческую, культурную определенность. Утверждение этой определенности в содержательном отношении есть акт национального и интернационального творчества, акт созидания мира собственно человеческих, гуманистических отношений, в которых постепенно преодолеваются все «внешние», «механические» формы определения регламентации, опосредования их сознательной жизнедеятельности.

В движении политико-правовых форм (институтов, норм, политических и правовых понятий, установок и т. д.), в «переходе» от собственно государственной организации к более широкой политической системе власти отражен ход целенаправленного изменения характера власти в нашем обществе. В нем учтены реальные изменения социального положения,

¹ Само формирование, становление общенародности социалистического государства предполагает «выход» за пределы собственно государственной формы, равной государственному аппарату, механизму государства. Государство из «механизма» перерастает в «организм» и в этом смысле становится государством «не в собственном смысле».

самосознания индивидов (личности) и их различных объединений, общностей в системе социальных отношений, социальных ценностей и притязаний.

В множественности форм социального и этнического бытия индивидов, форм их социальной деятельности и социальных отношений отражается многоуровневость и соответствующая «иерархичность» взаимодействующих социальных общностей. Выбор оптимальных путей и способов обеспечения единства этого многообразия - существенная проблема социально-политического регулирования. Усиливающееся в ходе интернационализации единство социально-этнических и иных общностей предполагает увеличение степени общности их задач и соответственно общности путей их решения. Даже внутренние проблемы развития этих общностей видоизменяются, приобретая более общий и в этом смысле межнациональный характер.

В этих условиях интернационализация политического и вообще социально-нормативного регулирования имеет тенденцию к определенной унификации, определенному однообразию форм и способов организационно-нормативного воздействия на отношения качественно различного характера и разных уровней обобщенности.

Данный процесс должен протекать в определенных, объективных границах, нарушение которых влечет неблагоприятные социальные последствия, самое очевидное из которых – появление множества бездействующих норм, формальных установлений и т. п. Наличие подобных фактов свидетельствует о необходимости решения проблемы, связанной с ростом социальной и политической пассивности определенной части населения, возникшей вследствие внешней, чрезмерной унифицированной зарегулированности этого процесса.

Чрезмерная внешняя регламентация отношений, поведения ведет к угасанию внутренней потребности активно определять себя в качестве субъекта данных отношений. Последний «привыкает» к роли объекта внешнего воздействия. Тут возникает реакция, в которой сочетается социальный скептицизм, равнодушие к общим делам с требовательностью к «со-

циально активному субъекту» относительно удовлетворения его собственных потребностей.

К крайним проявлениям этого момента относятся асоциальные формы реализации субъектом своих внутренних возможностей, в том числе и националистического характера. Последнее может проявляться в различных формах и на разных уровнях – от межнациональной неприязни на обыденном уровне до исторических исканий и интеллектуальных обоснований сугубо национальных и в этом смысле культурно-исторически ограниченных ценностей, норм и традиций и т. д.

Не менее сложны возможные проявления чрезмерной внешней унификации норм в условиях сохранения различий между многообразными общностями, в их системах ценностных ориентаций и соответствующего нормативного обеспечения. Подлинно социалистическая интернационализация предполагает не внешнюю унификацию, а внутреннюю интеграцию способов и форм межнациональной жизни на базе совместной деятельности по освоению мира природы и мира человека.

Необходимость выработки оптимального соотношения внешнего унифицированного регулирования и внутреннего процесса саморазвития и соответствующего ему формообразования (в том числе и «нормообразования») свидетельствует о том, что интернационализация общественной жизни существенно усложняет функционирование правовой надстройки советского общества на нынешнем этапе его развития.

Проведенное исследование вопросов государственного единства советского народа показывает, что содержание этого единства, предварительно определенное нами как особый способ совместного бытия советских наций и народностей, социальных классов социальных и этнических групп, находится сегодня на такой стадии своего исторического развития, которую можно охарактеризовать как переломную. Происходящие изменения содержания социалистической демократии, переход к интенсивному развитию ее непосредственных форм и социалистическому самоуправлению народа

выдвигают в качестве одной из основных проблем исследование процесса самоуправления на национальном уровне, на уровне социально-этнических и иных локальных общностей. Субъектами самоуправления, как нам представляется, становятся производственные компоненты социально-этнических общностей. Происходит содержательная перестройка политической основы нашего общества, заключающаяся в качественном изменении социального состава органов социалистического народовластия, принципов их функционирования, взаимодействия субъектов политической системы. Этот процесс предполагает постепенный переход от экономического самоуправления к самоуправлению социально-культурному на уровне социально-этнических общностей. Содержание такого самоуправления может быть раскрыто лишь в результате исследования проблемы соотношения государственного управления и народного самоуправления. Предваряя такие исследования, можно сказать, что советский народ сегодня приобретает качественно новые черты самоуправляющегося субъекта исторического развития, а социалистическое государство – свойства предвиденного В.И. Лениным полугосударства.¹ Последнее предполагает стадию перехода от управления как профессиональной функции особого слоя людей к самоуправлению как функции всех компонентов советского общества. Вопрос о конкретной мере соотношения начал социалистического управления и социалистического самоуправления советского народа становится сегодня узловым вопросом политико-правовой теории. Следовательно, подлежит переосмыслению вопрос о понятии и содержании государственного единства советского народа в новых условиях социально-экономического, социально-политического и социально-культурного переустройства нашего общества. Государственное единство советского народа в проведенном нами исследовании представлено преимущественно с позиций государственного понимания социалистической демократии и, соответственно, с точки зрения основных форм и функций советского федеративного государства. Сегодня данную проблему нужно ставить на базу более широкого и

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 33. С. 18.

более глубокого понимания социального и народного содержания социалистической демократии. В качестве существенного момента в него должно войти социалистическое самоуправление свободных и равных субъектов, образующих единый советский народ. Такая постановка проблемы непосредственно вытекает из исторических решений XXVII съезда КПСС.

РЕФОРМА ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ И ЗАДАЧИ УЧЕНЫХ АКАДЕМИИ НАУК КАЗАХСКОЙ ССР

НАУЧНЫЙ ДОКЛАД

Наша страна вступила в перестройку экономики с тяжелым наследием. Оно было еще более тяжким и мрачным в политической системе. Экономика оказалась в тисках предкризисных явлений, и в этом была повинна не сама экономика, основанная на социалистических формах собственности, а экономическая политика, т. е. определенные командные и управленческие узлы политической системы, занимавшиеся экономикой и определявшие направления ее развития. Какую бы область политики мы ни взяли, она формируется в недрах политической системы.

Перестройка, начавшаяся с радикальной реформы экономики, не могла не охватить и политическую систему. На третьем году перестройки радикальные преобразования политической системы стали ключевой проблемой. Они сегодня направлены на реконструкцию партийного и государственного аппарата, включая весь комплекс представительных органов, на создание правового государства. Пройдет еще немного времени, и коренное обновление национальных и межнациональных отношений выдвинется на первый план в реформе политической системы. Словом, перестройка выходит из митингового этапа и переводится на рельсы практических дел.

Реформа политической системы имеет ряд особенностей. Есть основание считать, что она будет проходить менее шумно, но более сложно, чем экономическая. Шуметь-то особенно сами про себя аппаратчики не станут. Она займет более длительное время, чем экономическая реформа. Она будет

проходить при негласном, но довольно сильном сопротивлении аппаратных работников, ибо укоренившуюся привычку командовать и принуждать менять не так просто, да и терять былую привилегию власти и управления вряд ли многие захотят. Противоречия между структурной реорганизацией и содержанием деятельности органов будут более острыми. Все это скажется, уже сказывается внутри самой политической системы и в ее деятельности, обращенной к обществу.

Если реформа политической системы будет проведена при неполной демократизации, ограниченной гласности, без недостаточной ориентации на волю и мнения масс, она не будет радикальной. Если коренное обновление политической системы будет осуществляться недостаточно энергично, последовательно, неполно, в полумеру, то перестройка в целом окажется под реальной угрозой срыва.

В политической системе большую опасность представляет узурпация власти, бюрократичивание государственных структур, административно-командный метод, основанный преимущественно на принуждении и на поддержании страха. Узурпация власти свидетельствует об отсутствии эффективного механизма контроля над единовластием. Так не раз было в многовековой истории. Социалистическое общество не составляет исключения. В то же время ни одно государство не может обходиться без различных вариантов единовластия, в том числе и советское общество. Поставить носителей власти под контроль народа, его представительных учреждений, под контроль закона, выражающего волю народа, — одна из основных задач политической реформы. В разработке механизма, обоснованной модели такого контроля ведущую роль должны играть ученые. Нельзя полагать, что эту задачу могут решить только в центре. Престиж общественных наук может быть восстановлен усилиями ученых Союза и союзных республик.

Я остановлюсь лишь на отдельных проблемах, в осмыслении и разработке которых могли бы принять участие ученые, в том числе нашей академии. Сегодня имеются благоприятные условия для дискуссии, споров, сравнения мнений без прежней боязни и страха за будущее, за последствия. Как отметил М. С. Горбачев, общественные науки «в наибольшей

степени пострадали от культа личности, бюрократических методов руководства, догматизма и некомпетентного вмешательства». ¹ Нелегко ученым-обществоведам перестраиваться, одолевая страх и привычный образ мышления и менять их на активность и смелость. Существует определенный вакуум в обществоведении. Его сейчас довольно активно и небезуспешно заполняет публицистика писателей и журналистов.

Проблема номер один, которой следует заняться ученым в первую очередь, – это проблема места и роли человека в политической системе, их взаимодействия. Перестройка по своему глубинному значению есть метод решения человеческих проблем и проблем советского человека. Мы и раньше, в периоды культа личности и застоя, не переставали произносить, что человек – самый ценный капитал и что цели социализма и интересы человека совпадают. Все это было, по меткому выражению М. С. Горбачева, «трибунными закливаниями». ² На деле мы имели: вместо демократических свобод – авторитарность, вместо народовластия – всевластие партийного и государственного аппарата, вместо уважения гуманистических ценностей – бесконтрольные массовые репрессии.

Человек оказался задавленным и обесцененным не в силу того, что такова роль человека в социалистическом обществе – деформированная действующая политическая система превратила администрирование и принуждение в свой главный метод обращения с людьми. Для нее человек был всего «винтиком», «фактором», простым исполнителем, больше средством политической власти, а не индивидуальностью. Как сказал об этом недавно в интервью один из бывших видных деятелей партии Б.Н. Ельцин: «Мы духовно задавили человека, он оказался под прессом дутых авторитетов, приказаний, непререкаемых распоряжений, бесконечного количества постановлений и т. д. Мы приучили людей к единодушию, а не единодушию». ³

¹ Правда, 1988. 5 июля.

² См.: Горбачев М.С. О ходе реализации решений XXVII съезда КПСС и задачах по углублению перестройки // Доклад на XIX Всесоюзной партийной конференции. М., 1988. С. 39.

³ Юрмала, 1988. 4 августа.

В.И. Ленин говорил, что нельзя людей «загонять в рай дубиной».¹ Как отмечает один из советских философов, Сталин, его окружение, его многочисленные последователи и ученики, которых немало и сегодня, видели в дубине и железе единственное средство управления народом на пути в светлое будущее.

В процессе стихии власти человек раздвоен: он может играть и активную созидательную роль, и активную саморазрушающую (пассивную) роль. Смысл реформы политической системы, проводимой сегодня в нашей стране, и состоит в том, чтобы создать условия для социальной и политической активности членов общества, добиться, установить гармонию и взаимозависимость между властью и с тем, на кого распространяется эта власть, т. е. человеком. Человек должен быть поставлен в такое положение, чтобы он смог умерить, ограничить эгоизм власти, а власть – защищать, охранять, стимулировать творческую энергию человека и масс и опираться на нее. Словом, нам нужна подлинная марксистская концепция человека, которую надо восстанавливать и развивать.

Важной научной и практической проблемой является интеллектуализация власти, без которой процессы гуманизации и очеловечивания управленческих систем останутся во многом мечтаниями. Ее значение вытекает из современных требований, во-первых, чтобы государственное управление носило научно обоснованный характер: во-вторых, чтобы работники партийного и государственного аппарата, в особенности в его командном и оперативном звеньях, осваивали компоненты нового мышления, быстрее освобождались от узкого практицизма, ограниченного профессионализма, кресельной амбиции; в-третьих, только творчески мыслящие, широко образованные интеллектуалы могут осуществить политическую реформу, сделать ее реальной. Недавно газета «Известия» в редакционной статье писала, что наш государственный аппарат «весьма искушен», умеет пускать пыль в глаза и прикрываться лозунгами перестройки.² Не должно быть ни у кого иллюзии в том, что вчерашние

¹ Ленин В. И., Поли. собр. соч. Т. 24. С. 294-295.

² Известия, 1988. 13 ноября.

«гвардейцы», воспитанные в атмосфере культа власти и насилия, в один день сдадут в архив свою суровость и дубинку, скорее всего многие их припрячут, чтобы пустить в ход в удобный момент.

Наряду с «проучиванием» старых работников аппарата надо открыть если не приток, то приход в управленческую систему власти интеллектуалов, людей новой ориентации, улучшить, усилить связь аппаратчиков с научной общественностью, сделать их контакт постоянным.

Политическая реформа проводится в многонациональном да еще и федеративном государстве. Это придает ей особый характер и своеобразие.

Я хотел бы сделать акцент на этом вопросе, ибо он практически важен, а в научном отношении актуален для нашей республики. Национальная политика – «самая сложная политика», ибо в ней «в тугой узел завязываются и экономические, и социальные, и духовные проблемы».¹ В этом плане национальная политика, можно сказать, это политика гения или коллектива ума мудрых. Правильное сочетание общесоциальных и национальных, общесоюзных и национально-территориальных интересов требуют выверенной и ювелирной логики, которая в свое время была под силу Ленину.

Дружба, братство людей всех национальностей и их единение – это фундамент, над созданием которого так упорно работал В.И. Ленин. Это то, что входит в политическое завещание Ленина. Великий писатель современности Чингиз Айтматов в одном из выступлений образно и верно сказал: «...Легче восстановить Чернобыльскую АЭС, нежели допустить, чтобы возникла трещина в плотине интернационализма советских народов. Такое положение недопустимо, и оно пагубно, оно разрушительно для всех, для больших и небольших народов».²

Сегодня в повестку дня перестройки включено коренное обновление национальных и межнациональных отношений и выработка соответствующей этой задаче новой национальной

¹ Горбачев М.С. О практической работе по реализации решений XIX Всесоюзной партийной конференции // Коммунист, 1988, № 127. С. 12.

² Киргызстан маданияты, 1987. 17 декабря.

политики. К середине следующего года намечен созыв специального Пленума партии по национальному вопросу. Подготовка к нему уже началась.

А почему нужно коренным образом обновлять действующую национальную политику? Во-первых, национальная политика не изолирована от всех других отраслей политики, ныне подвергающихся радикальным реформам. Во-вторых, запущенность, деформации, серьезные перекосы в национальных отношениях и национальной политике не менее глубоки, чем в других сферах общественной жизни.

На XIX Всесоюзной партийной конференции устами ее делегатов было заявлено, что национальный вопрос «у нас один из запущенных» и что «одно из тяжких наследий культа – извращение ленинской национальной политики».¹ Во многом было выхолощено содержание интернационализма. Ряд важных идей Ленина по национальному вопросу или извращен, или предан забвению. Самовыражение наций часто подвдилось под крамольные статьи. Как заявил один из крупных ученых-государствоведов Н.П.Фарберов на недавнем Всесоюзном совещании,² были преданы забвению ленинские идеи, изложенные в его записках 1922 – 1923 гг. о великорусском шовинизме, о его месте в интернационализме.

В резолюции XIX Всесоюзной партийной конференции «О межнациональных отношениях» указывалось, что «современная национальная политика нуждается в глубокой научно-теоретической разработке».³ Ученым предстоит разобраться в историческом опыте разрешения национального вопроса в Союзе и союзных республиках. Необходимо также осмыслить, оценить с точки зрения перспективы практические шаги, осуществляемые в последние годы в регионах по оздоровлению национальных и межнациональных отношений.

¹ Из выступлений С. Г. Арутюняна, Б. И. Олейника // Правда, 1988. 1 и 2 июля.

² Горбачев М.С. О ходе реализации решений XXVII съезда КПСС и задачах по углублению перестройки. Доклад на XIX Всесоюзной партийной конференции. С. 25-26

³ Имеется в виду Всесоюзное совещание по проблемам Советского федерализма, организованное Институтом государства и права АН СССР в Москве 13 - 14 сентября 1988 г.

Как формирование новой национальной политики, так и разработка моделей и вариантов практической ее реализации требуют объединения усилий ученых и руководящих работников. Наступило время, когда ученые могут смело высказывать свои взгляды, критические суждения, не боясь амбиций, чиновничьего эгоизма управленцев.

Коренное обновление политики в сфере национальных и межнациональных отношений не означает выдумывание другой альтернативы. Оно означает вычленение не мнимого, а подлинного интернационального опыта истории, отбор всего оправдавшего, лучшего, хотя бы по крупицам, из прошлого. Оно означает нахождение оптимальных мер и вариантов развития национальных отношений, выражающих современные условия и перспективы развития наций и народностей СССР.

За последние годы в нашей республике реализуется ряд важных мероприятий, положительно сказывающихся на национальных и межнациональных отношениях. Они становятся предметом изучения и распространения в других республиках. К ним, в частности, относятся: создание новых организационных структур, занимающихся вопросами национальных и межнациональных отношений при партийных комитетах, при Верховном Совете Казахской ССР и во многих местных Советах; партийно-правительственные акты по улучшению изучения казахского и русского языка; по культивированию и внедрению двуязычия; открытие новых национальных школ и детских садов; включение в основные показатели производственных коллективов критерия интернационального воспитания; оценка руководителей и по знанию национальной политики. Эти и другие меры в определенной степени сняли напряжение в отдельных сферах национальных и межнациональных отношений в Казахстане.

Вместе с тем следует открыто сказать, что не все административные разработки и мероприятия, направленные на оздоровление национальных и межнациональных отношений в республике, были эффективными, а некоторые из них вызывают противоречивые толки. Если мы действительно хотим радикального обновления национальных и межнациональных

отношений в регионе в соответствии с целями и задачами перестройки, ученые обязаны сказать об этом. Не надо бояться вскрывать ошибки, даже новые перекосы, если они имеются в реальности. Мы должны помнить слова В.И. Ленина о том, что «пролетариат не боится признать, что в революции у него то-то вышло великолепно, а то-то не вышло. Все революционные партии, которые до сих пор гибли, гибли оттого, что зазнавались и не умели видеть, в чем их сила, и боялись говорить о своих слабостях».¹

Какие же это недостатки?

Из-за слабой продуманности и отсутствия обеспечивающей и корректирующей политики проблема двуязычия не только не дала ожидаемого эффекта, она фактически свернута, превращается во многом в лозунги. Спрос с руководителей за знание национальной политики и ее реализацию в руководимых коллективах заметно ослаб. В печати об этом уже нет упоминаний.

Осуществление идеи пропорционального представительства национальностей в управленческой системе из-за недостаточно продуманной организованной модели на деле вылилось в «процентную норму» национальности – сколько работников казахов и сколько русских должно быть в каждом органе. Копание в национальном составе, надоедливое напоминание о национальной принадлежности того или иного работника получили в последние годы довольно широкое распространение в республике. Эта кампания проводилась под видом необходимости устранения перекоса в кадровой политике и распределения кресел в соответствии с национальным составом населения в регионе. Сошлемся на факты. Один из руководителей столичной парторганизации, выступая на пленуме горкома в конце 1987 г., сказал следующее: «...в кадровой политике не всегда должным образом учитывалась национальная структура населения города. Результатом подобных упущений стали явные диспропорции в представительстве кадров различных наций и народностей в выборных партийных, советских и других руководящих органах». В качестве иллюстрации приводились им следующие факты: на 1 января 1987 г.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 118.

в номенклатуре горкома руководители казахской национальности составляли 56%, а в составе населения города 22,5%; русских работников – 32%, а их удельный вес в составе населения города – 60 %. Аналогичная картина была и в местных Советах. Так, в аппарате горисполкома работало почти 53 % казахов и 36 % русских. В этом же духе в докладе был разобран процентный национальный состав работников горкома, районных комитетов комсомола.¹ Такая «процентная норма» содержалась в выступлениях многих первых секретарей обкомов партии. Мне по профессии ближе правоохранительные органы республики. Скажу прямо, указанный принцип распределения кресел по национальным признакам, направленный на уменьшение числа казахских работников, был проведен в системах прокуратуры, Министерства юстиции и МВД довольно активно. На республиканском совещании правоохранительных органов, состоявшемся в самом начале 1988 г., докладчик – ответственный работник ЦК Компартии Казахстана заявил следующее: «Большой вред нанесли авторитету правоохранительных органов грубые перекосы в национальной политике при подборе и расстановке кадров. Особенно это коснулось прокуратуры и милиции. Так, в ОБХСС, ГАИ, вневедомственной и пожарной охране две трети и более были лица казахской национальности. Не лучше дело обстояло и в учреждениях юстиции и прокуратуры, особенно в Алма-Ате».²

В процессе увлечения «процентной нормой» вопросы о деловых и политических качествах работников отошли фактически на второй план, на первый план выдвигалась их национальная принадлежность. «Процентомания» распространилась и на систему высшего образования и Академии наук, охватила все другие ведомства.

Во время распределения выпускников юридических факультетов Казахского и Карагандинского университетов и в 1987, и в 1988 гг. национальная принадлежность оканчивающих студентов имела определяющее значение. По прежней практике, принятой в союзном масштабе, первыми удовлет-

¹ Вечерняя Алма-Ата, 1987. 20 октября.

² Казахстанская правда, 1988. 9 января.

ворялись просьбы и желания отличников учебы. Так было раньше и в Казахстане. Теперь действовал здесь другой порядок: студент-казах со средней оценкой 4,6-5,0 баллов, проходя комиссию в числе первых, не попадал, например, в желаемую прокуратуру, а студент-неказах с оценкой – 3,5-3,8 баллов получал это место. Да и в разрядке, имевшейся у представителей прокуратуры, точно было указано количество выпускников по национальному признаку. На этой почве возникали нездоровые настроения среди молодежи.

Вызывают и вызывали серьезную озабоченность применяемые в республике методы регулирования социального и национального состава при приеме в высшие учебные заведения. Отбор абитуриентов в областях стал производиться открыто по национальной принадлежности, а при сдаче приемных экзаменов, в частности на юридических факультетах, да и в ряде вузов, наблюдалось разное отношение, разные подходы к абитуриентам казахам и неказахам только для того, чтобы выполнить процентную норму. Словом, и здесь «процентомания» пустила глубокие корни. Как все это можно назвать? Не является ли это деказахизацией аппарата в Казахской республике? Совершенно ясно, что при проведении такой политики не учитывается, что Алма-Ата – столица этой республики, что Казахская ССР является интеллектуальным центром казахского народа, и другие объективные факторы.

«Процентная норма» в кадровой политике и в образовании как средство, ограничивающее культурное и интеллектуальное развитие евреев, была в свое время сурово осуждена В.И. Лениным. Он писал, что такая «процентная норма» использовалась против евреев в самые мрачные периоды истории в России.¹

Святой обязанностью ученых является своими научными разработками служить укреплению единства советского народа, воспитывать их в духе интернационализма, верности ленинским заветам дружбы народов.

Социализм как социально-политическая система прошел суровое испытание, которое по тяжести понесенных людских

¹ См.: Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 23. С. 317; Т. 25. С. 14.

жертв вряд ли выпадало когда-нибудь на долю другой системы. В этих тяжелых условиях марксистско-ленинские идеи социализма, хотя были существенно деформированы, проявили свою колоссальную жизненность. Они сегодня не только живы, но по-новому деятельны и активны.

Вернуть социализм на тот путь, который был указан В.И. Лениным, – цель и задача радикальных реформ периода перестройки, реформ политической системы – в особенности.

Мы начинаем только сознать, да еще на уровне обыденных эмоций, всю глубину, значительность реформы политической системы, осуществляемой ныне в нашей стране. Историчность и эпохальность этого процесса до многих из нас еще не дошла. Это и объяснимо. В течение многих десятилетий мы слышали хорошие лозунги, заявления о реформах – и потеряли веру в них. Но сегодняшняя реформа, если она не будет заторможена и остановлена на полпути, вернет нам веру в светлые идеалы социализма.

С.З. Зиманов, К.З. Идрисов

**ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ВЗГЛЯДЫ
МУХАМЕДЖАНА СЕРАЛИНА**

В книге рассматриваются условия формирования, творческая биография и идеалы М. Сералина, его общественно-политическая деятельность в начале XX в. и после Октябрьской социалистической революции.

ВВЕДЕНИЕ

Одной из значительных фигур в истории общественно-политической мысли Казахстана конца XIX – начала XX в. является Мухамеджан Сералин (1872 – 1929). Тем не менее его жизненный путь и идеалы, становление как передового общественно-политического деятеля и этапы развития взглядов, легальная и нелегальная его работа в дореволюционный период и другие вопросы остаются весьма слабо, а частью вовсе не исследованными.

Это не означает, однако, что нет исследований о М. Сералине. О нем время от времени писали, но освещали в основном его литературно-художественную и журналистскую деятельность, а попытки рассмотреть взгляды и место М. Сералина в истории идейного движения в дореволюционном Казахстане, как правило, ограничивались рамками журнала «Айкап» (1911 – 1915 гг.), основателем и идейным руководителем которого он был. Таким образом, его общественно-политическая деятельность и воззрения сводились к этому журналу.

«Айкап» был в многовековой истории Казахстана первым национальным журналом, и на его страницах действительно поднимались вопросы социально-экономической и хозяйственной жизни края. В этом плане его историческое значение огромно и заслуги его как издателя значительны.

В то же время рассматривать М. Сералина, разностороннего, образованного деятеля только с позиции этого журнала явно недостаточно. Если судить по материалам, известным на сегодня, то литературно-художественная деятельность М. Сералина – не главное в его общественной биографии. М. Сералин написал небольшие поэмы «Топ жарган» (1900) и «Гулкашима» (1903) и перевел из Фирдоуси поэму «Рустем-Зораб», (1914)), а также несколько рассказов, написал три-четыре газетных очерка. Большинство этих произведений написано в ранние годы, когда он был учителем и увлекался идеями просвещения народа, как и многие другие молодые образованные местные интеллигенты того времени.

К тому же, хотя исследование литературно-художественного творчества М. Сералина, включая его деятельность как

журналиста, ведется сравнительно давно, и в этой области добиться существенного успеха еще не удалось. Многочисленные стихи, басни и памфлеты, написанные им в стиле социально-политической публицистики в годы революции 1905 – 1907 гг. и после нее, еще не найдены, а следовательно, не введены в научный оборот, ученые-филологи не вели активных поисков по их обнаружению. Другим общим недостатком изучения художественного наследия М. Сералина является то, что оно рассматривалось без должной связи с его общественно-политическими и моральными воззрениями. Этим отчасти объясняется, что Мухамеджан Сералин еще не занял достойного его места в истории казахского народа, в истории общественно-политической мысли и культуры Казахстана.¹

Мы также не ставим задачу всеобъемлющего рассмотрения общественно-политических воззрений М. Сералина, ибо ее невозможно решить в рамках одного исследования, а пытаемся лишь, опираясь на предыдущие работы и накопленный материал, частью найденный нами, воссоздать образ Мухамеджана Сералина в зрелые годы как носителя передовых и радикальных общественно-политических идей своего времени, рассматривать его практическую деятельность как воплощение этих идей в условиях дореволюционного Казахстана и после Великой Октябрьской социалистической революции. При этом мы, наряду с изложением, стремились не только дать свою определенную точку зрения, но и наметить направления в изучении мировоззрения и деятельности М. Сералина.

Политические взгляды М. Сералина, которые представляют основной предмет настоящего исследования, тесно связаны с другими сторонами его воззрений, и в первую очередь, с его мироощущением и мировоззрением. Исходя из этого и имея в виду более целостное познание его как деятеля, мы

¹ Парадоксально, но факт, что в Кустанайской области, где жил и работал всю жизнь М. Сералин, и даже в Комсомольском районе, где он родился и где покоится его прах, плохо знают своего земляка. Как писала республиканская печать, «в настоящее время во многих местах Кустанайской области в районе мало кто знает М. Сералина» (Социалистік Қазақстан. 1984. 13 мая; Коммунизм таны, 1970. 25 февраля).

уделили в работе значительное внимание процессу формирования его взглядов и факторам, во многом предопределявшим направление его идейной жизни и деятельности.

К освещению общественно-политических взглядов М. Сералина можно подходить по-разному. Один из подходов заключается в том, что, поскольку издателем журнала «Айкап» был Мухамеджан Сералин, то его идейно-политическая позиция может быть охарактеризована через содержание этого издания в целом. Так поступают многие, если не большинство исследователей: позицию журнала отождествляют с позицией М. Сералина.

Другой подход состоит в том, что общественно-политические воззрения М. Сералина всецело выводятся из его статей и трудов, опубликованных в официальной подцензурной печати дореволюционного Казахстана. Этот метод более научный, но он требует тщательного сопоставительного анализа, позволяющего раскрыть внутреннюю логику и мысли, остающиеся незамеченными при поверхностном чтении.

Отсутствие такого анализа характерно для многих исследователей, занимавшихся вопросами идейно-политических течений в дореволюционном Казахстане.

Нам представляется более рациональным в дополнение к первым двум подходам рассматривать общественно-политические взгляды М. Сералина через его нелегальные и практические действия, которые не всегда, а иногда и вовсе не укладываются в рамки его официальных печатных трудов. Такой подход ведет к более верному раскрытию внутреннего мира мыслителя, не всегда проявляющегося открыто в условиях колониального режима и отсутствия условий для свободного выражения мысли. Мы придерживались именно этого, последнего метода. Это не означает, однако, что мы таким образом сказали последнее слово, мы лишь стремимся преодолеть неполноту в оценке общественно-политических взглядов М. Сералина.

Некоторым работам присуще простое комментирование. Они пишутся по шаблону: берутся статьи М. Сералина, как правило, опубликованные в журнале «Айкап», и пересказывается их содержание. Анализ и оценка при этом делаются

просто: если есть призыв к переходу кочевника к оседлости и земледелию, то это прогрессивно, а если есть мысли о необходимости строительства мектебов и медресе при мечетях, то это – непрогрессивно. Если же есть в трудах М. Сералина оправдание каких-то сторон местного управления, бийского суда, адатного права, то это – реакционно, а если сплошь и рядом их поносят как отжившие органы, такое суждение объявляется «демократическим». Такая прямолинейность в оценках не имеет ничего общего с научно-историческим анализом. Поэтому не удивительно, что эти авторы, характеризуя тех или иных дореволюционных деятелей, больше оперируют определениями типа «консерватор», «клерикал», «реакционер», «панисламист» или «демократ», «просветитель», «революционер», не пытаясь серьезно разобраться в сути противоречивой эволюции их взглядов. Отчасти это можно отнести к издержкам периода культа личности и застоя.

Исследователями проделана определенная работа по выявлению и публикации новых материалов о дореволюционных казахских деятелях и изучению их общественной и политической биографии, творческой деятельности, конкретного вклада в духовную жизнь и культуру народа. Однако в основном это работы, посвященные Абаю Кунанбаеву, Чокану Валиханову и Ибраю Алтынсарину. Наследие многих других видных представителей общественной мысли дореволюционного Казахстана остается еще недостаточно, а в ряде случаев слабо исследованным. К последним относится и М. Сералин. Новые горизонты открываются теперь в связи со снятием запретов и обвинений с ряда крупных деятелей общественной мысли, таких как Шакарим Кудайбердиев, Ахмет Байтурсунов и др.

М. Сералин, как уже отмечалось, в литературе представлен в основном как журналист, поэт и основатель первого казахского национального журнала «Айкап» (1911 – 1915 гг.). Составление биографии, описание его жизненного пути и истории публикации двух поэм, а также подготовки издания журнала М. Сералиным – все это было сделано в основном учеными-филологами. Они же первыми назвали М. Сералина народным просветителем, просветителем-демократом.

Ни один исследователь истории культуры Казахстана и идейного движения не может обойти журнал «Айкап» как письменный памятник и источник сведений о различных сторонах жизни казахского общества, в том числе социально-экономической и идейно-политической. Попутно затрагивались, как правило, и взгляды М. Сералина, почти всецело определяемые его статьями, опубликованными на страницах журнала. Но, во-первых, они охватывают только небольшой отрезок времени – четырехлетнюю деятельность М. Сералина. Во-вторых, даже в рамках этого периода отражают не всю его общественно-политическую и идейно-творческую деятельность. В эти же годы М. Сералин сотрудничал с русскими и татарскими изданиями, где нередко высказывал более смелые и зрелые мысли, чем в журнале «Айкап». Даже с этой точки зрения изучать взгляды М. Сералина исключительно на основании журнала «Айкап» неправомерно. В-третьих, деятельность М. Сералина по изданию журнала «Айкап» и его статьи в нем выражают только одну сторону творчества просветителя, ту его часть, которая укладывалась в официальную политику царизма и не наносила ей вреда. Но куда более разносторонней, богатой, идейно глубокой и насыщенной была его неофициальная деятельность, происходившая за пределами журнала «Айкап».

В этой связи важно и нужно различать официальные выступления М. Сералина в журнале «Айкап» и его неофициальную, нелегальную и полуполигальную деятельность, а также рассматривать их в тесной взаимосвязи. Только такой подход позволяет раскрыть его идейно-политические позиции.

Одними из первых к личности М. Сералина обратились ученые-филологи К. Жумалиев и Е. Исмаилов. В книге, посвященной казахской литературе, они еще в 1946 г. указывали на то, что в Казахстане «появился ряд демократических поэтов-писателей. Одним из них был М. Сералин».¹ По их мнению, М. Сералин, наряду с С. Торайгыровым, С. Кубеевым, С. Донентаевым, А. Галимовым, Б. Отетлеуовым и М. Копеевым, является видным представителем дореволюционной

¹ Жумалиев Х., Ысмайылов Е. Қазақ әдебиеті. Алматы, 1946. 94-95-б.

демократической казахской литературы.¹ В «Очерках истории казахской дореволюционной литературы» Б. Шалабаева, изданных в 1958 г., М. Сералин характеризуется как «известный казахский журналист, публицист и поэт».²

С середины 50-х гг. в работах литераторов и историков, посвященных истории культуры, литературы и печатного дела в дореволюционном Казахстане, все больше стало уделяться внимания общественно-политическим взглядам М. Сералина. «Существенное место в казахской литературе после революции 1905 – 1907 гг., – говорится в одной из них, – занимали гражданские мотивы. Писатели призывали к ломке устоев старого, обветшалого патриархально-родового быта, ратовали за развитие всего нового, прогрессивного, за обновление жизни кочевого народа. Поэты, писатели, журналисты демократического направления считали своей основной задачей отображение реальной действительности. К таким демократическим писателям и поэтам относится и М. Сералин. В их творчестве получили отражение новые общественные идеи, народные мечты о светлом будущем.»³ Такой крупный исследователь истории дореволюционной казахской литературы, как И. Дуйсенбаев, на основе изучения художественного творчества М. Сералина пришел к выводу, что «он в своих поэмах стремился показать жизнь казахского народа того периода с реалистических позиций».⁴

Сбор и публикация воспоминаний ряда членов революционной социал-демократической ячейки, а затем – большевистской группы в г. Кустанае, в особенности С. С. Ужгина, в которых приводились данные о связях М. Сералина и других казахских передовых учителей с местными революционными организациями и их деятелями, подняли изучение общественно-политических воззрений М. Сералина на новый уровень. Историк Якунин в одной из статей, написанных в середине 50-х гг. отмечал, что М. Сералин в период револю-

¹ Там же. С. 96.

² Шалабаев Б. Очерки истории казахской дореволюционной литературы. Алма-Ата, 1958. С. 51.

³ Тойганбаев А., Жиреншин А. Книга, графика, плакат Казахстана. Алма-Ата, 1958. С. 28.

⁴ Үш ғасыр жырлайды. Алматы, 1965. 43-6.

ции 1905 – 1907 гг., как и некоторые другие передовые казахские интеллигенты, сочувствовал большевикам и относился к группе революционно-демократической казахской интеллигенции. «Сералин, – писал он, – являясь представителем революционно-демократической интеллигенции Казахстана, был горячим сторонником совместной борьбы казахских и русских трудящихся против самодержавия. Он пропагандировал в своих выступлениях идею дружбы между русским и казахским народами, звал казахов учиться у русских революционной борьбе, овладеть русской культурой, переходить к оседлости, заниматься земледелием».¹ С позиции участия в освободительном движении характеризовался М. Сералин и в первых изданиях очерков истории Компартии Казахстана. В них отмечалось, что в результате усиления революционной пропаганды в Казахстане после революции 1905 г. происходило «дальнейшее революционизирование казахской демократической интеллигенции. Ее передовые представители С. Кубеев, С. Мендешев, М. Сералин и многие другие активно участвовали в освободительной борьбе.

В своих произведениях этого периода М. Сералин обличал царизм, баев, буржуазных националистов, призывал к дружбе с русским народом».²

Указанные выше авторы не задавались целью изучения и освоения наследия М. Сералина, не ставили задачу специального рассмотрения его взглядов. Они высказывали свои мысли попутно, мимоходом, в связи с освещением других вопросов. Среди филологов, изучавших Сералина, особенно много сделал Б. Кенжебаев. В середине 50-х гг. вышла в свет его брошюра на казахском языке о М. Сералине,³ посвященная его журналистской и литературной деятельности. В ней дан краткий биографический очерк М. Сералина. Автор хорошо знал места, где родился и жил М. Сералин, встречался с его родственниками и современниками, использовал их рассказы и письменные воспоминания. В частности, в очерке

¹ Революция 1905 – 1907 годов в национальных районах России. М., 1955. С. 685.

² Очерки истории Компартии Казахстана. Алма-Ата, 1963. С. 38.

³ Кенжебаев Б. Журналист Мухамеджан Сералин. Алматы, 1957 г.

говорилось о том, что в период пребывания в г. Троицке с 1900 г. М. Сералин вел систематическое изучение социально-политической ситуации в стране и активно включился в общественную деятельность. «Он выписывал русские и татарские газеты и журналы, в свободное от работы время посещал библиотеки, читал разные книги, умножал свое знание, поднимал культурный уровень и одновременно готовил себя к литературно-творческой и социально-политической деятельности, с особым интересом знакомится с русской литературной классикой, увлеченно изучает историю казахов и казахскую литературу».¹

Б. Кенжебаев первым обратился к воспоминаниям старого большевика С. Ужгина. Он, в частности, приводит его высказывание о том, что в 1905 – 1907 гг. М. Сералин и С. Кубеев были связаны с местной социал-демократической организацией, по ее заданию переводили на казахский язык и распространяли среди казахов революционные листовки и обращения.

По словам исследователя, падение царя в феврале 1917 г. было встречено М. Сералиным как нечто неминуемое и с большим энтузиазмом. Анализируя журналистскую деятельность М. Сералина в период редактирования им журнала «Айкап», автор приходит к выводу о том, что он придерживался демократическо-просветительского направления, являлся «видным общественным деятелем, журналистом и поэтом казахского народа начала XX века».²

В монографическом исследовании, посвященном казахским писателям-демократам начала XX в., одну из глав Б. Кенжебаев посвятил Мухамеджану Сералину.³ В ней впервые дан обзор взглядов на деятельность и идейную позицию М. Сералина. Автор справедливо критикует бытовавшее в литературе 20-х гг. мнение о том, что М. Сералин и его журнал «Айкап» придерживались «колониаторской и русификаторской» политики в Казахстане, и обвинения его в националистических

¹ Там же. С. 4.

² Там же. С. 37.

³ Кенжебаев Б. Қазақ халқының XX ғасыр басындағы демократ жазушылары. Алматы, 1958.

и религиозных устремлениях. Причем и те и другие противопоставляли журналу «Айкап» газету «Казах», объявляя последнюю подлинно народным органом.¹

Эти несправедливые оценки, ошибочные взгляды, пишет Б. Кенжебаев, оказывают еще заметное влияние на некоторых исследователей, участвующих в дискуссиях 50-х гг. по вопросу журнала «Айкап».² Одни из них продолжают оценивать дореволюционную деятельность М. Сералина как реакционную и буржуазно-националистическую, а другие, наоборот, считают его прогрессивным деятелем, демократом, просветителем. Сам автор занимал в то время осторожную позицию. «Оба эти взгляда, – пишет Б. Кенжебаев, – страдают односторонностью, построены на преувеличенной оценке фактов. Поэтому нельзя сказать, что полностью правы первые и неправы вторые».³ Если сопоставить слабость, недостатки и ошибки во взглядах М. Сералина с его положительной, полезной деятельностью, то, по мнению автора книги, «более весомым представляется прогрессивное, демократическое просветительство в его действиях и взглядах».⁴

В последующих работах Б. Кенжебаев уже твердо называл М. Сералина «демократом-просветителем» в журналистской и литературной деятельности.⁵

Начиная с 60-х гг. стали появляться работы философов, историков и юристов, посвященные общественно-политической и философской мысли Казахстана XIX – начала XX в. Одним из основных был вопрос о месте и роли журнала «Айкап» в идейном движении дореволюционного Казахстана. При этом авторы не могли не говорить о М. Сералине – основателе и редакторе этого журнала, многие статьи которого, можно сказать, определяли основное его направление.

Несколько работ по истории общественной мысли дореволюционного Казахстана написал К.Б. Бейсембиев. К

¹ Там же. С. 84-85.

² Кенжебаев Б. Қазақ халқының XX ғасыр басындағы демократ жазушылары. Алматы, 1958. 85-б.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Кенжебаев Б. XX ғасыр басындағы қазақ әдебиеті. Алматы, 1976. 108-б.

сожалению, в них в наибольшей степени отразились особенности периода догматизма и необъективности, приклеивания ярлыков и отнесения того или иного деятеля к двум противоположным лагерям в местах критического осмысления их жизненных путей, нередко противоречивых. В монографии, посвященной идейно-политическим течениям в Казахстане конца XIX – начала XX в., около 100 страниц автор отвел освещению позиций газеты «Казах» и журнала «Айкап», издававшихся на казахском языке почти одновременно. Однако и оценка социальной и идейно-политической направленности этих журналов подменяется пересказом их содержания с акцентами на мелких и второстепенных вопросах. Собственно, идейно-политические вопросы, поднимавшиеся в этих органах печати, по которым и определилась суть их ориентации, затрагиваются в работе только вскользь.

Лишь однажды Бейсембиев упоминает имя М. Сералина в числе лидеров «казахского национализма, получивших из рук Временного правительства высокие должности» и как участника съезда казахского населения Тургайской и Уральской областей, состоявшегося в апреле 1917 г.¹ В другой его книге, увидевшей свет через четыре года после указанной, рассматривались те же вопросы, что и в первой, но только в несколько иной постановке. Один из трех разделов целиком был посвящен журналу «Айкап». В нем М. Сералину как основателю и редактору этого журнала и автору ряда статей уделено определенное внимание. В этой книге К.Б. Бейсембиев пересматривает свои прежние оценки деятельности М. Сералина. «Буржуазные националисты полагали, – отмечает он, – что за ними пойдут М. Сералин, Ж. Сейдалин, Б. Каратаев, которых они, надеясь на это, пригласили на съезд».² Разбирая только поэмы «Гулькашима» и «Топ жарган», написанные М. Сералиным в начале века, К. Бейсембиев приходит к выводу, что М. Сералин «еще до издания «Айкапа» пропагандировал прогрессивные идеи, критиковал патриархально-феодалные

¹ Бейсембиев К.Б. Идейно-политические течения в Казахстане конца XIX – начала XX века. Алма-Ата, 1961. С. 335.

² Бейсембиев К.Б. Прогрессивно-демократическая и марксистская мысль в Казахстане начала XX века. Алма-Ата, 1965 № С. 14.

предрассудки, выступал за свободу личности, против феодального деспотизма».¹ Однако для таких ответственных и больших обобщений указанные поэмы, посвященные узкой семейно-бытовой, полусказочной тематике, не давали решительно никакого основания. Характеризовать М. Сералина как поборника «за свободу личности» и борца «против феодального деспотизма» в тот период, когда он после окончания русско-казахского училища лишь начинал жизнь, по меньшей мере, поспешно. Основной заслугой М. Сералина в период его работы в «Айкапе», по мнению К. Бейсембиева, было то, что он стоял за решительный отказ от отживших форм хозяйства, стремился доказать, что при создавшемся положении необходимо оседание казахского населения. И тут автор слишком категоричен. Не может быть, чтобы М. Сералин и айкаповцы стояли за переход всех кочевников к оседлости.

Выражая свое отрицательное отношение к Ч. Валиханову и М. Сералину за то, что первый в свое время выставил однажды свою кандидатуру на должность волостного правителя, а второй считал «выборное начало в степи положительным явлением», К.Б. Бейсембиев утверждал, что они не понимали классовой сущности административно-выборной системы в Казахстане, идеализировали вообще выборное начало, рассматривали его абстрактно, вне связи с господствующими социально-экономическими отношениями.² Такая же прямолинейность рассмотрения вопроса вне связи с конкретно-историческими условиями казахского общества того времени характерна и для его оценки бийской судебной системы.³ Исходя из своей абстрактной формулы о том, что суд биев вообще являлся в дооктябрьский период «сильнейшим тормозом на пути прогресса общества» и якобы была доказана «гнилость этого юридического учреждения», ставил в упрек М. Сералину то, что он стоял за реформу и совершенствование местной судебной системы вместо ее разрушения.

¹ Там же. С. 17.

² Бейсембиев К.Б. Очерки истории общественно-политической и философской мысли Казахстана. Алма-Ата, 1976. С. 66-67.

³ Там же. С. 74.

Серьезные методологические и фактические ошибки, допущенные К.Б. Бейсембиевым при освещении истории общественной мысли и идейного движения в дореволюционном Казахстане, не остались незамеченными. Утверждение К. Бейсембиевым того, что в дореволюционном Казахстане существовало несколько оформившихся идейных течений, а именно: религиозно-мистическое, буржуазно-консервативное, прогрессивно-буржуазное, народно-демократическое, - не отражает реальности. «Представить дореволюционное казахское общество, высокоразвитым в идейном отношении, нечего сказать, намерение благое. Однако нельзя отрывать от исторической действительности. Отдельные аморфные идейные образования, слабые веяния различного толка и оттенка, случайные суждения отдельных лиц нельзя выдавать за законченные общественные, отличные друг от друга идейные течения.»

По мнению М.С. Бурабаева, в своих работах К. Бейсембиев больше занят комментированием, изложением содержания статей различных газет, оставляя без выяснения вопрос, к каким партиям, классам, группам эти издания принадлежали. Одним из основных недостатков работ К. Бейсембиева он считает определение «воззрения этого важнейшего представителя народно-демократической интеллигенции (М. Сералина. – Авт.), исходя только из содержания редактировавшегося им журнала».

Следует заметить, что сам М. Бурабаев нередко преувеличивает революционность М. Сералина. Полагаясь на воспоминание С. Ужгина, хранящееся в партийном архиве республики, он делает вывод, что М. Сералин, как и С. Кубеев и Н. Иралин, «несли в казахские аулы смелое устное и печатное слово о необходимости революционной борьбы с царским самодержавием. Проводимая им агитация и пропаганда в аулах и селах способствовала объединению русских и казахских трудящихся в борьбе с царизмом, помещиками и капиталистами, и что в своих произведениях он бичевал царизм, баев, буржуазных националистов, призывал к дружбе с русским народом.

В книгах М.С. Бурабаева даны в основном правильные оценки идейной ориентации М. Сералина в годы издания им

журнала «Айкап» и установления связи с местными русскими революционными социал-демократами, под влиянием которых он поднимается на новый уровень в своей идейной зрелости.

Другую трактовку позиции М. Сералина в период издания им журнала «Айкап» дает Д.К. Кабдиев. По его мнению, в постановке хозяйственных и экономических вопросов журнал придерживался «крестьянско-демократической» позиции, а его издатель и основной автор М. Сералин по своим экономическим взглядам был «крестьянско-демократическим деятелем».¹ Такая оценка нам представляется субъективной, не подтвержденной историческими фактами.

В 1968 – 1970 гг. вышли книги С.Б. Бейсембаева «Ленин и Казахстан» и С.З. Зиманова «В.И. Ленин и советская национальная государственность в Казахстане». Первая работа носила историко-партийный характер, вторая больше охватывала политическую историю Казахстана с конца XIX в. до образования казахской советской государственности в 1920 г. включительно. В книге С.Б. Бейсембаева, написанной на базе большого числа документов партийных архивов, сказано, что М. Сералин в годы революции 1905 – 1907 гг. и некоторое время после нее был связан с кустанайской группой РСДРП, а позже стал одним из руководителей национально-освободительного движения в крае, слившегося с социалистическим движением в период подготовки и свершения Великой Октябрьской социалистической революции.² В монографии С. Зиманова журналу «Айкап» и самому М. Сералину отведено значительное место. Исходя из того, что просветительство и идеи просвещения народа как условие идейного пробуждения и национально-освободительного движения отсталого в своем развитии казахского народа имели общенациональное значение в конце XIX – начале XX в., было показано, что М. Сералин и основанный им журнал «Айкап» занимали в идейной жизни общества передовые позиции.

¹ См.: Кабдиев Д.К. Развитие экономической мысли в Казахстане (конец XIX – начало XX вв.). Алма-Ата. 1978. С. 31-67.

² См.: Бейсембаев С. Ленин и Казахстан. Алма-Ата 1968. С. 55, 62.

«Общенациональные идеи просветительства, – говорилось в ней, – одолевали и М. Сералина, представлявшего более трезво мыслящую группу национальной интеллигенции».¹

Оценка идейно-политической и общественной деятельности и воззрений М. Сералина дана в различных изданиях «Истории Казахской ССР». «История Казахской ССР» 1943 г. отличается от других изданий качеством методологии и глубиной содержания, тщательностью анализа и глубиной оценки исторических событий, широкими обобщениями фактов. Во многом это связано с тем, что в ее составлении принимал непосредственное участие ряд крупных советских историков, эвакуированных в годы войны в столицу Казахстана – академики Б.Д. Греков, А. Панкратова, И.И. Мещанинов, доктора наук М.П. Вяткин, С.В. Юшков, А.Н. Бернштам, С.Е. Малов и др. Этот труд, несмотря на ряд последующих изданий истории Казахской ССР, в том числе и многотомного, не потерял научного значения и по сей день. В нем, можно сказать, впервые была дана реалистическая оценка идейных позиций журнала «Айкап» и его издателя Мухамеджана Сералина. «Наиболее широко демократические писатели и журналисты использовали для своих выступлений страницы журнала «Айкап», – говорится в «Истории Казахской ССР» издания 1943 г. Привлеченные к участию в журнале передовые казахские поэты, писатели, сельские учителя, «поднимая самые актуальные для казахского народа общественно-политические вопросы.., способствовали росту национального самосознания казахского народа».²

В «Истории Казахской ССР» издания 1957 г. М. Сералин отнесен к группе дореволюционных казахских писателей и поэтов демократического направления. Его деятельность в журнале «Айкап» и газете «Степь», являющаяся наиболее зрелым этапом в жизни М. Сералина, характеризовалась следующим образом: «Несмотря на существенные мелкобуржуазные, иногда даже националистические ошибки, в основном

¹ Зиманов С.З. В.И. Ленин и советская национальная государственность в Казахстане. Алма-Ата, 1970. С. 41.

² История Казахской ССР с древнейших времен до наших дней / Под ред. М. Абдыкалыкова, А. Панкратовой. Алма-Ата, 1943. С. 369.

носила просветительский, демократический характер».¹ Весьма скромно и приглушенно говорилось о журнале «Айкап», основателем и издателем которого был М. Сералин. Правда, отмечалось, что он «оказал определенное влияние на развитие казахской общественной и просветительской мысли», ставил вопросы об отрицательной роли в обществе некоторых старых пережитков, поднимал на страницах журнала и экономические вопросы. «Однако эти вопросы, – сказано в ней, – как и многие другие, освещались противоречиво и с мелкобуржуазных позиций. На страницах журнала публиковались и статьи буржуазно-националистического, панисламистского характера».² К основным заслугам журнала отнесено то, что он, «как и другие периодические издания, а также творчество писателей-демократов, сыграл важную роль в деле формирования и дальнейшего развития казахского национального литературного языка».³

В последнем многотомном издании «Истории Казахской ССР» нет обвинения М. Сералина в «мелкобуржуазности» и «буржуазном национализме», но и нет сколько-нибудь ясной оценки его общественно-политической деятельности. Признается, что он был одним из основоположников казахской журналистики, и что «его деятельность на посту редактора журнала «Айкап», многочисленные публицистические статьи оставили заметный след в истории казахской литературы».⁴ Сам журнал «Айкап», отмечается в «Истории», имел «большое значение для формирования казахской культуры, и вокруг него собиралось большинство выдающихся писателей начала XX века».⁵

Ценным источником в исторических исследованиях являются воспоминания современников М. Сералина. Многогранность и сложность жизни, как правило, ускользают от истории, не находят отражения в официальных исторических документах, не отражены в них психология, переживания и

¹ История Казахской ССР. В 2-х т. Алма-Ата, 1957. Т. 1. С. 549.

² Там же. С. 557.

³ Там же.

⁴ История Казахской ССР с древнейших времен до наших дней. В 5 т. Т. Алма-Ата, 1979. Т. 3. С. 493.

⁵ Там же. С. 488, 489.

настроения, отношения людей, что очень важно при воссоздании духовного портрета исторических деятелей. И бесценным источником таких сведений являются обычно воспоминания современников, осваиваемые исследователем методами постижения истины.

Материалов о М. Сералине крайне мало. Нет даже более или менее выверенной и относительно полной его биографии, хотя прошло всего 60 лет после его смерти. Что касается области нелегальной, «неписьменной» деятельности М. Сералина, то о ней кое-что мы узнаем только из отдельных воспоминаний современников и близких к нему людей. Но и воспоминаний о М. Сералине мало. Их сбором никто не занимался, а теперь время упущено. Отдельные воспоминания о М. Сералине обнаружены нами в Институте истории, археологии и этнографии Академии наук Казахской ССР, в Институте истории партии при ЦК Компартии Казахстана, в Научной библиотеке Академии наук Казахской ССР, в Кустанайском областном музее, частью напечатаны в журналах и газетах. Все они написаны по личной инициативе авторов воспоминаний, в подавляющем большинстве без плана, с привлечением лишь некоторых биографических данных, с ознакомительной целью. Однако и эти сведения важны для исследователя и представляют определенную ценность для воссоздания исторической фигуры Мухамеджана Сералина.

Среди воспоминаний о М. Сералине особую ценность представляют записи С.С. Ужгина, лично знавшего и находившегося в тесной дружбе с ним с начала XX в. С.С. Ужгин работал с М. Сералиным в партийных и советских органах Кустанайской губернии в первые годы Советской власти.

Сохранилось несколько вариантов его воспоминаний, написанных в разное время. Каждое из них дополняет другое, уточняет, детализирует отдельные моменты деятельности М. Сералина. Очень важно, что в записях С.С. Ужгина описываются связи М. Сералина с местными русскими революционерами в 1905 – 1907 гг. и после, их встречи, диалоги, переход М. Сералина на революционную деятельность и периоды некоторого отхода от этой деятельности, сомнения и

разочарования в годы реакции. Только у С.С. Ужгина сохранились в его переводе на русский язык политические стихи М. Сералина, полные революционной страсти, написанные в предреволюционные годы и распространенные на двух языках среди казахского и русского населения региона. Они являются бесценными документами, воссоздающими образ М. Сералина как крупного общественно-политического деятеля дореволюционного Казахстана. С.С. Ужгин приоткрыл завесу жизни, полной энергии и движения, страстного борца за светлое будущее казахского народа. Он, можно сказать, второй раз открыл М. Сералина для истории.

Кем был С.С. Ужгин? Как много он знал о М. Сералине? Насколько можно доверять его воспоминаниям?

Семен Семенович Ужгин (1883 – 1957 гг.) рано включился в революционную деятельность. Еще в студенческие годы, в период обучения в Кустанайском русско-киргизском училище, установил связь с рабочими-станочниками Троицкой железнодорожной станции, участвовал в их борьбе. Эту связь с ними он сохранил и в годы революционной деятельности. С.С. Ужгин был инициатором объединения местных молодых учителей в нелегальную группу с противоправительственной ориентацией, а затем становится одним из руководителей первого кружка революционной социал-демократии, организованного на кустанайской земле в 1905 г. Он считался среди своих единомышленников наиболее образованным и подготовленным революционером-марксистом кустанайской группы РСДРП. После разгрома царской охранкой кустанайской группы РСДРП (1907 г.) С. Ужгин был сослан в Тобольскую губернию. В 1911 г., вернувшись из Сибири в родные места, он снова возглавил подпольную группу большевистской организации в Троицке. Однако вскоре его снова выслали из пределов уезда. С.С. Ужгин был активным участником февральской и Октябрьской революций 1917 г., входил в состав первого Кустанайского уездного Совета, образованного в январе 1918 г., занимал пост уездного комиссара юстиции. После оккупации уезда белогвардейцами в июне того же года С. Ужгин бежал на Алтай и воевал там в рядах партизанских частей с войсками Колчака. После освобождения г. Кустаная

от белогвардейцев он вернулся в родные места и до 1923 г. работал в партийных и советских органах Кустанайской губернии.

До Октябрьской социалистической революции С.С. Ужгин был профессиональным журналистом. Он работал в редакции дореволюционных газет левой ориентации «Степь», «Юг Тобола», «Приишимье», выступал со статьями, освещающими революционную борьбу рабочего класса в центре и на местах и направленными на пропаганду революционных идей. В марте – августе 1917 г. работал в газете «Новая жизнь», руководимой М. Горьким и выходившей в Петрограде, в 1923 – 1934 гг. – в московских газетах «Беднота», «Крестьянская газета».

С. Ужгин был страстным сторонником укрепления дружбы русского и казахского народов, его лучших и передовых представителей. С детства он общался с казахами, дружил с местными казахскими студентами и с молодыми учителями, хорошо знал аульную жизнь. Как и М. Сералин, он окончил русско-киргизское училище в г. Кустанае, только на два года позже, был одним из самых близких его друзей юности. С особым тактом и симпатией относился он к быту казахского народа, его трудовой части, любил казахский фольклор, собирал его и знакомил с ним русскую общественность. Ужгин в совершенстве владел казахским языком, что давало ему возможность переводить на русский язык произведения казахского фольклора. Переводил он и стихи М. Сералина, написанные им на казахском языке. После Великой Октябрьской социалистической революции, наряду со статьями на социально-политические темы, в газете «Степная заря», издававшейся в Кустанае, Ужгин опубликовал ряд материалов о культуре и устном творчестве казахов. Второй годовщине образования Казахской Советской автономной республики он посвятил специальную статью, в которой писал: «На скрижалях истории десятиmillionной нации огненными буквами высечены этапы молчаливой, но упорной борьбы киргизского (казахского. – Авт.) народа за свою независимость».¹ Об С.С. Ужгине можно говорить как

¹ Ужгин С. Шире дорогу // Степная заря. 1922. 3 октября.

о славном сыне двух народов – русского и казахского. Материалы С.С. Ужгина можно разделить на воспоминания, специально посвященные М. Сералину, на воспоминания о кустанайской группе социал-демократов, в которых содержались сведения о нем.

Им опубликована статья, рассказывающая об истории организации первых революционных кружков на кустанайщине и об их деятельности по пропаганде революционных, большевистских идей среди русского и казахского населения региона, о совместных революционных выступлениях против самодержавия.¹

Рукописные воспоминания С.С. Ужгина о М. Сералине имеют следующие варианты:

1. Странички о былом в Казахстане: о легальной и нелегальной деятельности М. Сералина (заметки бывшего подпольщика). Оригинал хранится в Кустанайском областном музее (объем 11 машинописных страниц). Они написаны в 40-х гг. по поводу выхода в свет в 1943 г. «Истории Казахской ССР». У автора заметок вызвало возражение положение о том, что «политическую позицию журнала «Айкап» нельзя считать последовательно демократической». Как говорилось в «Истории», «Айкап» опирался на некоторую часть молодой казахской буржуазии, в основном держал курс на народное просвещение и демократию. Но больших проблем классовой и политической борьбы он не ставил».² Эта, в общем, верная оценка была неправильно понята Ужгиным, который увидел стремление авторов книги приблизить Сералина к буржуазным националистам и панисламистам. Исходя из такого толкования, он доказывал ошибочность подобного взгляда, ставшего возможным, по его мнению, вследствие односторонности подхода к деятельности и наследию М. Сералина. С.С. Ужгин стоял на том, что нельзя сводить деятельность и взгляды М. Сералина к «комплексам журнала «Айкап», ибо это было легальным и подцензурным изданием. «Практика показала, – писал он, – что из этого источника черпаются

¹ Большевик Казахстана. 1946. № 1.

² История Казахской ССР с древнейших времен до наших дней, Алма-Ата, 1943. С. 369.

разноречивые, противоречивые друг другу мнения о литературно-политических взглядах М. Сералина, а между тем есть данные не только о легальной политической деятельности». Далее автор приводит факты, когда М. Сералин в 1905 – 1907 гг. и после занимался революционной пропагандой в казахских аулах, писал стихи, призывавшие трудящихся казахов к борьбе с самодержавием и баями в союзе с русским народом. На одном из собраний казахских учителей и молодой интеллигенции, состоявшемся в г. Кустанае в 1906 г., на котором среди них произошел раскол, М. Сералин твердо встал на сторону местной ячейки – русской революционной социал-демократии. В годы столыпинской реакции, рассказывал Ужгин, после 1907 г., в рядах казахской демократической интеллигенции и в части русских социал-демократов начались идейные шатания. Не избежал их и М. Сералин. Настроение этого периода он выразил в одном из писем, адресованных С. Ужгину, бывшему в ссылке в Сибири:

*Где-нибудь бы блеснул огонек,
Лишь один бы удался на радость денек...
Я пошел бы тогда к огоньку,
Поклонился бы земно деньку.
Каждодневно иду я огни
в эти выюжно-печальные дни...*

Интересны страницы воспоминания С.С. Ужгина, где дается портрет М. Сералина и излагается эволюция его взглядов на политические события в России и в Казахстане. В частности, приводятся слова М. Сералина: «Потеряв связь и общение с революционерами, лишился я твердой опоры своему уму, – признавался он в беседе с руководителем нелегальной большевистской группы в г. Троицке Самуилом Цвиллингом в 1916 г. – ...Теперь сознаю свою ошибку. Много наделал я таких ошибок, удаляясь от участия в революционной пропаганде, – настала пора кончить с блужданием. Помогите мне выйти из этого состояния».

2. Странички былого. «Айкап» – первый демократический журнал на казахском языке». Изложение носит спокойный

тон, поскольку, как указано в документе, в новом издании «Истории Казахской ССР» 1949 г., в отличие от прежнего ее издания, М. Сералин, С. Кубеев и Н. Иралин характеризуются уже «сочувствующими большевикам». Воспоминание написано для альманаха «Казахстан» в 1951 г., но опубликовано не было. Объем 27 машинописных страниц. Эта запись С. Ужгина намного отличается от приведенного выше воспоминания. Здесь подробно, с указанием имен и годов, описаны подготовка и начало издания журнала «Айкап», инициатором и руководителем которого был М. Сералин. Показаны помощь и поддержка со стороны русских политических ссыльных и местных русских социал-демократов, оказанные ими М. Сералину в его политическом взрослении и в реализации плана издания национального журнала. С. Ужгин как очевидец приводит содержание ряда бесед и диалогов между М. Сералиным и его русскими товарищами из местной ячейки РСДРП относительно форм и перспектив борьбы за насущные интересы русского и казахского народов, о необходимости укрепления дружбы между ними как условия успеха социального и национального их освобождения. По словам автора, политическая фигура М. Сералина не однозначна. Это было связано с тем, что, с одной стороны, М. Сералин был типичным представителем казахского народа, а с другой – он находился под влиянием русских революционеров, придерживавшихся высоких идеалов освободительной борьбы. «При всем этом, – писал С. Ужгин, – М. Сералин видел дальше своих (казахских) современников. В его нелегальных баснях и памфлетах, частью по сей день не найденных, в его личном, неизвестно где затерявшемся архиве... исследователи-историки литературы найдут ключ к пониманию всесторонней общественно-литературной деятельности Сералина по линиям использования легальных и нелегальных методов по пропаганде революционных идей».

3. Общественно-политическая деятельность М. Сералина. Оригинал хранится в Институте истории партии при ЦК Компартии Казахстана. Это воспоминание, наряду с некоторыми материалами и сведениями, вошедшими в приведенные выше варианты его записи, содержит немало новых подробностей,

дополняющих представления о творчестве и мировоззрении М. Сералина в периоды их знакомства. В самом начале рассказа автор говорит, что он близко знал М. Сералина более 20 лет, часто видел и общался с ним в 1905 – 1907 гг. и в период его ссылки в Тобольскую губернию переписывался. Личные встречи возобновились в 1911 г., когда он снова возглавил подпольную группу большевиков в г. Троицке. По утверждению С. Ужгина, М. Сералин один, а иногда вместе с С. Кубеевым и Н. Иралиным переводил на казахский язык прокламации и листовки, специально составленные для казахского населения ячейкой РСДРП. По мнению С. Ужгина, М. Сералин хотел этим продемонстрировать поддержку казахским населением борьбы русских революционеров и вместе с тем внести элементы революционности в сознание казахов, их трудовой части. Включено несколько стихов в переводе С. Ужгина, часть из которых не приводилась в предыдущих его записях. Сообщает он и подробности о прекращении издания журнала «Айкап» в 1915 г. По свидетельству С. Ужгина, это произошло не в результате недостатка средств, а в результате запрета царскими властями.

При всей ценности воспоминаний С.С. Ужгина о М. Сералине, нельзя воспринимать все, что им написано, без критического осмысления и проверки. В воспоминаниях нередко проступает стремление «осовременить» свои суждения, относящиеся к событиям начала века. Нельзя согласиться, в частности, с его положением о возможности «революционировать» отсталое казахское аульное общество методами, приемлемыми для русского фабрично-заводского населения. Не всегда приемлем с исторической точки зрения упрек М. Сералину в том, что он «отступил» от распространения в казахском обществе призывов и лозунгов русской революционной социал-демократии и избрал другой путь, по мнению М. Сералина, более соответствующий образу жизни и мышлению степного населения.

Сведения о Мухамеджане Сералине имеются в книге воспоминаний башкирского писателя Сайфи Кудаша.¹ С. Кудаш свидетельствует о том, что М. Сералин был одержим идеей

¹ Кудаш С. По следам юности (роясь в пыли годов). М., 1974. С. 457-459.

распространения знания среди казахской молодежи. Встреча писателя с Сералиным состоялась в период издания им журнала «Айкап». «В ходе разговора, – писал С. Кудаш, – он пожаловался на большие затруднения, связанные с выпуском журнала и на слабое его распространение в народе. Из-за чего он и вынужден выезжать теперь в деревни для привлечения новых подписчиков». В ходе беседы М. Сералин советовал башкирскому писателю: «Не ограничивайтесь одним лишь обучением детей грамоте, сейте в их сердцах семена любви к родному языку и литературе», – и на прощание произнес слова Акрама Галимова, рано ушедшего из жизни поэта, сотрудничавшего с ним в «Айкапе»:

*Не свернем с прямого пути,
Если надо, с честью умрем:
В этот мир добро принесем,
И в могилу с пользой сойдем –
Оправдаем хлеб, что едим,
Оправдаем воду, что пьем.*

В рукописном фонде научной библиотеки Академии наук Казахской ССР сохранились воспоминания Асылбека Ташбаева¹ под названием «Краткая биография М. Сералина». В ней, наряду с подробными биографическими данными приводятся некоторые детали налаживания издания журнала «Айкап», имена казахов, помогавших М. Сералину в распространении журнала среди аульного населения. Ценной является та часть воспоминаний, в которой говорится о дружбе М. Сералина с русским революционером Ашмариним, работавшим до революции землемером, а в первые годы Советской власти – в казахском революционном комитете в г. Оренбурге. Из этих воспоминаний можно сделать вывод, что их автор близко знал М. Сералина.

¹ А. Ташбаев (1896 – 1979 гг.) учился вместе с крупным казахским писателем Беимбетом Майлиным и вместе с ним в первые годы Советской власти основал сельскую школу «Өнеге мектебі». А. Ташбаев был ее первым директором.

В рукописном фонде Центральной научной библиотеки АН Казахской ССР хранятся воспоминания Жумаша Еленова «Биография М. Сералина», написанная им в 1947 г.¹ Они интересны тем, что в определенной степени освещают просветительскую деятельность М. Сералина. Например, приводятся факты строительства им на собственные средства и собранные жителями аула школы для казахских детей, организации им у себя дома библиотеки для учащихся.

Определенную ценность для изучения общественной и семейной биографии М. Сералина представляют воспоминания его бывших учеников, коллег по работе в послеоктябрьские годы и родственников.

1. В поисках людей, знавших и близко общавшихся с М. Сералиным, один из авторов данной книги К. Идрисов встретился с Мырзагулом Ескожиновым и записал его воспоминания.

М. Ескожинов приходился родственником М. Сералину, несколько раз встречался и беседовал с ним в 20-е г., в течение многих лет занимался составлением генеалогии М. Сералина. При этом он пользовался, по его словам, старыми рукописями и рассказами стариков, живших в 40 – 60-х гг. XX в.

2. Воспоминание Альжана Мырзабекова, 1900 г. рождения. А. Мырзабеков окончил до революции 4-классную русскую школу под г. Троицком, в 1919 г. вступил в конный красногвардейский отряд А. Джангильдина. Был женат на старшей дочери М. Сералина, близко знал его. Оно ценно в биографическом плане: содержит более подробные и дополнительные сведения об отце и матери М. Сералина, а также о периоде работы М. Сералина у купца Яушева. В его рассказе имеются наброски о личности и привычках М. Сералина, что небезынтересно. «Мукан (т. е. М. Сералин) был простым и сдержанным в общении, и его внешний вид и манера держаться в обществе гармонировали его внутреннему миру, – сказано в воспоминании. – Одевался в русский костюм, мало кушал

¹ Ж. Еленов, по данным Б. Кенжебаева, родился и вырос в ауле М. Сералина. Учился вместе с его сыном Закиром в г. Уфе, в годы Советской власти постоянно общался с М. Сералиным; последний раз беседовал с ним в 1929 г. (Кенжебаев Б. Казак халқының XX ғасыр басындағы демократ жазушылары. Алматы, 1958. 70 б.).

мяса, любил пить кумыс, приправленный сахаром, говорил негромко, но складно».

3. Воспоминание Ахметгалия Сафаргалиевича Рахматуллина (1886 г. рождения). При нашей встрече ему было 95 лет. В 1908 – 1918 гг. служил приказчиком у известного татарского купца Яушева, в торговой конторе которого работал и М. Сералин. На протяжении многих лет они находились рядом. Его рассказы интересны во многих отношениях. Яушев был либералом, и в его доме нередко собирались молодые татарские демократически настроенные деятели, а также казахская передовая молодежь, в том числе Мухамеджан Сералин.

Кроме того, он приходился М. Сералину родственником по линии матери и оказывал материальную поддержку в издании журнала «Айкап». Как свидетельствует автор воспоминания, М. Сералин находился в близких отношениях с такими известными татарскими левыми деятелями, как Ф. Ганиев, Иркасов, Даулетшин и др. Это воспоминание заканчивается словами: «Мухамеджан агай очень любил искусство и знание, был весьма учтивым и воспитанным человеком».

4. Воспоминание Галиакбара Сейдалина (1905 г. рождения), сына Жансултана Сейдалина, одного из сподвижников М. Сералина по журналу «Айкап». Он помнил, как после февральской революции 1917 г. в доме его отца в г. Троицке собралась группа казахской интеллигенции и среди них М. Сералин. Ж. Сейдалин рассказывал своему сыну, как страстно приветствовал М. Сералин свержение царя. Вслед за ним, считал М. Сералин, последует свобода для угнетенных народов, в том числе и казахского. Одним из вопросов, который обсуждался на этом собрании, был вопрос об искоренении вредных и диких обычаев, распространенных в казахском обществе, унижающих достоинство женщин и позорящих общество в глазах цивилизованных обществ и их представителей.

5. Воспоминание Каната Казангапова, 1900 г. рождения, члена КПСС с 1926 г. Оно направлено в виде приложения к письмам в редакцию газеты «Казахстанская правда» и на имя министра культуры Союза ССР в 1978 г. Копия находится в Кустанайском областном музее. В 1914 – 1916 гг. он учился

в двухклассной русско-казахской школе в г. Троицке – в той самой, в которой бывал часто М.Сералин и учился один из его сыновей.

К. Казангапов помнит, как вместе с сыном М. Сералина часто провожал его в сторону железнодорожной станции Золотая сопка. В 1918 – 1919 гг. М. Сералин часто брал К. Казангапова с собой в разъезды. Из рассказа М. Сералина в 1919 г. он узнал, что в 1915 – 1916 гг. тот бывал на митингах, революционных сборах, проводившихся за станцией Золотая сопка, где выступали большевики-подпольщики Сыромолотов, Петров, Бородин и три брата Хейфецы (последние во время гражданской войны были убиты белогвардейцами).

Эти и некоторые другие данные связаны с жизнью и деятельностью М. Сералина в канун Великой Октябрьской социалистической революции и в первые годы после нее, дополняют, детализируют имеющиеся источники.

б. Воспоминание Моисея Львовича Страховенко, 1885 г. рождения, члена КПСС с 1920 г.¹ С 1912 г. он был членом Варшавского социал-демократического союза рабочей молодежи. Оказавшись в 1915 – 1916 гг. в г. Троицке, вошел в группу газеты «Степь», вокруг которой собирались С.М. Цвиллинг, С. Ужгин, братья Сосновские и другие члены местной большевистской организации. Здесь он познакомился с М. Сералиным и встречал его позже. С 1921 г. был заместителем наркома труда Казахской автономной республики и одновременно заместителем редактора газеты «Степная правда» (ныне «Казахстанская правда»). Воспоминание охватывает его знакомство и тесные связи с А. Джангильдиным, А.В. Затаевичем, С. Мендешевым, С. Сейфуллиным и другими известными государственными и общественными деятелями первых лет Советского Казахстана.

Наши встречи не ограничивались только с указанными выше лицами, было немало и других встреч с интересными людьми, знавшими М. Сералина, рассказы которых в той или иной мере использованы и учтены в данной книге. Так, Ахметжан Биркиндин, 1901 г. рождения (Кустанайская об-

¹ К. Идрисов дважды посетил его в 70-х гг., записал отдельные воспоминания.

ласть, Комсомольский район, совхоз «Урнек», 4-е отделение), родственник М. Сералина, показал его зимовку и рассказал, что в свое время около старой мельницы в железном сундуке были закопаны рукописи, книги и другие предметы, принадлежавшие М. Сералину. Место это было отмечено нами, но торопливые поиски результата не дали. Мы пользовались рассказами и сведениями дочери М. Сералина – Гайни Сералиной. Были полезные встречи и беседы с С. Толепбергеновым, С. Шаменовым, Д. Айбосыновым, А. Рахметовым и др.

Всем, кто помогал нам собрать материалы и сведения о М. Сералине, аксакалам, которые поделились своими воспоминаниями о нем, приносим нашу благодарность.

Мы сознаем, что воспоминания, тем более те, в которых описываются события далекого прошлого, не свободны от субъективности. Но их критическое освоение может дать нужные результаты.

Поиски новых материалов и наследия М. Сералина продолжаются. Неизвестна судьба рукописей его сочинений и стихов, написанных до Великой Октябрьской социалистической революции, которые он готовил в свое время к печати. По некоторым данным, часть этих рукописей закопана в годы гражданской войны, а другая часть – при переезде семьи М. Сералина в годы Великой Отечественной войны из поселка Париж в поселок Фершампенуаз, что находится на территории Челябинской области, - утеряна. Не исключено, что в будущем удастся их найти, хотя бы частично.

ГЛАВА I

УСЛОВИЯ ФОРМИРОВАНИЯ ВЗГЛЯДОВ М. СЕРАЛИНА

Социальное и национальное пробуждение казахского общества в начале XX в.

Эпоха, среда и воспитание – факторы, формирующие мироощущение и миропонимание человека, общественного деятеля. Он воспроизводит в своей деятельности и идеях внутреннюю связь многих сторон жизни общества, данную в зрелой форме или в его тенденциях развития.

Мухамеджан Сералин тоже был сыном своей эпохи. Успехи и недостатки его общественно-политической деятельности несут на себе в первую очередь особенности состояния и развития казахского общества и той социальной среды – малой и большой, – в которой он формировался как мыслитель, личность.

Казахское общество начала XX в. по характеру и содержанию господствующих в нем общественных отношений было патриархально-феодальным. Изменения и сдвиги, которые произошли во многих сферах общественной жизни казахов в XIX в., и в особенности в начале XX в., в целом умещались в рамки отсталого средневековья. Если они и изменили патриархально-феодальные отношения, то не нарушая господствующего положения этих отношений. Поэтому в целом казахское общество рассматриваемого периода по уровню развития было отсталым, и это всегда накладывало существенный отпечаток на взгляды всех его деятелей.

Отсталость общества всегда имеет конкретные формы. В казахском обществе она заключалась в следующем:

– основная масса населения (80 – 90%) занималась кочевым и полукочевым скотоводством, связанным с освоением значительных кочевых путей и пастбищных пространств;

– экономические и культурные центры, которых было немного, находились в большом удалении от мест кочевания основной массы населения. Они находились, в основном, на пограничной полосе с соседними странами и народами. Более того, за отдельными исключениями, эти города возникли как военно-опорные базы царского правительства и развивались как центры колониальной администрации и экономической эксплуатации окраинной территории. На этой основе накопились противоречия между городами и сельской местностью, между горожанами и кочевниками;

– внутренняя жизнь казахского общества во многом была однообразна и архаична, в то же время социально контрастна и противоречива. По данным одного из советских исследователей, в начале XX в. в структуре казахского населения батраки и бедняки составляли до 60, середняки – до 30, баи – около 10%.¹ Общественные связи внутри кочевого коллектива и аулов, а также внутрисемейные отношения были опутаны общинно-родовыми пережитками;

– население было сплошь неграмотным. Только небольшая часть зажиточных слоев общества имела начальное домашнее мусульманское образование. Европейское образование получали единицы представителей верхушки казахского общества;

– царское правительство всемерно усиливало свое влияние на внутреннюю жизнь казахского общества, с тем чтобы превратить его в сырьевой придаток империи и колониальную провинцию. Возрастание контрольной и карательной функций государственных органов в какой-то степени поколебало традиционную структуру местного управления. В то же время в противовес объективным процессам правительство стремилось сохранить отсталость казахского общества;

– строительство железнодорожных линий, создание горно-заводских предприятий и предприятий первичной обработки животноводческого сырья с наемными рабочими привели к росту отрядов рабочего класса в Казахстане, в том числе национальных кадров рабочих, пришедших из степи и сохранивших во многом психологию кочевого скотоводства.

¹ Кучкин А.П. Советизация казахского аула. М., 1962. С. 45

Положение Казахстана и казахского народа заметно стало изменяться с начала XX в. Возникали новые явления, а часть старых, традиционных явлений в жизни казахского общества получили новую окраску. В целом же положение казахского общества оставалось неизменным.

К началу XX в. усилилась реальная власть России в Казахстане, ставшем внутренней колонией империи. Это сказывалось на всех сферах жизни края, в особенности на его экономическом и политическом развитии. Царское правительство к решению вопроса о хозяйственном и политическом развитии края подходило исключительно с позиций колониальной политики и игнорировало внутренние тенденции казахского общества и интересы казахского народа.

Все более усиливавшееся проникновение российского капитала в сферы экономики и во внутренние рынки края в начале XX в. ускорило процессы разложения натурального хозяйства и развития товарно-денежных отношений. «Все большая часть киргизского бюджета, – писал один из дореволюционных русских экономистов, – становится денежной. Денежный доход делается одной из целей, а подчас, главной целью хозяйства. Стремление же к этой цели не знает границ».¹ Это было внешним проявлением тех существенных сдвигов и изменений, которые происходили в общественной жизни Казахстана вообще, в хозяйственных отношениях и в психологии местного населения в особенности. И все же эти сдвиги были не настолько глубокими, чтобы могли окончательно ликвидировать значительные остатки натурального хозяйства, базировавшиеся на господстве патриархально-феодальных отношений в казахском обществе.

Одно из основных противоречий в сфере развития казахского общества этого периода состояло в том, что новые хозяйственные отношения, в большей степени связанные с внутренним рынком и рынком всероссийским и через них – с российским капитализмом, уживались с патриархально-феодальными отношениями и даже в определенной мере консервировали последние. Такое положение свидетельствовало, с

¹ Румянцев П.П. Материалы по землепользованию Семиреченской области. Спб., 1911. Т. 1. С. 376.

одной стороны, о малой преобразовательной силе колониального капитала в сфере старых, средневековых порядков, каковые господствовали в Казахстане, а с другой – о том, что в цели русского капитализма не входило обеспечение прогресса в этом регионе.

С начала XX в. особенно обострился в Казахстане земельный вопрос. Он и раньше был центральным внутри страны и во взаимоотношениях с Россией. Столкновение интересов различных социальных групп, хозяйственных объединений, а также обострение отношений между органами государственной власти и населением во многом происходили из-за земельного вопроса. Для кочевого скотоводческого хозяйства проблема пастбища была не менее актуальной и острой, чем земельные участки и отрезки в земледельческих, оседлых обществах. Только наличие огромного пространства в условиях Казахстана смягчало эти отношения, но не снимало их. Особенно осложнились они с начала XX в.

Само социально-экономическое развитие казахского общества превращало земельный вопрос в центральный. Обостряла его и аграрная политика царского правительства в Казахстане. В земельном вопросе образовался клубок противоречий, который стал центром общественного напряжения.

Переселение крестьян из Центральной России в Казахстан и в районы Сибири, начавшееся в конце XIX в., в начале XX в. приобрело массовый характер. В 1904 г. было образовано новое правительственное учреждение – переселенческое управление, ведавшее всеми делами переселения крестьян. Законом «О добровольном переселении сельских обывателей, мецкан, землевладельцев» (1904 г.) предусматривались некоторые льготы переселявшимся в Казахстан крестьянам по месту нового расселения. Указом от 9 ноября 1906 г. крестьянам разрешалось выходить из общины на отруб в хутор. Это было выгодно крестьянам, имевшим крепкое хозяйство. Разоренные мелкие хозяйственники, бедняки были вынуждены искать «счастья» в восточной части страны.

Переселившиеся в период с 1893 г. по 1912 г. крестьяне составляли: в Акмолинской области – 292 400, в Тургайской –

292 300, Семипалатинской – 50 700, Семиреченской области – 43 300 душ мужского пола.¹

Кустанайский уезд, входивший в состав Тургайской области, был одним из районов массового переселения крестьян. В 1899 г. в нем было 10 русских поселков, а к 1900 г. их стало уже 50, которым было отведено 256 296 десятин земли. Переселение росло и в последующие годы. В 1903 г. было образовано 14 русских волостей и уездов.²

Правительство этой мерой надеялось разрешить несколько задач. Во-первых, ослабить антиправительственные выступления крестьян и создать в лице кулаков надежную опору царизма как в центральных районах, так и на окраинах; во-вторых, направить развитие России по «прусскому пути» и, в-третьих, использовать переселение крестьян для прочной и окончательной колонизации Казахстана. Переселение происходило волнообразно. Только в северные районы края с 1906 по 1912 гг. переселились 438 000 крестьян. Однако царскому правительству не удалось достичь поставленных целей. Аграрный вопрос в стране не только не был разрешен, но еще более обострился. Немало крестьянских семей погибло на пути к местам переселения. Эксплуатация в кулацких и помещичьих хозяйствах еще больше усилилась. На общую аграрную обстановку в стране влияло и положение Казахстана как основного, наряду с Сибирью, региона крестьянского переселения.

Переселенческий фонд в Казахстане создавался ценой разорения казахского населения. Да и сами переселенцы испытывали острую нужду, а часть из них была вынуждена возвратиться обратно.

Говоря о положении казахского шаруа, Беротов писал: «Так как переселение прежде всего потребовало земель лучших, то есть таких, природные условия которых допускали бы оседлый образ жизни, и так как таких мест в степи немного, и они издавна уже используются киргизами как места зимних стоянок, то вполне понятно, что отнятие их, хотя и под видом «изъятия «излишка», чрезвычайно сильно отразилось на

¹ История Казахской ССР с древнейших времен до наших дней Под ред. М. Абдыкалыкова, А. Панкратова. Алма-Ата, 1943, С. 340.

² Там же.

киргизском хозяйстве».¹ Всего за 14 лет существования временных партий по образованию переселенческих участков в степных областях у казахов фактически было изъято около 3,5 млн. десятин излишков земли.²

Не столько в результате переселения крестьян, сколько в результате колониальной политики правительства многие казахские хозяйства лишились освоенных пастбищ, лучших угодий и были загнаны в пустынные, полупустынные районы. Кочевое и полукочевое скотоводческое хозяйство оказалось в кризисном положении со всеми вытекающими отсюда хозяйственными, социальными и психологическими последствиями.

Ряд явлений в социально-экономической жизни Казахстана начала XX в. был тесно связан с внутренними и внешними условиями его развития: резким сокращением кочевых путей скотоводов и процессом оседания, ростом сельского отходничества в результате усиления социального расслоения в аулах. Отходники нанимались на работу батраками на промыслы и в мастерские, на горно-заводские предприятия и в места разработки минерального сырья. Батраки и бедняки составляли более половины всего населения, из них формировался местный пролетариат.

Рост отходничества в начале XX в. имел ряд последствий. Отходничество ослабляло патриархальные связи людей, имевшие еще значительную силу в общественных отношениях казахов. Оно усиливало контакты с другими обществами и укладами жизни, в том числе с городской и производственной культурой. В этом плане отходничество было прогрессивным явлением во внутренней жизни казахского общества. Применительно к условиям внутренней России, В. И. Ленин писал, что «неземледельческий отход представляет из себя явление прогрессивное, он вырывает население из заброшенных, отсталых, забытых историей захолустий и втягивает в водоворот современной общественной жизни. Он повышает грамотность населения и сознательность его, прививает ему

¹ Беротов. Страна свободных земель. Спб., 1908. С. 56.

² Седельников М. Борьба за землю в киргизской степи. Спб., 1907. С. 39.

культурные привычки и потребности».¹ Это относится и к казахскому обществу.

Новой чертой в социально-демографической структуре Казахстана того периода была его многонациональность, сложившаяся в результате массового переселения крестьян из центральной России, Украины, а также бегства уйгуров и дунган из Китая. В 30-е г. XIX в. казахи в целом по Российской империи составляли 2,2, по Казахстану – 96,4, а в 1897 г. – соответственно 2,4 и 79,81%.²

Многонациональная структура Казахстана со значительным удельным весом русских имела далеко идущие прогрессивные последствия. Усилились контакты и связи между русскими и казахами, хозяйственные и товарно-обменные отношения между ними. Более высокая культура русских в сферах материального производства в духовной жизни и в быту оказала ощутимое влияние на многие стороны жизнедеятельности местного населения. Чувства неприязни и отчуждения, которыми характеризовались межнациональные отношения в начальный период переселения крестьян из России и Китая, постепенно сменялись отношениями соседства, доброжелательности и дружбы. В этом непростом процессе немаловажную роль играли отношения трудовых слоев разных народов, составлявших большинство переселенцев. Как отмечали современники, «рядовые киргизы» охотно вступают во всевозможные отношения с переселенцами, меняют под их влиянием всю обстановку..., допускают широкий обмен услугами и вообще не чуждаются близкого соседского сожительства с пришельцами, а напротив, ищут их».³

В исторической перспективе непосредственные контакты с русскими, растущие хозяйственные и культурные связи с ними имели решающее значение для социально-экономического и идейно-политического прогресса казахского общества, становления и утверждения дружбы между двумя народами. Это происходило вопреки намерениям, планам и действиям

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 3. С. 576-577.

² Бекмаханова Н.Е. Формирование многонационального населения Казахстана и Северной Киргизии. М., 1980. С. 201.

³ Хворостанский П. Вопросы колонизации. Спб., 1907. № 1. С. 83-84.

царского правительства, выступавшего в союзе с верхушкой казахского общества. Царизм культивировал разделение общества на русские поселения и казахские аулы, разжигал межнациональные трения и поддерживал их. С этой целью, например, царская администрация эпизодически организовывала воинские рейды против мирных казахских аулов, чтобы держать последних в страхе и повиновении, а также поддерживать определенную дистанцию между русскими и казахами. Все это делалось для того, чтобы Казахстан оставался навсегда отсталой колониальной территорией, оторванной от других частей империи.

Вместе с тем интенсивное вовлечение Казахстана в орбиту отношений Российской империи, усиление влияния русской культуры и цивилизаторских идей на казахское общество, а также потребности внутреннего развития казахского общества, для которого рамки патриархально-феодалных отношений стали уже тесными, обусловили зарождение и формирование казахского просветительства. Оно берет свое начало с середины XIX в., заметным общественным явлением становится с конца XIX в. Развитие казахского просветительства совпало с формированием национальной интеллигенции, большинство представителей которой получали русское или смешанное русско-казахское образование. «Формирование интеллигенции в основном шло через русско-туземные начальные школы, гимназии, реальные училища, специализированные школы в русских деревнях, поселках, станциях и городах. Немногие из ее числа получили образование в университетах и других высших учебных заведениях России».¹

Освободительное движение народов России, революционные события 1905 – 1907 гг. в центре России отозвались и в казахском крае. Под влиянием этих событий в идейно-политической жизни края происходили ощутимые изменения, которые можно было назвать пробуждением народного самосознания.

Революция 1905 г. в России придала значительный импульс национальной жизни казахов. Она пробудила почти все силы

¹ Зиманов С.З. В.И. Ленин и советская национальная государственность в Казахстане. Алма-Ата, 1970. С. 34.

местного населения. Начался новый этап в интеллектуальной истории казахского общества.

Социальная неоднородность участников освободительного движения Казахстана обусловила чрезвычайную пестроту идейной жизни казахского общества. Представители имущих слоев казахского общества, мусульманского духовенства и правого крыла национальной буржуазии выдвинули ряд требований перед царским правительством: подчинить казахское население Оренбургскому магометанскому духовному управлению, предоставить свободу строительства и организации мечетей и медресе с преподаванием в них арабского, персидского и турецкого языков, изъять из ведения биев – судей дела брачные и наследственные и передать их всецело в ведение мулл для решения их по шариату, обеспечить полную свободу ходжата и паломничества в мусульманские центры Востока; запретить деятельность православных миссионеров; разрешить казахам открывать заводы, рудники и приобретать земли; уменьшить подати; упразднить институт крестьянских начальников в уездах края и др.¹

В период оживления национальной жизни не осталось в стороне и местное мусульманское духовенство, тем более что потрясенный революцией самодержец поощрял деятелей местного духовенства в их попытках укрепить пошатнувшиеся позиции религии.

Прогрессивно настроенная часть национальной интеллигенции более трезво рассматривала особенности и перспективы развития казахского общества. Она считала, что без активности и освоения нового, передового у других народов казахи не смогут преодолеть отсталость, патриархальный взгляд на окружающее, свою изолированность и чувство неприязни к другим обществам. Они предлагали пути решения из создавшегося положения. Первое и основное условие преодоления косности, забитости народа они видели в просвещении. Эта часть национальной интеллигенции выступала также за постепенный переход кочевников, полукочевников к оседлости, за возведение центров культуры городского типа в степи, а так-

¹ См.: Атишев А.А. Политическая мысль Казахстана второй половины XIX – начала XX века. Алма-Ата, 1979. С. 132.

же за модернизацию местной системы управления, особенно судебной. Словом, разные социальные группы и их представители в казахском обществе, преследовавшие разные цели, считали удобным воспользоваться благоприятной обстановкой для удовлетворения своих требований, для обсуждения идей и планов на будущее, для укрепления своих позиций и расширения влияния в массах. Как и следовало ожидать, во главе процесса национального пробуждения стремилась встать, и не без успеха, разночинная по составу национальная интеллигенция.¹

Революция 1905 – 1907 гг. открыла новый этап в социальном и национальном пробуждении казахов. В крае стали выходить массовым тиражом книги на социальные темы. Вдохновленная первыми успехами, некоторыми уступками царской администрации, казахская передовая интеллигенция стремилась использовать благоприятный момент для усиления агитационно-разъяснительной и литературно-издательской деятельности.

Казахская интеллигенция по своему социальному составу была неоднородной. Наряду с представителями низших и средних слоев в ее составе были и выходцы из зажиточных, обеспеченных семей и даже из нарождающейся крупной национальной буржуазии. На первых порах в рамках общенациональных лозунгов они выступали как общая сила. Их объединяла ненависть к самодержавию.

Царское самодержавие, в течение нескольких веков накопившее опыт ведения борьбы против собственного народа и против выступления ряда угнетенных народов, проживающих в составе Российской империи, проводило политику подавления всяких признаков вольнодумства и среди казахов. Царизм стремился искоренить всякое суждение и поступки, противоречившие его интересам, задушить в самом зародыше любое проявление критического отношения к политике самодержавного управления и не допустить проникновения в казахскую степь идей прогрессивных мыслителей России. Стремясь оградить казахскую степь от проникновения освободительных

¹ Зиманов С.З. В.И. Ленин и советская национальная государственность в Казахстане. Алма-Ата, 1970. С. 34.

идей, идущих из России, царизм в союзе с казахской эксплуататорской верхушкой и реакционным духовенством, удерживая основную массу населения края в невежестве, бесправии и закабалении, надеялся продлить свое господство в Казахстане на неопределенно долгое время.

Все это тормозило, но не смогло свести на нет демократическое, буржуазно-демократическое движение, являющееся закономерным этапом освободительного движения для остальных средневековых обществ, на начальном этапе их перехода на рельсы новобуржуазных отношений. В.И. Ленин, давая оценку положению, сложившемуся после революции 1905 г. на Востоке, писал, что «в этой цепи событий только слепой может не видеть пробуждение целого ряда буржуазно-демократических национальных движений».¹

Напуганное событиями 1905 – 1907 гг. самодержавие стало искать поддержку у национальной буржуазии, в том числе окраин, стремясь расколоть и ослабить антимонархическое движение в национальных окраинах. Ценой огромных усилий царизм выдержал первый натиск рабочих и внес раскол в антимонархическое движение. Но это был временный успех.

Социальное и национальное пробуждение казахского народа, начало которому проложили революционные события в России 1905 – 1907 гг., сопровождалось ослаблением веры в царя и местной «туземной» администрации, в возможности добиться разрешения национального вопроса местными средствами и действиями в одиночку. Начало XX в. вошло в историю казахского народа как начало союза казахского и русского народов в освободительном движении. Слова В.И. Ленина о том, что «у европейского сознательного рабочего уже есть азиатские товарищи и число этих товарищей будет расти не по дням, а по часам»,² относились и к Казахстану.

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 25. С. 269.

² Там же. Т. 17. С. 179.

Юность Мухамеджана Сералина

Предки М. Сералина происходили из г. Туркестана. Дед по отцу – Турсунбай-Кожа был среднезажиточным кочевником.¹ Его аул занимал пастбища в низовьях Сырдарьи. По семейным преданиям, он любил музыку и поэзию, сочинял песни и стихи, пользовался уважением у одноаульцев и в округе.

Отец Мухамеджана Сералы рано остался без отца. В отличие от своего отца скотоводством не занимался. В молодости увлекался сочинением стихов и музыки, обладал хорошим голосом, пел. Без него, как говорят, не проходили вечера в окрестных аулах. Одно время он входил в свиту молодого султана-правителя части младшего жуза Ахмета Джантюрина, сопровождал его в поездках по степи. Ценили Сералы также за находчивость и талант импровизатора. По некоторым данным, он получил хорошее для того времени домашнее образование, учился в медресе, владел некоторыми навыками врачевания, которые передал ему родители. Со временем он пришел к убеждению о необходимости распространения просвещения среди казахской молодежи. Переехав в Кустанайскую степь, Сералы занялся обучением детей. Но в народе был известен не столько как учитель, сколько как одаренный певец и сочинитель стихов.

В рукописном фонде научной библиотеки Академии наук Казахской ССР сохранилось несколько стихов Сералы-ходжи. Они посвящены моральным темам. «Друг, каким он должен быть», «Памятное дерево», «Слава перед смертью». Судя по ним, он обладал тонким поэтическим даром и проницательным умом. Вот несколько строк из его стихов.

*Дос, емес – дос сыртынан жамандаса,
Несі дос, бір қатесін жаба алмаса.
Дұшпан шіркін не демейді,
Қауып етіп бір адамнан ұялмаса.*

¹ В некоторых книгах ошибочно Сералы называют сыном Еруалы.

*Дос емес, достың сөзін көтермесе,
Салған жерден – түбіңе жетем десе.
Неғылып дос атына қосылады,
Көтермей бір сөзіңді бүйтем десе.*

*Жақынның әрбір сөзін қайырмаңыз,
Жасырған жердей қылып майырмаңыз.
Сыр алмаған біреумен дос болдым деп,
Сыр алған досыңыздан айрылмаңыз.¹*

В этом стихотворении воспевается истинная дружба, ее моральные и ценностные черты, какими являются честность и душевность, открытость и преданность, немелочность и способность прийти на защиту друга, если он попал в беду.

В другом стихотворении, названном «Прощальное слово Сералы», сказанное им перед своей смертью, имеются следующие строки:

*Дүние қырда ойнаған лақтайсың,
Мекен ғып қандай жанға тұрақтайсың.
Еріксіз көнбегенді көндіресің,
Жол білмес асау кердей бұлғақтайсың.*

¹ Подстрочный перевод здесь и далее С. Зиманова.

Не друг тот, кто наговорит на друга,
Какой же он друг, если не может стать на защиту друга.
Враги готовы многословить о тебе,
Если не будут остерегаться твоего друга.
Не друг тот, кто обидится на твои слова
И скажет мгновенно: «Я отомщу тебе».
Как же он может именоваться другом,
Если не переносит твои дружеские упреки.
Не старайтесь ответить на каждое слово друга,
Тем более не старайтесь его унижить
Из-за того, что вы завели нового друга, которого не знаете,
Не расставайтесь с другом, которого знаете. (ЦНБ АН КазССР. Рук. ф. 114.
С. 131-134).

*Азгана көңіл ашар қызығың бар,
Кетеріңе келгенде сылаңдайсың,
Тығыны жоқ шыныға құйғандай-ақ,
Қашарыңа келгенде сынаптайсың.¹*

За поэтическую одаренность прозванный в народе Сералы-акыном, он, видимо, настолько стоял в своем искусстве высоко, что участвовал в поэтических состязаниях (айтысах) с наиболее крупными импровизаторами-поэтами. Известный советский казахский писатель Шахмет Хусаинов в 1943 г. записал и сдал в фонд научной библиотеки Академии наук Казахской ССР текст такого айтыса между Сералы и Орынбаем. Поэтическое состязание произошло при следующих обстоятельствах: когда Сералы уехал в Бухару, поэт Орынбай посетил Ахмета-торе, сына Кенесары, и получил от него в подарок хорошего коня за хвалебные стихи. По возвращении Сералы, узнав об этом случае, проговорил: «Жаль, что не было тогда меня, я бы победил его (в состязаниях), вынудил бы Орынбая оставить мне своего коня». Такие слова могли исходить только из уст крупного, известного поэта. Этот случай народ сохранил в своей памяти. Поэты впоследствии встретились в том же доме Ахмета-торе. Поэт Орынбай на приветственное слово Сералы и готовность его состязаться в стихах с ним ответил:

*Ассалаумағалайкум Сералы інім,
Дәулет бітіп жабылсын бойда мінің,
Жақсы леп, жарым ырыс деген сөзбар
Баласы асылзада дана герім.*

¹ О жизнь, ты, как лань, игриво проносящаяся по степи,
Не находишь постоянного пристанища ни в одном из живых.
Как дикарь ты, не признающий правил,
Покидаешь тех, кто не хочет расставаться с тобой.
О жизнь, ты даруешь радость мгновенную,
Становишься еще краше перед тем, как оставляешь душу.
Будто ты ргуть в склянке без пробки,
Ускользаешь вмиг, когда заблагорассудится покинуть нас.

*Нәсілің төрт тараптан діндар қожам,
Қисық жүрме, түзу жүр, жол бар қожам,
Қолына ұстап кітап дәріс айтпай,
Өлеңде молда болсаң нең бар қожам.¹*

Этими словами поэт Орынбай с одной стороны, воздаёт должное поэтическому таланту Сералы, а с другой, как это положено в айтысе (песенное состязание), находит в нем, в его генеалогии «слабые» места, указывая на которые можно уязвить самолюбие оппонента.² Замечательный композитор А.В. Затаевич, собравший богатейшие образцы казахской фольклорной музыкальной культуры в начале 20-х гг., писал: «Песню Сералы я лично склонен считать одним из перлов настоящего сборника. По своей форме она необыкновенно светла и оригинальна».³ В дальнейшем А.В. Затаевич несколько раз пытался записывать песни и мелодии Сералы-акына. К сожалению, его поиски не увенчались успехом, и он с досадой сетует: «Серали-акын, певец Кустанайской губернии, умерший в 1876 году, 40 лет от роду, был поэтом и автором напевов. По приведенному здесь образчику можно судить о том, что это был музыкальный самородок великолепного дарования, и тем более жаль, что его песни, своевременно никем не записанные, в настоящее время почти совершенно порастерялись..., все мои старания найти и записать еще какие-либо песни прекрасного кустанайского мастера остались безрезультатными».⁴

Во время встречи с А.В. Затаевичем М. Сералин рассказывал ему, что его отец – Сералы-акын вместе с тем был «горелкоммерсантом», непрактичным и добрым. Быстро прогорел,

¹ Здравствуй, достойный младший брат Сералы,
Пусть наступит желанная обеспеченность и прикроет твою нужду,
Теплый прием – начало добродетели,
Благодарю тебя за это, потомок святых.

Предки твои происходят от четырех святых мест, мой Кожа.
Не лучше ли тебе, мой Кожа, идти их дорогой, быть муллой,
Читать назидания, согласно святым книгам, вместо того чтобы
Увлекаться поэзией. (ЦНБ. АН КазССР. Рук. Ф. П. 5. Л. 2, 3).

² Имеется в виду происхождение Сералы из ходжей.

³ Левицкая И. Живые драгоценности. Алма-Ата, 1976. С. 79.

⁴ Затаевич А.В. Исследования, воспоминания, письма, документы. Алма-Ата, 1958. С. 113.

но не унывая, к радости окружающих, брался за домбру и пел. Текст и музыку, как правило, слагал он сам.

Семья М. Сералина была религиозной. Традиционно в семье ходжей в отличие от кочевников-скотоводов более строго соблюдались религиозные правила и обряды, и к этому приучали детей с ранних лет. Детские религиозные впечатления в определенной степени влияли на его дальнейшую жизнь и деятельность, формирование мировоззрения.

Семья Сералы скорее относилась к категории слабообеспеченных, хотя не была и бедной. Ему не удалось успешно сочетать искусство певца и поэта с деятельностью торговца, каковым пытался стать он по совету родственников. В последние годы жизни Сералы-акын обеднел и умер в долгах.

М. Сералин гордился своим отцом, уважительным отношением казахского народа к его памяти. Об этом он писал в вводной части поэмы «Топ жарган».

М. Сералин родился в 1872 г. Когда ему было три года, умер отец. Для семьи наступили тяжелые времена. Воспитание детей¹ легло на плечи матери. В этом ей оказывали помощь и поддержку одноаульцы, с почтением относившиеся к дому Сералы-акына, а также ближайшие родственники. Об этих годах М. Сералин писал:

*Құдайым сәби шақта жетім етті.
Жетімдік жарлық пен қатты дертті,
Атаны жақсы көрген арқасында,
Көрген жан баршасы да құрметтеді».*²

В 1880 – 1887 гг. М. Сералин учился в медресе в г. Троицке, считавшемся в ту пору лучшим в Центральном Казахстане. После завершения учебы мать отправила Мухамеджана в г. Кустанай к родственнику Арыстану Мыржакупулы для продолжения учебы и обучения ремеслу. Там он поступил в Кустанайское двухклассное русско-киргизское (казахское)

¹ У Сералы от двух жен было шестеро сыновей и три дочери.

² Ребенком остался сиротой по воле всевышнего, необеспеченность и нужда грузом легли на нас, но везде к нам относились с уважением из почтения к нашему отцу. («Мұхаметжанның Жаппаска берген жауабы»). Рук. ф. Института философии и права АН КазССР).

училище. Прилежание и способности М. Сералина обратили на него внимание учителей. Один из них – Ильиных становится весьма близким М. Сералину, снабжает его литературой, помогает его интеллектуальному росту. По совету и рекомендации Ильиных, после окончания училища Мухамеджан едет в г. Оренбург, где, успешно сдав вступительные экзамены, зачисляется в учительскую семинарию, закончить которую ему не пришлось. По семейным и материальным обстоятельствам он вынужден был работать.

М. Сералин родился, вырос и начал свою трудовую деятельность в Кустанайском уезде, с ним была связана его дальнейшая судьба. Кустанайский уезд (бывший Николаевский) с территорией 69 183 км² до 1917 г. входил в состав Тургайской области. Его административным центром вначале был г. Троицк, а с конца XIX в. – г. Кустанай, основанный русскими переселенцами. Кустанай, возведенный в степень города в 1893 г., быстро рос. Его население за период с 1885 по 1900 гг. выросло с 7325 чел. до 16 175, т. е. более чем в два раза.¹ Вскоре он стал значительным торговым, экономическим и культурным центром уезда и Тургайской области. Этому способствовало удобное географическое положение, возведение железнодорожной ветки Кустанай – Троицк в 1913 г.

Только перечень учебных заведений, имевшихся в то время в г. Кустанае, характеризует его как значительный культурный центр на Северо-Западе Казахстана. Так, в 1884 г., по настоянию инспектора учебных заведений Тургайской области Ибрая Алтынсарина, в г. Кустанай из г. Троицка была переведена классная школа, ставшая первым учебным заведением города. Уже через год, в 1885 г., в ней обучались 55 учеников, из них 30 казахских мальчиков и 25 русских детей. Из стен этой школы вышел ряд видных деятелей казахского общества: Алиби Джангильдин, Спандияр Кубеев и др. К 1911 г. в городе действовали реальное училище, Александровская русско-киргизская (казахская) гимназия, духовенское русско-киргизское (казахское) училище, двухклассное русско-киргизское (казахское) училище, городское четырехклассное училище, педагогические курсы и др. – всего 27 учебных

¹ Кустанай. Вчера, сегодня, завтра. Алма-Ата, 1979. С. 15.

заведений, в которых обучались 2370 учащихся. При русско-казахских училищах были организованы интернаты для мальчиков и девочек из казахских аулов.

Население уезда было многонациональным, причем более половины его составляли русские.

Кустанайский уезд имел самую большую плотность населения. Здесь проживала основная масса русских, намного больше, чем во всех остальных уездах Тургайской области вместе взятых. Одних русских поселков в уезде насчитывалось 299, что составляло 66% всех поселков в области. Большинство казахского населения занималось кочевым и полукочевым скотоводством. Многие из них в начале XX в. уже имели небольшие посевные участки вблизи зимовок, по берегам небольших рек и на богаре. Однако основным источником благосостояния и хозяйственных доходов казахских семей оставалось пастбищное скотоводство. В 1911 г. на одну семью русского крестьянина приходилось около 8 голов скота, а на одну кибитку казахов – более 30 голов.

Административно уезд делился по территориально-национальному принципу. Для русского населения создавались отдельные волости. Первые управлялись на основе крестьянского Положения, как и в центральных областях России, а казахи – по Положению об управлении в степных областях от 25 марта 1891 г. Русские, проживавшие на территории казахских волостей, управлялись и подлежали юрисдикции только русских властей. Такой порядок распространялся и на казахов.

Вопреки политике царской администрации и ее наместников, направленной на разъединение и противопоставление народов, трудовые массы русского и казахского населения завязывали тесные хозяйственные, деловые и семейные связи. В их отношениях закладывались основы дружбы и взаимной солидарности в борьбе за жизненные интересы, против царского режима.

В Кустанайском уезде, территориально расположенном на границе с Россией, влияние на местное население передовой экономики и культуры, а также освободительных идей и движения русского народа было более активным, чем во внутренних районах Казахстана.

М. Сералин как мыслитель и общественный деятель формировался в общении с русскими крестьянами, людьми передовых взглядов. Вместе с тем с молоком матери он впитал психологию, быт, интересы и нужды казахского народа. Социальная среда, в гуще которой находился М. Сералин, была разнообразной, насыщенной событиями. Она давала молодому Сералину богатую пищу для размышлений, подводила к критической оценке политики царизма, проводимой в Казахстане, к осознанию необходимости преодоления отсталости казахского народа, приобщения к цивилизации.

М. Сералин ставит перед собой задачу идти «в народ», глубже знать его состояние, настроение и нужды, способствовать распространению образования и русской грамоты. В открытии мектебов и училищ для казахских детей он видит долг казахской интеллигенции. Руководимый этой идеей, он едет в Приаралье, в пустынные и полупустынные районы казахских кочевий. Там, в гуще казахских аулов, сохранивших во многом традиционный быт кочевников-скотоводов, он решил учить детей.

Район, куда направился М. Сералин вместе с караваном, был песчаной пустыней. Инспектор школ Тургайской области А.А. Алекторов на страницах столичной газеты так описывал эту поездку М. Сералина к берегам Аральского моря: «Странный караван двигался в начале сентября к берегам Аральского моря. Никто не мог определить, что за караван идет и чем нагружены верблюды. Одна тропа пересекала другую, образуя бесчисленное множество верблюжьих дорог, и неопытному человеку никогда не найти бы своей дороги, а караван шел уверенным шагом. Всегда любопытные встречные киргизы напрасно всматривались в тюки – все им было непонятно. Верблюды нагружены были ученическими столами, классными досками и разными школьными принадлежностями. Караван остановился в урочище Талыспе. Здесь, в доме казаха Жасаганбергена Пирманова, в ауле № 4 Тургайской волости Иргизского уезда Тургайской области предположено было открыть первую на Аральском море аульную школу. Собравшиеся киргизы ошупывали руками мебель, развертывали невиданные книги и покачивали головами. Школа открыта при

одиннадцати учениках, и семь поступили на другой день. Учителем назначены окончивший курс Кустанайского педагогического класса киргиз Сералин». Далее школьный инспектор отмечает: «Мог ли тогда, 12 лет тому назад, я предполагать, что и сюда заглянет просвещение, что эти пустынные берега огласятся веселыми голосами школьников, что с книжками в руках побегут киргизские дети в русские училища, сядут за русскую азбуку».¹

Это были первые шаги его самостоятельной деятельности, и начинал он их на ниве просвещения казахского народа.

В Приаралье М. Сералин пробыл несколько лет. Известно, что в эти годы он задумывает планы будущих поэм и заканчивает одну из них. В 1900 г. в г. Троицке выходит первая поэма «Топ жарган», написанная в 1888 г. В ней он воспевает удайство и храбрость молодых и славит степного скакуна, способного спасти жизнь джигита в час трудных испытаний.

В поэме «Гулкашима», написанной в 1901 г., М. Сералин выступает против старых и вредных обычаев, широко распространенных в казахской степи, узаконивших положение, при котором девушек выдавали замуж против их воли, продавали, наследовали, как вещь.

Против несправедливости и насилия протестует М. Сералин и в ранних стихах. Для этого он часто выбирал иносказательную форму. В поэме «Слезы Сайгака» он описывает случай, когда жестоко нравный охотник расставлял свои капканы (ловушки) в степи, в одну из которых попала самка Сайгака. В предсмертных муках, прощаясь с жизнью, она вдруг увидела человека в образе Мухаммед-пророка и обратилась к нему с просьбой.

Пришелец услышал ее страдания и, искренне желая ей помочь, обратился к охотнику с просьбой дать ее ему на поруки с обязательством, что она, накормив своих детей, вернется, и человек волен будет поступать с ней, как захочет.

Сайгачиха сдержала обещание: возвратилась с двумя своими козлятами раньше срока и, обняв детей в последний раз, отдала себя в распоряжение охотника. Он был изумлен, а затем заплакал: «Не достоин я называться человеком, namного

¹ Санкт-Петербургские ведомости. 1898. № 302.

лучше меня дикие обитатели степи». И дал ей свободу. В этой небольшой по объему поэме-легенде М. Сералин, с одной стороны, наделяет добро силой, способной одолеть зло, а с другой – восстает против угнетения слабых, против жестокости человека по отношению к беззащитным диким обитателям земли.

От бытовых и нравственных проблем, которые преобладали в ранних произведениях М. Сералина и имели социальное звучание, постепенно он переходит к идее служения народу, поискам практических путей ее реализации.

В те годы М. Сералин еще четко не представлял, каким образом он будет служить своему народу, но одно было для него ясно, что необходимо всемерно способствовать пробуждению народа и преодолению старых взглядов, консервирующих отсталость казахского общества.

В 1900 г. М. Сералин переехал в г. Троицк и устроился на работу приказчиком у купца Яушева. Выполняя поручения Яушева, он часто выезжал в степь, в г. Оренбург и Кустанай. Постоянные поездки давали ему возможность лучше узнать жизнь населения различных его слоев, познакомиться с прогрессивно мыслящими людьми.

В жизни М. Сералина и его идейно-политическом становлении г. Троицк сыграл первостепенную роль. Здесь он по-настоящему приобщился к русской культуре, увлекся передовыми идеями русских и татарских просветителей, стал постоянным читателем городской библиотеки, установил контакты с патриотически настроенной частью образованной казахской молодежи и стал одним из ее лидеров, с русской местной интеллигенцией и рабочими.

М. Сералин был разносторонне развитым человеком. С малых лет он много читал, имел личную библиотеку. Многие книги, изданные в Казани, Уфе и Оренбурге на турко-казахском и татарском языках, он брал с собой в Приаралье. Позже М. Сералин описывал чувства, охватившие его, когда ему привозили новые книги татарских просветителей: «Я, как голодный, набросился на них и прочитал на одном дыхании. По прочтении их мои мысли озарились как солнце, вышедшее над горизонтом... Никогда не изглядятся из моей памяти

те времена, когда я на берегу Сырдарьи читал эти книги, как будто я встретился с лучшим другом».¹ Пристрастие к книгам сохранилось у него на всю жизнь. Повзрослев, он обогатил свою библиотеку книгами на русском языке, среди которых были и запрещенные.

Страстно увлекался М. Сералин фольклором: собирал, изучал и записывал его. Его занимала приключенческая жизнь Марала Курманова, которого можно назвать «возмутителем спокойствия» в степи, выдавшего себя за посланца «неба» для установления нового порядка на земле. Собрав о нем сведения, Сералин сообщил их русскому ученому И.И. Крафту, который опубликовал статью о М. Курманове. К его сородичам принадлежал акын Шортанбай, многие стихотворения которого направлены против невежества, косности и социальной несправедливости.² М. Сералин с почтением относился и к личности, и к творчеству Шортанбая, называя его «печальником казахской бедноты». Одна из статей, напечатанная в первые годы Советской власти и обращенная к трудовому казахскому населению, начиналась следующими словами: «Лет 50 тому назад киргизский поэт Шортанбай пел следующие песни: Как может хорошо жить киргизский кедей (бедняк), коли он все лето косит сено, всю осень жнет хлеб, а добытую таким образом трудовую копейку от него «на расходы» отнимает толмач? Зимой кедей режет последнюю корову на мясо, а теленка от коровы забирает себе богач. Сколько бы ни эксплуатировал бедняка, утроба бая не насыщается, и он готов отнять у кедея последнее достояние. За отказ бедняка от бесплатной работы, хотя бы на один день, бай отказывает бедняку в чашке жирного супа». Так пел печальный поэт киргизской бедноты Шортанбай.³

¹ Айқап. 1914. № 17.

² См. кн.: Муканов С. Народное наследие. Алма-Ата, 1974. С. 17; Талжанов С. Өткен күндер сөйлейді. Алматы. 1979. 116-134 б.

³ Сералин М. Что должны помнить трудовые киргизы во время выборов// Степная Заря. 1922. 3 августа.

На стыке трех культур

Одной из особенностей условий формирования Мухамеджана Сералина как деятеля было то, что он жил, воспитывался и рос в среде трех народов – казахского, русского и татарского. Эта его связь была не столько кровно-родственной, сколько духовной: с юных лет, со школьной скамьи он тесно общался и дружил с передовыми представителями этих народов. Тесное общение с ними, совместное участие в делах обогащали, расширяли кругозор и способствовали становлению М. Сералина как зрелого общественно-политического деятеля.

М. Сералин был истинным сыном казахского народа, хорошо знал быт и психологию и кочевника-скотовода, и полуседлого и оседлого земледельца, еще не успевшего оторваться полностью от жизни скотовода.

Вместе с тем он родился на русско-казахской границе, воспитывался и вырос под непосредственным влиянием общества, социального и идейного климата городов Троицка и Кустаная, основанных русскими, где абсолютное большинство населения составляли русские, Учился он в русско-казахском училище, многие из друзей его также были русские.

Он хорошо знал быт, уклад жизни и психологию русского переселенца-крестьянина, ибо аул М. Сералина находился в непосредственном соседстве с русской переселенческой деревней, обмен, общение и связи между которыми были интенсивными и постоянными. Юношей Мухамеджан часто гостил в русской деревне, в зрелые годы среди его наставников, единомышленников и близких немало было русских передовых рабочих, интеллигентов и революционеров: Ужгин, Ильинский, Ашмарин, Сосновский, Зиссер и многие другие. М. Сералин хорошо знал русский язык, свои стихи с казахского переводил сам, а иногда и сочинял на русском языке.

Русская культура и освободительное движение в России были основными родниками, из которых М. Сералин черпал вдохновение для служения своему народу, ориентирами, по которым он сверял свои идеи и планы, свой путь и деятельность.

Не меньшее значение в его становлении имела татарская культура и ее передовые деятели, жившие и работавшие в Оренбурге, Уральске, Кустанае и Троицке. Не только М. Сералин, но и другие казахские деятели в той или иной мере испытывали благотворное влияние передовой татарской общественной мысли и ее представителей. М. Сералин, пожалуй, в наибольшей степени был связан с татарской культурой и ее прогрессивными традициями.

Говоря о влиянии татарской культуры на казахское общество в широком смысле слова, следует иметь в виду, что, во-первых, Татария раньше всех других регионов мусульманского Востока России приобщилась к русской культуре и к европейской цивилизации; во-вторых, в ней раньше, чем в Средней Азии и Казахстане, зародились просветительское, либеральное, мелкобуржуазное и революционное движение; в-третьих, татары, будучи одной из самых многочисленных и образованных народностей среди мусульман России и в силу того, что они в значительном числе проживали в городах, кишлаках и аулах Туркестана и Казахстана, нередко были наставниками молодежи в этих регионах.

В распространении просветительских идей и просвещения в Туркестане, Бухарском эмирате, Хивинском ханстве и Казахстане заслуга татарских просветителей, учителей и деятелей общественной мысли значительна.

Не последнюю роль в идейном становлении и формировании М. Сералина как деятеля дореволюционной казахской общественной мысли играли общение, тесные контакты с передовой татарской интеллигенцией. Надо сказать, что это было влияние не только передовых людей Татарики, той их части, которая была связана с Казахстаном, но и татарской культуры в целом, взятой в ее социально-экономическом, хозяйственном и идейном аспектах.

Мать Мухамеджана Сералина была дочерью ногайского ремесленника Бекчентаева, который приходился родственником Яушеву, известному татарскому купцу, жившему в г. Троицке. Яушевы обладали крупным капиталом, имели свою торговую фирму и несколько контор. Их торговые связи простирались на многие губернии центральной и западной

России. После смерти отца М. Сералина Яушевы как родственники стали оказывать ему покровительство: помогали устроиться учиться в медресе, приобрести навыки работы в торговой конторе.

В доме Моллахмета Яушева, у которого работал Сералин, время от времени собирались известные в те годы местные татарские деятели, а также приезжавшие из Оренбурга и других городов учителя, издатели газет, владельцы типографий, образованная молодежь. Среди них было немало лиц, связанных с просветительским, народно-демократическим и даже социал-демократическим движением в Татарии, Поволжье, в центральных губерниях России. Общаясь с ними, участвуя в спорах на политические темы, М. Сералин расширял свой общественный и политический кругозор.

М. Яушев, будучи крупным торговцем, придерживался либеральных взглядов на политические события в России. Это подтверждает и С.С. Ужгин, называвший его «либеральным купцом».¹ Яушев сочувственно относился к татарской молодой интеллигенции, зараженной мелкобуржуазными и демократическими идеями обновления общества, оказывал ей материальную помощь. Он не раз значился в жандармских донесениях и материалах в числе «опасных» людей за покровительство ссыльным, а также местным радикальным татарским деятелям. Один из таких случаев был связан с его сближением с Абдуллой Буби (Бабинским), учителем Вятской губернии, сосланным в ноябре 1913 г. в Троицк за свободомыслие. М. Яушеву ставилось в вину его сочувственное отношение к фельдшеру Мухамедшину, издателю журнала «Акмолла» Х. Танееву и другим, за которыми был установлен надзор царской охранки. За это Яушевы подвергались репрессивным мерам.²

Первое учебное заведение, двери которого открылись перед М. Сералиным, было медресе в г. Троицке, основанное в свое время волжскими татарами-миссионерами. В числе его

¹ Ужгин С.С. Странички былого. Воспоминания. С. 1. Кустанай. Обл. историко-краеведч. музей.

² См.: Тагиров И.Р. Революционная борьба и национально-освободительное движение в Поволжье и на Урале. Казань, 1977. С. 67.

преподавателей немало было хорошо образованных людей, пропагандистов народного просвещения и лиц, связанных с передовыми для того времени идейными течениями в России и Татарии, а также в Северном Казахстане. На впечатлительного юношу из казахской степи идейная обстановка в медресе оказала заметное влияние.

Какое-то время М. Сералин увлекался идеями Шагабуди́на Марджани (1815 – 1889 гг.) – известного татарского ученого, историка и этнографа, критически относившегося к мусульманским фанатикам. В 1849 г. Марджани открыл медресе, в котором в учебную программу были включены и светские дисциплины: история, литература, астрономия и др. Это вызвало сопротивление ортодоксальных мулл и богатых священнослужителей. Позднее Ш. Марджани с болью говорил: «Они, предлагая подражать медресе из деревни Кышкар и из деревни Буби, а также казанским медресе, мое медресе погубили. Все мои предложения о новых методах преподавания, с которыми я приехал из Бухары, пошли насмарку. Напрасно тратят время, занимаясь пустяками. Нужные предметы не преподают. Ах, это проклятое время, что же делать?».¹

Ш. Марджани был горячим сторонником изучения русского языка и содействовал тем, кто желал отдать своих детей в русские школы. Свои идеи он изложил в работах «Кончина предков и воздаяние потомков», «История Булгарии» и др. Историческое значение трудов Ш. Марджани определяется критикой догматизма и схоластики, имевших широкое распространение среди мусульманского духовенства того времени. Выступления в защиту свободы мысли, признание преимуществ знания и необходимости изучения наук и русского языка ставят Ш. Марджани в ряд прогрессивных деятелей.

Просветительские и гуманистические взгляды и идеи Ш. Марджани оказали определенное влияние на творчество многих казахских и башкирских общественных деятелей: И.А. Алтынсарина, А. Кунанбаева, Ахансеры.² Известный поэт Акмулла считал себя учеником Ш. Марджани.

¹ Приводится по кн.: Гайнуллин М.Х. Татарская литература XIX века. Казань, 1975. С. 42.

² Ысқақов Б. Қазақ-татар әдеби байланысы. Алматы, 55-б.

М. Сералин высоко ценил труды Ш. Марджани и настойчиво предлагал молодежи изучать его идеалы и следовать им, в особенности в деле распространения образования среди казахского народа.

В связи со 100-летним юбилеем Ш. Марджани в 1915 г. М. Сералин опубликовал статью, в которой особо отметил его заслуги перед народами Востока в их сближении с Россией, ее культурой.¹ «В тот день, - говорилось в статье, - много людей собралось на его могиле и поклонились его памяти и духу. Среди них были татары, казахи и кавказцы, приезжие из Туркестана, а также молодежь, жаждавшая знаний. От юношей до белобородых старцев, от мулл с огромными белыми чалмами на голове до студентов, одетых в формы, можно было встретить здесь». М. Сералин призывал казахских интеллигентов брать пример с Ш. Марджани и направить свои усилия на просвещение народа, бережно относиться к идейно-просветительскому наследию передовых казахских мыслителей прошлых эпох, в том числе и к наследию Ибрая Алтынсарина.

Не только идеи Ш. Марджани, но и ряда других деятелей прогрессивной татарской культуры, оказали заметное влияние на М. Сералина, особенно в годы его увлечения народным просвещением.

Нам представляется справедливым утверждение С. Асфендиярова, что на начальном этапе творчества М. Сералин испытывал влияние татарских джадидов. Это течение общественной мысли возникло в противовес схоластическому методу обучения в мусульманских медресе, основанному на заучивании догм корана и других религиозных учений, оторванных от жизни, от потребностей общественного развития.

Джадидизм возник в пореформенный период в среде татар. Этому способствовало то обстоятельство, что Татария раньше других регионов мусульманского Востока России втянулась в сферу буржуазных отношений, находилась ближе к центральной России, имела тесные связи с ней. Передовые татарские общественные деятели видели отсталость Татарии в области науки и просвещения по сравнению с Россией и европейскими народами. Татарские школы, где было сильно засилие

¹ Айқап. 1915. № 2.

мусульманского духовенства, не соответствовали возросшим требованиям эпохи. Критикуя фанатичных мулл, прогрессивная интеллигенция выступала с требованием проведения реформы в мектебах и медресе. Они боролись за введение в школах европейского звукового метода обучения, который по-арабски назывался «усул и джадид» т. е. «новый метод». Сторонников этого метода стали называть джадидами.

Основное внимание джадида уделяли реформации учебных заведений, не вторгаясь в область практического изменения системы политической власти и формы государственного управления метрополии и колониальных окраин. Соблюдая идейно-политическую сдержанность, джадида ставили задачу обучения детей и подготовку молодых кадров в русле требований эпохи просвещения и развернули достаточно активную деятельность в этом направлении.

Таким образом, джадидизм, возникший в конце XIX в., носил буржуазно-реформаторский характер. По мнению многих советских исследователей, главными задачами джадидов были ограничение влияния ортодоксальной мусульманской религии на светскую жизнь, реформа школьного образования, внедрение европейского звукового метода обучения в мектебах, широкая пропаганда и стремление приобщить мусульманские народы к европейской, в первую очередь к русской, культуре. Под этими лозунгами выступали люди различных убеждений и социальных слоев. Но объединяли их широкие интересы просвещения и недовольство закостенелой образовательной политикой мусульманского духовенства. Желание джадидов ознакомить молодежь с достижениями русских и других европейских народов в области науки, техники и образования и их первые практические шаги нашли широкий отклик у молодежи. Сторонники джадидизма – шакирды отличались критическим, вдумчивым подходом к общественным явлениям и к действительности. Даже в своем поведении они были более свободны и раскованны.

Таким образом, джадидизм подрывал вековые устои и предписания шариата и адата, вызывал вначале обеспокоенность и недовольство, а в дальнейшем – яростный гнев

реакционного мусульманского духовенства, так называемых «кадимистов».

Царское правительство отнеслось недоверчиво и к джадидам, и к кадимистам, но, как отмечает Р.И. Нафигов, «среди мер, намеченных для реализации на местах, нет ни одной, направленной против мулл кадимистов. Главный удар наносился не по нему, а по только что родившейся национальной литературе, по школам, обучающим своих учеников по европейскому звуковому методу обучения».¹ Несомненно, новый рациональный метод обучения значительно ускорил овладение грамотой, а введение новых методов обучения явилось прогрессивным фактором.

В истории джадидизма прослеживаются два этапа: просветительский, объединительный и политико-реформаторский. Под влиянием революции 1905 – 1907 гг. произошло размежевание среди его сторонников. Стали выделяться прогрессивные представители национальной интеллигенции. Свою просветительскую деятельность они связывали с отношением к политической системе.

Прогрессивно-реформаторские идеи джадидизма в области просвещения увлекли и молодого М. Сералина. О них он слышал в русско-казахском училище в г. Кустанае. Новые методы обучения детей М. Сералин применил в своей работе, будучи учителем аульной школы в Приаралье, где ввел преподавание русского языка и предметов общеобразовательного значения. В Казахстане конца XIX – начала XX в. внедрение новых методов обучения детей в мектебах и медресе не было сопряжено с такой ожесточенной борьбой и острыми конфликтами между джадидистами и кадимистами, как в Туркестане, Бухаре, Хиве.

Татарские общественные деятели, с которыми был связан М. Сералин, оказывали ему поддержку в разные годы жизни. По воспоминаниям старого большевика С.С. Ужгина, Сералину нередко оказывал поддержку Ганиев, приказчик купца М. Юшева, возглавляющий татарскую демократическую интеллигенцию г. Троицка. В 1904 г. он делал предложение

¹ Нафигов Р.И. Формирование и развитие передовой татарской общественно-политической мысли. Казань, 1965. С. 34.

М. Сералину о совместном издании русско-казахской газеты «Сначала, – вспоминает С.С. Ужгин, – предполагалось издавать большую еженедельную газету на русском и казахском языках с тем, чтобы в ней ставились и обсуждались вопросы, связанные с жизнью казахского общества и русских переселенцев. Редактором русского текста намечался журналист Ильинский».¹ Когда встал вопрос о средствах, необходимых для издания такой газеты, Ганиев убедил либерального купца М. Яушева выдать субсидию в размере 500 рублей. Однако М. Сералин, не желая быть зависимым от него, от денег отказался.

Ахметгали Рахматуллин, работавший в 1908 – 1918 гг. приказчиком М. Яушева, знавший М. Сералина, вспоминал: «Мухамеджан-агай общался с Ганиевым и Иркасовым. Все мы находились в тесном общении и большой дружбе».

Как видно из сказанного выше, М. Сералин в своих воззрениях и идейной ориентации многое воспринял из культур трех народов – казахского, русского и татарского, а его личная жизнь и творчество тесно были связаны с духовной жизнью этих народов.

¹ Ужгин С.С. Странички былого. Воспоминания. Кустанай. Обл. истор. краев. музей. С. 2.

ГЛАВА II

М. СЕРАЛИН И ЖУРНАЛ «АЙКАП»

Основатель и редактор первого национального журнала в Казахстане

Пробуждение национального самосознания в казахском обществе приходится на начало XX в. Во многом оно связано с революционными событиями в России 1905 – 1907 гг. Это, однако, не означает, что одни только внешние факторы породили его. При такой трактовке оживление национальной жизни в Казахстане выглядело бы навязанным извне, искусственным, а значит, непрочным.

Уже накануне первой российской революции в отдельных сферах жизни казахского общества начали формироваться новые явления, свидетельствующие о более глубоких внутренних изменениях, происходивших в его структуре. Особенностью этих изменений было то, что при сохранении господства патриархально-феодальных отношений в сфере духовной жизни казахского общества складывались условия, намного опередившие развитие экономических отношений. Такое положение создалось в результате неравномерности распространения влияния России и ее официальной политики на различные сферы общественной жизни казахов. Наибольшее влияние оказывала передовая Россия на общественную и духовную сферу казахского общества, особенно на его молодежь, в той или иной мере связанную с городской культурой и культурой русского населения. Более медленным и затяжным было влияние России на экономическую жизнь степного региона.

Усиление в первую очередь политического влияния царского правительства на казахское общество, а также растущие контакты и связи казахского населения с русским, сделали необходимой ускоренную подготовку грамотных людей из среды местного населения, владеющих русским языком.

В этом были заинтересованы и местная знать, и царские наместники, но и те и другие исходили из своих узких, нередко противоположных интересов. Так, царская администрация надеялась создать касту чиновников из казахов, способных проводить их политику в крае, а местная знать больше пеклась о защите своих прав и привилегий с помощью тех же образованных казахов.

В 80-х гг. XIX в. в казахской степи появились первые европеизированные казахи, а в начале 10-х гг. XX в. их было уже несколько десятков. В степи стали встречаться студенты-казахи, обучавшиеся в высших учебных заведениях Петербурга, Москвы, Казани, Варшавы, Юрьевска, Томска.

Значительно увеличилось число окончивших гимназии, русско-казахские училища, учительские курсы, волостные и аульные казахские школы с преподаванием русского языка и естественных дисциплин. При всем этом удельный вес грамотных, в особенности грамотных по-русски, в среде местного населения был незначителен.

Расширение европейского образования в конце XIX в., в особенности в начале XX в., было заметным явлением в жизни казахского общества и внесло определенные изменения в его интеллектуальную структуру.

Получившие уроки цивилизации, познавшие ее благотворное влияние на народное состояние и впитавшие немало ценного из русской культуры зараженные просветительскими идеями молодые казахи возвращались в свои аулы одни после окончания учебных заведений России, другие – после более или менее длительных контактов с русской, татарской и башкирской интеллигенцией и более передовым образом их жизни. Перед ними стояла дилемма: либо приспособиться к степной, патриархальной и отсталой аульной жизни, раствориться в ней, занимая должности переводчиков, письмоводителей, канцеляристов, либо идти в народ, посвятить себя его интересам, попытаться вывести его из патриархальщины и косности, пробудить в нем стремление к преодолению своей отсталости. Многие из казахских молодых интеллигентов выбрали второй путь.

На формирование национальной казахской интеллигенции влиял ряд социальных и общественно-политических факторов:

1. Оно совпало с революционными событиями в России 1905 – 1907 гг., под мощным натиском которых царский трон и царский авторитет сильно пошатнулись.

2. Основной ее образовательной базой были русские учебные заведения в метрополии и приграничных городах, при ставках гражданских и военных губернаторов, правивших делами казахского края.

3. Формирование младонациональной казахской интеллигенции происходило на таком историческом этапе развития, когда казахское общество по своему политическому и социально-экономическому положению уже превратилось в полностью контролируруемую колониальную окраину Русской империи.

4. Основной общественной средой, из которой вышли казахские интеллигенты и с которой они были органически связаны, являлось отсталое кочевое и полукочевое скотоводческое общество с господством патриархально-феодалных отношений. По социальному составу интеллигенция была разночинной: наряду с выходцами из зажиточной и средней части населения были и дети рядовых шаруа. В большинстве этих семей существовали прежде культ покорности царю и его политике, борьбы за новые чины в системе местного управления под властью царских наместников. Все эти факторы и обстоятельства наложили отпечаток на воззрения и общественно-политическую деятельность основной части казахской интеллигенции.

Особенно сильное влияние на идейную жизнь казахского общества оказала революция 1905 – 1907 гг. Она открыла глаза на Россию окраинным отсталым народам, которые увидели в России – Россию царскую и Россию рабочих и крестьян, безжалостно эксплуатируемых и подавляемых царизмом. Именно после революции 1905 – 1907 гг. в России в патриотически настроенный круг казахской интеллигенции заговорили о союзе и совместной борьбе русских и казахов против политики царского правительства в крае.

Революция 1905 – 1907 гг. имела решающее влияние на казахское общество и в другом плане. По своему характеру она была буржуазно-демократической и проходила под лозунгами

борьбы за социальную справедливость, свободу, равенство, за лучшую жизнь, против феодально-монархической системы. Эти политические требования русских рабочих, разносившиеся по всей России, были источником и стимулом для формирования местных программ общественного обновления в национальных окраинах, в том числе и в Казахстане. Именно с русской революцией 1905 – 1907 гг. связано пробуждение национальной жизни в Казахстане, заметное оживление политической активности среди населения.

На этом фоне создание печатного органа, способного донести до широкого круга населения мысли и взгляды младоказахской интеллигенции, а также служащего средством мобилизации сил для решения назревших вопросов национальной жизни и ее развития, стало закономерной необходимостью, обусловленной с таким развитием казахского общества начала XX в.

Царское правительство и его наместники в Казахстане противодействовали намерениям казахской интеллигенции наладить издание национальных газет и журналов. Это противодействие особенно усилилось, когда царская администрация увидела ее связь с русской общественной жизнью, с ее передовыми деятелями. В этом правительство видело опасность для интересов дальнейшей колонизации края. Оживление национальной жизни в казахском обществе было для царизма нежелательным. С одной стороны, оно могло нарушить то «спокойствие и послушание», которое, по мнению царских чиновников, было характерно для основной массы местного населения, а с другой – могло усилить контакты между казахским и русским обществами и тем самым создать дополнительные трудности в борьбе с оппозицией официальной политики. Однако сознавая, что совсем избежать решения этого вопроса нельзя, необходимо было идти по линии издания приложений к некоторым губернским и областным ведомостям, издающимся в крае как официальные органы. В крайнем случае допускалось издание газет на казахском языке по примеру прошлых лет. И в первом и во втором случаях правительство осуществляло полный контроль над изданиями как государственными органами печати.

В конце XIX в. – начале XX в. на казахском языке издавались две газеты «Туркестан уалаятының газеті» (1870 – 1881) и «Дала уалаятының газеті» (1888 – 1902). Первая выходила в Ташкенте и была официальным органом Туркестанского генерал-губернаторства, а вторая издавалась в Омске степным генерал-губернаторством. В них в основном печатались распоряжения правительственных органов и материалы о проведении политики царизма в крае, в неофициальном отделе иногда давались материалы по истории, этнографии и литературе Казахстана. Но и эти газеты, вопреки намерениям царского правительства, сыграли в целом положительную роль в общественной жизни края.

После 1905 г. оживление идейной жизни казахского общества выразилось в попытках организовать ограниченные по составу совещания с приглашением влиятельных лиц из степной знати, а также основать неправительственный печатный орган. Одно из таких совещаний состоялось 28 мая 1906 г. в Актюбинске, во время выборов депутатов в I Государственную думу, на котором был поставлен вопрос об издании на казахском языке журнала. Было вынесено решение о сборе средств на эти цели и назначен казначей С. Иманшалов. Однако издание журнала откладывалось из-за отсутствия базы и разногласий о месте пребывания редакции. В 1908 г. в Оренбурге, под руководством Смагула Иманшалова и Сералы Лапина, состоялось новое совещание с участием некоторых аксакалов, на котором было принято решение об издании казахской газеты на средства, пожертвованные населением. Подобно предыдущим попыткам и эта начинание осталось нереализованным.¹

Такие совещания устраивались и в Петербурге группой казахских членов Государственной думы и казахской интеллигенции в 1905 – 1907 гг. В них принимали участие и студенты-казахи, обучавшиеся в столице - в г. Москве. В 1907 г. депутат Государственной думы Ш. Кошегулов договорился с татарским издательством в Петербурге о выпуске казахского журнала «Серке». Однако первый же его номер показался цензуре неблагонадежным, и его издание было запрещено. В том

¹ См.: Зиманов С.З. В.И. Ленин и советская национальная государственность в Казахстане. Алма-Ата, 1970. С. 44-45.

же году в г. Троицке вышел первый номер «Киргизской газеты» (на казахском и русском языках), инициаторами которой были Ж. Андреев, Е. Исмаилов, Х. Сосновский, Есмухамедов и Иманбаев. Имеются некоторые сведения, что в числе инициаторов ее издания был и Мухамеджан Сералин. Эту газету постигла та же участь: первый ее номер был и последним.

Группа казахской молодежи пыталась наладить издание газеты «Дала» (Степь) в г. Томске, но и она вскоре была закрыта. Студенты-казахи медресе, обучавшиеся в г. Уфе, выпустили несколько номеров рукописного журнала «Садак». Такие попытки стали повсеместным явлением в Казахстане.

Создание национального печатного органа превратилось в начале XX в. в национальную проблему. Решать ее настойчиво взялась младонациональная интеллигенция, пытавшаяся перенести буржуазно-демократические лозунги в условия отсталого, патриархально-феодального казахского общества. Это движение, нашедшее ощутимую поддержку в демократических кругах и в кругах оппозиционных правительству партий и деятелей России, набрало силу, со временем стало влиятельным движением в обществе.

Правительство, позиции которого серьезно пошатнулись в результате революционных выступлений русского рабочего класса и крестьянства в метрополии, вынуждено было пойти на «уступки» и дать официальное согласие на издание казахского печатного органа, но с усиленным цензорским надзором.

В конце 1910 г. правительство удовлетворило ходатайство М. Сералина и дало разрешение на издание журнала. В нем было сказано: «Киргизу Кустанайского уезда Чубарской волости № 5 М. Сералину выдано разрешение на издание в г. Троицке под его ответственность ежемесячного журнала «Эй-Кафь» по следующей программе: передовые статьи, заграничные вести, вопросы мусульманской жизни, хроника, фельетоны и стихотворения, библиография и научные статьи, письма в редакцию.»¹

10 января 1911 года в г. Троицке вышел первый в истории казахский национальный журнал «Айкап», 16 марта того же

¹ Ленинградский исторический архив. Ф. 776. Оп. 21-П. Д. 1. Л. 386.

года увидел свет первый номер газеты «Казахстан», печатавшийся на казахском и русском языках. С 2 февраля 1913 года в г. Оренбурге начала выходить газета «Казах». Накануне февральской революции в г. Ташкенте стала издаваться газета «Алаш». Все эти издания имели различные идейные направления, в зависимости от позиции и взглядов их издателей.

В этих изданиях в полной мере отразились все противоречия времени и общества, жизнь которого они отражали, революционный подъем событий 1905 – 1907 гг. сменился наступлением реакции, которая в свою очередь подготавливала условия для нового этапа социальных потрясений. Царский манифест о новой демократии, борьба вокруг Государственной думы подвели к началу первой мировой войны, лозунги «Война до победного конца!», «Храни царя и Отечество!» перемежались с лозунгами «Долой царя!», «Хлеб и свободу народам!». Назревала революционная ситуация, направленная против священных устоев многовекового царского режима и социальной несправедливости, угнетения человека человеком. Вместе с тем на этих изданиях отразилось и то особенное, что было характерно для самого казахского общества. Колониальное положение края, политика жестокого подавления инакомыслия в крае в полной мере отражались на печатных органах. К тому же следует иметь в виду, что эти казахские периодические издания были основаны не политическими партиями, которых еще не было в казахском обществе, и не профессиональными организациями, а малочисленной младонациональной интеллигенцией, формировавшейся в большинстве своем на стыке двух культур – русской и казахской.

Журнал «Айкап» был основан казахским учителем Мухамеджаном Сералиным, который был не только его организатором и издателем, но и его ведущим составителем – автором и идейным руководителем, редактором. Его историческая заслуга состоит в том, что он был первым, наладившим издание национального журнала демократического направления в Казахстане. Журнал «Айкап» стал окном в просвещенный мир.

Изданию журнала предшествовала значительная подготовительная работа: накопление средств, хлопоты о получении специального разрешения от официальных властей на это, подбор будущих авторов и переговоры с типографскими учреждениями и лицами, способными участвовать в издании журнала и поддерживать его материально.

История издания журнала «Айкап» в литературе почти не освещена, не изучен и путь, по которому шел М. Сералин к его созданию, а вместе с тем этот этап его деятельности важен не только в познавательном, но и в научном плане, ибо мотивы и цели создания журнала не могли не отразиться на его содержании. Отсутствие данных и материалов явилось в прошлом основным препятствием в воссоздании истории журнала. Этот пробел в изучении деятельности и взглядов М. Сералина в периоды подготовки и издания журнала в определенной степени может быть теперь восполнен. В нашем распоряжении сегодня имеется ряд записей С.С. Ужгина, посвященных общественно-политической биографии М. Сералина, охватывающей 1905 – 1917 гг., написанные в разные годы и с разной целью, но дополняющие друг друга. В них есть упоминание о том, что первоначально речь шла об издании русско-казахской газеты демократического направления. Причем М. Сералин взялся редактировать казахскую часть, а журналист Ильинский – русскую часть газеты. Ильинский, по поручению своих коллег, повел успешные переговоры с казахскими баями С. Иманшаловым, К. Алдияровым и Клышбаевым, проявившими определенный интерес к решению национальных проблем, относительно материальной поддержки новой газеты. Узнав об этом, М. Сералин запротестовал и заявил, что он не будет работать в газете, финансируемой этими баями, а следовательно, выполнять их заказы. Выход М. Сералина из редакции будущей газеты предопределил неудачу плана ее издания.

Отказ М. Сералина сотрудничать с указанными представителями казахской крупной знати имел основания. В принципе он считал, что пожертвования со стороны казахской знати на издание национального печатного органа необходимы, такой возможностью обладали только они. Но

пользоваться такой поддержкой со стороны указанных баев М. Сералин не мог. Против бая С. Иманшалова М. Сералин писал памфлеты и стихи об его бессердечии и произволе по отношению к беднякам, высмеивал его притязания на образованность. Эти материалы в рукописях распространялись по аулам. Позже получил огласку случай утаивания С. Иманшаловым средств, собранных им с населения для издания национальной газеты.

Одиозной фигурой был и Кара Алдияров. По воспоминаниям Толепбергена Сейткалиева, как только было получено известие в г. Троицке о февральской революции 1917 г. о низложении царя, в доме Жанши Сейдалина состоялось большое собрание местных казахских интеллигентов с участием М. Сералина. В нем участвовал и известный казахский революционер Омар Досщанов, только что освобожденный из тюрьмы. Увидев К. Алдиярова среди присутствовавших, он набросился на него. Алдияров был одним из доносчиков на О. Досщанова при царе. М. Сералин, присутствовавший при этом инциденте, постарался не допустить дальнейшего осложнения ситуации. Неблаговидные дела Алдиярова ему были хорошо известны.

Сам факт, что М. Сералин с самого начала издания газеты или журнала не хотел связываться с крупными баями, преследующими узкокорыстные классовые цели в национальном движении, говорит о его демократических взглядах, сориентированных на интересы народных масс, а не верхушек казахского патриархально-феодалного общества.

Воспоминания С. Ужгина об истории подготовки издания журнала «Айкап» имеют достаточно достоверную основу. Но, как всякие мемуарные материалы, воспоминания С. Ужгина не свободны от субъективных привнесений. Однако в воспоминаниях всегда ценны факты и детали исторических событий, наиболее емкими источниками которых они являются. По рассказам С. Ужгина, «мысль об издании печатного органа с демократической направленностью возникла в г. Троицке бывшей Оренбургской губернии, среди татарской буржуазно-демократической интеллигенции, во главе которой стоял Ганиев, приказчик либерального купца Яушева...

Татарская буржуазно-демократическая интеллигенция нуждалась в рупоре, через который она могла бы влиять на трудовые массы и, прежде всего на казахские массы, находившиеся под влиянием ислама и предрассудков отсталого кочевого быта. Таким рупором, по мысли Ганиева, могла служить газета с демократическим направлением». ¹ В конце 1904 г. содалась благоприятная ситуация для реализации этого плана. Поражение России в русско-японской войне еще больше усилило недовольство народных масс, в том числе и на окраинах империи. Ганиев в это время вел переговоры с казахским учителем Мухамеджаном Сералиным о редактировании газеты. Предполагалось издавать газету на двух языках – русском и казахском. М. Сералин должен был редактировать казахскую часть. Было также установлено, по словам С. Ужгина, что газета будет освещать жизнь и нужды «рядовой казахской массы и русских переселенцев». Хотя договоренность в принципе была достигнута, однако финансовые, производственные и другие вопросы, связанные с изданием газеты и определением ее направления, задержали ее выпуск.

В 1906 г. М. Сералин вел переговоры с П.А. Зиссером, редактором газеты «Зауралье», начавшей выходить с мая в г. Троицке. Она издавалась на средства либеральной местной русской интеллигенции и считалась «крайне левого направления». П.А. Зиссер, связанный с местной социал-демократической организацией и знавший М. Сералина раньше, изъявил готовность освещать на страницах редактируемой газеты положение и интересы трудовых масс казахов и опубликовать обращение М. Сералина к патриотически и демократически настроенной части казахского населения о материальной поддержке начинания, связанного с изданием национальной газеты. П.А. Зиссер не только поддержал идею М. Сералина об издании газеты, но и выступил ходатаем перед владельцем типографии, где печаталось «Зауралье»; о приобретении арабского шрифта для целей нового издания. Но уже после достижения договоренности оренбургский губернатор

¹ Ужгин С. Странички былого. «Айкап» – первый демократический журнал на казахском языке. Воспоминания. Рукопись. Кустанай. Обл. истор. краев. музей.

распорядился закрыть газету «Зауралье» «за вредное направление» и наложил запрет на приобретение типографией арабского шрифта. Почти в то же время был арестован и осужден на каторгу Юдин, редактор социал-демократической газеты «Степь», издававшейся в г. Оренбурге, с которой также вел переписку М. Сералин по поводу своего плана об издании газеты.

«Отбывая второй год ссылки в Тюмени, бывшей Тобольской губернии, – пишет С. Ужгин, – летом 1909 г. я получил от редактора газеты «Троицкий вестник» предложение написать несколько статей по национальному и земельному вопросам в Казахстане, причем редактор закончил письмо припиской: «Мы снова затеваем издание печатного органа на киргизском языке, на этот раз популярного ежемесячника». По словам С. Ужгина, тогда он не понял, кого имел редактор ввиду под словом «мы». Несколько позже он узнал, что инициаторами этого дела были М. Сералин и Ганиев. Об этом М. Сералин сам написал в письме С. Ужгину, присланном ему через общего знакомого Селянкина. «В письме М. Сералин делится своими мечтами об издании ежемесячного журнала и обстоятельно описывал разброд среди казахской интеллигенции, зажатой в тиски столыпинского режима».

Действия М. Сералина не остались не замеченными местной властью, охранявшей интересы царского режима в Казахстане, тем более что его памфлеты и басни, частью в переложении на русский язык С. Ужгина, имевшие «неудобное правительству содержание», вызывали подозрения у властей относительно «благонадежности» М. Сералина. Кустанайская администрация, указывает С. Ужгин, с одинаковым усердием охотилась за русскими и казахскими литераторами, в числе которых видной фигурой был и Сералин. Однако прямых доказательств для его обвинения власти не имели.

Особый интерес представляет рассказ М.Л. Страховенко, записанный нами в Москве в 1978 г. Он длительное время работал репортером газеты социал-демократической организации «Степь» и лично знал многих революционеров-подпольщиков кустанайщины, оказывавших помощь и поддержку М. Сералину во многих его начинаниях и делах. М. Сералину

к 1911 г. удалось собрать вокруг себя несколько казахских интеллигентов, с энтузиазмом воспринявших идею об издании казахского журнала. С их помощью, а также с помощью татарских друзей и собственными усилиями им были собраны необходимые средства для начала издания. Солидный взнос внес либерально настроенный троицкий купец Яушев, считавший себя в какой-то мере покровителем дел Сералина.

Сложными были организационная и техническая сторона издания журнала: поиск арабских шрифтов, наборщиков, бумаги, типографской базы. В решениях многих из этих вопросов значительную помощь оказали М. Сералину старые друзья и товарищи – русские революционные социал-демократы Ф. Сыромолотов, С.С. Ужгин, Зиссер, Юдин. Они помогли ему заключить договор с владельцем типографии «Энергия» Хаимом Сосновским, в известной степени терпимо относившимся к делам и идеям либеральной русской и казахской интеллигенции. В результате многотрудных хлопот 10 января 1911 г. в г. Троицке вышел первый номер первого в истории Казахстана национального журнала «Айкап».

Сам М. Сералин об этом так писал в 1924 г.: «После 1905 г. появились некоторые проблески для изданий инородцев... Однако казахский народ из-за своей темноты не мог воспользоваться результатами революции 1905 г. Известные татарские деятели с участием двух-трех казахских джигитов начали издавать в Петрограде журнал «Серке» на полуказахском и полутатарском языках. Этот журнал, увидевший свет во время царствования кровавого Николая, скоро был похоронен... В те мрачные времена, в 1911 г., в г. Троицке начал выходить казахский журнал «Айкап». Через некоторый период он издавался два раза в месяц».¹

В первом номере журнала М. Сералин рассматривал причины неудач прежних лет по налаживанию издания национального печатного органа. Одной из основных причин он считал несогласованность и отсутствие единого взгляда среди организаторов, а также нежелание людей, владеющих огромными средствами, выделить часть из них на издание национального журнала или газеты. «Мы постоянно упрекали

¹ Аул. 1924. 10 мая.

друг друга в лени и глупости и от досады часто разводили руками. Увы-увы, к сожалению, ошибки нам не шли впрок», – сетовал М. Сералин. Это дало и название журналу («ай-кап» дословно – как жаль, возглас досады, сожаления, «увы-увы»). Но тут же М. Сералин выражал надежду, что совместные усилия энтузиастов не дадут погибнуть этому слабому ростку, и поручкой тому является рост числа людей, думающих о судьбе родного народа.

Выход журнала сразу привлек внимание широкой общественности. В газете «Оренбургский край» по этому поводу вышла статья «Мусульманская печать», в которой в положительном тоне характеризовалось это издание. «...Киргизский двухнедельный общественно-политический журнал «Айкап», – писала газета, – представляет в высшей степени самобытное и по характеру, и по типу издание. Редактором названного журнала является коренной степняк – киргиз М. Сералин... Пять дней в неделю он проводит у себя за работой в ауле, а на шестой приезжает в город для редакционной работы. Зная его за человека мелкого достатка, просто удивляешься, как это можно осуществить солидный (до 4/5 листов) двухнедельник, имеющий небольшой тираж в 900 – 1200 экземпляров. Но это секрет только для тех, кто не постиг тайны того духовного родства, которое установилось среди киргизской интеллигенции, между журналом и киргизской массой... Назвать этот журнал предприятием, основанным на коммерческих началах, было бы тягчайшей ошибкой. Это удивительно выдержанный тип туземно-народного издания, являющегося лучшим показателем успехов культурной работы прогрессивной киргизской мысли».¹

Журнал «Айкап» находился и издавался под строгим надзором правительственных органов, еще больше усилившимся с начала первой мировой войны. Цензоры требовали от всех органов печати, особенно на окраинах империи, великодержавного «патриотизма» и пропаганды царской политики во внутренних и внешних делах. Был введен предварительный цензурский контроль на издания, по которому цензор просматривал все подготовленные к публикации материалы и

¹ Оренбургский край. 1912. № 155.

сигнальные гранки газет и журналов и давал разрешение на их размножение. При этом цензоры особенно бесцеремонно обращались с «инородческими» изданиями, в том числе с «Айкапом». Особым усердием отличался цензор жандармский полковник Кучин, надзиравший над «Айкапом». Как свидетельствует С. Ужгин, он вычеркивал и снимал даже статьи, рассказывающие о несправедливых действиях землемеров в казахской степи при отводе ими земель в переселенческий фонд.

Со второй половины 1915 г. журнал «Айкап» прекратил свое существование. Причину закрытия журнала Х. Бекхожин связывает с публикацией на ее страницах статьи большевика Ф.Ф. Сыромолотова, осуждающей первую мировую войну. Это вызвало гнев властей, и журнал был закрыт, а сам М. Сералин чуть было не угодил в ссылку в Сибирь.¹

В одной из статей, опубликованных в советский период, сам М. Сералин писал, что «с августа 1915 г. журнал перестал выходить из-за недостатка средств».² По-видимому, оба эти фактора сыграли роль в прекращении издания журнала.

¹ Бекхожин Х. Очерки истории печати Казахстана. Алма-Ата, 1981. С.50.

² Аул. 1924. 10 мая.

Идейная направленность журнала «Айкап»

Одним из принципиальных вопросов, не освещенных до сих пор в литературе, а следовательно, не рассмотренных в ней, является вопрос о том, можно ли сводить взгляды и идейные позиции М. Сералина к журналу «Айкап», говоря иначе, насколько правомерно судить о них по деятельности М. Сералина в журнале «Айкап». До сих пор такая постановка проблемы считалась неправомерной, а общая идейная направленность журнала принималась как выражение позиции самого М. Сералина. Для характеристики М. Сералина этого периода почти единственным основанием служили его статьи, опубликованные в журнале. Такой подход нам представляется ущербным, не отражающим действительного положения вещей.

Появление и деятельность журнала «Айкап» определяли два фактора: социально-исторический и цензурный. Как уже отмечалось, рожден он был всем ходом внутреннего и внешнего развития казахского общества. Исходя из этого, нельзя «Айкап» отрывать от казахского общества того периода, тем более нельзя рассматривать его обособленно, вне связи с его насущными проблемами. Вместе с тем следует помнить, что, хотя журнал и был легальным изданием, но не был официальным органом. Как издание «инородческое» он находился под жестким цензорским контролем.

М. Сералин и другие участники издания журнала «Айкап» вынуждены были считаться с требованиями жесткого административного контроля. Поэтому не всегда они могли открыто высказывать свои мысли и нередко прибегали к нелегальным формам распространения своих идей и взглядов.

По уровню идейной и политической зрелости М. Сералин стоял ближе к революционно-демократической русской и татарской, чем к местной казахской интеллигенции. В этом, можно сказать, он опережал развитие казахского общества и тех, кто ограничивал себя узкоместными интересами.

Свою реакцию на революцию 1905 – 1907 гг. в России в одном из стихотворений тех лет, которые в рукописном виде

он разослал своим знакомым, жившим в казахских волостях и аулах Кустанайского уезда, выразил следующим образом:

*Русский брат богатырской рукой
Знамя красное взвил над Землей.
На царя, на злодеев-владык
У рабочих отточенный штык.¹*

Ни один казахский деятель того периода не выражал свои мысли так ярко, революционно, как М. Сералин в этих строках.

М. Сералин видел не только возможность, но и необходимость совместной борьбы казахского трудового народа с русским народом против царского режима. Однако призывы на такую борьбу в тот период были преждевременны. Он не мог не видеть отсталости казахского общества, опутанного патриархальными и феодальными отношениями. На том уровне его развития идеи социальных преобразований еще не могли найти сколько-нибудь широкого отклика и понимания, гораздо ближе народу были национальные проблемы. И не сознать злободневных местных и специфических вопросов, более того, не учитывать социальных и идейных позиций тех, кто претендовал на роль защитника народных интересов, М. Сералин не мог.

В материалах С. Ужгина о журнале «Айкап» и самом М. Сералине имеются сведения и факты, проливающие свет на его идейную ориентацию. Известно, что М. Сералин, издавая журнал, работал рядом и вместе с русскими революционерами, занятыми в редакции троицкой газеты «Степь», органа местной социал-демократической организации. Общая типографская база и редакторское помещение позволяли постоянно общаться и обмениваться мнениями относительно направления и содержания печатных материалов. По свидетельству С. Ужгина, между М. Сералиным, с одной стороны, и некоторыми русскими революционерами – с другой, нередко возникали разногласия. С позицией журнала «Айкап»

¹ Приводится по кн.: Куприн Г.А. Кустанай. Историко-информационный путеводитель. Алма-Ата, 1979. С. 14.

в освещении некоторых важных вопросов не соглашалась часть его друзей. Ф. Сыромолотов, например, упрекал Сералина в забвении нужд и интересов национальных рабочих. У М. Сералина были на то свои, достаточно убедительные аргументы: «Казахов-рабочих немного, а кибитковладельцев – сотни тысяч. Отхожие заработки казахской бедноты не занимают в хозяйстве казахов главной отрасли. Главной фигурой за переустройство всей жизни казахов является трудовик-середняк, на него журнал и должен делать ставку». Оппоненты же считали, что непонимание Сералиным роли киргизского (казахского) пролетариата, пусть немногочисленного, приведет к заблуждениям. М. Сералин на это отвечал, что «главной социальной фигурой в степи являются крестьяне-скотоводы и первостепенная задача – овладение их мыслями. Практически это вовлечение его именно в круговорот событий, связанных с переходом на оседлость».¹

Вопрос об освещении проблем казахских рабочих в журнале приводил к углублению расхождения Сералина с некоторыми русскими литераторами и с С. Торайгыровым, принимавшими деятельное участие в становлении журнала. М. Сералин глубоко переживал это, но твердо оставался на своих позициях. Большевику Цвиллингу, работавшему в редакции газеты «Степь», он признавался: «Конечно, и Сыромолотов, и Торайгыров правы, но я слаб в революционной теории, трудно мне объять своим умом тонкости политики. Я же не ставил перед собой задачу сделать журнал революционной трибуной, только нутром чувствую, что в теперешнее время надо пользоваться легальными средствами, не рискуя закрытием журнала».²

При рассмотрении идейной направленности журнала «Айкап» и разногласий Сералина с русскими социал-демократами очень важно не впасть в односторонний подход. Было бы неверным видеть в этих разногласиях только ошибочность взглядов М. Сералина. В тех условиях, когда издавался журнал, он объективно не мог быть революционным изданием, и

¹ Ужгин С. Странички былого. «Айкап» – первый демократический журнал на казахском языке. Л. 15-16.

² Там же. С. 17.

требования Сыромолотова и других шли не только от недопонимания состояния казахского общества того времени, но и от недопонимания тех целей, которые ставил перед журналом, сам Сералин: объединение всего лучшего, прогрессивного, что было в казахском обществе, его просвещение и воспитание национального самосознания. Сам М. Сералин был и порождением, и отражением казахского общества. Журнал «Айкап» хотя и находился под влиянием местных русских революционеров, однако, направлен он был на отражение не политических и революционных событий в России, связанных в первую очередь с выступлениями русского рабочего класса, а социально-экономических изменений в казахском обществе в условиях колониальной политики царизма. Нам представляется необходимым выделить три аспекта проблемы идейной направленности журнала «Айкап»: убеждение, идейные позиции самого М. Сералина в период издания журнала; обстановка, в которой работал Сералин; оценка журнала с точки зрения статей, публиковавшихся в нем.

Следует иметь в виду, что, хотя журнал «Айкап» и был легальным, работал он в условиях жесткой цензуры. Из него нередко изымались статьи по требованиям царской администрации или цензуры. По этим причинам М. Сералину приходилось прибегать к различным ухищрениям, чтобы обойти эти препоны. По совету Цвиллинга, рекомендовавшего помещать в журнале статьи о первой мировой войне, М. Сералин написал статью «Кому выгодна война?». По воспоминаниям С. Ужгина, в ней довольно осторожно излагались взгляды эсера Матвеева по земельному вопросу в Сибири и Казахстане, статья которого была напечатана перед этим в газете «Степь». Матвеев предлагал поставить перед Государственной думой вопрос о введении помещичьего землевладения в восточных регионах. М. Сералин выразил свое несогласие с такой точкой зрения. Уже в гранках статья была представлена цензору – полковнику жандармерии Кучину. О реакции Кучина на нее мы читаем у Ужгина: «Он, топая ногами, заорал: «Как! И ты, киргизская образина, посмел осуждать патриотическое начинание. Да, знаешь ли ты,

что русское благородное дворянство принесет в киргизскую дикую степь такую культуру, которая ни тебе, ни твоим предкам не снилась?»¹

Это глубоко оскорбило М. Сералина, надломило его физически и морально. «К концу 1915 года, свидетельствуют современники, он выглядел совершенно больным человеком: одряхлел, былой огонек в его темно-карих глазах угасал».²

Как видим, не только направленность на проблемы казахского общества, но и условия, в которых работал М. Сералин, обуславливали тематику и идейное содержание многих статей. Сам М. Сералин в 1924 г. в статье, посвященной истории создания журнала «Айкап», писал, что журнал «не был органом трудящегося класса. Он, будучи народным, не придерживался определенной классовой, политической и экономической ориентации».³ Понять эту мысль автора можно если конкретно, а не абстрактно представлять казахское общество. Казахские шаруа – аульные крестьяне, которые составляли 80 – 95% всего казахского населения, в своем идейно-политическом развитии оставались и в начале XX в. неорганизованной, раздробленной и в основном пассивной социальной силой, способной лишь на отдельные стихийные выступления.⁴

Над казахским шаруа довели интересы своей общины, своего рода, следовательно, его идейный горизонт в большей части ограничивался тесными рамками отношений внутри родовой группы, аула и двора. Этими же отношениями они были отгорожены от внешнего мира цивилизации и в своем большинстве пребывали в отсталости. Природа была им ближе и понятнее, чем люди и их отношения.

Одной из причин идейной «спячки» шаруа было отсутствие или крайняя слабость национальных сил, способных нести в их ряды в доступной и понятной форме передовые социальные идеи. Поэтому нам представляется неправомерным рассматривать журнал «Айкап» в отрыве от тех

¹ Ужгин С. Странички былого... Л. 20.

² Там же.

³ Аул. 1924. 10 мая.

⁴ См. кн.: Зиманов С.З. В.И. Ленин и советская национальная государственность в Казахстане. Алма-Ата, 1970. С. 30-32.

конкретно-исторических условий, в которых находилось казахское общество. Политические события в России в начале XX в. пробудили национальные окраины. Это совпало с проникновением в определенные регионы казахского общества элементов буржуазных отношений. Область же кочевого и полукочевого скотоводческого и скотоводческо-земледельческого хозяйства, где была занята основная масса казахского населения, оставалась практически вне этих процессов.

Буржуазно-демократические идеи для казахского общества с господством в нем патриархально-феодалных отношений играли в тех исторических условиях революционизирующую роль.

Говоря о политических событиях на Востоке, В.И. Ленин писал, что «в этой цепи событий только слепой может не видеть пробуждение целого ряда буржуазно-демократических национальных движений».¹

На этапе национальных движений общенациональные мотивы и лозунги выдвигаются на первый план и временно заслоняют все другие общественные мотивы и идеи, т. е. становятся преобладающими, доминирующими в системе социальных интересов. Это общее явление, характерное на определенном этапе развития для всех народов, однако, не означает, что интересы и мотивы отдельных социальных слоев и классов стираются, исчезают.

Журнал «Айкап» связывал проблему преобразования казахского общества с просвещением и цивилизацией, с необходимостью преодоления старых, отживших, негативных норм адата и шариата. Невежество и безграмотность, косность основной массы населения, в особенности его трудовых низов, обособленность отдельных хозяйственных мирков, связанных с кочеванием, отсутствие культурных очагов в центре степных районов журнал считал основными причинами отсталости, неразвитости казахского общества и его народа.

«Айкап», на страницах которого печатались авторы различных взглядов и идейных установок, в целом был

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 25. С. 269.

проводником идей младонациональной казахской демократической интеллигенции, ориентировавшейся на тесный союз русского и казахского народов, на демократическую Россию. Это отличало его от других органов национальной печати того периода.

ГЛАВА III

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ВГЛЯДЫ М. СЕРАЛИНА

М. Сералин в годы революционного движения 1905 – 1907 гг. в России

Российская революция 1905 – 1907 гг. потрясла устой царского самодержавия и показала, что русский рабочий класс является самостоятельной политической силой, выступающей за свое социальное освобождение, всех других угнетенных слоев населения в многонациональной империи. Известия о кровавых событиях 9 января 1905 г. в Петербурге и выступлениях рабочих в Центральной России дошли и до казахских степей. На многих станциях Оренбургско-Ташкентской железной дороги происходили волнения рабочих. Забастовки охватили рабочих прииска Акмолинского уезда, угольщиков Экибастуза, соледобытчиков Баскунчака. В них принимали участие и казахские трудящиеся. Пристально наблюдая за событиями, В.И. Ленин писал: «За Петербургом последовали окраины, где национальное угнетение обострило и без того невыносимый политический гнет».¹

Революция 1905 – 1907 гг. пробудила трудовые массы казахского народа и подняла их политическую активность, в первую очередь национальных рабочих в борьбе за свои национальные интересы. Под непосредственным влиянием революционных событий в России заметно оживилась идейная и общественно-политическая жизнь Казахстана. 1905 г., как отмечал В.И. Ленин, был началом конца «восточной неподвижности».²

27 ноября 1905 г. в г. Уральске начала выходить первая татарская газета «Фикер» (Мысль), отражавшая взгляды местной демократической интеллигенции. В следующем году

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 11. С. 313.

² Там же. Т. 17. С. 178.

издается сатирический журнал «Уклар» (Стрелы) и литературно-общественный «Эль-Гаср-эль-Джадид» (Новый век), официальным редактором которых был К. Мутыги Тухватуллин, известный своими радикальными убеждениями. В работе этих органов непосредственно участвовал татарский поэт Габдулла Тукай. 4 января 1907 г. в Оренбурге вышел первый номер большевистской газеты «Урал»,¹ издателями которой были Т. Соловьев и профессиональный революционер Хусайн Ямашев.

Газета в доступной форме доводила до своих читателей идеи революции 1905 г. и основные требования большевиков в борьбе с самодержавием. Она решительно выступила против выдвинутой буржуазными националистами идеи по созданию для всех мусульман единой надклассовой партии. Газета по этому поводу писала: «Несмотря на общность религии, не все мусульмане могут вступать в одну и ту же партию, в так называемый «Союз мусульман», так как экономические интересы их далеко не одинаковы».² «Урал» издавался недолго: после выхода 31 номера 27 апреля 1907 г. он был запрещен властями. Тем не менее газета сыграла определенную роль в политическом пробуждении татарских, башкирских трудящихся.

Одним из первых казахов, открыто выступивших после «кровавого воскресенья» с критикой царского произвола в центре и в Казахской степи, был служащий Омской почтово-телеграфной конторы Максут Бекметов. 14 августа 1905 г. во время обыска в его квартире была найдена книга «Социальная революция», а при следующем обыске 2 сентября 1905 г. — текст революционной песни.³ Он участвовал в митинге в Каракаралинске, состоявшемся 15 ноября 1905 г. по случаю объявленного царского манифеста 17 ноября. Как явствует из сохранившихся документов, на городской площади после чтения молитвы за погибших во имя свободы, казах Колбай Туленгутов (Тогусов) вытащил два красных знамени и высоко поднял вверх. Затем, передав одно знамя рядовому

¹ Исаков Б. Казахско-татарские литературные связи. Алма-Ата, 1976. С. 86.

² Приводится по кн.: Хасанов Х.Х. Революция 1905-1907 гг. в Татарии. М., 1965. С. 297.

³ Омский обл. гос. архив. Ф. 270. Оп. 1. Д. 365. С. 128. С. 133.

солдату Кашкину, возглавил шествие по городу.¹ Усиленные наряды полиции разогнали демонстрантов. Полиция схватила М. Бекметова. Он был сослан в Казань, а затем в Оренбург. Многолетняя ссылка подорвала здоровье М. Бекметова, и в 1912 г., не дожив до 30 лет, он умер от заболевания легких. В некрологе, опубликованном в журнале «Айкап», сообщалось: «9 февраля в Оренбурге скончался один из представителей нашей подающей надежды казахской молодежи Максут Бекметов... За участие в забастовке телеграфистов в 1906 г. он был изгнан на много лет из родных мест и в последние годы писал статьи в русских газетах».²

Подобные примеры можно было бы продолжать. Они свидетельствуют о том, что под влиянием революционных выступлений русского пролетариата и идей борьбы против самодержавия постепенно втягивались в орбиту политической борьбы слои трудящихся масс и в национальных окраинах, в том числе в Казахстане.

Накануне и в период революции 1905 – 1907 гг. в России обучалось несколько десятков представителей казахской молодежи. Они живо интересовались литературной и политической жизнью России. Известен, например, факт, что 5 декабря 1904 г. группа студентов-казахов, обучавшаяся в Петербурге, обратилась с письмом к Л.Н. Толстому: «Мы общими силами перевели на казахский язык Ваше сочинение и желали бы напечатать и распространить его в казахских степях, казахи его поймут. Благодарные читатели, студенты-казахи».³

Среди студентов было немало революционно настроенных. Они горячо и сочувственно обсуждали в своей среде выступления русских рабочих в центральной России. Один из них – Идрис Беркалиев, обучавшийся в Кронштадте, примкнул к забастовщикам. Над некоторыми студентами-казахами, учившимися в Петербурге, Москве, Киеве и Казани, жандармы установили полицейский надзор. За участие в революционном движении 1905 г. был исключен из учебного заведения в г. Москве А. Джангильдин. Подвергался репрессиям

¹ Там же.

² Айкап. 1912. № 2.

³ Толстой Л.Н. в Казахстане. Алма-Ата, 1979. С. 4-5.

участник рабочего движения на заводе Алафузова в Татарии член ученической организации РСДРП, студент Казанской учительской семинарии Нугман Залиев. В 1906 г. был вынужден эмигрировать в Лондон Мамбетали Сердалин, который учился в Санкт-Петербургском университете с братом В.И. Ленина Александром Ульяновым. За участие в революционном движении 1905 г. был сослан в Нижний Тагил Галияхмет (Юрий) Арунгазиев, окончивший медицинский факультет Казанского университета.

К идеям социализма казахская интеллигенция шла сложным путем - от антиродовых, антифеодальных и антиколониальных установок. Главную задачу она видела в преодолении социально-экономической застойности казахского общества, порожденной патриархально-феодальными порядками и политикой колониализма, и поэтому в своей практической деятельности руководствовалась, прежде всего, идеей сохранения самобытности материальных и духовных ценностей, т. е. не выходила за рамки буржуазно-просветительских идей.

В годы реакции, последовавшие после столыпинских реформ и революции 1905 – 1907 гг., часть казахской интеллигенции охватило упадническое настроение.

Преодолению этого идейного кризиса способствовал новый подъем революционного движения в России, захвативший и национальные окраины. В Казахстане также активизировалась деятельность революционных организаций, в том числе марксистских. Особенно взрывоопасной была обстановка в Тургайской области, в частности в Кустанайском уезде. Тому было несколько причин. Здесь были сосредоточены железнодорожные рабочие, отличавшиеся политической зрелостью и социальной активностью. Другой причиной было тяжелое положение переселенцев, оказавшихся без земли, а значит, и без средств к существованию. Вместе с тем изъятие лучших земель у скотоводов в пользу переселенцев вызывало недовольство местного населения.

Губернатор Тургайской области признавал, что землемерам нередко «противятся киргизы». Серьезные волнения казахов произошли в 1909 г. в районе урочища Узенкуль. С целью дальнейшего их предотвращения туда была послана

казачья сотня из Перми. И наконец, соседство уездных городов Кустаная и Троицка с такими важными экономическими и политико-административными центрами, как Оренбург, Челябинск и Омск, в которых уже сложились революционные традиции, также способствовало активизации революционной деятельности в этом регионе.

Выходившая в г. Челябинске газета «Голос Приуралья» 18 апреля 1907 г. сообщила о выступлениях рабочих г. Кустаная: «Тяжелый экономический и политический гнет заставил их организовать и идти по пути, избранному российским пролетариатом».¹

По инициативе русских учителей в г. Кустанае в начале 1905 г. был организован нелегальный революционный кружок. 1 мая 1905 г. его члены организовали митинг, в котором участвовали около двух тысяч человек. Этот день явился днем оформления нелегальной Кустанайской группы РСДРП, в которую вошли 15 членов и около 10 сочувствующих.² Одним из сочувствующих был учитель Мухамеджан Сералин. Относительно быстро росло влияние этой ячейки. Определенную роль в этом сыграл качественный состав ее организаторов и активистов. В руководящее ядро группы входили С. Ужгин, Д. Пустовалов, З. Толстых, несколько позже – И. Голованов и В. Рябков, большевик, присланный из Омска.³ Многие из них имели теоретическую подготовку и опыт борьбы, были знакомы с революционной и марксистской литературой.

Одним из наиболее образованных, инициативных и активных руководителей ячейки был С.С. Ужгин. Он разбирался в местных условиях, пользовался большим авторитетом среди казахского населения. Кустанайский уездный начальник в рапорте от 12 мая 1907 г. доносил военному губернатору Тургайской области: «Семен Ужгин есть один из главных деятелей местного кружка, принадлежавшего к партии социал-демократов, и в политическом отношении является лицом далеко неблагонадежным. Подробные сведения о нем имеются

¹ Революционное движение в Казахстане в 1905-1907 гг.; Сб. док. и мат. Алма-Ата, 1955. С. 278.

² Там же. С. 63.

³ Кустанай. Вчера, сегодня, завтра. Алма-Ата, 1979. С. 32-33.

в канцелярии Вашего превосходительства по секретной части».¹

Уроженец Тобольска агроном И.Ф. Голованов заведовал Кустанайским сельскохозяйственным складом земледельческих орудий переселенческого управления, депутат II Государственной думы от большевиков. Большевик В. А. Рябов был прислан Омской организацией РСДРП в 1906 г. Учитель М.А. Попов хорошо был знаком с социал-демократической и марксистской литературой. Другой член группы студент Л.К. Шульгин состоял членом Уфимской организации РСДРП, через него осуществлялась связь с центральными партийными организациями.

Кустанайская группа РСДРП имела большевистскую ориентацию и с самого начала обратила внимание на казахские аулы, где планировала вести целенаправленную агитационную работу среди казахского населения и пыталась привлечь на свою сторону активистов из числа молодых учителей-казахов. «Группа большевиков, – писал С. Ужгин, – возлагала большие надежды на работу их в казахских аулах. В итоге встреч и бесед с казахскими учителями удалось привлечь в качестве сочувствующих Сералина Мухамеджана, Кубеева Испандияра, в те годы это было большим достижением».²

Росту авторитета кустанайской группы РСДРП среди казахского населения в немалой степени способствовало в первую очередь то, что большинство ее членов хорошо знали быт, жизнь и проблемы казахского общества. Кроме того, большое значение она придавала вовлечению в работу группы передовых представителей местной казахской интеллигенции и казахских рабочих, а также распространению сферы влияния и на аульное казахское население.

Члены Кустанайской группы РСДРП сочувственно отнеслись к нуждам и положению казахского населения. Так, в статье «Плоды обрусения», опубликованной в местной легальной печати, С. Ужгин писал: «Кочевник никогда не был под защитой... Хищническая колонизация степи шаг за шагом

¹ Революционное движение... С. 289.

² Ужгин С. Первая большевистская организация в Кустанае и ее борьба в 1905-1907 гг. // Большевик Казахстана. 1946. № 1. С. 26.

подрывает хозяйство кочевников, тяготы налогов увеличиваются. Кочевое и оседлое население области лишено представительства в Государственной думе, а следовательно, и права отстаивать свои интересы от вожелений помещиков, в угоду которым продолжается хищническая колонизация киргизской степи. Общественная самодеятельность культурных сил населения учитывается как проявление крамолы и изгоняется из области в места не столь отдаленные».¹ Такие статьи получали значительный резонанс не только среди городской казахской образованной молодежи и рабочих, но и в среде аульного населения в глубине степи. Не случайно, что кроме М. Сералина сочувствующими революционной группе стали учителя С. Кубеев, Н. Иралин и др.

Все больше втягивался в революционно-политическую деятельность и М. Сералин – вначале в качестве сочувствующего с юношеских лет, затем зрелого пропагандиста идей борьбы с колониальным режимом в Казахстане. «Через Сералина и Кубеева, – писал С. Ужгин, – в казахские аулы впервые проникло смелое большевистское слово о необходимости взаимной солидарности русских и казахских трудящихся в схватке с общим врагом – царским самодержавием. Знакомство этих двух передовых учителей-казахов с основами программы партии поставило их в ряды пропагандистов большевизма и в среде казахских учителей, живущих в аулах. Нелегальная литература, в особенности листовки, переводились на казахский язык и в рукописном виде пересылались из аула в аул».² В этом высказывании есть доля преувеличения, но сам факт участия М. Сералина в политической работе в аулах бесспорен.

В 1904 – 1906 гг. М. Сералин установил связь с журналистом Ильинским, высланным из центральной России в г. Троицк, а также с политическим ссыльным, бывшим народником-революционером П.А. Зиссером, редактировавшим с мая 1906 г. газету «Зауралье» в г. Троицке. М. Сералин вел также переписку с Юдиным, редактором социал-демократической газеты «Степь», выходившей в г. Оренбурге. Юдин поддерживал

¹ Троицкий вестник. 1908. 7 августа.

² Ужгин С. Первая большевистская организация в Кустанае и ее борьба в 1905 – 1907 годах // Большевик Казахстана. 1946. № 1. С. 26.

идею М. Сералина об издании казахской газеты или журнала, собирався оказать ему необходимую поддержку, но в 1905 г. был арестован и отправлен на каторгу.

Значительную помощь в подготовке и издании журнала «Айкап» оказывали также Ф. Сыромолотов, Цвиллинг и др. Следует отметить связь М. Сералина с Х.Ш. Сосновским, владельцем типографии «Энергия», в которой печатался журнал «Айкап». В одной из своих журнальных статей М. Сералин благодарил Х.Ш. Сосновского за предоставление ему на льготных условиях типографии, бумаги, красок и других материальных средств для издания журнала. Секрет такого отношения к М. Сералину и его журналу несколько раскрывают новые материалы. Напасть на их след нам помогла встреча с М.Л. Страховенко, в свое время знавшим Сосновских. Сам Х.Ш. Сосновский лояльно и даже сочувственно относился к кустанайской организации РСДРП, а его брат Лев Семенович Сосновский с 1903 г. являлся членом большевистской партии. В свое время он через революционерку Марию Оскаровну Авейде и Клавдию Тимофеевну Новгородцеву-Свердлову познакомился с Я.М. Свердловым. В автобиографии Л.С. Сосновский так вспоминает свою встречу с Я.М. Свердловым: «Появился Я.М. Свердлов, который сразу меня очаровал как тип настоящего революционера. Стал я посещать собрания и массовки. Печатал на гектографе прокламации. Выполнял разные мелкие поручения. Так подошли события осени 1905 г. Организация располагала крупными силами. Свердлов, Чуцкаев, Сыромолотов и многие другие товарищи были опытными, твердыми большевиками, и мы могли у них учиться. В Октябрьские дни 1905 г. в городском театре под охраной боевой дружины большевиков состоялись многочисленные митинги, где с исключительным успехом выступал Свердлов».¹ Л.С. Сосновский, связанный с подпольными революционерами Кустаная и через них знавший М. Сералина, надо полагать, убедил своего брата Хаима Шумлиха (Якова) Сосновского оказать помощь М. Сералину в издании журнала «Айкап».

¹ Энциклопедический словарь Русского библиографического института // «Гранат». № 7. Т. 41. С. 95.

Как уже отмечалось, среди передовой казахской интеллигенции М. Сералин был наиболее активным и политически зрелым. «Когда в 1905 г., – вспоминает С. Ужгин, – в России широко раскинулось революционное движение, М. Сералин не был уже в категории тех демократически настроенных казахских интеллигентов, которых события в России озадачили своим бурным размахом, – он увидел в них неизбежный исторический этап в судьбах России и населяющих ее народов в движении вперед к более светлому будущему».¹

Известно, что социал-демократы Кустаная вели активную пропагандистскую деятельность. Сами нелегально печатали листовки и прокламации, размножали на гектографе листовки курганской, оренбургской, омской социал-демократической организаций. Группа имела нелегальный книжный магазин, через который распространялись произведения К. Маркса, Ф. Энгельса, В.И. Ленина, В. Плеханова. К осени 1906 г. кустанайская группа РСДРП через курганских большевиков установила связь с Москвой, откуда регулярно получала политическую литературу. Некоторые из листовок и прокламации обрабатывались и переводились на казахский язык М. Сералиным, который «русской речью владел безукоризненно».² Он возглавлял и их распространение в степи, подбирая для этого надежных людей, умевших передавать «новости» в традиционной казахской поэтической форме – айтысов.

В эти годы М. Сералин сочинял в стихах сказки, басни и памфлеты, в которых высмеивал пороки феодалов и чиновников.

С. Ужгин вспоминал: «Пользовался Сералин и казахским фольклором, в особенности сказками и песнями, острием своим направленным против баев, биев, их жадности и самодурства. В среде молодых домбристов появились импровизаторы, откликавшиеся злободневной песней на современность. Им Сералин помогал в составлении новых песен».³ Свои стихи М. Сералин, как правило, показывал С. Ужгину и

¹ Ужгин С. Странички былого. Воспоминания.

² Там же.

³ Ужгин С.С. Странички о былом в Казахстане (Записки бывшего польщика). С. 4-5.

нередко после совместной работы над ними в копиях передавал в аулы, а С. Ужгин переводил их на русский язык.

Пик революционной деятельности М. Сералина приходится на 1905 – 1907 гг., когда он был тесно связан с русскими революционерами и не только выполнял их поручения, но и сам включился в активную работу по пропаганде революционных идей среди казахского населения. Именно по отношению к этому периоду можно говорить о том, что «большую политическую работу среди казахских трудящихся вели под руководством большевиков... М. Сералин, С. Мендешев, Н. Иралин, А. Майкутов и многие другие».¹ К этому времени относится и знакомство М. Сералина с работами К. Маркса, Ф. Энгельса и В.И. Ленина. «Когда я прочитал книгу Ленина «Что делать?» и «Манифест Коммунистической партии», – делился своими впечатлениями М. Сералин, – мне показалось, что какой-то новый луч солнца озарил мой ум».²

М. Сералин пытался собрать вокруг себя патриотически настроенных представителей казахской интеллигенции и направить их в «народ». Сам он вел активную переписку с целью выявить возможности издания национального журнала или газеты. Кроме того, она позволяла Сералину обмениваться мнениями о событиях в России, об отношении к ним казахской интеллигенции.

Летом 1906 г. в г. Кустанае проходило собрание казахских учителей, на котором обсуждались и эти вопросы. Часть собравшихся, во главе с Омаром Алмасовым, в оценке революционных событий в России придерживалась соглашательских позиций кадетской партии, другая группа, во главе с М. Сералиным, смыкалась с позицией местных социал-демократов, стоявших за свержение царского самодержавия.

Связи М. Сералина с местной революционной группой крепились. В 1906 г. местные большевики рекомендовали его кандидатуру в депутаты I Государственной думы.³ Местная феодально-байская верхушка начала против него кампанию,

¹ Вопросы истории Коммунистической партии Казахстана. Вып. 6. Алма-Ата, 1969. С. 37.

² Ужгин С.С. Странички былого. «Айкап». С. 6.

³ Революция 1905-1907 гг. в Казахстане: Сб. док. и мат. Алма-Ата, 1949. С. 67.

настраивая враждебно казахское население. Они распространяли слухи, что М. Сералин преследует цель «поголовной христианизации казахов».¹ В свою очередь уездная администрация искала повод, чтобы дискредитировать идею и самого М. Сералина, посмеявшегося связаться с русскими «бунтарями». Им удалось снять кандидатуру М. Сералина на выборах депутатов в I Государственную думу. Большевики стали готовить его кандидатуру во II Государственную думу.

Он был «вероятный и вполне приемлемый для кустанайских большевиков из всей казахской демократической интеллигенции кандидат во II Государственную думу от Казахской избирательной курии», – вспоминал С. Ужгин. Этот план, однако, остался неосуществленным. Царским указом от 3 июня 1907 г. народы Средней Азии, в том числе и Казахстан, лишались представительства в Государственной думе. Кампания травли, затеянная местными властями и феодально-байской верхушкой в период выборов в Государственную думу, бессознательное участие в ней одной части аульного населения и пассивность, безразличие другой тяжело переживались М. Сералиным. У него еще больше крепло убеждение в том, что патриархальность быта и дедовские обычаи, призывающие членов общества к аульно-кочевой общине, в которой господствовала степная знать, изолированность аульных коллективов от внешнего мира являются основными причинами низкого уровня идейной зрелости части трудового населения. Этот вывод приводит его к еще большему осознанию необходимости национального печатного органа, содействующего процессу пробуждения, на страницах которого можно было бы обсуждать наиболее злободневные темы. Трудным периодом для М. Сералина был конец 1907 г., когда была раскрыта царской охранкой кустанайская группа РСДРП. 13 ее членов были отправлены на старое место жительства и в другие губернии с установлением надзора над ними, а С.С. Ужгин сослан на два года в Тобольскую губернию. К этому времени были сосланы или ушли в подполье и другие знакомые, работавшие в редакциях газет левого

¹ Идрисов К.З. Мухамеджан Сералин. Алма-Ата, 1979. С. 9.

направления, издававшихся в г. Троицке и Кустанае. Тайное наблюдение властей устанавливается и над М. Сералиным.

Иметь печатный орган на национальном языке, рассчитанный на широкий круг местных читателей, было неотступной мечтой М. Сералина. Получив отказ областного военного губернатора на первое ходатайство, он пишет второе прошение. В этом ему помогает редактор газеты «Троицкий вестник» Селянкин, который сообщал в 1909 г. отбывавшему в г. Тюмени ссылке С. Ужгину: «Мы снова затееваем издание печатного органа на киргизском языке, на этот раз популярного ежемесечника».¹

Под словом «мы» он имел в виду М. Сералина, себя и близкого товарища М. Сералина татарского демократа Ганиева. Сам М. Сералин, «опасаясь навлечь на себя подозрение в связи с политическими ссылными», одно из своих писем направляет С. Ужгину не по почте, а через надежного человека. В нем он рассказывал о положении дел на месте, о своей мечте издавать казахский журнал, о разногласиях среди казахской интеллигенции, оказавшейся в тисках столыпинского режима.

Разгул реакции после поражения революции 1905 – 1907 г. сказался на душевном состоянии М. Сералина. Печаль, а порой и пессимизм овладевали им, когда он думал о бывших своих товарищах, отошедших от борьбы, но веру в светлое будущее он не потерял и в эти трудные годы. Эта вера отразилась и в политических стихах, написанных по разным поводам. Так, в стихотворении «Думы», которое он писал своему товарищу, находящемуся в ссылке, он написал:

*...Каждодневно ищу я огни
В эти вьюжно-печальные дни,
В грустном бое барханных ветров
Слышу я иногда мельком зов.*

*Мои думы витают вдали,
Мои думы – о судьбах земли.
Вспыхнет в мраке дали огонек,
Промелькнет, как весны мотылек,*

¹ Ужгин С.С. Странички былого. «Айкап». С. 4.

*И на сердце тогда, милый друг,
Просветлеет нечаянно, вдруг.
С горьким смехом себе я дивлюсь,
Над собой потешаюсь, смеюсь:
Отчего я зазяб, приуныл,
Крылья взлетов былых опустил –
Человек я? Презренный ль червяк?
Иль огонь в моем сердце иссяк?
Нет, довольно барханных невзгод!
Я властитель, творец всех погод.
Я ль себе не владыка, не царь?
Я ль не властный поэт, не кобзарь?
Я владыка земли и морей,
И мятежных ветров соловей...*

*День настанет – я верю, дружок,
Отыщу я в лесочке стяжок.
Из стяжка сотворю я пращу,
И царям, богачам отомщу:
И, поверь, от зари до зари,
На земле запоют соловьи,
Будет степь наша ярко цвести...
На чужбине, мой друг, не грусти!¹*

Откликом на расстрел безоружных рабочих на Ленских золотых приисках было стихотворение «Письмо другу в аул соседний». В нем звучит не столько скорбь, сколько призыв к новой борьбе:

*Собрат мой, в хижине аула
Приникни ухом к зовам гула!
Не твой ли брат иль сын голодной?
Погиб от пуль в тайге холодной?
Скорбеть привыкли мы давно.
Но, правда ль, будто суждено
Нам роком злого неба
Глотать свинец – не масло с хлебом?*

¹ Ужгин С.С. Странички о былом в Казахстане... С. 6-7.

Уж ли всегда, из века век,
Земной рабочий человек,
В слезах, терзаниях, печали.
Не сыщут радостные дали?
О нет, собрат, о, нет!
Дарует солнца яркий свет,
Всему живому на земле...
Ты в даль с надеждою взгляни –
Не там ли светятся огни?
Через мрак нам горная дорога
Вдаль от домашнего порога
Легла познаьем наших мук,
Твореньем дела наших рук.
Ведет она на прииски, на рудники!..
В степи ночлег. Пугливо огоньки
Костров вечерних и ночных
Мелькают на тропах степных.
По племенам различен люд –
Одной дорогой все бредут:
Казах, татарин, русский и мордвин...
Но кто над ними властелин?
Кто гонит их далеко, на чужбину,
Под град свинцовый властелина?
За корку хлебную с водой,
Обычной бедняка едой.
Их голод властно уравнил
И воплям к жалости не вял.
Ты верил в бога неба?
За труд желаешь волю хлеба?
Но град свинцовый в дальней Лене
Тебе порука – об отмене
Банкирами богов небесных,
Духов незримых, бестелесных:
Из века в век и царь и бог один –
Мешок со золотом властелин!
Собрать мой, в хижине аула,
Приникни ухом к зовам гула!
Не твой ли брат иль сын голодный,

*Погиб от пуль в тайге холодной?
Скорбеть привыкли мы давно...
Но, правда ль, будто суждено
Нам роком злого неба
Глотать свинец – не масло с хлебом?
Уж ли всегда, из века в век,
Земной рабочий человек,
В слезах терзаниях, печали,
Не сыщут радостные дали?
О, нет, собрат! О, нет!
Копи же брат, на битвы силы!..¹*

Революционные события в России, особенно выступления русского рабочего класса против царизма в 1905 – 1907 гг., имели громадное значение для пробуждения и роста национального самосознания народов окраин России, выразившегося в активизации национально-освободительного движения. «У европейского сознательного рабочего уже есть азиатские товарищи, – писал В.И. Ленин, – и число этих товарищей будет расти не по дням, а по часам».² Одним из таких товарищей русского рабочего класса был Мухамеджан Сералин, связавший с ним свою деятельность и судьбу.

¹ Ужгин С.С. Странички былого. «Айкап». С. 26-27.

² Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 24. С. 59.

М. Сералин о политике царизма в Казахстане

С обострением внутренних социальных противоречий, во многом связанных с усилением революционной борьбы рабочего класса, колониальная политика царского самодержавия на окраинных землях империи, в особенности в среднеазиатском регионе, становилась все более жесткой. Экономические методы колонизации и эксплуатации регионов сопровождались широко применяемыми политическими и насильственно-карательными методами. «Царская монархия, – писал В.И. Ленин, – представляет из себя самый реакционный и варварский государственный строй по сравнению с соседними государствами в Европе и в Азии..., поддерживаемый традицией ряда кровавых расправ с национальными движениями».¹ Демократическая Россия критически относилась к военно-феодальному режиму. К этой демократической России, представленной в крае группой прогрессивной русской интеллигенции, относился и М. Сералин. М. Сералин был убежденным сторонником укрепления казахско-русских связей, тесных контактов между казахским обществом и Россией. Он высоко ценил дружбу с передовыми представителями русской интеллигенции и трудящихся масс казахов, в совместной борьбе русского рабочего класса и людей труда России он видел основу освобождения национальных окраин от царизма и свободного их развития.

Присоединение Казахстана к России М. Сералин представлял как явление, обусловленное объективным ходом развития самого казахского общества и его связей с Россией. Первый номер журнала «Айкап» открывался статьей М. Сералина «Когда казахи стали подданными России?». Она была написана с использованием сведений и фактов, содержащихся в книге русского ученого Крафта «Принятие киргизами русского подданства». В статье, в частности, отмечалось, что «мысль о присоединении казахов к России первоначально зародилась у хана младшего жуза Абулхаира, который отправил посольство в Петербург с «волеизъявлением

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 17. С. 179.

народа». В статье приводятся имена 56 знатных представителей казахских жузов, подписавших «клятвенную бумагу» на верность русскому государству.

Критикуя колонизаторскую политику царского правительства в Казахстане, М. Сералин положительно оценивал прогрессивные нововведения в крае, иногда и переоценивал их. Это относилось, в частности, к открытию русско-казахских школ и училищ, к деятельности школьных инспекторов при областных управлениях, а также к выборной системе, введенной для отдельных звеньев в так называемой «туземной администрации» и др. Крупные недостатки, имевшиеся в этих сферах деятельности, по мнению М. Сералина, происходили из-за самих казахов, не научившихся пользоваться «этим правительственными благами» и не поднявшихся в своей зрелости до уровня образованной народности. «Мы не могли оценить достоинства выборных начал, установленных правительством, – писал он, – не смогли пользоваться правом участвовать на выборах и вместо этого затеяли борьбу группировок, взаимные раздоры и конфликты. Мы не извлекли пользу от школ, открытых для нас в соответствии со справедливыми распоряжениями русского правительства».¹

В своих выступлениях в официальной печати М. Сералин иногда заканчивал свои статьи выражениями «Стремимся же быть полезными гражданами нашего любимого отечества – Российской империи. Если мы преодолеем свое невежество и лень, перейдем от кочевья к возведению населенных пунктов, то мы были бы достойны имени граждан великой России, являющейся нашим любимым отечеством».

По отношению к императору применял иногда слово «Ак патша» – «Белый царь» и т. д. Некоторые исследователи, толкуя это выражение не в контексте всей мысли, а изолированно и прямолинейно, приклеивают М. Сералину ярлык «цариста», что искажает истинные его убеждения. Во-первых, оно употреблялось им в контексте о необходимости распространения образования среди казахской молодежи и упорядочения выборов местных органов власти, санкционированных правительством. Во-вторых, по мнению М. Сералина, полезными

¹ Айқап. 1911. № 1.

для общества гражданами могут быть только те, которые интересы народа ставят выше своих эгоистических интересов. Эту идею он проводил под вывеской быть «достойными гражданами любимого отечества «Белого царя», что и устраивало царскую охранку, неусыпно следившую за его деятельностью. В-третьих, в этих словах есть и оттенок уважения к России и Русскому государству. Однако они не дают повода для иного толкования, тем более нет никаких оснований считать М. Сералина процаристски настроенным.

В начале XX в. в общественно-политической жизни Казахстана наиболее остро стояли два вопроса: земельный и рост антицарских настроений. С решением земельного вопроса связывалась сама судьба казахского общества. Можно сказать, что вопрос быть или не быть казахскому народу сводился к его землеустройству. Земельный вопрос в силу сложившихся обстоятельств оказался в центре внимания всех слоев населения края и всех органов власти, начиная от аульных старшин, волостных управлений до центральных органов царского правительства. Передовая русская и национальная интеллигенция также считала земельный вопрос наиболее острым. «Первый и самый острый вопрос – вопрос о поземельном устройстве киргизов»,¹ – писал М. Сералин. Развитие русского капитализма вглубь и вширь захватило и земельные отношения на восточных окраинах империи. У казахов-кочевников и полукочевников в массовом порядке отбирались удобные и плодородные земельные массивы, которые частью причислялись в переселенческий фонд, а частью в казенный фонд. Жители большинства аулов сгонялись с насиженных и освоенных территорий на пустынные и полупустынные земли. Те кочевые хозяйства, которые оставались на старых местах, наделялись сильно урезанным земельным участком, не обеспечивающим хозяйственный цикл в традиционной форме, что не могло не привести к недовольству населения.

М. Сералин в своих статьях разоблачал своекорыстие царских властей на местах, которые, выполняя установки правительства, пренебрегли интересами казахского населения.

¹ Сералин М. Письма из киргизской степи // Степь, 1915, 3 марта.

«Ежегодно с наступлением весны, – писал он, – в киргизскую степь являются топографы для образования государственного земельного фонда из излишков земель, занимаемых киргизами... При определении излишков характерно то обстоятельство, что заинтересованные в этом вопросе киргизы совершенно устранены от участия в этих работах». «Все лучшие участки у них отбираются, а им остаются самые плохие участки».

Правительство, по мнению М. Сералина, при этом преследовало далеко идущие цели – уничтожение народности и завладение ее территорией. «Согнав кочевых скотоводов с обжитых земель на малопригодные участки, – продолжал далее Сералин, – правительственные чиновники будут кричать, что киргизы – неспособный народ к культурной жизни, а потому-де они напрасно занимают место. Иными словами, на киргиз тогда будут смотреть как на этнографический только элемент, ожидающий очереди вымирания». Критиковал и русскую, и казахскую интеллигенцию, защищавшую колониальную политику царизма.

Газета, на страницах которой печаталась эта статья М. Сералина, выражала идеи местной революционной социал-демократической организации, которая сочувственно, с пониманием относилась к положению казахского народа. В заметке, которой газета сопровождала статью М. Сералина, выражалась готовность редакции «дать в ряде писем картину надежд и чаяний киргизского народа» и отмечалось, что письма М. Сералина и статья проникнуты «горячей любовью к своему народу».¹

Вместе с тем оценивать однозначно отношение М. Сералина к переселенческой политике царизма нельзя, так как сама эта политика была сложной и противоречивой. Знакомство со статьями, посвященными этим вопросам, показывают, что в целом его оценки были реалистичными и глубокими.

К массовому переселению крестьян в Казахстан, Сибирь и в другие районы М. Сералин подходил с позиций русских социал-демократов, считал его вынужденным. «Голод, пришедший к казахам в Год зайца, – писал он, – охватил и мужиков

¹ Газета «Степь». 1915. 3 марта.

во внутренней России. Более того, они пережили голод не только в Год зайца, а и на протяжении многих лет». Голод усугублялся растущей нехваткой удобных земель на фоне постоянного роста сельского населения. «Из этого трудного положения, – отмечал М. Сералин, – можно было выйти двумя путями: первый путь – переселить часть населения туда, где были большие угодья; второй путь – изменить старый способ возделывания полей и перейти на новый культурный способ, как у немцев и французов. Высшие чиновники избрали первый путь и начали переселять мужиков в казахскую степь».¹ Однако в этих оценках просматривается и ограниченность подхода М. Сералина: он видит лишь экономические причины, но не усматривает в этом явлении социальных и политических мотивов политики царского правительства, стремившегося использовать переселение для разрядки социальных противоречий в центральной России.

Не выступая против самого процесса переселения крестьян в Казахстан, М. Сералин протестовал, однако, против конкретных действий органов местной царской администрации, игнорирующей насущные и жизненные интересы казахского населения. Он считал, что переселение нужно производить в разумных пределах и с учетом интересов местного населения. Устройство переселенцев по хуторам, маленькими группами, справедливо считал он, приводило к чересполосицам во всю глубину казахской степи с рассечением казахских аулов и их кочевий на отдельные части, неудобные для хозяйственного освоения, противоречило интересам и русских крестьян, и казахских шаруа, приводило к разорению скотоводческих хозяйств.

В политической жизни России в начале XX в. значительное место занимала Государственная дума, преподносимая самодержавием как высший демократический институт страны, призванный объединить «патриотов» России и служить упрочению власти монарха и его интересам внутри империи и за ее пределами. Дума надежды императора не оправдала, но обнажила язвы российского самодержавия и его социально-политической системы.

¹ Айкап. 1911. № 10.

Вопросы, связанные с Государственной думой, рассматривал и журнал «Айкап», но делал это очень несмело. Чаще всего это была информация, подававшаяся от второго лица. Но даже такая информация позволяла дать картину отношения буржуазного государства к правам и нуждам народных масс вообще, окраинных народов России в особенности.

Так, в статье от 9 июня 1912 г., излагая выступление в Государственной думе С. МаксUTOва, он практически излагает собственные взгляды на отношение Государственной думы к проблемам казахской степи и Туркестана. «За пять лет существования Думы, – говорил С. МаксUTOв, – обсуждалось на ее заседаниях немало законопроектов, касающихся казахской степи и Туркестана. Все это происходило без участия их представителей».¹

Комментируя сказанное, М. Сералин отмечал, что лишение казахов депутатства в Думе «является... огорчительным явлением», но даже их присутствие мало бы что изменило в ее решениях».²

В конце 1912 г. собралась IV Государственная дума в новом составе. На ее рассмотрение был вынесен ряд законодательных актов и среди них несколько проектов о Казахстане о введении системы крестьянских начальников для казахов Букеевской орды, о распространении некоторых законов внутренней России на степные области и др. Этим вопросам М. Сералин посвятил специальную статью, в которой вновь упрекал Думу в том, что она собирается рассматривать их нужды без участия представителей Казахстана. Наиболее острые и злободневные вопросы жизни казахов, такие, как земельный, о школьном образовании, о народном суде, и на этот раз остались вне поля зрения Государственной думы. «Если присмотреться более внимательно, – писал М. Сералин, – к законопроектам, которые собирается обсуждать Дума, то можно увидеть, что эти новые законы, если будут они приняты, в первую очередь направлены на обеспечение государственных интересов – царской пользы».³

¹ Айкап. 1912. № 7.

² Там же.

³ Айкап. 1912. № 13.

Не переоценивая возможностей Государственной думы в улучшении положения казахского народа, он вместе с тем считал необходимым обратить внимание на его проблемы. «У нас много накопилось нужд и нерешенных вопросов, о них мы должны довести до сведения высших чиновников государства», – писал он. В качестве конкретных действий М. Сералин предлагал, чтобы казахские интеллигенты, знающие русский язык, написали в газеты Петербурга и Москвы и одновременно послать ходатаев из каждой области в Государственную думу для связи с ее отдельными депутатами и для выработки на месте единых решений действия.¹

Большую долю вины в создавшемся положении М. Сералин относил за счет инертности, неграмотности и отсталости самого казахского населения. Отсталость и невежество народных масс М. Сералин считал сдерживающим фактором в борьбе за свои национальные интересы.

Почти все статьи М. Сералина, на основе которых мы попытались здесь рассмотреть его отношение к политике царского правительства в национальных окраинах, в частности в Казахстане, были напечатаны в журнале «Айкап», являвшемся подцензурным печатным органом. Исходя из этого можно говорить о том, что критика М. Сералиным колониальной политики царской России в Казахстане была достаточно смелой. Об обстановке, в которой приходилось работать журналу, вспоминает С.С. Ужгин: «В целях сбережения журнала от административных наскоков губернатора Сералин опасался ставить и обсуждать острые вопросы классовой борьбы в ауле, о разложении казахской земельной общины и т. д. В журнале эти вопросы или обходились молчанием, или затушевывались благими пожеланиями, выражающими сострадание к бедноте.»

Но как ни стремился Сералин сохранить журнал на положении легальной трибуны, участь его была предрешена. В самом же начале империалистической войны 1914 г. журнал подвергся предварительно военной цензуре. Цензором был назначен черносотенец, жандармский полковник Кучин, требовавший безусловного «патриотического долга», т. е. поддержки печатными органами империалистической войны.

¹ См.: Айкап. 1912. № 13.

Сералин не был «патриотом» в том смысле, как того требовал полковник Кучин. Не сочувствовал он и тем интеллигентам, которые были одержимы шовинистическим угаром «социалистических» партий, изменивших решениям Базельской конференции 1912 г. Когда цензор Кучин вычеркнул из сверстанного номера журнала три страницы информации об аресте и предании суду думской большевистской фракции, разоблачавшей войну как империалистическую, грабительскую, Сералин, человек спокойного, уравновешенного характера, пришел в такое неистовство, что в клочья разорвал сверстанный номер журнала и скрежетал зубами, выкрикивал: «К черту! Пропадай все прахом!». М. Сералин уехал в аул, где прожил две недели, оправляясь от потрясения, вернулся он в редакцию надломленным человеком.¹

Как уже говорилось, М. Сералин в своей деятельности всегда шел от народа, а потому и методы пропаганды прогрессивных идей выбирал понятные для народа. Критикуя действия царской администрации в Казахстане, он делал это так, чтобы его могла понять основная масса казахского населения, хотя его личные убеждения по этим вопросам намного опережали уровень сознания народа в целом. Исходя из этого, становится понятной его идея о том, что центр тяжести борьбы сейчас за середняка, за вовлечение его в круговорот событий, связанных с переходом в оседлость.²

Следовательно и то, что писал М. Сералин в газетах и журналах, обращено к повседневному сознанию отсталого казахского населения. В своем же глубинном смысле его убеждения и идеалы раскрывались в среде единомишленников и в нелегальных трудах.

В стихах, памфлетах и баснях, нелегально распространявшихся в аулах, М. Сералин показывал царя и его режим чуждыми, противостоящими свободе и интересам трудящихся масс. В нелегальной деятельности М. Сералин смыкался с позицией Кустанайской ячейки социал-демократов в отношении антинародной природы и политики самодержавия в метрополии и на окраинах.

¹ Ужгин С.С. Странички былого. Айкап. С. 17-18.

² Там же. С. 16.

Просветительские идеи М. Сералина

Об идеях просвещения и их носителях в дореволюционном Казахстане нередко бытует упрощенное понятие. Просветительство часто сводится к распространению знания и к борьбе с косностью, со старыми, вредными пережитками в быту и сознании народа. Это, разумеется, входит в понятие просвещения. Но оно составляет лишь один его аспект и, можно сказать, составляет элементарное его начало. В одной из солидных по объему работ мы читаем, что Чокан Валиханов, Ибрай Алтынсарин, Абай Кунанбаев были «замечательными просветителями». Общим для них всех было то, что они «в противовес идеологам фатализма выступали за ликвидацию отсталости Казахстана, за просвещение народа, за приобщение его к русской культуре». Это выразилось в том, что они делали «решающий шаг» на пути преодоления патриархально-феодалных предрассудков, «пытаются обосновать свои взгляды, опираясь не на предрассудки, мифы и верования, а на требования разума, научных данных и реальных фактов». Эта «особенность» «была качественно новой ступенью в развитии казахской общественно-философской мысли».¹

При такой оценке просветительства Ч. Валиханова, И. Алтынсарина и Абая Кунанбаева – выдающихся деятелей казахской дореволюционной общественной мысли и культуры – они низводятся до тысяч других образованных казахов, воспитанных в России и русско-казахских учебных заведениях и воспринявших общецивилизаторские идеи. Однако просветительство Ч. Валиханова, И. Алтынсарина охватывало более широкий круг проблем, в том числе социальных, политических, нравственных, которыми, собственно, и определялось содержание их просветительских идей.

Применительно к русской действительности 60-х годов XIX в. В.И. Ленин писал, что просветитель «одушевлен горячей враждой к крепостному праву и всем его порождениям

¹ Бейсембиев К.Б. Очерки истории общественно-политической и философской мысли Казахстана. Алма-Ата, 1976. С. 88.

в экономической, социальной и юридической области. Это первая характерная черта «просветителя». Вторая характерная черта, общая всем русским просветителям, – горячая защита просвещения, самоуправления, свободы, европейских форм жизни и вообще всесторонней европеизации России. Наконец, третья характерная черта «просветителя» – это отстаивание интересов народных масс, главным образом крестьян (которые еще не были вполне освобождены или только освобождались в эпоху просветителей), искренняя вера в то, что отмена крепостного права и его остатков принесет с собой общее благосостояние, и искреннее желание содействовать этому».¹ Хотя в данном случае В.И. Ленин имеет в виду просветителя-революционера дореформенной России, это положение имеет методологическое значение при освещении деятельности просветителя, его идеологии.

Просветительские идеи – не просто идеи распространения среди народных масс образования и культуры, не только борьба с вредными обычаями и косностью в быту и сознании, они охватывают и сферы социально-экономической и политико-юридической жизни. Поэтому к просветительству М. Сералина, как и к любому другому, следует подходить конкретно-исторически, с позиции условий и требований казахского общества того времени, реальной перспективы его развития, так как идеи Сералина о прогрессе казахского общества формировались в процессе осмысления и осознания условий, в которых проходила его деятельность. Сильной стороной просветительства М. Сералина было то, что прогресс казахского общества в свои зрелые годы он связывал со свободой, борьбой против социального и национального угнетения, против царского самодержавия и местных феодалов в союзе с русским народом, с русским рабочим классом. Это отчетливо выступает в стихотворениях М. Сералина, написанных им в период 1905 – 1915 гг.

О том, что в этой суровой борьбе русских братьев соединят свои руки и казахские джигиты, отправляясь в места битвы, в поход против ненавистных врагов, хорошо сказано в его стихотворении «Письмо другу в аул соседний».

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 2. С. 472.

В творческой и политической деятельности М. Сералина были и периоды наибольшей активности, и периоды сомнений и колебаний, отхода от радикальных революционных суждений и нового подъема. Свои наиболее революционные произведения он написал в годы тесной связи с местными русскими революционерами и увлечения их социально-демократическими идеями. От этих идей М. Сералин в принципе не отказывался и в последующие годы, но позднее пришел к мысли о том, что выдвигать эти идеи на первый план преждевременно для казахского общества, что до их реализации лежит сложная и длинная дорога.

М. Сералин был человеком практичного, ясного ума и трезвых суждений. Он придавал большое значение практической стороне прогресса и считал, что в развитии общества есть этапы, которые оно должно пройти, чтобы добиться подлинного прогресса. Самым необходимым этапом для развития казахского общества он считал преодоление сплошной неграмотности и темноты народных масс путем распространения образования и знания. Это М. Сералин считал неотложным и первостепенным делом, основой достижения благосостояния народа.

Одновременно он доказывал необходимость определенных преобразований в области экономической структуры казахского общества, организовал обмен мнениями и дискуссии по вопросам о том, по какому пути в этой части следует идти обществу, какая форма хозяйствования приемлема и желательна в данный период и в перспективе с точки зрения реальных условий казахского общества. Сугубо просветительскую задачу М. Сералин считал не дискуссионной, а экономико-просветительскую – еще дискуссионной, хотя и по этому вопросу он имел твердые установки и планы. Эти идеи, по его убеждению, могут быть реализованы только при помощи и поддержке демократических слоев России, в условиях укрепления связей и союза с русским народом, с его передовой интеллигенцией.

Как уже говорилось, на первый план просветительских идей М. Сералин выдвигал проблемы образования и знания. В этой части в известной мере уже была проложена пути и

наметились определенные начальные сдвиги. Под влиянием России, русской культуры, европейской и восточной цивилизаций в казахском обществе уже возникало, хотя и слабое, школьно-просветительское движение, чему способствовала и деятельность таких выдающихся казахских просветителей, как Чокан Валиханов, Ибрай Алтынсарин, Абай Кунанбаев. В Казахстане открывались новые мектебы и домашние начальные школы, при мечетях – мектебы. На часть областей Казахстана распространялось действие учебных округов России, при содействии которых утверждались туземные русско-казахские школы и училища, учительские семинары в пограничных городах и крупных населенных пунктах. Начиная с последней четверти XIX в. казахские юноши стали обучаться в российских учебных заведениях, в том числе в Петербургском и Казанском университетах. Правда, и в начале XX в. их число было невелико. В Петербурге и в городах Казани, Уфе, Оренбурге, Уральске, Урде, Троицке и Ташкенте налаживалось книгоиздательское дело на казахском языке. По некоторым данным, в 1913 г. на казахском языке было издано 40 наименований книг общим годичным тиражом 161 000 экземпляров.¹ Это было началом нового этапа просветительского движения в казахском обществе. В начале XX в. просветительство превратилось в национальную проблему и ведущий мотив пробуждения национального самосознания казахов. Именно к этому периоду относится пробуждение национального самосознания казахского народа. Оно совпало с революцией 1905 – 1907 гг., что придавало новый импульс движению за просвещение народа. Этот период не случайно назван временем «ояну», что означает пробуждение, прозрение, обращение взгляда на новый, обновляющийся мир.

Передовая казахская интеллигенция свою миссию видела в том, чтобы заставить народ задуматься над своим положением. Патриотически настроенные интеллигенты шли в народ, писали для широких масс рассказы, памфлеты на просветительские, нравственные темы.

Даже названия этих произведений носили названия, передающие их смысл и назначения, символический характер:

¹ Великий Октябрь и русский язык. Киев, 1977. С. 66.

«Ызың» (Жужжание) «Маса» (Комар), «Тұрымтай» (Буревестник), «Қарлығаш» (Ласточка), «Ағын» (Течение), «Шолпан» (Венера) и т. п. и лейтмотивом обращений к народу «Проснись!», «Пробуждайся!», «Берись за полезное», которые все чаще раздавались со страниц книг, первых листовок, национальных газет и журналов, также были просветительскими.

Школьно-образовательные мотивы, преобладавшие в этот период в просветительских идеях, собрали вокруг себя людей разных ориентации и убеждений и поэтому имели разные оттенки и направления. Заметно оживились религиозные деятели, которые под маской просвещения народа стремились укрепить позиции ислама в мектебах и медресе, противодействовали процессу реформации и постепенного «огражданствления» этих традиционно местных учебных заведений путем укрепления и развития в них светских начал и новых методов обучения. Как справедливо отмечают советские исследователи, если в Европе буржуазная религиозная реформация и эпоха Просвещения представляли исторически последовательные этапы развития и отделялись друг от друга целыми десятками лет,¹ то в Казахстане по ряду причин эти процессы совпали во времени и длились в исторически коротком отрезке времени. Подобное явление наблюдалось и в других азиатских странах. Это создавало наслоения и определенные трудности на пути материализации прогрессивных просветительских идей.

В такой обстановке формировалось мировоззрение М. Сералина. В служении народу видел он свою цель в жизни.

Первый номер журнала «Айкап» открывался словами: «Уважаемые читатели! Представляю на ваш суд данный свой журнал, не огорчайтесь, что он маленький по объему... В наше время стало истиной, что газеты и журналы нужны каждому народу... Нельзя жалеть средств, когда речь идет о пользе народа. Цель печатания и распространения книг, газет и журналов состоит в этом».²

¹ См.: Комаров Э.Н., Литман А.Д. Мировоззрение М.К. Ганди. М., 1969. С. 15.

² Айкап. 1911. № 1.

М Сералин высоко ценил просветительские идеи и призывы овладеть русским языком Шагабуддина Маджжани Гаспринского, Ушинского и особенно Ибрая Алтынсарина. Он с сожалением писал, что дела и завещания Ибрая Алтынсарина, посеявшего семена просвещения в казахской степи, после его смерти не находят должного развития. «17 июля 1914 года исполнилось 25 лет со дня кончины золотоголового (Алтынбас) Ибрая Алтынсарина, – писал он в одной из статей. – Его заслуги огромны перед казахским народом. А были ли казахи, которые вспомнили его? Нет... Видать, мы далеки еще от того, чтобы войти в ряды культурных народов».¹

Без русского языка и без знания, которым владеют русские, народ не может быть культурным – эта идея красной нитью проходит в работах М. Сералина. «Не обвинят нас, если скажу, что знание русского языка – это наш долг, – писал М. Сералин. – Эту истину произнес господин Ияхил 150 лет тому назад. Об этом сказал ныне покойный из Казани господин Шагабуддин эль-Маржани. Господин Исмаил Гаспринский, считающийся лидером русских мусульман, также утверждал, что «тот, кто знает русский язык, попадет в рай».² На смерть И. Гаспринского М. Сералин написал статью под названием «Смерть, невосполнимая в ближайшее время».³ В ней, в частности, отмечалось, что Гаспринский ввел новые методы обучения, позволявшие пройти в течение одного года то, чему в течение 10 лет учили в старых религиозных школах.⁴ «Труды видных просветителей Востока убедили нас, – писал М. Сералин, – в полезности обучения и образования и уважать язык родного народа».⁵

Укрепление связей Казахстана и России М. Сералин считал важнейшим фактором для развития Казахстана.

Истории присоединения Казахстана и России он посвятил статью о процессе принятия русского подданства казахами.

¹ Айкап. 1915. № 2.

² Айкап. 1912. № 3.

³ Заслуги И. Гаспринского в истории просвещения, культуры и общественной мысли дореволюционного Востока России высоко оценили Н. Гарименов и С. Айни.

⁴ Айкап. 1914. № 17.

⁵ Там же.

В ней Сералин назвал имена 56 видных батыров, биев и аксакалов казахских аулов, давших клятву и приложивших свои печати и тамги на документе о присоединении Казахстана к России. Тем самым автор подводит читателя к мысли о том, что этот исторический акт был одобрен всеми основными родами и их предводителями: «По решению этих наших предков мы оказались под властью русского императора. Имена этих людей до сих пор известны среди народа и не забываются».¹

По мнению М. Сералина, существовали проблемы перво-степенные, подлежащие безотлагательному коллективному обсуждению как на страницах редактируемого им журнала, так и на сходах и представительных народных съездах: землеустройство и оседание кочевников, ликвидация групповой борьбы на выборах местной власти и открытие школ, борьба против вредных обычаев и за раскрепощение женщин.² Он считал, что решение многих из них упирается в отсталость общества. Пути ликвидации этой отсталости он видел в решении экономических задач.

Но знание – не самоцель, считал Сералин, так как только направленное на служение народу оно становится действительным. Он с огорчением констатирует: «Наша казахская молодежь, проходя обучение, стремится пойти по двум путям: или хочет стать чиновником (писарь, переводчик), или быть мугалимом (учителем) в школах. Это весьма похвально, но мир не замыкается только в этих должностях. Я сержусь на них за то, что они не избирают другие профессии: почему не быть учеником аптекаря или не стремиться быть профессором от науки, не овладеть специальностями на железных дорогах, в издательствах и в других многих областях. Почему безразлично относится на это наша молодежь, получившая образование?».³

Известно, что преобразование в сфере хозяйственного строя казахов М. Сералин мыслил как переход от кочевничества к оседлости, от кочевого скотоводства к земледелию и полустойловому скотоводству, от подвижных кибиток к

¹ Айқап. 1911. № 1.

² См.: Там же. 1912. № 1.

³ Там же. 1912. № 3.

постоянным постройкам, к строительству поселков и поселений городского типа. В этом он видел двоякую пользу: повышение благосостояния народа и создание реальных условий для строительства учебных заведений, овладения знаниями молодежью и улучшении быта: «От того, что мы постоянно и без устали говорим, можно заключить два вывода: возведи города, живи компактно, только тогда можно распоряжаться хотя необширным, но участком плодородных земель. Возведи мектебы и медресе, открывай школы, учи детей, овладевай искусством ремесла, только тогда ты станешь человеком, составляющим народность. Иначе тебя сотрут с лица земли».¹

Важное место в социально-экономическом развитии общества он отводил науке. «Наш век – век науки», – писал он в журнале «Айкап». Порой с целью подчеркнуть ее особое значение он прибегал к преувеличениям и прямолинейным выводам. Так, приводя пример того, что многие жители Перовского и Казалинского уездов Сырдарьинской области, входящей в Туркестан, имеют пахотные угодья, живут в домах чисто и одеваются опрятно, питаются хорошо, он видит единственную причину этого в науке».² Надо не отставать от других народов, призывает он, и казахской молодежи следует думать и «о профессорской должности»³ в перспективе

Для казахского народа он считал необходимым собиранье материалов, «Шежіре», относящихся к прошлым эпохам, фольклора, что могло бы послужить основой для изучения и создания его истории. Поднимая этот вопрос в статье «Нужна ли история казахам?», М. Сералин пишет: «Наша цель – собрать сведения в старых книгах о наших древних предках, а также сохранившиеся в памяти стариков с думой, что впоследствии все это вольется в полезное дело».⁴

Задача истории, по его мнению, заключается в том, чтобы «выбрать полезные и примерные дела наших предков, чтобы ими можно было пользоваться, а если окажутся вредные деяния, то указать на них, чтобы они не повторялись».⁵ Эти

¹ Айкап. 1912. №3.

² Там же. 1912. № 3.

³ Там же. 1912. № 7.

⁴ Там же. 1912. № 7.

⁵ Там же.

суждения М. Сералина об истории и задачах исторической науки и сегодня звучат современно.

Интересны его мысли по поводу «Шежіре» – записях и сказаниях о генеалогии казахского народа, племенах и родовых подразделениях. Через журнал «Айкап» Сералин обратился к знатокам шежіре поделиться своими знаниями. Один из читателей по поводу этого обращения писал: «Этого не нужно было делать, уважаемый! Наш казахско-узбекский народ раздираем изнутри и не может сохранить единство из-за деления на роды, на групповщины по родам с отдельными родовыми лозунгами и кличами! Зачем вам поднимать это в журнале? Хотите, чтобы тем, кто забыл, напомнить об этом и снова возродить и усилить междоусобицу и разлад в народе? И так-то, без напоминания журнала, казахи не собираются забыть свое родословие. Ни один ас (годовые поминки), ни один праздник, ни один сбор казахов не обходился без конфликтов и драки, без кровопролития. Все это из-за деления на роды».¹ М. Сералин в ответ на это письмо изложил свою точку зрения: для того, чтобы бороться с отрицательными явлениями, порожденными делением на роды и родовые группы, и искоренить их, нужно знать само явление, его корни и причины.²

Даже самое незначительное начинание, связанное с распространением знания среди народа, встречало у М. Сералина живой отклик. Когда ему стало известно о действующей светской школе в Семиречье, в местности Карагаша, основанной богатым казахом Есенгулом Мамановым, о том, что он построил для школы многокомнатное специальное здание и пригласил туда учителей из разных уголков степи, в том числе учеников медресе «Галия» в Уфе, М. Сералин назвал это начинание «благороднейшим делом». А на учреждение Есенгулом Мамановым премии для казахских романов М. Сералин откликнулся на страницах журнала, сравнив его с благородным поступком Альфреда Нобеля. В частности, он писал: «Оказывается, и среди наших казахов есть баи, ценящие науку и жертвующие свое состояние ради науки. Есенгул Маманов учредил премию для казахского

¹ Айкап. 1912. № 7.

² Там же.

романа – он идет по пути Альфреда Нобеля... Брать пример от бая Есенгула и следовать его примеру является долгом и других казахских баев».¹

В начале XX в. вопросы землепользования и землеустройства, кочевания и оседания, организации скотоводческого хозяйства и всего цикла производства стали для казахского общества еще более острыми и злободневными, чем в последней четверти XIX в.

Изъятие плодородных в хозяйственном отношении земель у казахских кочевых и полукочевых аулов и причисление их к казенному, переселенческому фонду принимали все более широкий размах. Топографы и землемеры, посылаемые из уездных и областных центров для учета изымаемых земель и определения новых границ угодий казахских аулов, наводняли степь и проникали в самые глубинные пространства. Их появление в кочевьях и аулах наводило на местное население не меньший страх, чем рейды карательных отрядов царского правительства. К тому же в связи с обострением внутривнутриполитического положения в государстве правительство ужесточило свою политику в таких «инородческих» окраинах, как Казахстан. Одним росчерком пера оно лишило среднеазиатские народы права участвовать в выборах в Государственную думу и посылать в нее своих представителей. Командование и приказ, расправа и открытый погром стали распространенными методами управления казахским краем и его народом.

Все это происходило на фоне заметного хозяйственного упадка кочевых и полукочевых аулов, сужения кочевых их полос и путей, роста числа обедневших скотоводов-жатаков и перехода их к хлебопашеству, чтобы только поддержать свое существование. Прогрессировало отходничество из аулов, намного обострились социальные противоречия в хозяйственных коллективах, а процесс поляризации интересов внутри аулов стал более глубоким.

В этой обстановке проблемы в сфере экономики приобрели особенно острый характер, что не могло не отразиться на идейной жизни казахского общества, выразителями и носителями которой были представители нарождающейся национальной

¹ Айқап. 1915. № 7–8.

интеллигенции. М.Сералин возглавил одно из направлений экономической мысли и считал, что в переживаемый период нет более важной и неотложной задачи, чем экономическая. Он признавал приоритет экономики над всеми другими жизненными факторами и отношениями. «По утверждению ученых, – писал М. Сералин, – жизнь – это экономическая война. В этой войне не проливается кровь, но действует она на общество сильнее и более разрушающе, чем кровавая война. В экономической войне такие способы, как занятие производительным трудом и искусство производить, действуют гораздо мощнее, чем ружья и пушки в кровавой войне».¹

В начале XX в. произошло еще одно событие: царское правительство решило «упорядочить» землепользование в Казахстане. С этой целью Совет министров 9 июня 1908 г. одобрил разработку Главного управления земледелия и землеустройства об изъятии «излишков» земли у сибирских казахов и передаче их в аренду и продаже в вечное пользование. Это законоположение имело целью еще больше ограничить право землепользования казахов и кочевых коллективов, вытеснить их с более или менее удобных земель в глубь степи. Устанавливалась твердая норма земли для казахов: кочевая норма – по 12 дес. земли на душу населения и оседлая, или переселенческая норма, распространяемая и на казахов, – по 15 дес. земли на одного мужчину.

После обнародования этого положения споры и дискуссии о землеустройстве казахского населения приняли конкретный характер. Что лучше: получить землю по кочевой норме, кочевать и передвигаться со скотом или получить землю по оседлой норме, строить поселки и города, заниматься преимущественно земледелием? М. Сералин с самого начала встал на второй путь решения – на путь преобразования привычного и традиционного хозяйственного строя кочевника-скотовода, связанного с ним быта, образа жизни там, где имелись удобные пахотные земли на участке хозяйствования аулов. При подходе к решению этого вопроса, как полагал М. Сералин, надо исходить не из того, что устраивает некоторых из нас сегодня и завтра, и не из того, к чему мы привыкли, или из

¹ Айқап. 1912. № 3.

нашей вековой традиции. Вопрос стоит намного сложнее, а именно: речь идет об интересах и нуждах целого народа, о том, «каким образом казахский народ обеспечит свое существование в будущем и свое выживание».¹

Наиболее верным и перспективным путем, по мнению М. Сералина, являлся переход преимущественно к земледельческому хозяйству, к оседлости там, где имелись пахотные угодья. «Как мы представляем, – писал он, – возведение населенных пунктов, городов с переходом к земледелию по норме «русского мужика» полезнее, чем другой путь. Полезнее не потому, что достается больше земли, а потому, что объединением по земле казахи могут сохранить себя как народность».² «В противном случае, – считал Сералин, – кочевые аулы окажутся раздробленными, рассыпанными и со временем все равно лишатся удобных своих земель, но переход на оседлость будет уже запоздалым, поскольку к этому времени все пахотные угодья будут распределены и заняты». Как видно из сказанного, экономические замыслы М. Сералина и проект переустройства хозяйства кочевых аулов, предложенный им, были рассчитаны на перспективу и основаны на идее прогресса общества.

Свою преобразовательную идею М. Сералин называл идеей, рассчитанной на организацию «культурного скотоводческо-земледельческого хозяйства».³ Как можно было предполагать, против этого плана выступили баи, крупные скотовладельцы, правители и управители разного ранга в волостях и административных аулах. Они увидели в переходе на оседлость ущемление своих прав на общинно-аульные кочевые территории, а также привилегии, которыми они пользовались по обычному праву казахов. Их не интересовали вопросы перспективы и прогресса казахского общества. Они прежде всего и больше всего думали о групповых и кастовых интересах. «Наши волостные правители и баи, – указывал М. Сералин, обращаясь к другим слоям общества, – когда говорят, что нас устраивает «Степное положение»,

¹ Там же. 1911. № 2.

² Айкап. 1912. № 3.

³ Степь. 1915. 3 марта.

то они пекутся о личных интересах, вы не слушайте этого».¹

Как утверждал М. Сералин, самой наукой и образованными людьми установлено, что оседлость и земледелие намного выгоднее кочевого скотоводства. «Насколько мы понимаем, – писал он, – время, когда можно было заниматься скотоводством и беспрестанно кочевать, уже прошло и оно не возвратится».² Само положение, создавшееся в казахском обществе того времени, оставляло лишь одно верное решение – строить поселки и города, заниматься земледелием и содержать на пустующих вокруг населенных пунктов землях имеющийся скот. «Я сержусь на казахский народ, – с тоской отмечал он, – хотя природа его одарила не меньшими способностями, чем других, но тем не менее, не оглядываясь на опыт прошлых лет, с упорством отстаивает кочевание как единственно возможное его счастье, перевозносит устаревший и неприглядный «обычай дедов», остается в стороне от науки и знания, не считается с их требованиями, позволяет безразличие и леность».³

Реальность и жизненность своих идей М. Сералин подкреплял агитацией и личным опытом. В своих разъяснениях он учитывал психологию и миропредставления народа, старался преподнести свои замыслы не только в доступной для народа форме, но и тесно увязывать их с потребностями, пусть даже ложно понятыми им на данном этапе. Так, он указывал на три выгоды, которые можно извлечь из перехода на оседлость: во-первых, «возведем города и станем хозяевами хотя не большого, но плодородного пахотного угодья... Вторая выгода, если будут города, то построим мечети, школы и медресе, в которых будут обучаться наши дети... Третья выгода, как только обзаведемся городами, намного быстрее могут быть реализованы наши просьбы в части религии, и, кто знает, если сочтет возможным главное начальство, может быть, и будет учрежден муфтий и для казахов».⁴

¹ Айқап. 1912. № 3.

² Там же. 1911. № 2.

³ Там же. 1912. № 3.

⁴ Там же. 1911. № 2.

М. Сералин задумал объединить своих родственников и однофамильцев, получить землю по «переселенческой» норме, построить поселок и тем самым показать пример другим, насколько полезно переходить от кочевого, полукочевого скотоводства к оседлому образу жизни. Населенный пункт, образованный таким образом на его родине в Шубарской волости Кустанайского уезда, получил впоследствии название пос. Серали. В нем со временем построили школу, являвшуюся одновременно клубом и культурным центром. Начинание удалось: были приобретены некоторые сельскохозяйственные орудия и машины, увеличилась пахота, удалось уменьшить разорительные последствия повторявшейся засухи и джутов (бескормицы), заметно улучшилась материальная обеспеченность населения и росла покупательская его способность промышленных товаров, постепенно изменились быт и образ жизни осевших. Под воздействием примера М. Сералина нашлись, хотя немного, и другие энтузиасты возводить поселки.

Единомышленник М. Сералина Б. Каратаев, имевший университетское образование, исходя из личного убеждения о преимуществе оседания кочевников, также стал строить поселок на своей родине в Уральской области. Впоследствии этот населенный пункт стал называться Каратаевским.

И все же в целом строительство населенных пунктов, объединявших бывших кочевников и полукочевников-скотоводов, не получило заметного развития, на что рассчитывал М. Сералин. Сам он объяснял это тем, что казахский народ еще не поднялся в своей зрелости до такого уровня, что мог бы трезво разобраться в ситуации. «Все народы, кроме нас, – отмечал он, – в настоящее время понимают, что ему полезно и что ему вредно как народности. Они стремятся освободиться от того, что вредно, и добиваться того, что хорошо. А мы не можем различить, что полезно и что вредно, и считаем вредным то, что полезно».¹

Реально они не могли иметь большего успеха. В условиях колониального режима в Казахстане и отсутствия сколько-нибудь серьезной финансовой помощи и нравственной

¹ Айқап. 1911. № 3.

поддержки со стороны правительства и местных органов власти, находившихся в основном в руках царских чиновников и представителей крупных скотовладельцев, идея строительства поселков не могла получить должного осуществления.

М. Сералин сознавал, что его идеи оседания и образования поселков на данном этапе притягательны в первую очередь для бедняков. «Сторонниками оседлого землеустройства киргиз по кочевой норме главным образом являются богатые и влиятельные киргизы, а также и волостные управители, — писал он в 1915 г., — сторонниками оседлого землеустройства являются бедняки».¹ Из этого, однако, нельзя делать вывод, что М. Сералин был «крестьянским идеологом», как это считают некоторые исследователи. Его преобразовательные идеи в сфере хозяйственной жизни выражали интересы и перспективы развития казахского общества в целом, о чем он говорил открыто и неоднократно. Однако на данном этапе эти идеи совпадали прежде всего с положением и интересами бедняков, в большинстве своем оседавших в зоне зимовок богачей вблизи русских населенных пунктов, дававших дополнительные заработки (жатаки). В то же время многие бедняцкие хозяйства были зависимы от зажиточных и богатых однородцев и одноаульцев, и это освящалось патриархальными обычаями и традициями. К тому же они не имели средств на то, чтобы осваивать отведенные пахотные участки, что также имело немаловажное значение.

М. Сералин сочувственно относился к положению и судьбе бедняков. Он призывал богатых одноаульцев и местные органы власти оказывать им помощь и поддержку. Так, в статье, посвященной голоду в степи в 1910 – 1911 гг., рисуя бедственное положение населения, он писал: «У баев нет сена для скота на зиму, а у бедняков не только нет скота, но нет у них продуктов на питание. Сейчас, когда доятся коровы и есть молоко, нужда не особенно заметна. Но как только наступит осень, начнут голодать в первую очередь бедняки».² Здесь же он поднимает вопрос о том, чтобы правители во-

¹ Степь. 1915. 3 марта.

² Айкап. 1911. № 7.

лостей и казахские чиновники ходатайствовали перед правительственными органами об оказании помощи нуждающимся и голодающим в степи.

Деление общества на богатых и бедных М. Сералин воспринимал как фактическое состояние общества, не пытаясь объяснить его. «При всех условиях, – писал он, – кому милостив бог – тот богат, кому не милостив бог – тот бедняком останется».¹ В то же время он считал, что злоупотребления и произвол властей и тех, кто правят массой, приводят к обнищанию трудовых людей, умножают бедняков.

Пороки общества, народа и управления, а также то, что одни народы попадают под угнетение и унижительную власть других народов, М. Сералин склонен был объяснять недостатком или отсутствием у них образования и знания, отсталостью и неразвитостью. Описывая злоупотребления царских чиновников и местных хакимов, а также царских начальников, поставленных во главе казахских аулов в Кульджинском округе, он отмечал, что «притеснитель останется притеснителем везде и всюду. Чтобы освободиться от притеснения притеснителей, есть только один путь: народ должен учиться, цепляться за знание, отбросить вредные обычаи дедов – без этого казах не снимет с себя ярмо унижения».²

Вместе с тем М. Сералин не ограничивался только констатацией отрицательной роли некоторых обычаев и норм, именуемых «правилами дедов». Свой подход и их оценку он строил исходя из критериев прогресса общества и справедливости. В них он видел во многом причину застоя общественных нравов, отсталости взглядов народа, его стремления отгородиться от всего нового, полезного, что происходило вокруг. В анализе и оценке норм и обычаев, укоренившихся веками в ткань общественной жизни казахского народа, М. Сералин был более глубок и последователен, чем многие дореволюционные казахские деятели. Его сильной стороной было то, что он смог на конкретных сферах жизни народных масс показать, какие «правила дедов» мешают продвижению общества вперед и какие могут быть использованы на этом сложном

¹ Там же. 1912. № 3.

² Там же. 1911. № 8.

пути. Он «поднял» руку даже на родовое деление населения, считавшегося чуть ли не священным.

Родовое деление населения, по мнению М. Сералина, явление историческое, и материалы о нем надо собирать и изучать. Но оно стало в значительной степени причиной внутренних раздоров, конфликтов и раздробления народа. В одной из своих статей Сералин приводил выдержки из письма, поступившего в редакцию, автор которого писал, что в местах сбора людей, если играют два мальчика, и, поссорившись между собой, один из них крикнет: «Найман! Найман!» или «Аргын! Аргын», то немедленно собравшиеся делятся на две группы и затевают драку. Многие из них не знают даже, из-за чего она происходит, оправдываются тем, что «услышал призыв духа предков и стал бить плетьюми найманов».¹

По этому поводу от имени редакции М. Сералин изложил позицию «Айкапа»: «Задача журнала заключается в разъяснении необходимости покончить с делением казахов «на такой жуз, на такой род»,² порождающее такое явление. Не делает чести для народа получающее распространение мнение о том, что «казахи - это народ, раздираемый изнутри взаимными спорами и склоками». «Когда не хотят видеть нового, нужного, полезного, - писал он, - то ссылаются на «правила дедов», ссылаются на него также в оправдание своей лености и необразованности».³

Исключительно остро ставил М. Сералин вопрос о равноправии женщин, борьбе с обычаями и взглядами, унижающими их достоинство как членов общества. Этой теме он посвятил одну из первых своих поэм, ряд публицистических статей. В поэме «Гулкашима», написанной в 1903 г., повествуется о высоком чувстве любви и ее трагедии в отсталом обществе казахов.

В публицистических статьях он обращался к своим читателям и ко всем «трезво мыслящим» представителям народа со словами: «Не является ли для нас позором то, что женщины, которые родили нас и являются нашими матерями, родные

¹ Там же. 1912. № 7.

² Там же.

³ Там же. № 8.

наши сестры пушены, как скот, в торговое обращение?.. Если наши матери лишены личной свободы, подобно рабыням, то мы, рожденные от них, не выгладим ли жалкими».¹

М. Сералин придал женскому вопросу общественную остроту, создал актив борцов за равноправие казахских женщин. В редакцию журнала из разных уголков степи поступало по этой проблеме много писем. Конкретным действием в этом направлении было привлечение М. Сералиным женщин-казашек, получивших образование, в качестве авторов журнала, что было явлением необычайным в истории Казахстана. В их числе были: Сакипжамал Тлеубайкызы, Кулайм Утегенова, Магрипа Койбагарова, Мариям Сейдалина.

В одной из статей С. Тлеубайкызы писала: «Девушки в будущем – это матери и воспитательницы своих детей. Если мать невежественна, то она не сможет дать своему ребенку хорошее воспитание. Плохо воспитанный ребенок – вина матери, ибо сам он плохим не рождается. Поэтому, если хотите, чтобы мы были полноценными людьми, постарайтесь учить нас в наших аулах. Обучайте нас хотя бы в возрасте от 7 до 15 лет. Не будьте прокляты нашими слезами. Дав нам образование, народ получит большую пользу...».²

Устами самих женщин-казашек заговорили их нужды и чаяния. Они писали о праве девушек на образование и на выбор профессии, об участии наравне с мужчинами в общественной жизни, в особенности в сфере культуры и школьного строительства. Они выступали против таких дедовских порядков, как продажа девушек за калым, аменгерство – обычай, по которому вдова должна была выйти замуж за ближайшего родственника умершего мужа. При этом они вдохновлялись примерами своих старших землячек. Так, казашка Хусни-Жамал Нуралиханова в 1894 г. открыла в своем ауле в Букеевской орде первое учебное заведение европейского образца для девушек. Все учебные принадлежности она приобрела на собственные средства, и сама составила учебную программу. При этом женском училище для казашек был интернат на 20 мест. В ее бескорыстном, благородном

¹ Там же. 1912. № 1.

² Айкап. 1911. № 7.

начинании ей помогали некоторые русские педагоги, например Олдекоп.¹

Как следует из сказанного, просветительские идеи М. Сералина выходили далеко за рамки вопросов духовной культуры народа. Они охватывали проблемы и социально-политические, и экономические. Выдвинутая им идея преобразования хозяйственного уклада казахов путем перехода от кочевничества к оседлости была не только перспективной, но и смелой. Радикальной была его постановка проблемы равноправия женщины-казашки, ее активного участия в общественной жизни, а также взгляды на «правила дедов», имевшие в обществе значительную силу. Он критически относился к политике царизма в Казахстане, а в нелегальных трудах клеймил его за кровавые преступления против народа, солидаризировался с революционными выступлениями русских рабочих. Он не оставил в стороне от критики и туземную администрацию – волостных правителей, крупных баев за их равнодушие к нуждам и коренным интересам собственного народа.

Как уже говорилось, одной из особенностей просветительских идей предреволюционного периода в Казахстане было то, что они все больше и больше охватывали область политики, ограниченной национально-освободительными идеями и незрелыми буржуазно-демократическими лозунгами. Просветительские идеи М. Сералина в какой-то мере выходили за эти рамки. Они были частью более общего его идейного воззрения, характеризовавшегося относительно радикальным демократическим содержанием.

М. Сералин по своим политическим убеждениям и симпатиям был деятелем революционно-демократической ориентации.

¹ У Нуралихановой в свое время учились ставшие впоследствии видными деятелями советского Казахстана А. Уразбаева, Р. Мендешева и др.

ГЛАВА IV

М. СЕРАЛИН – УЧАСТНИК СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО СТРОИТЕЛЬСТВА В КАЗАХСТАНЕ

Накануне Октября и в первые годы Советской власти

После закрытия журнала «Айкап» М. Сералин на некоторое время уехал в родной аул (аул № 5 Шубарской волости Кустанайского уезда) и посвятил себя школьно-просветительской деятельности. Он работал учителем в школе для казахских детей (иногда ее называют «русско-казахской»), основанной в 1888 г. при непосредственном участии Ибрая Алтынсарина. Эта школа, можно сказать, была и его детищем. Он постоянно интересовался постановкой и качеством обучения детей, сам преподавал некоторые предметы, в частности естествознание.¹ Теперь он имел возможность отдаться этому делу.

К тому времени М. Сералин уже пользовался широкой известностью у населения, в особенности в среде грамотной казахской молодежи и казахской интеллигенции. В нем видели наставника, его дела и поступки не оставались незамеченными, вызывали общественный резонанс. Вокруг него концентрировались сторонники просвещения народных масс. Его многочисленные статьи по вопросам строительства школ, организации обучения детей в степи, опубликованные на страницах «Айкапа», а также в виде рукописей, имели довольно широкое распространение.

Одной из его новаций была организация библиотеки при школе. «Мухамеджан-агай организовал библиотеку специально для школьников, передав ей свои книги, – свидетельствует

¹ В период редактирования журнала «Айкап» (1911-1915 гг.) он немало времени уделял делам школы.

один из бывших учеников этой школы. – Он доставлял сюда газеты и журналы, издававшиеся в Москве, Петрограде, Казани, Оренбурге и в Средней Азии».¹ Среди них, кроме некоторых учебных пособий, были и отдельные книжечки и брошюры казахских поэтов и общественных деятелей, предназначенные для широкого круга читателей.

Сералинская школа выделялась среди многих других казахских аульно-волостных школ. Она не была похожа на старомодное, мусульманское мектебе, медресе при мечети, где основное время обучения отводилось заучиванию догм и положений корана и исламских религиозных книжников. Иногда занятия в школе вел сам М. Сералин. В качестве одного из ведущих учителей он пригласил из Уфы опытного наставника казахских детей, бывшего воспитанника известного медресе Галия-Нигматуллу Кузембаева с широкими светскими взглядами на общественную жизнь. Он приезжал на время учебного сезона и по окончании своего учебного курса уезжал обратно в Уфу. И даже своим внешним видом учителя этой школы отличались: не носили чалму, серые или белые халаты по торжественным случаям и не именовались муллами. В их одежде совмещался, как вспоминают об этом бывшие ученики школы, частично городской, частично казахский и полутатарский стиль. Главное же отличие сералинской школы состояло в методе и программе обучения. Приоритет в ней отдавался светскому образованию с включением преподавания русского языка (по желанию учеников и их родителей), счетным и естественным дисциплинам, а также физкультуре. Другой особенностью было то, что школа должна была стать как бы ядром культурно-просветительных мероприятий в местности. Силами старшеклассников организовывались вечера и их выступления перед одноаульцами, специальные увеселительные и зрелищные мероприятия с приглашением постановщиков со стороны, из соседних городов.

Практиковались в школе чтения и беседы для учеников и для населения на бытовые, хозяйственные и политические темы. Все это проводилось под руководством и при непосредственном участии М. Сералина.

¹ ЦНБ АН КазССР. Рук. Ф. 499. П. 2. Л. 9-13.

Опыт школьно-просветительской работы М. Сералина в своем ауле, несмотря на его ограниченность, получил общественное признание не только в пределах Шубарской волости. Это в первую очередь объяснялось известностью и влиянием М. Сералина в обширном степном крае. К делам и словам М. Сералина прислушивались, с ним многие связывали свои надежды.

М. Сералин не ограничивался рамками своего аула. Он разъезжал по другим аулам и волостям с целью ознакомления со всей постановкой школьного дела. Он давал советы по организации «новометодных» школ по образцу казанских и крымских татар, помогал в сборе средств на обучение детей, склонял некоторых баев и торговцев к оказанию материальной поддержки школьному строительству. В одной из таких поездок М. Сералин встретился с Сайфи Кудашем, в то время учителем, а впоследствии крупным советским писателем Башкирии. Сам С. Кудаш так описывает эту встречу: «Во второй половине июня в мое жилище вошел незнакомый гость. Был он коренастый, крупный, одет наполовину по-казахски, наполовину по-русски. Человек весьма разговорчивый и крайне любопытный. Он обо всем расспрашивал, до всего докапывался... словно официальное лицо, занимающееся проверкой школ, принялся расспрашивать, каких методов придерживаюсь в своей работе, какими именно учебниками пользуюсь. Чем дальше, тем все больше и яснее становился он для меня. В скором времени мы, как закадычные друзья, разговорились на интересную для обоих тему – о распространении знаний среди казахского народа».¹

По воспоминаниям современников, М. Сералин бывал в г. Троицке и после прекращения издания журнала «Айқап». Каждый раз он выступал с докладами и беседами о событиях в России, о положении казахского общества и его перспективах перед казахской молодежью, обучавшейся в учебных заведениях города. В то время в г. Троицке дети казахов обучались в школе «Уазифа», в медресе Зейнуллы-имама, в мужских и женских гимназиях. Их было для того времени немало. Бывал М. Сералин и в городе Оренбурге, где встречался с

¹ Кудаш С. По следам юности. М., 1974. С. 457.

представителями казахской интеллигенции и посещал учебные заведения, в которых обучались молодые казахи.

Однако М. Сералин не мог долго заниматься только школьно-просветительской работой. Скоро он оказался в водовороте политических событий, развивавшихся и менявшихся с большой быстротой. Мировая война, развязанная капиталистическими государствами, уносила людские и материальные ресурсы страны. Лозунг «победоносной войны» обернулся для России рядом крупных поражений на поле битвы. Страна напрягала свои возможности до предела. В эти годы особенно наглядно обнажились антинародная сущность самодержавия, гнилость и внутренние противоречия царской империи. Революционная борьба пролетарских и народных масс получила новый импульс и пошла на резкий подъем. На плечи революционных партий легла масштабная задача – возглавить революционное движение масс, направленное на свержение российской монархии, и привести его к победе. Эту историческую задачу могла выполнить только партия большевиков во главе с В.И. Лениным. На усиление революционного движения царское правительство ответило ужесточением репрессивных и карательных мер.

Политические события в Центре России в той или иной степени отозвались на окраинах, в том числе в Средней Азии и Казахстане. Восточный регион, отнесенный к тыловым районам, был, однако, беспокойным. Организации рабочих на железных дорогах, горно-рудных и фабрично-заводских предприятиях выросли количественно и качественно. Несмотря на усиление репрессий М. Сералин выступал активным противником методов исполнения царского указа об обязательном наборе казахов на тыловые работы. Списки лиц, подлежащих мобилизации по разнарядке сверху в волостях и административных аулах, составляли местные правители. Дети баев и торговцев, как правило, откупались, заменялись детьми бедняков. Составление этих списков вызвало волну подкупов, взяточничества и было источником серьезных конфликтов и внутренних столкновений. Одноаульцы М. Сералина, по его агитации, отказались от составления списков и отправки людей на окопные работы. Это реше-

ние с быстротой молнии перекинулось на соседние аулы и грозило срывом исполнения царского указа в этих местностях. Правитель Шубарской волости, в ведении которого находился аул М. Сералина, охваченный «смутой», серьезно встревожился создавшимся положением и составил донос в уездные и губернские органы на «возмутителя». Под угрозой карательных мер и во избежание неравной открытой конфронтации с властью на сходе одноаульцев, проходившем во главе с М. Сералиным, было принято решение отправить по мобилизации от аула близкого его родственника Ержана Доскождева.¹ Сопротивление народных масс против мобилизации казахов на тыловые работы вылилось в национально-освободительное движение, в котором принимали участие несколько ближайших родственников М. Сералина. В частности, его активным участником был Ержан Сугралин, двоюродный брат М. Сералина по отцу, лично знакомый с руководителями восстания Алиби Джангильдиным и Амангельды Имановым.² Сам Мухамеджан Сералин с самого начала узнал, что оно не принесет реального результата казахскому обществу и будет подавлено царским правительством. «Он сомневался в успехе восстания, – вспоминает его друг С. Ужгин, – и держался того мнения, что казахам целесообразнее пойти по линии наименьшего сопротивления, т. е. пойти на тыловые работы, влиться в армию русских рабочих, в союзе с которыми и повести наступление на царизм».³

Внешне позиция М. Сералина по отношению к царскому указу о мобилизации казахов на тыловые работы была похожа на линию поведения группы деятелей из газеты «Казах», призывавших население идти на тыловые работы, но мотивы у них были разные. Если М. Сералин при этом думал о союзе казахов с русскими солдатами, то степные служилые люди хотели продемонстрировать верноподданические чувства казахов царскому правительству.

¹ ЦНБ АН КазССР. Рук. Ф. П. 499. Д. 6. Л. 10 (Из воспоминаний Жумаша Еленова).

² В экспонатах выставки Кзыл-Ординского областного музея, посвященных восстанию казахов 1916 г. имеется портрет и Ержана Сугралина.

³ Ужгин С. Странички былого... С. 20–21.

В одной из записей воспоминаний К. Казангапова говорится о том, что М. Сералин, будучи в г. Троицке, часто направлялся в сторону железнодорожной станции и уходил один, оставив сопровождавших. Только в 1919 г. при новой встрече с автором, вспоминая, он раскрыл «секрет» посещения этих мест. «Оказывается, на территории, где сейчас железнодорожная станция имени Голощекина, которая находилась в Тургайской области, куда не совали носа троицкие полицейские, производились революционные сборы. На митингах выступали Сыромолотов, Петров, Бородин и братья Хейфецы. На этих революционных сборах рабочие-подпольщики проходили учебу по военному делу у большевика Томина (в звании комкора он погиб в 1920 г. в борьбе с басмачами)».¹ На этих сборах бывал и М. Сералин.

Теперь известно, что в годы первой мировой войны он продолжал укреплять связи с местными русскими рабочими-революционерами, участвовал вместе с ними в политических митингах, увлекался их идеями.

Февральская революция 1917 г. и падение самодержавия придали общественной и политической жизни в степном крае новый накал. Судьбы края в целом, пути освобождения казахского народа от колониального гнета и другие подобные вопросы, рожденные ходом событий в России, стояли в центре внимания деятельной части казахской интеллигенции, оказавшейся во главе процесса национального пробуждения на этапе буржуазно-демократического, младобуржуазного движения в специфических условиях казахского общества. М. Сералин был свидетелем того, как 5 марта 1917 г. вслед за свержением царя в г. Троицке состоялся народный митинг, участники которого срывали портреты царя и растаптывали их.

Деятели Алаш-Орды, развернувшие активную работу между Февральской и Октябрьской революциями 1917 г. и пользовавшиеся поддержкой Временного правительства и лично Керенского, предприняли попытки привлечения на свою сторону Мухамеджана Сералина. Его посетили специальные уполномоченные лидеров Алаш-Орды и вели пе-

¹ Воспоминания Каната Казангапова // Рук. ф. Института философии и права АН КазССР.

реговоры с ним о совместных действиях и выступлении в поддержку Временного правительства и для создания национальной казахской автономии под его эгидой. Судя по некоторым документам, уговорить М. Сералина не удалось. Он не стал союзником Алаш-Орды.

Весть о Великой Октябрьской социалистической революции застала М. Сералина в родном ауле. Печать, призывы и голоса разных политических партий и группировок, поддерживавших и критиковавших новую власть, смешанные с поспешностью в оценке ситуации, которые были характерны для такого захолустного уезда, как Кустанайский, затрудняли понимание происходящего, особенно для тех, кто был связан с патриархально-феодалным казахским аулом, каким бы образованным и европеизированным он ни был. Исключением не был и М. Сералин.

На Кустанайщине Советская власть была установлена значительно позже, чем в центральных областях России, и еще позже – в казахских волостях и аулах. Быстро разобраться в происходящем М. Сералину помогли земляк-большевик А. Джангильдин, с которым он был лично знаком, и русские большевики, жившие и работавшие в г. Кустанае и его окрестностях, с которыми он поддерживал более или менее тесную связь со времен революции 1905 – 1907 гг. Особенно близок он был к Ашмарину.¹ Но, конечно, главную роль в том, что Сералин относительно быстро разобрался в политических событиях и перешел на сторону Октябрьской революции, сыграла его идейная направленность дореволюционного периода, которая и послужила предпосылкой для правильно осмысления идей социалистической революции.

Каждый раз свою поездку в Троицк и Оренбург М. Сералин использовал для получения новых сведений и материалов о политических программах различных революционно-демократических группировок, в особенности партии

¹ По некоторым данным, отношения М. Сералина и Ашмарина настолько были близкими, что в период разгула репрессий контрреволюционной и белоказачьей власти в Кустанае в 1917 – 1918 гг. Ашмарин скрывался в течение месяца от преследования в доме М. Сералина. (ЦНБ АН КазССР. Рук. Ф. 499. П. 2. Л. 13. Воспоминания Жумаша Еленова, составленные 5 мая 1947 г.).

большевиков, для установления новых связей с русскими и татарскими деятелями левой ориентации. Полученной информацией и своими суждениями о расстановке политических сил в стране и о том, какую реальную политику проводит новая Советская власть, что она может дать казахскому обществу, он делился с казахской молодежью и интеллигенцией, жаждающими таких сведений и собиравшимися вокруг М. Сералина.

В 1918 г. из поездки в г. Троицк он возвратился в свой аул-поселок в сопровождении одного татарского коммуниста. Последний информировал местных жителей о политике Советского государства, о его отношении к народам, ранее угнетенным, о внутреннем положении страны и международных событиях. В конце речи он предложил слушателям, считающим себя достойными, вступить в ряды сочувствующих партии большевиков. Одним из первых сделал это М. Сералин.¹ Несколько позже он становится членом Коммунистической партии. В дальнейшем М. Сералин принимал самое активное участие во многих мероприятиях Советской власти в Кустанайском уезде (затем губернии) и в Казахстане. После установления в 1919 г. Советской власти он назначается заведующим земельным отделом Кустанайского уездного исполкома Советов. Осенью того же года он одновременно выполнял поручение комиссара степного края А. Джангильдина по вербовке джигитов в формировавшийся под его руководством трехсотенный красногвардейский отряд в г. Кустанае и исполнял обязанности агитатора-политработника этого отряда.² С образованием революционного комитета по управлению казахским краем (Казревкома) с центром в г. Оренбурге М. Сералин назначается членом коллегии Кирземотдела,³ а вскоре – членом Казахского революционного Комитета. После создания газеты «Ушкын» (Искра) – органа казахского революционного комитета – М. Сералин включается в состав редколлегии.

¹ Кенжебаев Б. Казахская литература начала XX века. Алма-Ата, 1976. С. 71.

² Из воспоминаний Альжана Мырзабекова.

³ ЦГА КазССР. Ф. 14. Оп. 3. Д. 236.

Осенью 1920 г. М. Сералина как опытного работника посылают в Кустанайскую губернию в распоряжение губкома партии. Здесь он направляет свои усилия на организацию и укрепление местных советов в волостях, преимущественно населенных казахами, на митингах и сходках разъясняет текущее положение и политику Советского государства и мероприятия казахского революционного комитета, направленные на осуществление национальной политики партии и на подготовку провозглашения Казахской Советской Автономной Республики.

В 1920 г. М. Сералин в качестве делегата от Кустанайской губернии участвовал в работе I Всеказахского учредительного съезда Советов, на котором было провозглашено создание Казахской Советской Автономной республики и избраны ее верховные органы власти и управления. Он участвовал и в работе III Кустанайского губернского съезда Советов, состоявшегося в сентябре 1922 г., где был избран в состав губисполкома.¹

Некоторое время М. Сералин был заместителем председателя губисполкома, активно участвовал в подготовке и созыве IV губернского съезда Советов (25 ноября 1923 г.) и, будучи избранным членом Президиума съезда, совместно с другими руководит его работой.² На съезде М. Сералин выступил с докладом «Основные мероприятия по реализации национального вопроса».³ На этом съезде М. Сералин был избран в новый состав губисполкома, членом президиума губисполкома и делегатом Всероссийского съезда Советов.⁴ В 1920 – 1921 гг. он возглавлял исполком Шубарской волости, был секретарем партийной организации волисполкома, работал заведующим агитотделом губкома партии, секретарем губисполкома, заведующим земельным отделом. С начала издания губернской газеты «Аул» был ее редактором.

¹ Бюллетень III Кустанайского съезда Советов, г. Кустанай, 1922. № 3 (5 сентября).

² Газета «Красная степь». 1923. 27 ноября.

³ Красная степь. 1923. 1 декабря.

⁴ Там же. 1923. 29 ноября.

М. Сералин – активный участник советского строительства в Казахстане

В деятельности М. Сералина в послеоктябрьский период можно выделить два этапа: работа в революционном комитете по управлению Казахским краем (Казревком) в г. Оренбурге, учрежденном в июле 1919 г., работа в Кустанайской губернии.

В конце 1919 г. М. Сералин был приглашен на работу в Казахский революционный комитет и назначен членом коллегии краевого земельного отдела и заведующим его казахской секцией. Для такого назначения были основания. Среди казахских деятелей он считался одним из наиболее компетентных в вопросах земельных отношений в крае. До революции он много ездил по казахским кочевьям и поселениям, изучал хозяйственный уклад и быт местного населения, составлял проекты и рекомендации по оседанию кочевников и полукочевников, выступал ходатаем перед официальными органами, доказывая необходимость наделения землей всех желающих кочевников, чтобы они могли заниматься и земледелием, и оказания им другой помощи. М. Сералин земледелие среди казахов пропагандировал личным примером, получив земельный участок, сам занимался хлебопашеством, сочетая его со скотоводством, построил поселок для оседавших кочевников.

Неоднократно М. Сералин выполнял поручения Казахского революционного комитета, выезжал на места. Он часто привлекался в качестве уполномоченного Ревкома для ускорения решения вопроса о передаче Кустанайского уезда из административного подчинения Челябинской губернии в ведение созданного краевого органа Казахстана. Этот вопрос был одним из наиболее сложных. Челябинский губком партии и губисполком всячески сопротивлялись такому решению, несмотря на то, что по Декрету об учреждении революционного Комитета по управлению Казахским краем, подписанному В.И. Лениным и М.И. Калининым, такая передача предусматривалась.

М. Сералин хорошо знал Кустанайский уезд, работал в советских органах после установления Советской власти в уезде

и имел хорошие представления об его экономике и положении, в особенности районов, заселенных преимущественно казахами. В январе 1920 г. от имени Шубарского волостного ревкома он направил докладную записку в Революционный Комитет по управлению Казахским краем, в которой на основании фактов писал, что тяжба между Челябинской губернией и Центральным Краевым органом Казахстана относительно Кустанайского уезда создает «двойственность положения и парализует развитие края (речь идет об уезде. – Авт.) в политическом, экономическом и культурно-просветительском отношении... В продовольственном отношении население находится в самом плачевном положении. Врачебная помощь населению во многих уголках почти отсутствует».¹ В записке М. Сералин указывал на необходимость скорейшего решения вопроса о передаче уезда в состав Казахского края, а до его решения «назначить особо чрезвычайного уполномоченного с предоставлением ему прав контроля, инструктирования устранения от должностей, перевыборов, предания суду и ареста без предварительного сношения с Центром».² В таком же плане говорил Ильин, представитель Кустанайского уезда, в своем выступлении на первой областной Казахской конференции РКП(б), состоявшейся в июне. 1921 г. Рисуя тяжелое положение населения ряда волостей уезда, он, в частности, говорил, что «в районах Адамовском, Всесвятском и Федоровском появились банды ...в них принимают участие главным образом кулаки и русские казаки, которые являются врагами власти Советов».³

Как видим, назначение М. Сералина уполномоченным Казахского революционного комитета для ведения переговоров с Челябинскими губернскими органами относительно Кустанайского уезда было правомерным.

22 января 1920 г. Казахский революционный комитет, обсудив доклад М. Сералина, принял постановление, в котором говорилось: «1. Срочно (по прямому проводу) телеграфировать

¹ ЦГА КазССР. Ф. 14. Д. 61. Л. 3.

² Там же. Л. 4.

³ Протоколы первой областной Киргизской конференции РКП(б) 11–18 июня 1921, г. Алма-Ата, 1935. С. 57.

в Центр об ускорении фактического перехода Кустанайского уезда из ведения Челябинского ревкома в ведение Киргизского (Казахского) краевого Ревкома. 2. Срочно организовать для переговоров с Челябинским ревкомом комиссию в составе одного члена Ревкома и т. Сералина, Ашмарина».¹ В феврале и марте 1920 г. М. Сералин и Ашмарин поочередно выезжали в г. Челябинск и вели переговоры в губкоме и губревкоме. Результаты этих переговоров рассматривались на заседаниях Казахского революционного Комитета 27 марта и 7 апреля 1920 г.²

В связи с переходом Кустанайского уезда в административно-территориальное ведение Казахского революционного комитета и преобразованием его в губернию М. Сералин решением Краевого партийного комитета был направлен на работу в эту губернию. Оно соответствовало и его желанию вернуться на родину, где, по его мнению, он мог принести больше пользы, чем в Оренбурге.

Будучи заведующим земельным отделом губисполкома, отделом агитации и пропаганды губкома партии, редактором губернской казахской газеты «Аул», М. Сералин везде показал себя активным деятелем Советской власти.

Одной из самых злободневных и сложных задач начала 20-х г. было укрепление власти местных Советов. Выборы и перевыборы аульных, поселковых и районных Советов зачастую превращались в арену политической борьбы, связанной со стремлением различных родоплеменных и антисоветских группировок протащить своих агентов в эти органы. Накал борьбы в казахских аулах и районах был не менее острый, чем в других местностях. Тому было несколько причин: незнание или слабое знание масс политики советской власти; неграмотность населения, недоверие, доверчивость к активистам, антисоветская агитация.

М. Сералин становится одной из самых заметных фигур, включившихся в выборную и перевыборную кампанию, особенно в казахских аулах и районах губернии. Он выезжал в районы, вел разъяснительную работу, выступал на сходках, на месте руководил избирательным процессом.

¹ ЦГА КазССР. Ф. 921. Оп. 1. Д. 18. Л. 1.

² Там же. Ф. 14. Оп. 3. Д. 17. Л. 17, 27.

3 августа 1922 г. М. Сералин опубликовал статью «Что должны помнить трудовые киргизы во время выборов». По своему содержанию среди статей, посвященных вопросам формирования новой местной власти, она занимала особое место. Статья была прямо направлена на усиление классовой борьбы в казахских аулах и на этой основе обеспечения должного социально-политического уровня проведения выборной и перевыборной кампаний в местные Советы. В ней М. Сералин давал также рекомендации для избирателей: на что следует обращать внимание во время выборов и как обеспечить их уровень, необходимый для формирования подлинно народных, советских органов власти. «Теперь, – писал он, – всем или многим стала ясна та истина, что интересы баев и киргизской бедноты совершенно противоположны... Все это должна хорошенько уяснить киргизская беднота и при предстоящих выборах Советов дать свой голос исключительно честным и дельным беднякам или же середнякам, отнюдь не пропуская в Советы баев-кулаков».¹

Основываясь на опыте предыдущих выборов и исходя из реальных условий, в которых проходили и проходят выборы и перевыборы в местные Советы в казахских аулах, М. Сералин составил инструкцию о том, как добиться основной цели, ради которой устраиваются эти выборы. Она включала, в частности, следующие условия: «Киргизский трудовой элемент должен следить за тем, чтобы в Советы не пролезли какими-нибудь окольными путями бывшие царские слуги; не допускать «таласы», т. е. конкурентную борьбу претендентов за власть, связанную с созданием групповщины, ибо это самое уродливое и вредное явление», от которого «выигрывали волостные управители и царские чиновники, а беднота от него только страдала»; ограничить, даже свести на нет влияние мулл на выборах. Хотя последние лишены по закону избирательных прав, однако они еще могут пролезть в Советы или протолкнуть своих людей».²

Статья заканчивалась обращением к трудящимся казахам с призывом принять самое активное участие в выборах и перевыборах: «Необходимо отбросить апатию и лень в сторону и

¹ Степная заря, 1922. 3 августа.

² Там же.

приступить к принятию участия в советском строительстве...», «Киргизские трудящиеся должны крепко помнить следующие строки из «Интернационала»: «Никто не даст нам избавления: ни бог, ни царь и ни герой. Добьемся мы освобождения своею собственной рукой».¹

При рассмотрении любого частного случая М. Сералин настойчиво и последовательно проводил идею социального отмежевания трудящейся массы от тех слоев населения, которые чужды им по образу жизни и живут за счет их труда. В статье, посвященной Всероссийской хозяйственной выставке, организованной в конце 1923 г. в Москве, которую посетили и посланцы Кустанайской губернии, он, останавливаясь на том факте, что в казахской делегации было немало представителей зажиточных слоев населения, в первую очередь думавших о своих личных выгодах, а не о выгодах общества, прямо говорил: «Большинство наших посланцев оказались выходцами из класса богачей-баев. То, что класс баев не интересуется выгодами большинства, а печется о своих личных интересах, — истина, как светящееся солнце. Бедняки и середняки должны помнить это в предстоящих выборах».²

В конце ноября 1923 г. во всех уездах Кустанайской губернии прошли выборы нового состава районных Советов. По сравнению с предыдущими они прошли более успешно. Это относилось и к районам, на территории которых имелись более или менее компактные поселения казахов. Итогам выборов М. Сералин посвятил специальную статью «Исторические дни». Анализируя их, он отмечал, что на этих выборах казахские бедняки и середняки впервые за послеоктябрьские годы смогли показать свою политическую активность и выбрать в советские органы своих кандидатов. Как результат этих выборов он рассматривал и факты введения делопроизводства на казахском языке в уездах и районах с преимущественным казахским населением. Эти новые факты М. Сералин считал историческими.

Для стиля работы М. Сералина всегда было характерно тесное увязывание фактических задач с конкретными делами. Так, выделяя достигнутые успехи на выборах в районные

¹ Там же.

² Аул. 1923. 30 ноября.

Советы, он ставит задачи использования успехов в улучшении жизни и быта населения. «Теперь многое зависит от тех казахов, которые избраны. Они обязаны не ленясь заботиться о народе, отбросить халатность, честно, засучив рукава, приступить к работе».¹

М. Сералин внимательно следил за изменениями в общественной жизни и быте населения в казахских аулах, за преодолением последствий разрухи и голода, охвативших их в течение нескольких лет. В одной из статей конца 1923 г. указывал на то, что «...губерния только что выкарабкалась из громадной разрухи и из свирепого голода. Их последствия еще не исчезли. Раны, нанесенные ими, еще далеко не зажили»,² он обращал внимание местных органов в казахских аулах и населения на необходимость оживления работы «Крестьянского комитета взаимопомощи», созданного, но плохо используемого в казахских волостях и аулах.

В другой статье, озаглавленной «Чего еще теперь ждут?», сообщая о постановлении центральных органов Советского государства об открытии хозяйственного банка на местах, через который решено выдавать денежные ссуды крестьянам для приобретения «живого и неживого» сельскохозяйственного инвентаря и семенного зерна, а также о продаже крестьянам земледельческих орудий и машин в долг, М. Сералин с большим сожалением отмечает, что казахские шаруа (крестьяне), за отдельными исключениями, не пользуются ими. «Где активисты в аулах? Время поджимает. Что они теперь ждут?».³

Советское строительство в казахских уездах, районах и аулах было тесно связано с оседанием кочевников. В условиях большой подвижности населения, когда к зимним местам жители возвращались только поздней осенью и покидали их ранней весной, а в остальное время года совершали значительный кочевой круг, нередко достигающий нескольких сотен километров, трудно было проводить организованные мероприятия и обеспечивать влияние органов местной власти на внутреннюю социально-экономическую, идейную и

¹ Там же.

² Там же.

³ Аул. 1924. 22 марта.

культурную жизнь казахского общества. В кочевых районах в первое время была попытка организовать «кочевые советы», перемещавшиеся вместе с кочевыми аулами. Однако эта мера не принесла желаемого эффекта. Более того, кочевая форма хозяйствования была удобна для примитивного скотоводства, но совершенно неприемлема для интенсивного хозяйства, тем более для земледельческого, без которых переустройство общественных отношений на новых, социалистических принципах было невозможно.

Между тем в массе своей казахское население, в том числе и в пределах Кустанайской губернии, оставалась еще кочевниками и полукочевниками. Такая хозяйственная традиция имела многовековую историю и поддерживалась еще довольно прочными сознательными и подсознательными установками населения.

Процесс частичного оседания казахских кочевников начался еще до 1917 г. Но происходил он медленно, трудно, охватывал в основном районы, соседние с русскими поселениями. Даже там, где происходило такое оседание кочевых хозяйств, последние, как правило, оставались преимущественно скотоводческими, полукочевыми. Земледелие в балансе их хозяйственного благосостояния занимало совершенно незначительную долю. Так, в Кустанайской губернии, где оседание казахских кочевников происходило более активно, чем во многих других частях Казахстана, считалось, что за период с 1910 по 1915 г. образовалось 125 казахских поселений. «Все эти поселки, – указывает М. Сералин, очень хорошо знавший положение, – числятся поселками на бумаге, представляя из себя, в сущности, те же киргизские (казахские) зимовки»,¹ в которых живут только зимой после длительных кочеваний.

Как известно, Мухамеджан Сералин всегда был убежденным сторонником необходимости оседания кочевников и развития земледельческой культуры.

М. Сералин намеревался превратить свой поселок в «образцовый», но для этого нужны были условия и время, которых не было и не доставало в дореволюционный период. Теперь,

¹ Беднота. 1924. 5 февраля.

в 20-х годах, он снова взялся за претворение в жизнь прежней идеи. Для этого были и определенные условия и время, а главное – была заинтересованность молодой Советской власти в оседании казахских кочевников-скотоводов, подкрепленная официальной политикой и материальной помощью.

Старания М. Сералина на деле показали выгодность и целесообразность во всех отношениях перехода кочевников к оседлости, в условиях Советской власти это скоро дало свои первые плоды. К 1924 году в поселке «Сералинский» уже насчитывалось 30 дворов. Они с 1922 г. начали заниматься огородничеством: сажали картофель, тыкву и подсолнух. С осени 1923 года приступили к посеву озимой ржи. Первые успехи оказались ободряющими, престиж поселка пошел в гору.

Оседание кочевников и образование поселка дали возможность по-новому, на сравнительно более высоком уровне решать культурно-массовые вопросы, чем в обществах кочевых аулов. Это преимущество стало наглядно выступать в жизни поселка «Сералинский». На средства граждан в 1918 году начали строить здание под школу, но гражданская война и временная оккупация уезда белогвардейцами, холера, а также голод 1921 года помешали осуществлению этого плана.

В 1923 г. М. Сералин возбудил ходатайство перед Советом народных комиссаров Казахской АССР о выделении средств на достройку школы, которую он начал в своем поселке еще в 1918 г. Правительство республики пошло навстречу и в августе того же года выделило 23000 руб. для этой цели.¹ С октября 1923 г. начала работать трехклассная трудовая школа 1 ступени. Во втором и третьем классах наряду с казахским языком изучался и русский. В начале 1924 г. в ней обучались 52 мальчика и 13 девочек, причем из них 12 сирот, 10 полусирот и 24 – из семей бедных родителей. Дети-сироты, по инициативе школьного совета и при помощи М. Сералина, были устроены в семьях обеспеченных, для них при школе было организовано питание, на что губернский отдел народного образования в декабре 1923 г. выделил для начала три червонца.² «Отдел народного образования, – писал М. Сералин, – отпускает только

¹ Степная правда. 1923, 8 августа.

² Советская степь. 1924. 3 января.

на жалованье заведующему школой, а второй учитель и сторож обеспечиваются из скудных средств самого населения».¹ Это была одна из многих трудностей, несмотря на которые дела в школе шли более или менее успешно.

Уже в первый год возобновления учебы из числа учащихся были созданы хоровой и театральный кружки. О них М. Сералин писал: «Через каждые три недели один раз ставят спектакли и концерты бесплатно. Эти спектакли и концерты производят громадное впечатление на простых киргизов, в особенности на киргизок».² Среди песен, исполняемых хором, был и «Интернационал», переведенный на казахский язык. Вскоре при школе организовали кружки по ликвидации неграмотности. Вначале в них записались 13, а посещало 5 человек, но уже за короткое время их число удвоилось. Это были молодые казашки и взрослые мужчины, впервые открывавшие для себя тайны элементарного чтения и правописания. К зиме 1924 г. в поселке «Сералинский» была организована ячейка рабоче-крестьянского союза молодежи в составе 25 членов, через полгода их число составило 41 человек. Среди комсомольцев были и девушки-казашки.³

В поселке открыли две общественные бани, о которых мало кто слышал прежде в казахских кочевых аулах. Как указывает М. Сералин в статье, напечатанной в начале 1924 г., население поселка намеревалось создать кредитно-кооперативную ячейку и, опираясь на нее, построить механическую мельницу и ввести электрическое освещение. «Таким образом,— писал М. Сералин, — маленький светоч, заложенный в киргизском темном уголке, начинает разгонять вековой мрак киргизской жизни».⁴

Поселок «Сералинский» был одним из первых в процессе оседания кочевников. Он представлял собой первичную хозяйственную и культурную ячейку, на базе которой более успешно проводилась советизация в казахских аулах. В его организации и постепенном превращении в поселение, имевшем общественное значение, была и доля труда М. Сералина.

¹ Беднота. 1924. 5 февраля.

² Там же.

³ Степной крестьянин. 1924. 30 августа.

⁴ Степной крестьянин. 1924. 8 августа.

М. Сералии о В.И. Ленине

Мухамеджан Сералин был одним из первых казахских советских писателей и публицистов, писавших о В.И. Ленине, открывавших его для казахского народа. Уже в первых статьях, опубликованных в первых номерах газеты «Аул» – органе Кустанайского губернского комитета РКП(б) и губисполкома, он писал о В.И. Ленине, его теоретических и практических делах. Статья «4 октября – праздник трудящихся Казахстана», опубликованная в 1923 г. и посвященная трехлетию создания Казахской Советской государственности, интересна в нескольких отношениях. По своему идейно-политическому и теоретическому уровню она является достаточно зрелой. В ней с достаточной силой и убедительно выделена роль В.И. Ленина и Коммунистической партии в социальном и национальном освобождении народов бывшей царской России и в обеспечении свободного их развития в рамках содружества наций, объединенных вокруг РСФСР. Сложные политические вопросы самоопределения народов на базе Советской власти в ней изложены просто, доступно для любого казаха-кочевника и полукочевника, лаконично и глубоко.

Эта статья, вместе с тем, в значительной мере характеризует его взгляды на важнейшие политические события, происходившие в Советском Казахстане. В ней высказаны верные мысли о роли дружбы казахского и русского народов в революционном преобразовании края.

«Празднуя этот день, – сказано в ней, – трудящиеся Казахстана должны помнить следующее: в этот день – 4 октября 1920 г. трудящиеся казахи, находившиеся под гнетом царского правительства, русской буржуазии, своих баев и волостных управителей, получили свободу и возможность равноправного политического и экономического развития наравне со всеми другими национальностями, входящими в состав РСФСР; 4 октября 1920 года – это день, когда трудящиеся Казахстана впервые получили право решать собственные дела и свою судьбу; 4 октября 1920 года – это

день, когда трудящиеся Казахстана получили возможность говорить и учиться на своем родном языке; 4 октября – это день освобождения трудящихся казахов от колониализма царского правительства и получения возможности заняться без оглядки восстановлением разрушенного хозяйства; этот день – свидетельство того, что сидевшие на шее трудящихся казахов свои баи и гнусные волостные управители сброшены навсегда.

День 4 октября – это доказательство того, что русские крестьяне, русские рабочие и казаки не являются врагами трудящихся казахов, ибо и они до Октябрьской революции также находились под прессом и гнетом царского правительства. Этот день напоминает нам о необходимости в тесной дружбе с ними, рука об руку, как товарищи, вместе взяться за восстановление хозяйства и овладение знаниями».¹

Чтобы понять ценность статьи М. Сералина, нужно представить конкретную ситуацию. Казахское общество, пройдя этапы революционного переворота, гражданской войны, разрухи и голода, начинало втягиваться в социалистическое строительство, имея в самой слабой степени внутренний идейно-политический актив и революционную национальную интеллигенцию. В отсталом кочевом и полукочевом обществе начиналась новая эра – эра социального и национального освобождения и реализации ленинского учения о праве народов на самоопределение, представлявшее основное ядро национальной политики партии и Советского государства. Эти фундаментальные мероприятия Советской власти были встречены народной массой на местах с огромным энтузиазмом и воодушевлением.

М. Сералин глубоко понимал происходящее. В статье указывалось, что образование Казахской Советской Автономной республики и все то, что приобрел казахский народ при Советах, оказалось возможным в результате победы русского рабочего класса и Красной Армии, руководимых Коммунистической партией.²

¹ Аул. 1923. 4 октября.

² Аул. 1923. 4 октября.

По его мнению, партия большевиков, руководимая В.И. Лениным, не только защищала интересы национальностей России, но и интересы всех угнетенных национальностей мира.¹ В статье четко и убедительно проводится мысль о том, что среди всех политических партий и группировок, каждая из которых выдавала себя за «народных вождей», ни одна, кроме коммунистов, не являлась истинным борцом за интересы трудящихся. «Только одна Коммунистическая партия несет угнетенным национальностям свободу, равенство, хозяйственное преуспевание и знание...».²

Резюмируя свою основную мысль, М. Сералин обращается к казахским трудящимся помнить все это и всегда свои дела согласовывать с указанной истиной и сплотиться под «знаменем Коммунистического интернационализма» и заканчивает статью словами «Да здравствует Ленин – вождь рабочего класса и трудящихся всего мира!».

В одном из последующих номеров этой газеты М. Сералин опубликовал статью, посвященную национальной политике Советского государства, приуроченную к годовщине образования СССР. В ней отмечалось, что «в результате справедливой и правильной политики Советского государства малые национальности, находившиеся в прошлом в бесправном, униженном и рабском положении, получили автономию и возможность решать самим свою судьбу».³ Крупным новым шагом в развитии Советской федерации и национальных автономий, как указывал автор, стало образование СССР и создание, начиная с января 1923 г., ЦИК, состоявшего из двух палат – Совета союза и Совета национальностей. Причем, согласно принятому на 3-й сессии ЦИК СССР Закону о правах Совета национальностей, союзный ЦИК не может принимать законы по национальным вопросам без согласования и учета мнений и утверждения Совета национальностей, в котором представлены уполномоченные национальностей, проживающих на территории страны. «Таковыми широкими и значительными правами ни

¹ Там же.

² Аул. 1923. 4 октября.

³ Аул. 1923. 26 ноября.

одна национальность не пользовалась ни в одну эпоху в прошлом и ни в одном буржуазном государстве»,¹ – писал М. Сералин. То, что дала Советская власть национальностям и даст им в будущем, в свою очередь, возлагает ответственность на сами эти национальности. Главным условием этой ответственности, по его мнению, является «взаимное доверие и дружба объединившихся национальностей».²

В своих работах М. Сералин выступал как страстный пропагандист ленинской национальной политики и дружбы народов и критиковал тех, кто пытался извратить их суть и назначение. Его политика была всегда аргументированной и доходчивой для казахских масс. «Враги Советского государства и Коммунистической партии, – писал он, – утверждают, что якобы наша автономия – это не автономия, а лишь одно название и что народы, получившие автономию, на деле не владеют властью для решения своих дел, а коммунисты правят ими по своему желанию и держат в узде».³ Они извращают политику государства по национальному вопросу сознательно и преднамеренно в расчете на то, чтобы сбить с толку «невежд и неграмотных, не понявших национальную политику», а также убедить политических эмигрантов, скитающихся за рубежом, об обратном, напротив того, что на самом деле есть в этой политике. Ставя вопрос о том, а почему же они рисуют национальную политику Советского государства искаженно, в мрачном свете, автор статьи отвечает им следующим образом: «Разумеется, такие «критики» либо они политические слепцы, не разобравшиеся в политике Коммунистической партии по национальному вопросу, либо клеветники, желающие рассорить трудящихся народов, и ненавидящие советские порядки контрреволюционеры».⁴

В качестве свежего примера, доказывающего то, как Советская власть шаг за шагом решает накопившиеся вопросы национальностей и обеспечивает их реальное равноправие и

¹ Там же.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Аул. 1923. 26 ноября.

равенство, М. Сералин приводит решение только что состоявшегося 4-го Кустанайского губернского съезда Советов о признании казахского языка как языка населения губернии и о введении делопроизводства в органах на казахском языке.¹

Многие мысли М. Сералина по поводу ленинской национальной политики и советской автономии и сегодня звучат современно. Содружество советских наций, олицетворением которого является единое многонациональное союзное государство – СССР, служит доказательством того, насколько в своей сути плодотворна для свободного развития народов ленинская национальная политика, осуществлявшаяся с первых же месяцев Великой Октябрьской социалистической революции.

Ленинская тематика в трудах М. Сералина получила новое качественное содержание после посещения им Москвы и участия в похоронах В.И. Ленина. Этот важнейший этап в его жизни, ставший во многом переломным в смысле осознания и осмысления плодов Октябрьской революции и ленинской национальной политики, был связан с его избранием делегатом на Всероссийский съезд Советов. На 4-м Кустанайском губернном съезде Советов, состоявшемся в ноябре 1923 г., делегатами на XI Всероссийский съезд Советов были избраны Паперный, Ряхов, Садвакасов, Байканов и Сералин.² Их пребывание в Москве совпало с кончиной В.И. Ленина. М. Сералин как делегат Всероссийского съезда Советов был включен в состав делегации Казахстана для участия в похоронах вождя мирового пролетариата.

В феврале - апреле 1924 г. М. Сералин опубликовал несколько статей о В.И. Ленине, которые начал писать еще в траурные дни в Москве: «Похороны товарища Ленина», «Траурный день», «Ленин и национальный вопрос».

Эти статьи написаны М. Сералиным с искренней любовью и скорбью. Однако это не личные воспоминания об увиденном и пережитом. В них передана всеобщая народная любовь к В.И. Ленину, раздумья о судьбе социалистической революции.

¹ Там же. 30 ноября.

² Красная Степь. 1923. № 128. 29 ноября.

Первую свою статью М. Сералин написал, находясь в Москве на следующий день после похорон В.И. Ленина на Красной площади 28 января 1924 г. Она была опубликована на страницах кустанайской губернской казахской газеты «Аул» 6 февраля и называлась «Похороны товарища Ленина». «27 января в 9 часов утра, – говорилось в ней, – гроб с телом В.И. Ленина перевезли из Колонного зала на Красную площадь. Проходившие перед гробом В.И. Ленина, установленном на возвышении, нескончаемым потоком шли до глубокой ночи».

В статье М. Сералин передает не только глубокую скорбь народа, но и его твердую решимость бороться за дело, начатое В.И. Лениным.

Свою статью, названную «Траурный день», М. Сералин заканчивает словами: «Прощай, товарищ Ленин! Ты умер, но дела не умрут!».

М. Сералин посвятил памяти В. И. Ленина стихотворение под названием «Жоктау» – («Оплакивание»), которое было опубликовано в газете «Аул» 22 апреля 1924 г. Его мы здесь приводим полностью в смысловом переводе.

*Вождь страны социализма,
Оратор, защитник бедняков
Ушел из мира сего,
Погрузив в печали народ.
Хотя тебя нет, но не собьются
С твоей дороги социалисты.
Они будут главой и поведут
Угнетенный класс бедняков.
Если враг наступит на нас,
Стоять будем, как утес
Пусть не радуются враги,
Что мы лишились ведущего.
По пути нашего вождя
Единым строем мы пойдём,
Как сила-твердыня,
Мы наступим на врага.*

*Пусть не рассчитывают враги,
Что могут нас взять.
Во всех уголках на планете
Много наших друзей.¹*

М. Сералин не видел В.И. Ленина при его жизни, а впервые узнал о нем из рассказов рабочих-большевиков и профессиональных революционеров, живших в г. Кустанае и Троицке в 1905 – 1910 гг. По воспоминаниям С. Ужгина, М. Сералин уже в 1905 – 1907 гг. читал и перечитывал отдельные работы В.И. Ленина, которыми снабжали его русские друзья.² Связь М. Сералина с социал-революционерами усилилась накануне февральской революции и особенно после нее. С первых месяцев Великой Октябрьской социалистической революции он становится убежденным коммунистом, о чем говорит его вступление в числе первых казахских интеллигентов кустанайщины в сочувствующие, а затем – в члены Коммунистической партии; его общественная и государственная деятельность в советских органах.

М. Сералин видел и слышал ряд выдающихся деятелей партии и Советского государства во время работы XI Всероссийского съезда Советов, траурного заседания ЦИК СССР, посвященного памяти В.И. Ленина, а также на его похоронах. Пребывание в Москве оставило в нем неизгладимое впечатление, обогатило духовно и политически.

Как видно из ряда воспоминаний людей, хорошо знавших М. Сералина, там, где он бывал, непременно собирались местная молодежь, одноаульцы, соседи, чтобы услышать из его уст рассказ о В.И. Ленине и его соратниках, о Москве, о политике партии и Советского государства в национальном вопросе и т. д.

Наиболее зрелой в теоретическом плане является статья М. Сералина «Ленин и национальный вопрос», написанная им после возвращения из Москвы и опубликованная в конце апреля 1924 г. Считая «национальный вопрос самым

¹ Аул. 1924. 22 апреля.

² Ужгин С. Первая большевистская организация в Кустанае и ее борьба в 1905–1907 годах // Большевик Казахстана. 1946. № 4. С. 26.

трудным из всех вопросов общественной жизни и самым дискуссионным»,¹ автор пытается подойти исторически к этой сложнейшей проблеме и приходит к выводу, что наиболее остро она стоит в условиях капитализма. С обострением национального вопроса возникают и разные проекты, планы его решения. «Ученые, принадлежавшие к классу богатых, – писал М. Сералин, – занятые поисками путей решения этого вопроса, предложили несколько вариантов. Однако ни один из них не годен для справедливого и правильного решения национального вопроса».² К числу таких проектов относятся идеи «Национально-культурной автономии и подчинения малых национальностей политике больших национальностей». В.И. Ленин выступил против всех этих буржуазных теорий. «Если прочитать труды Ленина, – писал Сералин, – написанные им за период с 1903 по 1913 гг. против этих проектов, то нельзя не удивляться его большой прозорливости».³

М. Сералин стремился показать В.И. Ленина не только как вождя, но и как автора плана решения национального вопроса в СССР. «Свет светильника, зажженного товарищем Лениным, – писал в заключении статьи М. Сералин, – озарил самые темные уголки земель угнетенных национальностей и воспламенил потухшие огни надежды у униженных и подавленных. Если подумать обо всем этом, тогда товарищ Ленин предстанет как человек величайшего ума и выдающийся покровитель угнетенных. Питать уважение к памяти таких мужей, как и при их жизни, – священный долг трудящегося класса... Это означает идти по пути, им проложенному, завершить всеми силами начатое им дело».⁴

К наследию М. Сералина, особенно к его сочинениям на политические темы первых лет Советской власти, следует подходить исторически, т. е. оценивать в контексте конкретных условий того времени. А эти условия были таковы, что вопрос «кто кого?» решался в ожесточенной борьбе молодого Советского государства с классовыми противниками. В казах-

¹ Аул. 1924. 22 апреля.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

ском обществе, находившемся до революции в условиях до-капиталистических, патриархально-феодальных отношений со всеми вытекающими отсюда последствиями, условия для преобразования общества на социалистической основе были еще более сложными, противоречивыми. Заслуга М. Сералина – общественного деятеля, просветителя, публициста в том и состоит, что он был верным помощником партии большевиков в Казахстане.

Последние годы жизни М. Сералина

Ряд вопросов из общественной деятельности М. Сералина, относящихся к 20-м гг., остается еще недостаточно выясненным. К ним, в частности, относятся: его пребывание в партии, годы работы в советских учреждениях Кустанайской губернии, деятельность в последние два-три года в родном ауле в Чубарской области.

Многие исследователи считают, что членом Коммунистической партии М. Сералин состоял с 1919 г. Об этом же говорится и в Казахской Советской энциклопедии.¹ По мнению Б. Кенжебаева, посвятившего не одну работу М. Сералину, последний вступил в члены партии в 1920 г.² М. Бурабаев считает, что М. Сералин вступил в кандидаты партии в 1919 г., а ее членом стал в 1921 г.³

Исторические материалы, разрозненные первоисточники также противоречивы, не содержат конкретных и цельных сведений, на основании которых можно было бы твердо говорить о времени вступления М. Сералина в партию. В официальных документах, составленных в краевых и губернских учреждениях в начале 20-х гг., он значится членом РКП(б) с 1919 г. В одной из анкет, заполненных самим М. Сералиным в 1922 г., сказано, что он является членом партии с 3 января 1919 г.⁴ В списке членов КирЦИКа, составленном в 1922 г. в г. Оренбурге, в графе, отведенной М. Сералину, записано, что ему 54 года, в РКП(б) с 1919 г., киргиз-бедняк, окончил курс русско-киргизского двухклассного училища в Кустанае, член КирЦИКа.⁵

Есть и другая группа материалов, отложившихся в тех же

¹ См.: Казахская советская энциклопедия. Т. 10. Алма-Ата, 1977 г. С. 134.

² Кенжебаев Б. Казахские писатели-демократы начала XX века. Алма-Ата, 1958. С. 69.

³ Бурабаев Б.С. Становление социалистического сознания в Казахстане. Алма-Ата, 1981. С. 288.

⁴ См. кн.: Кенжебаев Б. XX ғасыр басындағы қазақ әдебиеті. Алматы. 1976. 72-б.

⁵ Партархив Казфилиала ИМЛ. Ф. 139. Оп. 1. Д. 395. Л. 5.

архивных фондах, но с другими данными. В Кустанайском областном партийном архиве Б. Кенжебаевым обнаружен документ с указанием на то, что М. Сералин вступил в кандидаты партии в 1919 г., а ее членом является с 1920 г. Сохранилось и удостоверение, в котором имеется следующая запись: «Настоящее выдано члену РКП(б) тов. Сералину Мухамеджану в том, что он действительно состоит членом РКП (б) с 20 года. Партийный билет 22 года запрошен в Центральном Комитете партии, что подписями и приложением печати удостоверяется».¹

По нашему запросу Институтом истории партии при ЦК Компартии Казахстана в декабре 1986 г. была получена справка, составленная 16 января 1987 г., которая не только внесла ясности, но добавила новые вопросы. В ответе указывалось, что, по данным Чубарской волостной партячейки Федоровского района Челябинской области, М. Сералин значится кандидатом в члены партии с 3 ноября 1919 г., а принят в члены партии на общем собрании членов РКП(б) в этой же волости 22 октября 1921 г. Причем в делах имеется протокол этого собрания. Также сообщалось, что в «списке членов Чубарской волостной партийной ячейки», составленном в конце 1921 г., против фамилии М. Сералина сделана запись о том, что он «оставлен кандидатом как середняк». И тут же указывается, что он является секретарем партийной ячейки. В отдельных местных документах М. Сералин считался кандидатом в члены партии и в 1922, и в 1923 гг.

По воспоминаниям современников, близко знавших М. Сералина, в частности Акыша Оспанова (1882 г. рождения), осенью 1918 г. в аул М. Сералина прибыл из Троицка некий Газизов, его старый знакомый по участию в революционном движении в 1906 – 1907 гг. на кустанайщине. Он имел мандат от местных советских органов, выполнял их задания и на митинге одноаульцев рассказал о внутреннем и международном положении страны. По окончании митинга он записывал кандидатов в партию большевиков. В числе первых записались М. Сералин и его племянник Закир (брат Акыша Оспанова).

¹ Кенжебаев Б. Указ. раб. С. 69.

Имеется еще один любопытный документ. Во время чистки рядов партии, проведенной в 1922 г., на вопрос анкеты: «Считается ли совместимым верить в бога и быть коммунистом и в чем выражается ваша вера, если верите?» – М. Сералин записал: «Верю в существование бога, в вечность бытия, везде. Но отрицаю всякую церковность».¹ Комиссия решила исключить его из рядов партии, но ограничилась тем, что оставила его кандидатом «для усвоения марксистского учения». Решение было подтверждено на заседании обкома партии 18 октября 1922 г.

Как видно из сказанного, известные на сегодня сведения относительно времени вступления М. Сералина в партию большевиков неполны и разноречивы. Вполне вероятно, что М. Сералин в конце 1918 г. через уполномоченного местных партийных органов, прибывшего в его аул с агитационной целью, записался в сочувствующие партии большевиков, что в то время широко практиковалось. Кандидатом в члены РКП(б) вступил в 1919 г. (в январе или ноябре), а в 1920 г. в период работы в г. Оренбурге стал ее членом в составе Казахского революционного комитета. Не раз, видимо, попадал в кампанию чистки и необоснованно переводился в «кандидаты» с последующим восстановлением членства в партии.

Одно ясно, что М. Сералин одним из первых среди казахских интеллигентов приветствовал и принял идею

Октябрьской социалистической революции, вместе с партией большевиков активно включился в процесс советского строительства в Степном крае.

Следует внести определенные уточнения и в послужной список М. Сералина в послеоктябрьский период.

1. В литературе о нем, а также в Казахской Советской энциклопедии принято считать, что М. Сералин в самом начале 1919 г. прибыл в Оренбург, будущую столицу Казахской Автономии и работал в губземотделе. С образованием Казахского революционного комитета вошел в состав редакционной коллегии газеты «Ұшқын» – его печатного органа на казахском языке.

¹ Кенжебаев Б. Указ. раб. С. 72.

В уточнении нуждается время переезда М. Сералина в г. Оренбург. До начала второй половины 1919 г. в г. Оренбурге не было казахского краевого органа или учреждения, специально занимавшегося делами казахского населения. В то время местом развертывания деятельности казахского отдела Наркомнаца РСФСР и создания прообраза краевого органа была Букеевская область с центром в Урде.¹ Кустанай и многие волости уезда окончательно были освобождены от белогвардейцев только в августе 1919 г., и выезд М. Сералина в этих условиях был крайне затруднен. Потребовалось и некоторое время Казахскому революционному комитету для решения вопроса о коптации его новыми членами и приглашения новых работников из мест. М. Сералин получил приглашение прибыть в Оренбург весной 1920 г. По его личному признанию, с 1 июля по 20 октября 1920 г. работал в Оренбурге в аппарате Казревкома в должности члена коллегии земотдела. Это согласуется и с архивными документами. Назначение М. Сералина членом редакционной комиссии газеты «с совместительством члена коллегии земотдела» ревкома состоялось на заседании областного комитета РКП(б) казахского края пятого июля 1920 г.² Восьмого июля принимается решение в связи с отъездом в Москву по службе Кулакова, заведующего отделом Казревкома, его заместителем оставить Покровского, создав при нем временную коллегию в составе М. Сералина и Маслова – председателя Оренбургского губернского земотдела.³

Кустанайский уезд, входивший в состав Челябинской губернии, с 1 октября 1920 г. перешел в административное подчинение Казахского революционного комитета. Это было накануне созыва учредительного съезда Советов Казахстана и провозглашения на нем образования Казахской Советской Автономной республики (4 октября 1920 г.). Одним из острых и неотложных вопросов уезда, население которого составляло 260 тыс. русских и 150 тыс. казахов,

¹ См. кн.: Зиманов С.З., Даулетова С.О., Исмагулов М.Ш. Казахский отдел Наркомнаца РСФСР. Алма-Ата, 1975.

² Партархив Казфилиала ИМЛ. Ф. 140. Оп. 1. Д. 46. Л. 17.

³ Там же. Л. 18.

живущих в абсолютном большинстве в волостях, был вопрос о кадрах для работы среди местного аульного населения. Он приобрел еще большее значение в связи с преобразованием Кустанайского уезда в губернию. Областной комитет РКП(б) и правительство Казахской АССР неоднократно обсуждали этот вопрос.¹ В свою очередь, Кустанайский уездный комитет РКП(б) в 1920 – 1921 гг. не один раз обращался в центральные органы Казахской Автономной республики о направлении в уезд подготовленных работников из казахов. С.С. Ужгин, возглавлявший уездный партийный комитет и одновременно ведавший отделом национальных меньшинств, просил возвращения в уезд в первую очередь М. Сералина. В докладе уездного партийного комитета в бюро обкома партии и республики от 7 декабря 1920 г. в обоснование необходимости активизации советской и агитационно-пропагандистской работы в казахских волостях говорилось: до революции здесь «политика русского правительства и капитала была чисто колониальной... Самые отвратительные приемы одурачивания применялись к полудиким киргизам. Правительство смотрело сквозь пальцы на насилия и безобразия, чинимые местной властью, считавшей киргиз скотом».² 2-я Кустанайская губернская партийная конференция, открывшаяся 17 ноября 1921 г., приняла резолюцию «По вопросу о работе партии среди киргиз». В ней, в частности, говорилось: «Просить обком РКП(б) о присылке киргизского шрифта и работников, необходимых для постановки на надлежащую высоту агитпропаганды среди киргиз».³

По решению обкома партии и правительства республики и учитывая желание самого М. Сералина, летом 1921 г. он направляется для работы в Кустанайскую губернию. С назначением его председателем Чубарского волисполкома на него одновременно возлагается задача подготовки и налаживания издания губернской газеты на казахском языке. На этой долж-

¹ 18 октября 1921 г. Президиум обкома партии и республики второй раз обсудил вопрос «Об укреплении Кустанайской губернии работниками из среды тов. «Киргиз». (Партархив Казахского филиала ЦКЛ. Ф. 140. Оп. 1. Д. 13 а. Л. 95).

² Партархив Казфилиала ИМЛ. Ф. 140. Оп. 1. Д. 27. Л. 19.

³ Там же. Ф. 139. Оп. 1. Д. 253. Д. 29.

ности он проработал с 20 августа 1921 г. по 30 апреля 1922 г.¹ На V уездной партийной конференции (октябрь 1921 г.) М. Сералин избирается членом уездного комитета партии, а также делегатом на первую губернскую партийную конференцию.²

Вскоре М. Сералин отзывается в г. Кустанай для ведения общегубернской работы, связанной с советским строительством в казахских аулах и волостях, а также для проведения в них перевыборной кампании в местных органах власти. Он участвовал в работе I, II и III губернских партконференций (1921 – 1922 гг.), входил в состав комиссии губкома партии по вовлечению казахов в партийную и советскую работу.³ С июля 1922 г. до начала 1923 г. М. Сералин работал заведующим губернским земельным управлением и одновременно заместителем председателя губисполкома, являлся членом его президиума.

В 1922 – 1923 гг. М. Сералин избирается членом ЦИК Казахской Автономной Республики, делегатом первого и второго Всероссийских съездов Советов. С начала 1923 г. переходит на работу в редакцию газеты «Аул» и отдает ей все силы. Одновременно оставался членом президиума губисполкома, вплоть до V губернского съезда Советов (март 1925 г.).

С середины 1924 г. состояние здоровья М. Сералина заметно ухудшилось. В периоды улучшения здоровья (1926 – 1928 гг.) М. Сералин снова привлекался к работе в партийных и советских органах губернии: назначался заместителем председателя губисполкома, заведующим агитационно-пропагандистским отделом губкома партии.

Однако прогрессирующая болезнь не давала возможности заняться партийно-государственными делами в полную силу.

По воспоминаниям Ташбаева, хранящимся в рукописном фонде библиотеки АН КазССР, в 1928 г. областной комитет РКП(б) Казахской АССР решил назначить М. Сералина редактором газеты «Еңбекші қазақ» – органа обкома партии и

¹ В литературе не точно датируется работа М. Сералина председателем волисполкома в 1920-1921 гг.

² Паргархив Казфилиала ИМЛ. Ф. 139. Оп. 1. Д. 877. Л. 32-33

³ Степная заря. 1922. 12 августа.

ЦИК КазАССР, хотя по настоянию врачей находился на лечении дома в ауле. В декабре 1928 г. он был парализован, а весной 1929 г. умер.

Несмотря на трудности и невзгоды послереволюционных лет, он всегда оставался преданным идеалам социалистического обновления казахского общества.

Вся жизнь Мухамеджана Сералина – пример преданности своему народу и идеалам прогресса и социализма.

То, что М. Сералин с первых дней Октябрьской революции становится активным сторонником и проводником идей социалистической революции и советского строительства в казахских аулах, являлось логическим продолжением его до-революционной общественно-политической деятельности.

М. Сералин занимает достойное место в истории общественной мысли и культуры Казахстана. Однако молодое поколение почти не знает его либо знает очень мало. Причин тому много. Перекосы в социально-политической жизни общества, господство культа личности в течение многих лет, откровенный нигилизм по отношению к истории и историческим личностям народов, нарушение принципа справедливости в оценке их деятельности были причиной того, что незаслуженно были забыты многие передовые деятели Казахстана, в том числе Мухамеджан Сералин. Долг наших ученых восполнить этот пробел в истории и культуре народа.

О СТАТУСЕ ЯЗЫКА

В большинстве союзных республик уже принят, а в некоторых из них находится на стадии обсуждения Закон о языке. Предстоит принять его и в Казахстане.

В последние два года проблема языка в союзных республиках приобрела остросоциальный и даже политический характер. Вокруг нее развернулись жаркие дебаты.

Формы проявления и острота языковой ситуации различны в национальных регионах и этнических группах. Наиболее запущенной и острой она является в Казахстане. Это в первую очередь относится к казахскому языку. По выборочным данным, сегодня около 40 процентов казахского населения не знают свой родной язык или плохо им владеют. Делопроизводство на казахском языке не ведется во всех центральных и областных организациях. Из 205 районов фактически только в 23 (официально – в 38) ведется делопроизводство на языке коренной национальности. Последствия падения престижа казахского языка еще более ущербны в системе национальной культуры и печати, науки и образования. Такая тенденция склонна к еще большему росту. Она объективно заложена в языковой структуре прироста народонаселения. На начало 1989 года в русскоязычных детских садах республики воспитывалось до одного миллиона детей, а в казахских – только 80 тысяч, или в 12 раз меньше. Это означает, что через ближайшее десятилетие, когда войдут эти дети в активную социальную сферу, говорящие на казахском языке станут редкостью. Это вызывает законную озабоченность и тревогу.

Нависшая над казахским языком угроза исчезновения должна быть понята и осознана в первую очередь самими казахами и требует сочувственного, братского отношения со стороны русскоязычного населения. Только при таких условиях возможно оздоровление языковой ситуации в Казахстане и как

следствие этого – обновление и укрепление межнациональных отношений. Остановить процесс упадка престижа и значения казахского языка и придание ему динамизма развития выдвигаются сегодня в качестве одной из первоочередных задач в духовной жизни народа. Эта задача трудная, сложная, но вполне разрешимая. И решать ее нужно, пока не поздно. Есть единственный путь: казахский язык должен стать работающим. Для этого должна быть разработана и проведена в жизнь серия конкретных мер – законодательного, организационного, идеологического плана, целенаправленных на восстановление и создание условий эффективного функционирования языка в основных сферах общественно-политической жизни республики.

А чтобы реализовать указанный план, необходимо на конституционном уровне признать казахский язык государственным на территории республики и обеспечить его повсеместное внедрение во все этажи и структуры партийного и государственного аппарата. Нельзя не согласиться с тем, что сказано в проекте платформы КПСС по национальной политике партии: «Особое значение приобретает дальнейшее свободное развитие языков народов СССР... Статус государственного языка означает расширение его общественных и культурных функций». В опубликованном проекте Закона о языке также предлагается определить статус русского языка как языка межнационального общения в республике с распространением его на область управленческих отношений. Это я считаю вполне правомерным, что означает, что русскоязычное население, как и прежде, будет иметь полную свободу употребления русского языка везде и на всех уровнях. Он становится практически вторым государственным языком на территории республики. Таким образом на деле устанавливается государственное двуязычие.

Тут резонно возникает вопрос, не следует ли фактическому состоянию – государственному двуязычию придать законодательную силу и объявить государственными языками Казахской ССР – казахский и русский. Так было в прошлом, в 1923 году и в последующие годы актами высших органов республики казахский и русский языки были объявлены го-

сударственными. Они формально не отменены по сей день. Что из этого получилось, известно всем. Казахский язык полностью был вытеснен из сферы официальных и государственных дел. Суть не в том, что казахский и русский языки на уровне государственных оказались несовместимыми. Они работали эффективно и с большой пользой в межнациональных отношениях до середины 30-х годов. Двужычие способствовало проведению политики коренизации государственного аппарата, а также распространению русского языка среди казахского населения. Дело в том, что на последующих этапах истории Казахстана языковая политика была деформирована, проводилась односторонне, без учета интересов развития языка коренной национальности. Поскольку казахский и русский были неравнозначны по общественным функциям и лингвистической силе: первый имеет регионально-местное, внутриэтническое значение, а второй – общесоюзное и международное значение, - в условиях отсутствия оперативно-властного регулирования и нигилистического отношения к языку местного населения, русский стал играть доминантное положение почти во всех важнейших областях языковых контактов и отношений.

Существует недоразумение в понимании роли и места русского языка как средства межнационального общения. Наряду с привычкой аппаратчиков жить в моноязыковом комфорте, встречается обывательское рассуждение, особенно среди части русскоязычного населения, о том, что этим самым якобы русский язык отодвигается на второй план и будет занимать в дальнейшем место после казахского языка. Все это – заблуждение. Следует помнить, что не все языки могут нести функцию лингвистического средства межнационального общения, а только такие из них, которые обладают универсальностью и имеют более широкое распространение, являются жизненной потребностью. На такую роль не могут претендовать другие языки, кроме русского, и в Казахстане, и в масштабе страны в целом. По фактическому состоянию и по правовому статусу русский язык как язык межнационального общения стоит рангом выше, чем, например, казахский язык в республике, объявленный государственным

и долженствующий обслуживать языковые потребности в основном одной этнической общности.

В ряде союзных республик языки коренных национальностей законодательно признаны государственными без упоминания о русском как о средстве межнационального общения на их территории (группа прибалтийских и кавказских республик и другие). Такое положение, безусловно, в известной мере суживает применение русского языка в национальном регионе. Как объясняют на местах, это сделано в интересах расширения свободы и зоны использования национальных языков, оказавшихся в числе второстепенных. Говорят, что это не что иное, как ослабление пресса давления русского языка на местные языки, при котором последние не могут нормально развиваться, и что это ни в коем случае не может быть растолковано, как действие против самого русского языка, хотя не отрицается определенное ограничение его распространения в границах республик. По-видимому, тут немаловажное значение играют исторические и культурные традиции народов этих национальных территорий. Время – судья, оно рассудит. По мнению большинства интеллигенции и специалистов среднеазиатских республик и Казахстана, в конкретных их условиях свобода и динамизм развития национальных языков могут быть обеспечены при помощи и поддержке русского языка как средства межнационального общения.

В законе казахской сср о языке учтены интересы свободного и эффективного функционирования языков всех других национальностей, живущих на ее территории. Предусмотрена в этом плане система законодательных мер, в том числе и возможность придания статуса местного языка языкам национальных меньшинств. Важно отметить, что решение острой проблемы языка коренной национальности республики составляет основное звено, опираясь на которое можно решать и другие вопросы языковой ситуации.

Придание государственного статуса казахскому языку означает, что впредь повсеместное внедрение казахского языка в деятельность государственных, общественных, творческих организаций, учреждений культуры и образования, а также организационное, материально-финансовое обеспечение

применения языка и контроль за проведением этой политики становятся заботой и прямой обязанностью Казахской ССР в лице ее центральных органов. Если до сих пор разрешение кризиса казахского языка было связано с инициативами отдельных лиц из руководящих органов и почти всецело зависело от них, потому и было малоэффективным, то теперь это становится одной из официальных функций государственных органов.

Фактическое государственное двуязычие несколько отличается от той системы, в которой признаны два государственных языка. Это отличие состоит в том, что языковое общение в управленческих отношениях и в сферах обслуживания ведется на основе двуязычия – знания казахского и русского языков с акцентом поощрения на казахском. И это желательно и необходимо не только потому, что носителем государственного статуса является язык коренной национальности, но и потому что при их «свободном», «плавающим» функционировании, несомненно, казахский язык будет «девальвирован» и вытеснен русским языком, обладающим высоким престижем. Наоборот, при указанной схеме и его неукоснительной реализации как бы удерживается равновесие между неравными по лингвистической силе языками и обеспечивается внедрение казахского языка в официальное отношение наряду с русским. На деле в перспективе это означает, что ряд категорий работников органов управления и сферы обслуживания, независимо от их национальности, должен будет обладать государственным и русским языками в объеме, необходимом для профессиональной деятельности.

При жизни В.И. Ленина, в частности по решению XII партийного съезда, эта задача ставилась и решалась в советских республиках. Партийные и советские инонациональные работники должны были владеть языком коренного населения. Сегодня эта задача у нас в республике в меньшей степени относится и к самим казахам, среди которых не владеющих родным языком и оторванных от национальной культуры предостаточно.

«Нижний» уровень в системе мер, направленных на возрождение казахского языка и развитие двуязычия, начинается

с дошкольных детских учреждений. Имеются веские научные аргументы о том, что наиболее устойчивые национально-культурные и языковые навыки у людей формируются с ранних лет. В эти годы закладываются основы преемственности между родителями и детьми. Тем самым создаются благоприятные условия для становления полноценной личности с национальными связями. Это было понято многими передовыми народами. К сожалению, казахи, да и некоторые другие с большим опозданием начинают сознавать эту необходимость.

Придание государственного статуса казахскому языку означает, что его изучение, а также изучение истории и культуры коренной национальности должно входить в обязательную учебную программу всех учебных заведений, школ училищ, вузов. В настоящее время предусматривается введение казахского языка в учебную программу средней школы, сдачу по нему экзамена и занесения знаний учащегося в аттестаты об образовании. Восстановлены права абитуриентов сдавать вступительные экзамены в училища и вузы на языке школьного обучения. Открываются классы и факультеты с обучением на казахском языке. Все это доброе и перспективное начало.

Для реализации государственного статуса казахского языка потребуется не один год. Меры в этом плане могут быть подразделены на неотложные переходные и перспективные. Одни из них внедряются сегодня, а другие начинаются с подготовительных этапов, а третьи будут внедряться по истечении определенного времени. Все мероприятия языковой политики необходимо увязать между собою как единую программу, в которой отдельные части выглядели бы не как самодовлеющие или изолированные, а как необходимые элементы достижения вполне определенной конечной цели.

Какие могут быть последствия от законодательного признания казахского языка государственным, а русского языка – языком межнационального общения? Возрождение и повышение общественно-политической функции казахского языка отвечают интересам не только коренного населения. Улучшится языковая ситуация в республике в целом. Оправдавшиеся методы будут распространены для решения языковой

проблемы других малочисленных наций, живущих в Казахстане. В. Распутин писал: «Я убежден, что нельзя быть интернационалистом до тех пор, пока не чувствуешь свои национальные корни, свою историю, пока не знаешь собственного народа».

Русский язык, разделив свою роль фактического государственного языка в республике с казахским, оказывая поддержку росту престижа последнего, демонстрирует благородную миссию. Что касается его носителей – русских и всего русскоязычного населения, то их интересы не будут ущемлены, и языковые положения не претерпят никакого изменения. То, что вводится двуязычие в систему управления, культуры, образования и сферы обслуживания населения, может временно «задеть» моноязычное благополучие в основном некоторой части аппаратчиков, но зато будет работать в направлении духовного обогащения. А это намного ценнее, чем трудности на пути овладения достаточным двуязычием. Только обыватели и люди с низкой культурой общения могут дать современному языковому строительству в республике иное толкование. Однако и этот момент нельзя сбрасывать со счетов.

Революционный дух перестройки, хотя медленно, но шаг за шагом входит в нашу жизнь. Он изменит облик социализма, очеловечит его, преобразует и оздоровит национальные и межнациональные отношения, придаст нашему развитию новые мощные стимулы. Таковы наши убеждения и надежды.

С. Зиманов, А. Камназаров

ДЕМОКРАТИЯ И БЮРОКРАТИЯ
(о переосмыслении ленинского наследия)

Начав перестройку с экономической реформы, ни партия, ни правительство, по инициативе которых она проводилась, не предполагали, какую цепную реакцию она может вызвать в дальнейшем. На третьем году была осознана глубокая внутренняя связь экономики и политической структуры и осмыслена невозможность успешного проведения экономической реформы без преобразований политической системы общества. И сегодня, по мере углубления перестройки, развивающейся по пути коренного революционного обновления общества, строительства нового гуманного социализма, вопросов становится не меньше. Они каждый раз возникают в истории перед социальными реформаторами. К. Маркс в письме к А. Руге (сентябрь 1843 г.) писал следующее: «Хотя не существует сомнений насчет вопроса «откуда?», но зато господствует большая путаница относительно вопроса «куда?». Не говоря уже о всеобщей анархии в воззрениях различных реформаторов, каждый из них вынужден признаться самому себе, что он не имеет точного представления о том, каково должно быть будущее».¹

Можно было бы оспорить это указание К. Маркса тем, что в нашем движении нет «большой путаницы», тем более «всеобщей анархии», поскольку мы ясно представляем, что целью нашего движения является «человек, осознавший самого себя», что общественной формой, в которой возможна реализация этой цели, выступает «гуманный социализм». Теперь мы утверждаем демократию, полнее осознаем, что надо двигаться и движемся от бюрократии к демократии, от тоталитаризма к плюрализму, от лозунговой свободы к действительной. Наконец, мы определились в вопросе о том, что практически орга-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. I. С. 379.

низационной моделью оптимального соотношения государства и гражданского общества может выступать правовое государство, при котором, с одной стороны, признается приоритет закона, а с другой – определяется, что «не человек существует для закона, а закон существует для человека». Оно, по общему мнению, должно воплотить в жизнь классическую идею о приоритете свободы личности, о возможности для последней посредством закона ограничивать государство в случае, если оно посягает на ее правовой и нравственный статус. Многие из всего этого пока существует в идеале, но существует. Это важно, хотя не является гарантией.

Стратегическая ясность цели как будто была и в самом начале нашего движения, когда народ, воодушевленный идеей свободы и лозунгом «хлеб – трудящимся», пришел к власти, справедливо считая при этом, что традиционная природа этой власти должна и может быть изменена с учетом интересов масс. И никто не предполагал, что по прошествии более чем 70 лет возникнет вопрос о том, в каком обществе мы живем и какое государство мы имеем; вопрос, свидетельствующий об известной неопределенности оценки результатов нашего социального движения. Никто не допускал мысли, что революционный энтузиазм, будучи основанием вполне реальных социалистических завоеваний, оттеснит разумность и целесообразность постреволюционной практической организации «живого» дела; что революционный романтизм разовьется в формах, противоречащих революционному критическому началу, обернувшись стремлением «захватывать власть» и «опрокидывать председателей». Никто, наконец, не предполагал, что «военный коммунизм» как мера временная, вынужденная, по целому ряду чрезвычайных обстоятельств, на долгие годы станет критерием социалистичности нашего общества, а сопутствующий ему сугубо административный произвол захлестнет не только область экономических, политических отношений, но и сферу собственно человеческих отношений.

Почему же это произошло, стало действительным фактом нашей истории? Очевидно, потому что определенность в вопросах «откуда?» и «куда?» еще не может обеспечить

достижение успехов предпринимаемого движения, покуда остается неопределенность в вопросе «каким образом?». Эта неопределенность на практике создает тот социальный вакуум, который с равным успехом может заполняться как очевидными социально-эффективными приобретениями, так и объективными и субъективными просчетами, а нередко – при соответствующем соотношении политических сил – злым умыслом и волей, вносящими деструктивность в строительство нового человеческого общежития.

В этой связи может возникнуть возражение, дескать, ни одно социальное движение, даже если оно начато при четком определении стратегических и тактических моментов, не застраховано от влияния амбиций носителей властных отношений. Да, но определенность методов (средств) достижения поставленных целей обязательно сопровождается созданием реальных условий, при которых влияние каких бы то ни было политических амбиций не может стать определяющим, т. е. доминантой исторического развития. При этом под неопределенностью следует понимать и паллиативность предпринимаемых мер, смешение демократических и бюрократических или даже сугубо антидемократических методов решения социальных задач. К сожалению, наша социалистическая история началась именно с этого. «Военный коммунизм» возник как следствие чрезвычайной ситуации, порожденной интервенцией, гражданской войной, разрухой. Но он выступал и в качестве концепции («единая фабрика»), существо которой сводилось к тому, чтобы «непосредственными велениями пролетарского государства наладить государственное производство и государственное распределение продуктов по-коммунистически в мелкокрестьянской стране».¹ Практическая реализация этой концепции означала, во-первых, чрезмерные масштабы национализации, а во-вторых, вытеснение собственно экономических отношений «непосредственными велениями пролетарского государства». Последние предполагали аппарат и, кроме того, в силу сложной исторической обстановки специфические методы осуществления им своих функций. Иными словами, было по-

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 44. С. 151.

ложено начало становлению административной традиции. А поскольку «ни одно глубокое и могучее народное движение в истории не обходилось без грязной пены, без присасывающихся к неопытным новаторам авантюристов и жуликов, хвастунов и горлопанов, без нелепой суматохи, бестолочи, зряшной суетливости, без попыток отдельных «вождей» братья за 20 дел и ни одного не доводить до конца»,¹ и, следовательно, в распоряжении Советской власти оказались «сотни тысяч советских служащих, которые или буржуи, или полубуржуи, или настолько забиты, что совершенно не верят в нашу Советскую власть, или они так далеки от этой власти»,² постольку традиция эта начала развиваться также и в зловеще-абсурдных формах.

В качестве иллюстрации приведем выдержки из письма Н.К. Ульяновой Г.И. Петровскому, написанному по поводу жалобы крестьян Кадниковского уезда Вологодской губернии на «уродливое» взыскивание чрезвычайного революционного налога, адресованной В.И. Ленину. В письме, в частности сообщается: «... Я убеждена в том, что значительное число так называемых «кулацких» восстаний возникает на почве бесконтрольного хозяйничанья «Комитетов» (комитетов бедноты. – Авторы), поставляющих должностных лиц. Прикрывшись званием «Советского работника» восстанавливают против себя все и всех, желание сменить ставленника «Комитета» отождествляют с непризнанием Советской власти... Мостакова теперь боится, что к ним в волость будет послана вместо ревизии, которая разоблачит дело по справедливости, карательная экспедиция против крестьян, решившихся обратиться за помощью к Ленину, или будет сообщено местной власти, которая с ними расправится. Случаи расправы на местах с посмевшими пожаловаться на произвол Ленину не так редки... но ведь это же факт, что Комитеты бедноты насильничают и безобразят. По составу это не беднейшие крестьяне, а местные люди, забросившие хозяйство. Тут и московские охранники, укрывшиеся в деревню, тут бывшие швейцары, дворники и кое-какая интеллигенция

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 36. С. 193.

² Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 41. С. 149.

контрреволюционная, которая набилась в деревню и вышла в Комитеты бедноты».¹

Таким образом, «военный коммунизм» явился, с одной стороны, «заботой о чистоте коммунизма» (недопущение государственного капитализма, отрицание в принципе товарно-денежных отношений), с другой – идеологическим контраргументом, прикрывающим действительные произвол и бесхозяйственность, а нередко и контрреволюцию (аппарат, отделившийся от действительных интересов трудящихся, всегда нуждается в идеологическом обосновании необходимости этого отделения). Появилась каста «жрецов коммунизма», которые «начинали писать «революцию» с большой буквы, возводить «революцию» в нечто почти божественное, терять голову, терять способность самым хладнокровным и трезвым образом соображать, взвешивать, проверять, в какой момент, при каких обстоятельствах, в какой области действия надо уметь действовать по-революционному и в какой момент, при каких обстоятельствах и в какой области действия надо уметь перейти к действию реформистскому».² Одним словом, аппарат рабоче-крестьянской власти оказался заражен бюрократизмом, который в деятельности «управленского» элемента, в его лучшей части, проявлялся как «комчванство», а в его худшей части – как бесчинство и административный произвол.

Политика «военного коммунизма» – вынужденная мера. К тому же она проводилась с перегибами. На X партийном съезде В.И. Ленин по этому поводу сказал: «Мы в этом отношении очень много погрели, идя слишком далеко: мы слишком далеко зашли по пути национализации торговли и промышленности, по пути закрытия местного оборота. Было ли это ошибкой? Несомненно». Это было ошибочным изначально, поскольку «военный коммунизм» как принцип коммунистического равенства содержал противоречие в себе самом. Как мера социально-экономическая, он стремился преодолеть противоречия частной собственности, но поскольку упразднение последней «отнюдь не является подлинным освоением ее» (по Марксу), постольку оно явилось по существу априор-

¹ ЦГАОР. Ф. 393. Оп. 10. Ед. хр. 69. Л. 63-63.

² Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 44. С. 223.

ным отрицанием ее возможностей в развитии потребностей индивидов и одновременно признанием некоего ограниченного среднего уровня потребностей, т. е. их нивелирования. Как мера социально-политическая, «военный коммунизм» стремился к «развязке» проблемы отчуждения, но так как его основной принцип – разверстка – мог реализоваться только посредством жестких принудительных мер, он эту проблему в известном смысле усугубил.

Нэп как осознание необходимости освоения «положительной сущности частной собственности» просуществовал недолго, «разомкнув» экономический оборот и вызвав к жизни новый вид бюрократизма и новый тип бюрократа. Нэпман стал зловещей фигурой, особенно в контексте так называемого «обострения» классовой борьбы, а нэп стал отторгаться системой сугубо государственного социализма, поскольку «вырывал» из этой системы элементы, необходимые для поддержания ее статус-кво. Последовавшие затем индустриализация и коллективизация ввиду опять-таки несопоставимости целей и методов их достижения, отодвинули реализацию идеи о «строе цивилизованных кооператоров» (воплощенному демократизму) на неопределенный срок. Затем наступает безвременье, которое означало, вопреки всем официальным прогнозам, перерастание диктатуры пролетариата (или рабоче-крестьянского государства с бюрократическим извращением) в диктатуру бюрократии (или завершенность государства, «ставшего гражданским обществом»).

Период перестройки обещает стать временем осознанных действий по демонтажу сложившейся общественной структуры в той степени, каковая позволит человеку стать действительным субъектом исторического процесса, устранив извечное «недоверие ко всему государственному», поскольку последнее становится производным от его (человека) собственных сил. Но здесь необходимо, на наш взгляд, избегать прямолинейности в сопоставлении бюрократии и демократии, т. е. признания их безусловными антиподами друг друга и сведения на этом основании радикального решения проблемы дебиюкратизации общества к реализации идеи демократического правового государства. Во всяком случае следует

вспомнить ленинскую мысль о том, что означает демократизм, «взятый отдельно», и всякий раз возвращаться к ней, дабы принятие социально значимых решений не оборачивалось очередной «практической иллюзией».

Национализация выступила актом сугубо демократическим, ибо означала переход собственности от меньшинства к демократическому организованному в государство большинству. При этом предполагалось, что «в жизни демократизм никогда не будет «взят отдельно», а будет «взят вместе», оказывать свое влияние и на экономику, подталкивать ее преобразование, подвергаться влиянию экономического развития и т. д.».¹

Однако в жизни национализация стала только политической предпосылкой действительного экономического роста, т. е. демократизмом, «взятым отдельно», безотносительно к необходимости подлинного освоения материальных предпосылок социализма, коего (освоения) «сплошная» национализация не обеспечивала; безотносительно к необходимости универсального развития потребностей индивидов, которое стало невозможным в силу одномерного развития социалистической собственности в качестве государственной собственности. Отнюдь не случайно с началом нэпа В.И. Ленин вновь и вновь указывает на необходимость немедленного перехода от политической трескотни по поводу коммунистических идеалов к серьезнейшему изучению опыта образцовой постановки хозяйства. Выступая на XI съезде РКП(б) в марте 1922 г. В.И. Ленин говорил: «Проверка нужна настоящая. Рядом действует капиталист, действует грабительски, берет прибыли, но он умеет. А вы – вы по-новому пробуете: прибылей у вас нет, принципы коммунистические, идеалы хорошие, – ну, расписаны так, что святые люди, в рай живыми проситесь, – а дело делать умеете?».² «Дело делать» не умели, отчасти ввиду «детской болезни «левизны» в коммунизме», отчасти – из-за отсутствия необходимого культурного уровня, который «компенсировался» советской слабостью «наклеивать ярлычки на

¹ См.: Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 33. С. 79.

² Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 79-80.

каждое новое дело и каждое новое учреждение»,¹ пустейшим «производством тезисов» или высасыванием из пальца лозунгов и проектов,² писанием регламентов, правил, инструкций государственному капитализму и кооперации,³ т. е. все той же заботой о чистоте коммунизма, демократизмом, «взятым отдельно».

Умения «дело делать» недостает и сегодня, вновь по фактически аналогичным причинам. Во всяком случае и сегодня мы не можем говорить о том культурном уровне, которому соответствует универсальная развитость потребностей индивидов (развитие у нас получила иная – административная традиция). И сегодня живет стремление к однозначности идеологических оценок предстоящего социального сдвига, которое можно обозначить формулой: «ни шагу назад!». Ни шагу назад в капиталистическое прошлое, которое дало миру законченную форму человеческого самоотчуждения; это – пройденный этап. Верно, но лишь отчасти. В то же время старомодно. Не все верно в нем. А потому здесь необходимы существенные коррективы.

Во-первых, признание де-факто государственно-бюрократического социализма у нас в стране есть признание де-факто принципов «грубого коммунизма», который (по Марксу) выступает как «всеобщая частная собственность». «...Коммунизм, – писал К. Маркс, – уже мыслит себе как реинтеграцию или возвращение человека к самому себе, как уничтожение человеческого самоотчуждения; но так как он еще не уяснил себе положительной сущности частной собственности и не постиг еще человеческой природы потребности, то он тоже еще находится в плену у частной собственности и заражен ею».⁴

Во-вторых, капитализм, порождая всеобщее отчуждение, создает систему «универсальных отношений, всесторонних потребностей и универсальных потенций», т. е. предпосылки общества универсально развитых индивидов.⁵ Опыт современных развитых стран Запада есть своего рода школа подлинного

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 41. С. 398.

² См.: Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 42. С. 339.

³ См.: Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 43. С. 233.

⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 42. С. 116.

⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 46. Ч. 1. С. 101.

освоения этих предпосылок, школа, в которой мы еще не «учились». Вспомним тезис В.И. Ленина, в котором указывается на связь бюрократизма с капиталистической неразвитостью России: «... нам грозит стихия мелкобуржуазного разгильдяйства, которая больше всего историей России и ее экономикой подготовлена...».¹

Есть ли необходимость сегодня для нас пройти эту школу? Безусловно. Весь вопрос в том, каким образом, т. е. в каких пределах. Большинство склоняется к тому, чтобы ограничить эти пределы конституирующими принципами социализма, поскольку иное как будто бы может привести к необратимому процессу воспроизводства всех, чуждых социализму, реалий буржуазного способа производства. Обязательным условием признается децентрализация собственности (как государственной, так и иных признаваемых ныне форм социалистической собственности) в той мере, каковая не допускает по существу представительство частной собственности, следовательно, нежелательное социальное расслоение и т. п. моменты. Одновременно предполагается демократизировать политическую надстройку, создать правовой механизм реализации интересов самых различных уровней.

Необходимость сохранения и дальнейшего развития общественного характера собственности не вызывает сомнений, поскольку частный обмен всех продуктов труда, способностей и деятельностей противоречит свободному обмену индивидов, ассоциированных на основе совместного владения средствами производства и совместного контроля над ними.² Но возникает вопрос: как в рамках общественной собственности освоить «положительную сущность частной собственности?» В.И. Ленин в 1918 г. говорил о возможности «введения» государственного капитализма. Реализация этой идеи во времена нэпа обернулась для страны значительными экономическими результатами. Однако сегодня специалисты говорят о неэффективности в существующей социально-экономической ситуации замены государственного социализма государственным капитализмом и предлагают переход к новой, более

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 36. С. 255 – 256.

² См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 46. Ч. 1. С. 102.

зрелой, «послегосударственной» форме социализма на базе негосударственных или полугосударственных форм реализации общенародной собственности.¹

Отрицать в принципе возможность внедрения тех или иных форм (включая частную собственность в известных пределах) вряд ли целесообразно, хотя бы потому что для социализма как экономической системы задача определения места в мировом разделении труда чрезвычайно актуальна. Во всяком случае необходимость обсуждения самых различных вариантов разгосударствления собственности очевидна.

Нам же представляется важным выделение некоторых аспектов проблемы. Мы определились в том, к чему стремимся. Мы стремимся создать такой базис (богатство), который был охарактеризован Марксом как «возможность универсального развития индивида». Но для этого (по Марксу) необходимо, «чтобы полное развитие производительных сил стало условием производства, чтобы определенные условия производства не являлись пределом для развития производительных сил».² Долгие годы критерием социалистичности нашего общества мы признавали набор конституирующих его формальных принципов, «взятых отдельно». Но к ним не может сводиться сущность нового строя, поскольку она определяется более развитой в сравнении с капитализмом универсальностью «реальных и идеальных» отношений индивида. Последняя и должна служить действительным критерием социалистичности нашего общества и соответственно ориентиром нашего движения. И если те формы деятельности, которые хотя и заимствованы у капитализма и противоречат в известном смысле формальным принципам социализма, но реально продвигают нас к искомой универсальности, должны использоваться в той мере, которая противостоит как идеологической предубежденности «жрецов» социализма, так и монополии вещной зависимости. К ней нельзя относиться как к пороку, сводящему на нет все наши социалистические усилия. Марксизм определяет ее как необходимую ступень, на которой достигается известное

¹ Радаев В., Аузан А. Социализм: возможны варианты // Вопросы экономики, 1989, №9. С. 118.

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 46. Ч. II. С. 35.

постижение «человеческой природы потребности». При этом марксизм исходит из предпочтительности вещной связи «отсутствию всякой связи» или «локальной связи, основанной на самом тесном кровном родстве или на отношениях господства и подчинения».¹ Одним словом, в центр дискуссии о возможных преобразованиях в сфере базисных отношений (тем более в центр практической деятельности) должен быть положен реальный индивид с его потребностями и интересами, как действительный принцип социализма, предполагающий движение к универсально гуманистическим связям.

В апреле 1921 г. В.И. Ленин писал: «Именно потому, что от теперешнего экономического положения России нельзя идти вперед, не проходя через то, что обще и государственному капитализму, и социализму (всенародный учет и контроль), пугать других и самих себя «эволюцией в сторону государственного капитализма» есть сплошная теоретическая нелепость».² И сегодня аксиоматичным является то, что от нынешнего экономического положения идти прямолинейно вперед нельзя, следовательно, известная «эволюция в сторону государственного капитализма» не есть посягательство на социализм, но есть условие, необходимое для того, чтобы «войти в дверь социализма». «Неужели не ясно, — писал В.И. Ленин, обосновывая необходимость нэпа, — что в материальном, экономическом, производственном смысле мы еще в «преддверии» социализма не находимся? И что иначе, как через это, не достигнутое еще нами, «преддверие», в дверь социализма не войдешь?».³

В этой связи радикальная перестройка в сфере базисных отношений представляется необходимой постольку, поскольку иначе подчинить логику сугубо государственного развития логике гражданского общества невозможно. Иначе демократизм, как условие преодоления государственно-бюрократического социализма, будет «взят отдельно». А демократизм, «взятый отдельно», есть «забота» о форме государства безотносительно к его содержанию, следовательно, «противоречие

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 46. Ч. I. С. 105.

² Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 43. С. 212.

³ Там же. С. 213.

в себе самом». И как таковой он всякий раз воспроизводит господство принципа иерархии, жизненного принципа бюрократии, для которой «мерзости гражданской жизни» составляют ее собственную естественную основу.

Демократизм, «взятый вместе», т. е. в связи с изменением отношений более глубокой «почвенности», как действительная предпосылка экономической эмансипации, означает известный «разрыв» с государством, необходимый для реализации принципа ассоциации, жизненного принципа гражданского общества.

СОЮЗНЫЙ ДОГОВОР: БЫТЬ ИЛИ НЕ БЫТЬ?

Сегодня острота проблемы заключается не в том, что нужен или не нужен Союзный договор. Республики, за отдельными исключениями, осознают безусловную необходимость его скорейшего заключения. Каким должен быть Договор, как в нем будут решаться взаимоотношения и разграничения полномочий центра и республик в основных сферах деятельности и политики, как сделать и центр сильным, и республики суверенными и сильными – главные вопросы, по которым расходятся мнения. Разработка и поиск оптимальных решений этих вопросов – задача неотложная и непростая.

Реальность

В последние месяцы чаще заговорили о «сползании» страны в пропасть, что свидетельствует о серьезности обстановки, о надвигающейся катастрофе и необходимости принятия чрезвычайных и эффективных мер выхода из кризиса. Одной из таких мер, если не самой главной, стало заложение основ межреспубликанского соглашения об экономическом и политическом союзе, а при благоприятных на то условиях – подписание Союзного договора. Актуальность этого понимают почти все. Но трудность заключается в том, как осуществить обновление Союза и тем самым сохранить и укрепить его. Будем говорить открыто, есть сомнения, особенно у интеллигенции и части руководителей в союзных республиках: не окажемся ли мы снова в объятиях тоталитарной системы, реализуя призыв о сохранении и обновлении Союза? Такое чувство выражается открыто. 15 декабря минувшего года Центральное телевидение организовало телемост между депутатскими группами Союза ССР, РСФСР, Белоруссии

и Казахстана, в котором участвовал и я. Почти все депутаты говорили о том, что именно такой страх является одним из главных сдерживающих факторов ускорения заключения Договора. Высказывали даже мнение о желательности приглашения представителей ООН на время подписания Союзного договора. Это – крайняя мера перестраховки, к тому же не столь уж реальная, но достаточно объяснимая.

Союзное государство должно быть державным и сильным, поскольку слабое государство не может служить ни защитой, ни покровителем интересов республик и народов. Разногласия происходят из-за двух диаметральных подходов: одни считают, что союзное государство должно иметь столько власти, сколько ему нужно, чтобы быть сильным. На этом основании они требуют от Президента принятия самых крутых мер, в том числе силовых, чтобы обеспечить подписание Союзного договора всеми республиками. События последних дней говорят о том, что эта линия может стать реальной. Другие считают, что союзное государство должно быть сильно в выполнении общенациональных функций, которыми наделяют его субъекты федерации, исходя из интересов страны в целом и суверенных прав каждой из республик.

Надо понять позиции тех и других. Реальность такова, что центробежные силы в Союзе ССР не спадают. «Парад суверенитетов» республик, «войну законов», «бюджетные конфликты» между центром и республиками нельзя объяснять только всплеском эмоций, изоляционизмом, взявшим верх в национальных регионах. Сам «Союз содружества республик» своей многолетней тоталитарной политикой породил активное движение за самостоятельность и суверенные права республик. Попытки снова втиснуть республики в старую модель Союза так же противоестественны, как и силовое отмежевание друг от друга.

В центре доктрины создания обновленного Союза должно находиться всемерное содействие в формировании таких реальных условий в стране, которые обладали бы притягательной силой для республик, и тогда центробежные силы постепенно уступят место новообъединительным, центростремительным. Этого не добьешься в один день, деятельность

всех здоровых, перестроечных сил в обществе должна быть направлена на это. Президентская власть и правительство СССР в этом направлении еще не добились заметного успеха. Возникает даже сомнение относительно их способности разумно влиять на обстановку.

ПРАВОВАЯ КУЛЬТУРА ПАРЛАМЕНТА

Точка зрения

Верховный Совет республики принял ряд важных законов. Предстоит принять еще немало важных, в том числе Конституцию Казахской ССР. Потребность проанализировать законотворческую деятельность проявлялась уже у многих депутатов. И это естественно, ведь формализм, недоработки, торопливость в подготовке и обсуждении законопроектов продолжают иметь место. В этом плане принятие на 6-й внеочередной сессии Верховного Совета Закона «О выборах Президента Казахской ССР» не было исключением.

В ряде республик проведены выборы Президента на основе всеобщего голосования (РСФСР, Грузия, Киргизия, Армения и др.), в других – развернута предвыборная кампания. 16 октября на 6-й внеочередной сессии Верховного Совета нашей республики принят Закон «О выборах Президента Казахской ССР» и объявлен день выборов Президента республики – 1 декабря. Идет выдвижение кандидатов. Это событие имеет историческое и первостепенное значение для наших дней. Избрание первого Президента всенародным голосованием должно вести к усилению и эффективности функционирования всей структуры исполнительной власти, что диктуется современными условиями.

Во время перерывов между заседаниями ко мне подходили журналисты с вопросом: почему недостаточно активны, даже пассивны депутаты при обсуждении законопроекта. Это было заметно. Хотя обсуждение заняло около пяти часов, существенные изменения и дополнения не были внесены. Больше половины времени заняли выступления самого докладчика. Дискуссии по проекту в целом, о его основных положениях

и их мотивации, несмотря на важность вопроса, не проводились. Почему? Попробуем найти причины.

Проект Закона «О выборах Президента Казахской ССР» был роздан депутатам (вернее, вложен в их именные «папки») только накануне обсуждения – за один день. С ним многие не успели ознакомиться. Он готовился внепланово, в спешке. Три месяца тому назад, на 4-й сессии Верховного Совета, идея о выборах Президента республики всеобщим голосованием была отвергнута. О них не шла речь и на расширенном заседании Президиума ВС, состоявшемся в середине сентября, посвященном некоторым вопросам предстоящей сессии Верховного Совета. Теперь признали необходимость проведения выборов Президента. Но готовя закон о них, никто не разработал «сопутствующие» законодательные акты: «О Президенте Казахской ССР», «О внесении изменений и дополнений в Конституцию Казахской ССР». А это крайне необходимо в связи с установлением президентского правления. Кстати, внесенный законопроект о выборах Президента оказался во многом списанным с аналогичного Закона РСФСР – и то не лучшим образом, поскольку некоторые внесенные изменения выглядели субъективными.

Напомню, что статья 121 Конституции Казахской ССР, посвященная Президенту республики, была принята в апреле 1990 года. Она во многом устарела, особенно в части определения объема полномочий Президента, его ведущей роли по вертикали власти и взаимоотношений с законодательной и судебной ветвями властей в новых условиях. И населению, которому предстоит выбрать Президента, и самим претендентам в Президенты необходимо бы заранее знать, что будет представлять эта власть в отличие от уже существующей. Не случайно в РСФСР и других республиках, в которых проводились и проводятся выборы Президента, узаконен его новый политико-правовой статус и внесены в этой связи изменения в конституции республик.

Восполнить этот законодательный пробел придется на будущей сессии Верховного Совета с опозданием.

При постатейном обсуждении наибольшее количество замечаний было сделано по первой статье проекта, которой

определялось, что Президентом может быть гражданин от 35 до 65 лет, постоянно проживающий на территории Казахстана не менее десяти лет и владеющий казахским и русским языками. Соглашаясь в принципе с такой формулировкой, некоторые депутаты считали ее не соответствующей новым реалиям. После того как она была принята и вошла в Конституцию Казахской ССР, произошли большие изменения и был принят ряд принципиально новых конституционных актов, среди которых Декларация о государственном суверенитете Казахской ССР. Не было принято, например, такое предложение: привести в соответствие с декларацией текст проекта о том, что Президентом может быть избран «владеющий казахским и русским языками». Надо было записать: «владеющий государственным языком и языком межнационального общения», что было бы более емким и точным. При этом суть не меняется, но в статусно-правовом смысле принципиально важно такое указание. Такое изменение произведено в законах о выборах Президента во всех бывших союзных республиках. У нас статья осталась «старой».

Основной причиной невосприимчивости сессии к поправкам является, думаю, ориентированность с самого начала разработки проекта закона на незыблемость конституционной нормы.

Старая болезнь казахстанского парламента – мало обращать внимания на внутренние противоречия и несогласованности норм законов. Укажем лишь на один факт. В статье 12 законопроекта сказано: «Выдвижение кандидатов в Президенты Казахской ССР начинается за три месяца до выборов, если иное не установлено при назначении выборов». Очевидно, что концовка нормы сводит на нет сказанное вначале. Согласно статье 8 выборы назначаются Верховным Советом Казахской ССР, его постановлением. Выходит, он может передвигать, изменять сроки выдвижения кандидатов в Президенты. Тогда зачем вообще нужно предусматривать в Законе эти сроки? Разве неясно, что закон, принятый Верховным Советом, может быть изменен только новым законом Верховного Совета, а не постановлением? Замысел разработчиков проекта

просматривался ясно: они хотели установить другие сроки для выборов первого Президента. Для этого случая оставили казусную лазейку. А ведь это можно было вполне законно осуществить, если к статье 8 добавить: «Решения о сроках и по организации выборов первого Президента Казахской ССР принимаются постановлением (лучше – Президиума) Верховного Совета Казахской ССР». Такое дополнение напрашивалось и выдвигалось. Однако оно даже не было поставлено на голосование.

Нереагирование на предложения депутатов, нередко обоснованные, в конце концов обусловило юридическую ущербность принятого Верховным Советом постановления «О выборах Президента Казахской ССР».

Можно было бы отметить и некоторые другие недоработки, снижающие уровень законотворческой деятельности парламента республики. Не нашлось убедительного ответа, почему нужно собрать именно 100 тысяч подписей для выдвижения и регистрации кандидата в Президенты, как в РСФСР. Опыт других республик, установивших для этой цели нормы в 25 и 50 тысяч подписей, остался неизученным.

Под конец работы сессии был внесен не предусмотренный повесткой дня проект Закона об установлении административной и уголовной ответственности за агитацию в день выборов и за оскорбление кандидатов в Президенты, вице-президенты Казахской ССР. Он принят вообще без обсуждения и замечаний. Им устанавливались без меры суровые наказания – лишение свободы и крупные штрафы, обрекающие закон заранее на неэффективность...

Подобные недостатки в подготовке, обсуждении и принятии законов в парламенте республики превращаются в традицию. О них говорилось и раньше. Это отражается на качестве принимаемых законов, а следовательно, и на эффективности их реализации и действия.

Об общих принципах

Опубликованный проект Союзного договора – результат ряда обсуждений. Мне и моим коллегам пришлось на разных этапах участвовать в его подготовке в качестве экспертов, уполномоченных от республики, а также в выработке предложений и концепции Договора, которые были представлены от имени Казахской ССР. Могу сказать, что проект в той его части, где изложены основные принципы, отражает мнение большинства союзных республик. Особенно имеют кардинальное значение два взаимосвязанных положения: первое – о том, что «каждая республика – участник Договора, является суверенным государством и обладает всей полнотой государственной власти на своей территории. Союз ССР – суверенное федеративное государство, образованное в результате добровольного объединения республик и осуществляющее государственную власть в пределах полномочий, которыми его наделили участники Договора» (Из преамбулы). Второе: «Республиканское законодательство на территории республик имеет верховенство по всем вопросам, за исключением тех, которые отнесены к ведению Союза. Законы Союза ССР, принятые по вопросам его компетенции, имеют верховенство и обязательны для исполнения на территории всех республик» (статья 9). При последовательном проведении в Договоре этих принципов Союз республик получил бы новую жизнь и вышел бы на столбовую дорожку обновленного развития. К сожалению, они оказались не работающими, не получили отражения в содержательных статьях и нормах проекта Договора. Обновленный Союз по проекту выступает, по сути, как старый, лишь в новом обрамлении. Поэтому не удивляешься тому, что многими союзными республиками он встречен без особого энтузиазма.

Пересмотр разделения властных полномочий Союза и республик, основанного на признании их суверенитетов, – оселок, на котором проверяется ценность всей словесной и законодательной риторики. Именно в этом вопросе проект дает

«сбой», по сути, сохраняя старое положение. Нет в нем ясного разграничения того, что относится к ведению Союза и федеральных учреждений, что относится к ведению республик, какие функции и полномочия составляют содержание совместной их деятельности. Статей, посвященных каждому из этих вопросов, в проекте нет. Даны лишь «полномочия Союза» (статья 5).

А как представляются полномочия Союза? По существу они немногим отличаются от прежних. Нетрудно в этом убедиться, сравнив статью 73 действующей Конституции СССР, закрепляющую монополию власти центра, и статьи 5, 7 и 8 проекта Союзного договора, в которых идет речь о полномочиях Союза. Возьмем социально-экономическую сферу. По Конституции к ведению Союза ССР отнесены: проведение единой социально-экономической политики; разработка и утверждение единого государственного бюджета, руководство единой денежной и кредитной системой; установление налогов и доходов, поступающих на образование государственного бюджета; разработка и утверждение планов экономического и социального развития СССР и др. По проекту Договора к полномочиям Союза отнесены: определение совместно с республиками экономического развития страны и основ социальной политики, создание условий для развития общесоюзного рынка; проведение единой финансовой, кредитной и денежной политики; составление и исполнение союзного бюджета, установление союзных налогов и сборов. Как видно, полномочия центра в социально-экономической сфере так же необъятны, как и прежде. Что касается такого «новшества», как упоминания о том, что некоторые важные функции Союза осуществляются «совместно с республиками», то оно не будет играть существенной роли в сдерживании монополизма федеральных органов, так как, во-первых, функция «совместно с республиками» не отличается от старой практики «согласования с республиками». Во-вторых, и прежде существовали, и ныне существуют наряду с общесоюзными и союзно-республиканские министерства, и государственные комитеты, в рамках которых центр выступает «совместно с республиками», а на самом деле согласно ста-

ть 135 Конституции их деятельность направляется тем же центром.

Неоцентрализм ясно просматривается и в вопросах собственности. В проекте Договора признается, что «республики являются собственниками земли, ее недр и других природных ресурсов на своей территории, а также государственного имущества, за исключением той его части, которая необходима для осуществления полномочия Союза ССР». В то же время в нем указано, что «регулирование законодательством республик отношений собственности на землю, ее недра и другие природные ресурсы не должно препятствовать реализации полномочий Союза» (статья 7). А что означает это на деле? В Казахской ССР, например, более 17 млн. гектаров земли занято под нужды Министерства обороны СССР, более 90 процентов индустриального потенциала с его капиталом и имуществом принадлежит союзным предприятиям. Они, стало быть, находятся вне пределов власти республики.

Не случайно то, что в Договоре не дается перечисление союзных органов правления – федеральных министерств и ведомств. В Союзном договоре 1922 года оно содержалось. Не кроется ли за этим стремление сохранить и узаконить в неизблемости или подобновленном виде структуру центральной власти? Такое опасение имеет достаточно оснований, поскольку разграничение полномочий Союза и республик, служащее основой структурной схемы власти, проведено обще.

Многие надеялись, что решения четвертого Съезда народных депутатов СССР станут новой точкой отсчета в скорейшем заключении Союзного договора. Сегодня трудно сказать, стали ли они таковой. Скептицизм заметно увеличился, ведь документы, принятые на Съезде, оказались недостаточно трезвыми и гибкими в контексте сегодняшней ситуации в стране.

На этом же съезде были внесены значительные изменения и дополнения в Конституцию СССР в связи с совершенствованием системы государственного управления. Они отражают, с одной стороны, установление президентской формы правления с новой структурой высших органов в стране и наделение Президента широкими полномочиями, которые, видимо,

необходимы в непростых современных условиях перехода к рыночным отношениям. А с другой стороны, в них возведено в конституционные нормы если не тотальное всевластие, то во всяком случае «либерализованное» всевластие центральных органов. Достаточно сказать, что вновь создаваемый Совет безопасности СССР, на который, наряду с другими обязанностями, возлагается поддержание «надежной государственной, экономической и экологической безопасности», в стране с такой широкой функцией может оказаться выше других органов в аппарате Президента. А Совет федерации, созданный для «координации деятельности высших органов государственного управления Союза и республик» и обеспечения участия «республик в решении вопросов общесоюзного значения» (дополнения к статье 127 Конституции), может оказаться только совещательным органом, не способным контролировать решения Совета безопасности. Кабинет Министров теперь согласно Конституции обеспечивает проведение «совместно с республиками» единой финансовой, кредитной и денежной политики, составление и исполнение союзного бюджета, осуществление общесоюзных экономических и социальных программ и др. (статья 132). Словом, чрезвычайные полномочия по управлению, которыми наделен Президент на определенный период, становятся не временной, а конституционной нормой.

Сохранение за центром командных полномочий по многим важнейшим вопросам сделает ли Союз сильным, остановит ли процесс его распада? Уверенности нет.

Возможные варианты

Еще не решены твердо некоторые важные организационные вопросы подготовки Договора. Каждый раз на встречах представителей союзных республик они поднимаются вновь и вновь. К ним, в частности, относятся вопросы о роли и месте центра на переговорах, об участниках как Союзного договора. По этим вопросам нет еще ясной позиции и у руководства Совета Национальностей Верховного Совета СССР, и у представителей Президентского совета – основных организаторов встреч. То признается за центром роль координатора, то роль равноправной стороны, то руководящее положение на переговорах по подготовке Договора. Самая последняя встреча в Москве в минувшем году уполномоченных экспертов союзных республик (в середине декабря) не была исключением.

Для центра Союзный договор – вопрос жизни. В то же время республики заключают договор о союзе между собой, но не с центром. Отсюда и общая заинтересованность, и противоречивость. Центр обладает возможностями использовать престиж всесоюзной власти не только в организационных делах. Это преимущество существующей федерации при определенных рамках может положительно влиять на обеспечение подготовки и заключения нового Союзного договора. В то же время оно может легко перерасти и в диктат сверху, что следует иметь в виду. Было бы разумно, если республики полагались на сложившиеся институты и использовали их для создания нового, обновленного Союза.

Во всех случаях центр должен выступать в роли координатора, консультанта. В то же время Союзный договор – дело самих республик.

Другим спорным и до конца нерешенным организационным и политическим вопросом является определение участников Союзного договора. Речь идет об образующих субъектах союзного федеративного государства. До сих пор таковыми являлись союзные республики. Но сегодня возникла неопределенность, наметились четыре различных подхода:

1) по известному Закону «О разграничении полномочий Союза и субъектов федерации», принятому Верховным Советом СССР, субъектами союзного государства признаны, наряду с союзными республиками, и автономные республики, многие из которых за последние годы провозгласили себя «республиками»; 2) в подготовке и подписании Союзного договора как равноправные партнеры участвуют все республики и все автономные образования; 3) проводится идея о том, что субъектом всесоюзной федерации могут быть и отдельные этнические группы, компактно проживающие на территории той или иной республики; 4) только союзные республики являются образующими субъектами Союза ССР, а следовательно, на их ответственности лежит подготовка Союзного договора, и он может быть ими подписан. Что касается автономных республик, то они согласно Конституции находятся в составе союзных республик (статья 82), могут принимать участие в подготовке Договора и подписать его, будучи в составе союзных республик. Его положение о том, что «Республики – участники Договора входят в Союз непосредственно либо в составе других Республик, что не ущемляет их право и не освобождает от обязанностей Договора» (статья 1), может быть растолковано довольно широко. Видимо, авторы проекта сознательно оставляют простор. Это нельзя считать случайным упущением.

Главное в Союзном договоре - это отношение по формуле «республики – центр – республики». Иначе говоря, с одной стороны - четкое разграничение полномочий в рамках законодательной, исполнительной и судебной властей между федеративным Союзом и республиками, а с другой – создание механизма прямой и обратной связи, их взаимной ответственности и сбалансированности осуществления ими внешней и внутренней политики. Это – сложнейшая задача. Пришло время «добровольности» объединения республик в Союз и принцип наделения республиками Союза достаточно необходимыми полномочиями, чтобы Союз был и державным, и сильным; из лозунгов и пропагандистских деклараций превратить в жизненную, работающую на пользу общества общность. Основная тормозящая сила на этом пути – имперские

устремления центра, остающиеся еще влиятельными в общегосударственной политике.

Многое зависит от того, какой будет характер и объем власти центра, скажем, на переходном этапе к рыночной экономике. Думается, что центр, кроме прямых функций обороны страны и обеспечения внешней и внутренней безопасности, международных контактов и соглашений, должен стать преимущественно координирующим управляющим и командующим.

Только те сферы экономики, народного хозяйства и социальной жизни общества, что требуют общенационального руководства и регулирования, должны находиться в ведении Союза. При этом существенно сократится и число министерств, других федеральных учреждений, в которых заняты сотни тысяч квалифицированных работников.

Наиболее приемлемым способом ослабления и прекращения «войн – законов», за которыми стоят национальные интересы, является незамедлительное разграничение законодательных полномочий Союза содружества республик. Чем скорее будет понято это, тем быстрее можно овладеть ситуацией. Поэтому до подписания Союзного договора надо пройти путь заложения его основ в виде заключения последовательных отдельных соглашений между союзными республиками, между ними и центром по неотложным общенациональным вопросам, скажем, в области экономических связей, общесоюзного рыночного пространства. Начинать заключение Союзного договора надо с решения по частям комплекса кардинальных проблем, обеспечивающего создание обновленного Союза свободных республик.

ИМЕНЕМ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН
Разъяснение к Закону

Укрепляя суверенитет

Законотворчество – дело нелегкое, тем более для вновь организованного государства, не имевшего опыта в этой сфере, каковым является Казахстан.

Это, однако, не может служить оправданием недостатков законов, нередко принимаемых Верховным Советом республики, которых вполне можно было не допустить. Они ослабляют эффективность и применение закона, а иногда создают настоящую путаницу. Приходится давать дополнительные разъяснения и толкования, чтобы только «свести» концы с концами в законе и облегчить его правильное понимание.

Такое произошло с Постановлением Верховного Совета республики от 10 декабря 1991 года «Об изменении наименования Казахской Советской Социалистической Республики». В пункте 2 было сказано, что в связи с переименованием Казахской ССР в Республику Казахстан «внести соответствующие изменения в Конституцию (Основной закон) Казахской ССР, в Декларацию Казахской ССР о государственном суверенитете и в другие акты государственных органов». По прямому смыслу этого положения Конституция Казахской ССР впредь должна была называться Конституцией Республики Казахстан, и все Указы Президента и Постановления Кабинета Министров, принятые в прошлом – в бытность Казахской ССР, также должны были теперь именоваться актами Республики Казахстан.

Такая «законная» установка с правовой, теоретической и логической точек зрения просто была ошибочной. Она на практике могла породить немало недоразумений. Законы и нормативные акты во времени и пространстве определены и конкретны. Можно внести изменения и дополнения в их содержание, отдельные нормы. А чтобы изменить «реестрные

титулы», т. е. время и место принятия Закона в целом, его надо принять заново и переопубликовать. Это означает, что Конституция, принятая в 1977 году, остается Конституцией Казахской ССР, хотя республика и изменила свое наименование. Такое правило незыблемо и по отношению к другим нормативным актам.

Как следовало ожидать, возникли неясности и обоснованные вопросы: именовать ли законы, принятые до 10 декабря 1991 года, законами Республики Казахстан при ссылке на них? Как быть при переиздании текста Конституции, ее частей, оставить ли за органами зафиксированные в законе названия как органов Казахской ССР?

Спихватились только спустя месяц. Было мнение отменить новым законом вообще статью 2 указанного выше закона. После ряда обсуждений родилось Постановление Верховного Совета от 14 января 1992 г. «Об официальном толковании статьи 2» указанного закона. В нем сказано, что законы и другие акты органов власти и управления, принятые до 10 декабря 1991 г., то есть до изменения наименования республики, сохраняют свое наименование и текстуальное содержание, если в указанные акты не внесены изменения в соответствующем порядке. И что изменение наименования республики распространяется на законодательные акты, изданные после 10 декабря 1991 года. Однако данное толкование закона не сняло ряд дискуссионных вопросов, имеющих немаловажное практическое значение. На двух из них желательно остановиться особо.

Вопрос первый. Как быть с названиями министерств, государственных комитетов, поскольку положения о них приняты до изменения наименования республики и нет официального акта о переименовании их из органов Казахской ССР в органы Республики Казахстан? На этот вопрос следует ответить следующим образом. С изменением наименования государства все его органы автоматически перенимают новое наименование как структурные части этого государства. Так, Кабинет Министров становится правительством Республики Казахстан, другие центральные органы, например – министерствами, государственными комитетами Республики Казахстан, без каких-либо на то новых законодательных актов.

Вопрос второй. Как поступить судам, решения которых основаны на Конституции и других законах Казахской ССР? Выносить ли приговоры и решения именем Казахской Советской Социалистической Республики или Республики Казахстан? Вопрос этот стал особенно актуальным после прецедента – решения Конституционного суда Российской Федерации от 14 января 1992 г., принятого по поводу конституционности Указа Президента России «Об образовании Министерства безопасности и внутренних дел РСФСР». Конституционный суд принял свое решение именем Российской Советской Федеративной Социалистической Республики, хотя парламент до этого принял Закон о том, чтобы впредь она именовалась Российской Федерацией (Россией). Такое решение Конституционного суда по форме является, мягко говоря, спорным.

Во-первых, Конституционный суд, хотя и суд особый, высший, входит в систему механизма государства, не находится ни над государством, ни вне государства. Он есть Конституционный суд Российской Федерации, хотя был образован до изменения наименования республики. Во-вторых, нельзя государственным органам выносить любое свое решение именем государства, которого нет. Такое решение, повернутое в историческое прошлое, считалось бы во времени и пространстве «ходом назад», что ненормально. В-третьих, обоснование тем, что Конституционный суд действует на основании Конституции РСФСР и рассматривает дела о несоответствии этой Конституции, не означает, что и сам государственный орган существует в прошлом.

Ведь не только Конституционный суд, но и все другие органы также руководствуются Конституцией и строят свою деятельность в соответствии с ее положениями. Конституция РСФСР, поскольку она действует, является Конституцией Российской Федерации, задействованной в ее интересах сегодня и на будущее. Нелогично и в правовом смысле неудачно придание законной силы «живой» жизни тому, что оживить нельзя. Только их рациональный опыт достоин подражания. Судебные органы Казахстана, низовые и высшие их инстанции, должны выносить свои решения только именем Республики Казахстан. Таково мое видение вопроса.

**ИЗ ВЫСТУПЛЕНИЯ НА СЕССИИ ОБЩЕГО
СОБРАНИЯ АКАДЕМИИ НАУК РЕСПУБЛИКИ
КАЗАХСТАН**

В наше невыразительное, «серое» время и судьба науки становится плачевной, безрадостной. Разрыв в системе и связях науки, складывающихся десятилетиями в бывшем Союзе, привел к ее разброду, нестабильности. Общество и его органы в настоящее время больше всего озабочены проблемами, как выжить и как с меньшими жертвами выйти из кризиса. Поэтому сегодня обществу, можно сказать, не до науки, хотя сознание о том, что без науки общество не имеет перспективу развития, еще живо.

И в то же время, требуя от правительства большего внимания к себе, наука не может стоять в стороне от происходящих процессов. Обладая мощным научным потенциалом, Академии наук необходимо усилить свое «вмешательство» в происходящие процессы в интересах оптимизации путей и методов решения непростых задач современности. Если говорить более конкретно, академия должна, во-первых, «подпереть» разваливающееся общество, своими исследованиями и обоснованными рекомендациями внести в него начала разумности, эффективного управления; а во-вторых, предпринимать энергичные меры, чтобы самой академии не расколоться на части, не потерять свой авторитет в научном мире.

При всей нестабильности нельзя не видеть некоторые положительные явления в академической науке. Создание восьми новых институтов в последние два года потребовало немалых усилий со стороны руководства академии. Много энергии было потрачено на более или менее положительное решение проблемы финансирования фундаментальной науки. Последние выборы новых членов академии проходили более организовано и ответственно. Заметно улучшилась «штабная» научно-организационная работа в Президиуме Академии наук.

Вместе с тем за последние годы стали заметными и негативные явления как внутри академии, так и со стороны – в отношениях к деятельности и статусу Академии наук. При более оперативной и плановой работе руководства академии можно было бы устранить многие из них.

Выскажу несколько критических замечаний в адрес отделений наук, Президиума академии, а также внесу предложения, направленные на повышение престижа науки и Академии наук.

1. Перестройку надо продолжать, и не только в верхнем звене управления наукой (в аппарате Президиума), но и в научно-исследовательских институтах, во многих из которых остаются традиционно сильными консерватизм, «цеховщина», «старые авторитеты», тормозящие продвижение способных молодых ученых. Возможно, пребывание директоров институтов на их посту надо ограничить двумя сроками, чтобы обеспечить приток свежих сил в руководство.

2. В академии директора институтов стали почти бесправными. В результате неправильных установок, исходивших в прошлые годы от Президиума, их лишили возможности распоряжаться денежными средствами института, регулировать их использование, исходя из интересов науки. Денежными кредитами теперь командуют заведующие отделами, лабораториями. У директоров отобрали и транспорт, лишив их мобильности. Все перечисленные факторы негативно отражаются на руководстве институтами.

3. Исходя из того, что теперь в связи с распадом Союза и Академии наук СССР институтам самим приходится определять уровень исследований, следовало бы подумать о периодической экспертной оценке их научных направлений, тематики с тем, чтобы соизмерять планы и результаты исполнения с высокими (возможно, и мировыми) научными стандартами. В такую экспертную комиссию следует приглашать компетентных своих и крупных зарубежных ученых.

4. Многие службы и подразделения хозяйственно-материального обслуживания и обеспечения научно-исследовательских институтов по сути перестали выполнять свои пря-

мые функции. Так, издательство «Гылым», автобаза, можно сказать, перестали обслуживать институты.

Управление делами не следит за состоянием Главного корпуса академии. Молодые специалисты, прибывшие по распределению из вузов, не прописываются, аспиранты месяцами не устраиваются в общежитие (хотя имеют направления), строительство столовой в Главном корпусе затягивается на многие годы и др. В результате плохого обслуживания научно-исследовательских институтов со стороны хозяйственно-снабженческих подразделений престиж науки заметно снижается.

5. Следовало бы отделениям наук и Президиуму академии энергичнее включаться в процессы, происходящие в сфере науки в Республике Казахстан:

а) создание отраслевых академий, а их становится много, происходило и происходит без согласования с Академией наук республики;

б) Академия наук не принимала активного участия в верхах при определении судьбы и будущей ведомственной принадлежности многочисленных научно-исследовательских учреждений союзного подчинения, перешедших теперь под юрисдикцию республики. Между тем Сельскохозяйственная академия «присвоила» 18 бывших союзных институтов с их относительно богатой материально-технической базой, часть которых впоследствии будет сокращена;

в) отделения и Президиум академии, по существу, перестали заниматься координацией фундаментальных исследований в республике, всецело увлеклись «региональными исследованиями», обеспеченными средствами, но во многих случаях не имеющими фундаментального значения;

г) создание базовых высших учебных заведений, в том числе и университета, тесно связанных с подготовкой кадров для академической науки, находится еще на уровне проработки.

6. Трудно объяснить почти безразличное отношение руководителей институтов, членов отделений наук, да и Президиума академии к законопроекту «О науке и научно-технической политике», за подготовку которого была ответственна

академия, и находившемся в «работе» в учреждениях академии в течение почти целого года. Этот жизненно важный документ для науки обсуждался в институтах и отделениях формально. Это привело к тому, что первоначальная сырая заготовка с внесенными представителями отраслевых академий «ведомственными» поправками, направленными на понижение роли Академии наук, была вынесена на утверждение сессии Верховного Совета. Законопроект предусматривал следующие положения:

- приравнивание статуса Академии наук республики к статусам отраслевых академий;

- лишение Академии наук республики ее функций по координации хотя бы приоритетных фундаментальных наук и попытка ограничить эту задачу академии в основном общественными науками. Каждая отраслевая академия сама должна была координировать фундаментальные науки в сфере своих научных интересов. Это только раздробило бы крупные исследования;

- выдвигалось предложение о создании трех параллельных республиканских органов управления наукой – Госкомитета, Высшего совета по науке, Республиканского фонда науки;

- признание научно-исследовательских институтов собственниками своего движимого и недвижимого имущества.

Только в ходе обсуждения законопроекта на Верховном Совете удалось с трудом внести некоторые изменения в указанные положения и в какой-то мере отстоять престиж Академии наук как центра фундаментальных исследований в республике. В целом Закон о науке оказался не совсем удачным.

7. То, что вопрос о преобразовании СОПСа обсуждается и длится более полгода, не свидетельствует об оперативности в работе Президиума академии.

8. Надо, чтобы упразднение должностей академиков-секретарей отделений и поручение вице-президентам возглавлять отделения не вело к скрытому восстановлению старого звена путем введения заместителей (или по распределению членов Президиума) вице-президентов в отделениях.

9. В институтах общественных наук, связанных с проблемами экономических, социальных и политических преобразо-

ваний в республике, перестройка деятельности, планов, поворот к запросам общества осуществляется еще недостаточно. Институты экономики, государства и права, философии не выступают в роли научных коллективных экспертов по их проблемам в условиях происходящих крупных реформ в обществе.

10. Руководство академии должно изыскать возможности для создания рабочих условий во вновь созданных институтах, в частности для Института государства и права, исследования которого постоянно актуализируются.

Высказанные замечания не умаляют отдельные положительные сдвиги в научно-организационной и других сферах работы руководства и аппарата Президиума Академии наук. Они нацеливают на необходимость более оперативной и оптимальной их деятельности в трудных условиях как для общества, так и для науки.

ИЗ ДАЛЬНИХ СТРАНСТВИЙ ВОЗВРАТЯСЬ

Недавно в печати опубликован Закон Республики Казахстан об иммиграции, и мы попросили прокомментировать эту проблему и сам закон известного депутата, академика АН Республики Казахстан С.З. Зиманова, который был председателем комиссии Верховного Совета республики по разработке проекта этого документа.

– Салык Зиманович, очевидно, был вопрос о причине принятия Закона о въезде – коли в других государствах есть такие законы. Казахстан теперь суверенное государство...

– Да, и кстати, мы первыми среди других бывших республик Союза приняли специальный Закон об иммиграции. Около года тому назад в Молдове и Эстонии были приняты законы о миграции населения. В них имеются разделы, посвященные вопросам иммиграции. В первых начальных актах многие вопросы о беженцах, их приеме не рассмотрены. В прежнем Союзе вообще ведь не было закона об эмиграции. Только буквально уже перед самым его распадом был принят Закон о въезде и выезде. Было государство – целое, державное, в котором выезды были сильно ограничены, въезд в условиях «железного занавеса», к каждому иностранцу относились с подозрением. О безвизовом выезде и въезде не было и речи, и об открытых границах или о прозрачных узлах в некоторых местах этих границ.

– Тем не менее границы в том и ином направлении все-таки иногда пересекались...

– Конечно, процессы въезда и выезд были, но регулировались они ведомственными актами – инструкциями и прика-

зами МВД, КГБ, в редких случаях – постановлениями Совета Министров. И в России до сих пор нет специального закона об иммиграции. Правда, в ее парламенте не раз поднимался вопрос и разработаны документы на уровне постановления правительства. Приняты указы Президента о беженцах. Я повторяю, мы можем гордиться, что первыми его приняли.

– Очевидно, к этому подтолкнула практическая необходимость – что из Монголии некоторые уже перебрались в районы столичной области.

– Да, после объявления независимости государства – Республики Казахстан, принятия до этого Декларации о суверенитете, в республику стали поступать запросы, особенно из Монголии, Китая, Турции, Индии, а также из европейских стран – деловые, семейные, индивидуальные. Речь в них идет о возможности переселения. Многие писали, что перекочевали из Казахстана еще перед революцией, в 1916 году, под прессом царского режима. Но основная масса – те, кто покинул Казахстан во время Советской власти. Они сами, а чаще их потомки хотели бы вернуться туда, где живут их родственники – близкие, дальние. Немало и желающих переселиться в Казахстан из стран СНГ, особенно из Туркменистана, Узбекистана и России.

– Какова статистика по переселенческому вопросу на сегодня?

– В прошлом году в Казахстан вернулись 13 тысяч таких переселенцев в основном из Монголии. Есть из Каракалпакки, Туркмении. Это в массе своей на 95 процентов – казахи, возвращающиеся на землю своих предков... В этом году планировали принять 9 тысяч, но сейчас уже знаем, что будет 11 – 12 тысяч. Наш Президент в течение позапрошлого и прошлого года, неоднократно обращаясь к казахской диаспоре за рубежом, приглашал приезжать в Казахстан, говоря, что мы готовы их принять. И в новогоднем приветствии в конце 1991 года повторил это. Монголия вначале охотно отпускала

людей, без формальностей. И казахи стали переселяться семьями, целыми аулами – сотнями. Но принять прибывших переселенцев, как следует, мы уже не смогли.

Переселенцам внутри СНГ легче: общая, единая пока рублевая зона, можно перевезти имущество, продать его. А тем, кто пересекает настоящие границы, очень сложно – их не пропускают по санитарным соображениям, перевозка имущества ограничена, дома продать – как? Если деньги другие. Как правило, приезжают без ничего и семьями. Некоторые из них хотят жить в своих старых кочевьях. Эти места давно заняты. Более того, специалистов широкого профиля, инженеров, технологов среди них мало. Они в основной массе скотоводы.

– Кто же все-таки занимается обустройством этих людей и на какие средства?

– В 1991 году Кабинет министров принял постановление о необходимой поддержке: на семью единовременное пособие – 2 тысячи рублей. Это – мизерное средство... А в целом предусматривались расходы в 12 – 15 тысяч на переселение. Вопросами переселения занималось и занимается сейчас Министерство труда. Все заботы возложены в этом министерстве на небольшой отдел по вопросам переселения. Этот отдел раньше занимался вопросами внутренней миграции, в основном обеспечением рабочей силой новых объектов, привлечением молодежи, выявлением избытка рабочей силы и т. д. С проблемами внешней миграции до недавнего времени нам сталкиваться не приходилось. Поэтому понадобились законы. Кроме Закона об иммиграции, который мы усердно разрабатывали пять месяцев, необходим еще Закон «О выезде из республики и въезде в республику». Вначале мы пытались разрабатывать его параллельно, но это оказалось сложно. Вопросы о выезде и въезде очень многогранны. Люди едут к нам и выезжают от нас по разным причинам – на учебу, к родственникам, знакомым, по делам, на выставки, соревнования и т. д. Казахстанская граница с государствами СНГ пока остается прозрачной. Отдельные вопросы хозяйственной, деловой

связи с ними будут регистрироваться межгосударственными соглашениями.

– Откровенно говоря, трудно представить, чтобы к нам кто-то захотел переселиться из развитых стран...

– У нас есть обращения в основном, от казахов проживающих в Германии, Швеции, Турции с просьбой предоставить им временный вид на жительство. Эти люди, оторванные в свое время от родной земли по разным причинам, хотят теперь, чтобы их дети имели возможность изучить язык и традиции своего народа, чтобы сын, например, женился на казашке. На льготы они не претендуют как беженцы. А там видно будет, люди сами будут определять, где им жить постоянно... Ведь в соответствии с Международным пактом о социальных и политических правах, принятом в 1968 году, любой человек может свободно переселяться в другую страну и возвращаться обратно к себе на родину – это общий универсальный принцип. Правда, каждое государство самоопределяет, как и в каких формах будет реализовываться это положение.

– По средствам ли нам это ныне – принимать всех желающих?

– Если государство не может принять своих соотечественников, оно считается политическим банкротом. Например, Германия, где избыток рабочей силы, хотела бы, чтобы немцы продолжали жить здесь, однако не отказывает им. В Израиле земли очень мало, но он не отказывает евреям, желающим приехать, – строят города, развивают инфраструктуру, тратят средства за обучение языку, переквалификацию, обучение, получая на это от Америки в наиболее интенсивные годы до 10 млрд. долларов. Так и Казахстан не может отказать соотечественникам, желающим вернуться на родину, – казахам и представителям других национальностей, когда-то жившим здесь. Ведь в 20 – 30-е годы десятки тысяч русских, казачьих семей и т. д. были как кулаки насильственно

выселены из Казахстана. Если они захотят вернуться – добро пожаловать, для них предусмотрены льготы, как для беженцев и репатриантов. В строгом смысле репатрианты – это военные, оказавшиеся в плену, заложники, насильно изгнанные – те категории, которые не сами уехали, а были законом выселены. И таких людей было много как раз среди казахского и неказахского населения, проживавшего в Казахстане. Казахстан, если не осилит сам проблему иммиграции, может обращаться за помощью в региональные и международные организации. Например, при ООН есть верховный комиссар по делам беженцев – это, собственно, целый аппарат сотрудников. Беженцы по нашему закону – это те, кто подвергается за рубежом гонениям и преследованиям по признакам нации, за довольно критические взгляды, политические убеждения. И вторая категория беженцев – те, которые возвращаются на свою историческую родину, хотя не подвергаются преследованиям. Им тоже придается статус беженцев.

Кстати, в России еще полгода тому назад на каждую семью беженца установлено единовременное пособие 75 тысяч рублей плюс на каждого члена семьи – 5 тысяч. На 1 августа там официально зарегистрировано около 300 тысяч беженцев, а всего их, считают, превышает 1 млн. человек.

– На новом месте переселенцам прежде всего понадобится жилье. В законе говорится, что один из вариантов решения этой проблемы – приобретение местными администрациями жилых площадей на договорных условиях у выезжающих из республики лиц. Не ограничивает ли это право частной собственности – продаю, кому хочу, и по свободной цене?

– Как правило, во всех странах, особенно развитых, имеются законы, охраняющие национальное достояние, в том числе жилищный фонд. Даже в Москве сегодня нельзя практически купить дом россиянину – не москвичу. Продать-то можно, но Моссовет установил такой порядок – покупатель оплачивает пошлину, если он не москвич, превышающую стоимость жилья в столицах развитых государств. Все это направлено на

обеспечение жилищных интересов населения региона, а вопрос об интересах государства особый: местные органы власти только сугубо на добровольных условиях, при согласии собственника жилья, могут приобретать жилые дома.

Вопросы иммиграционной политики очень серьезны, во многих странах мира их курирует президент, и у нас это предусмотрено – должно быть создано специальное ведомство, в законе записано, что Президент устанавливает ежегодную квоту на переселение, в которой будут указаны число, места приема переселенцев, определены средства, необходимые для их обустройства, и другие вопросы.

– В статье 18 о предоставлении политического убежища есть такая формулировка – Президент, «если сочтет нужным, может передать дело в специальную комиссию, создаваемую им, или в суд для установления причастности и степени ответственности за общеуголовные преступления лица, получившего политическое убежище в республике». Значит, не от буквы закона, а от доброй воли одного человека будет зависеть судьба другого?

– Прежде эти вопросы решались в ЦК КПСС, предоставляя политическое убежище борцам, преследующимся в основном за коммунистические идеалы. Теперь вопрос предоставления политического убежища решается только Президентом республики. Вопрос о выдаче лица, получившего политическое убежище, в случае обвинения его в совершении общеуголовного преступления, также решается Президентом. Хонеккера обвинили в том, что по его распоряжению расстреливали людей при переходе через Берлинскую стену. Живкова осудили на 7 лет не за политическую деятельность, а за растрату 24 миллионов долларов на личные нужды. Они подозреваются в совершении общеуголовных преступлений. В подобных случаях только президент решает – выдать или нет.

– Не кажется ли вам, что такая формулировка, как в статье 24, пункте 3 – о постоянном виде на жительство –

«может быть предоставлен в виде исключения», – является подарком потенциальным чиновникам-взяточникам?

– Не думаю. Закон должен быть гибким, ведь невозможно учесть все возможные в жизни моменты. Например, знаю одну русскую семью в Куртинском районе – они уезжали в Сибирь и вернулись. Он егерь, говорит: люблю степь, не смог там... Он не представитель коренной национальности, там не преследовался... Такие лица в виде исключения должны получать вид на переселение в Казахстан.

– Почему Закон отказывает в виде на жительство «лицам, освободившимся из мест лишения свободы, постоянное место жительства которых до совершения преступления было за пределами Казахстана» (статья 25), ведь отбывший наказание имеет все гражданские права?

– В наследство от Союза Казахстану досталось немало тюрем и исправительно-трудовых колоний, где продолжают отбывать наказание те, кого прислали сюда из других республик, где были осуждены, вот что имеется в виду. Они должны возвращаться к себе. Исключение может быть.

– Для чего, согласно статье 16, «предприятия, учреждения и организации обязаны информировать иммиграционное ведомство: работодатели – о досрочном прекращении трудового договора с иммигрантами, учебные заведения – о прерывании иммигрантами учебной программы или об их переходе в другое учебное заведение... органы районной (городской) администрации – о досрочном выезде иммигранта с подведомственной им территории»?

– Наблюдение за иностранцами раньше вели другие органы, сейчас их действиями и поведением будет интересоваться наряду с работодателями, местными органами и иммиграционное ведомство. Возможно, они в чем-то нуждаются, а главным образом – чтобы их деятельность не была противоправной, не причиняла ущерб. Переселенцы, до того как

они станут полноправными гражданами республики, нередко будут нуждаться в поддержке и защите.

– Кстати, о трудовой эмиграции. Например, в Америке правительство не может воспрепятствовать приглашению нашего специалиста высокой квалификации университетом или частной фирмой. У нас «вопросы привлечения с условием переселения в республику указанной категории лиц решаются Кабинетом министров». Нет ли тут опасности волокиты – неужели Кабинет министров сумеет вникнуть в каждый случай, оценить по достоинству каждого?

– Речь идет о специалистах в определяющих областях народного хозяйства, приглашение которых из других государств станет необходимым. Переговоры вести и договоры заключать будут, разумеется, ведомства, учебные заведения, а последнее слово принадлежит правительству и его компетентным органам.

– В общих положениях закона сказано, что соотечественники, проживающие за рубежом, могут свободно возвращаться на свою историческую родину – в Республику Казахстан. Между тем закон ставит множество ограничений. Значит, слово «свободно» как бы для красного словца, та самая «осознанная необходимость»?

– Универсальные нормы международных пактов конкретизируются и реализуются через национальные законодательства, учитывающие возможности, реальные условия каждого государства. В Америке, например, для получения постоянного вида на жительство надо пройти 7 лет испытательного срока, в Швейцарии для получения гражданства надо прожить около 20 лет. По нашему закону для получения постоянного вида на жительство надо иметь трехлетний срок пребывания с временным видом на жительство. Это не распространяется на ряд категорий переселенцев. Представители коренной национальности, прибывающие на историческую родину, испытательный срок не проходят,

при их желании им сразу может быть выдано гражданство. Также и соотечественники – неказахи при определенных условиях могут получить постоянный вид на жительство, не проходя испытательного срока.

СОВЕРШЕНСТВОВАТЬ ПЕНСИОННОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО

Ветеранов, пенсионеров в республике сегодня 2 миллиона 700 тысяч человек. Это 15 процентов всего населения и 35 процентов трудоспособного взрослого, подчеркнул председатель парламентского Комитета по делам ветеранов и инвалидов.

Эти люди имеют свое пенсионное законодательство. Но, несмотря на молодость, оно уже с крупными изъянами. Одна из причин в том, что закон во многом копировал бывший союзный и принимался в период популистских настроений наших депутатов и игр в демократию.

Вот только один пример. Пенсионный возраст по нашему закону составляет для мужчин 60 лет, для женщин 55. А во многих государствах с такой же средней продолжительностью жизни соответственно 63 и 58 или 65 – 60. Кроме того, более 40 крупных социальных групп в Казахстане, от скотника и чабана до рабочего по полировке мебели, имеют льготные пенсии, т.е. мужчины уходят на пенсию в 55 лет, женщины в 50.

Таким образом, законодательство создало определенную напряженность: насколько общество способно материально обеспечить этих людей и насколько государство в силах реализовать выполнение соответствующего пункта своей Конституции.

К сожалению, мы далеки от мировых стандартов не только в экономическом развитии. В Международной Хартии Европы, принятой в 1958 году, сказано, что каждый человек, необеспеченный соответствующими средствами, имеет право на социальную медицинскую помощь. Мы же по-прежнему всех уравниваем. В мире правом бесплатного проезда пользуется ограниченное число лиц – инвалиды и участники войн, у нас

же эта армия просто огромна. В связи с этим напомним, что с государственным бюджетом нужно обращаться бережно.

Еще одна проблема, о которой хочу сказать, – необходимость единого закона о социальном страховании. В настоящее время для этого создана специальная комиссия. А нужен закон прежде всего для упорядочения тарифов социального страхования.

Этой проблемой занимаются пенсионный фонд, профсоюзы, Министерство социальной защиты населения. Все они между собой абсолютно не связаны. И еще об одном хочу напомнить. Приближается 50-летие Победы над фашистской Германией. У нас в республике около 270 тысяч участников ВОВ, из них 46 Героев. Эту дату нужно встретить достойно, а о людях, завоевавших для нас свободу, никогда не забывать.

СОДЕРЖАНИЕ

С. З. Зиманов, И. К. Рейтор ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ СОВЕТСКОГО НАЦИОНАЛЬНО-ГОСУДАРСТВЕННОГО СТРОИТЕЛЬСТВА	3
ПРЕДИСЛОВИЕ	5
ГЛАВА I НЕКОТОРЫЕ ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ СОВЕТСКОГО НАЦИОНАЛЬНО-ГОСУДАРСТВЕННОГО СТРОИТЕЛЬСТВА	14
Понятие советского национально-государственного строительства	14
Место национально-государственного строительства в социалистическом развитии советских республик.....	31
Диалектические противоречия в национально- государственном строительстве	41
Укрепление союзных и автономных республик и национальная форма государственности.....	53
Советская национальная государственность и нация	68
ГЛАВА II ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО ЕДИНСТВА СОВЕТСКОГО НАРОДА.....	83
Понятие государственного единства советского народа и вопросы его определения.....	86
Отражение государственного единства советского народа в системе политико-правовых институтов и норм... ..	112
Демократические основы развития государственного единства советского народа.....	132
Форма и функции (механизм) общенародного государства в обеспечении единства советского народа	147

Интернационализация национально-государственной жизни и укрепление государственного единства советского народа	170
--	-----

РЕФОРМА ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ И ЗАДАЧИ УЧЕНЫХ АКАДЕМИИ НАУК КАЗАХСКОЙ ССР.....	218
---	-----

Зиманов С.З., Идрисов К.З. ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ВЗГЛЯДЫ МУХАМЕДЖАНА СЕРАЛИНА.....	229
--	-----

ВВЕДЕНИЕ	231
----------------	-----

ГЛАВА I УСЛОВИЯ ФОРМИРОВАНИЯ ВЗГЛЯДОВ М. СЕРАЛИНА	258
---	-----

Социальное и национальное пробуждение казахского общества в начале XX в.	258
---	-----

Юность Мухамеджана Сералина	269
-----------------------------------	-----

На стыке трех культур	280
-----------------------------	-----

ГЛАВА II М. СЕРАЛИН И ЖУРНАЛ «АЙКАП»	288
---	-----

Основатель и редактор первого национального журнала в Казахстане.....	288
---	-----

Идейная направленность журнала «Айкап»	302
--	-----

ГЛАВА III ПОЛИТИЧЕСКИЕ ВГЛЯДЫ М. СЕРАЛИНА	309
--	-----

М. Сералин в годы революционного движения 1905 – 1907 гг. в России	309
--	-----

М. Сералин о политике царизма в Казахстане	324
--	-----

Просветительские идеи М. Сералина.....	332
--	-----

ГЛАВА IV

М. СЕРАЛИН – УЧАСТНИК СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО СТРОИТЕЛЬСТВА В КАЗАХСТАНЕ.....	351
Накануне Октября и в первые годы Советской власти	351
М. Сералин – активный участник советского строительства в Казахстане.....	360
М. Сералии о В.И. Ленине	369
Последние годы жизни М. Сералина.....	378
О СТАТУСЕ ЯЗЫКА.....	385
С. Зиманов, А. Камназаров ДЕМОКРАТИЯ И БЮРОКРАТИЯ (о переосмыслении ленинского наследия)	392
СОЮЗНЫЙ ДОГОВОР: БЫТЬ ИЛИ НЕ БЫТЬ?.....	404
ПРАВОВАЯ КУЛЬТУРА ПАРЛАМЕНТА.....	407
Точка зрения	407
Об общих принципах	411
Возможные варианты	415
ИМЕНЕМ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН	418
ИЗ ВЫСТУПЛЕНИЯ НА СЕССИИ ОБЩЕГО СОБРАНИЯ АН РК.....	421
ИЗ ДАЛЬНИХ СТРАНСТВИЙ ВОЗВРАТЯСЬ	426
СОВЕРШЕНСТВОВАТЬ ПЕНСИОННОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО.....	435

Салык Зиманов: Полное собрание сочинений. 10 томов.
Алматы. «Медиа-корпорация «ЗАН», 2009. VII том. - 440 стр.

Руководитель проекта:
Сафинов К.Б., проф., д.ю.н.

Руководитель редакционной коллегии:
Майлыбаев Б.А., д.ю.н.

Члены редакционной коллегии:
Раимханов М.С.
Сембеков М.М.
Мухамбедьярова А.Т.
Толегенов К.Ж.

Корректор Байсеитова Б.З.

ТОО «Медиа-корпорация «ЗАН», г. Алматы,
ул. Х. Досмухамедова, 686, (уг. ул. Карасай батыра),
тел. 8 (727) 292-43-43, факс 8 (727) 292-79-61
e-mail: info@zanmedia.kz
www.zanmedia.kz

Подписано в печать
Формат 60x90 /16 . Гарнитура Times New Roman KZ.
Печат офсетная. Тираж 500 экз.
Заказ № 048

Отпечатано в типографии ТОО «Алан-2030»
при содействии типографии ТОО «Медиа-корпорация «ЗАН»

